

- [Карл Май](#)
  - [Глава I. В РОЛИ СЫЩИКА](#)
  - [Глава II. КУ-КЛУКС-КЛАН](#)
  - [Глава III. ЧЕРЕЗ ГРАНИЦУ](#)
  - [Глава IV. ЧЕРЕЗ ПУСТЫНЮ МАПИМИ](#)
  - [Глава V. ОЛД ФАЙЕРХЭНД](#)
  - [Глава VI. В «КРЕПОСТИ»](#)
  - [Глава VII. ТОРГОВЕЦ ПУШНИНОЙ](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Карл Май
Белый брат Виннету

Глава I. В РОЛИ СЫЩИКА

После долгой, изнурительной скачки мы добрались наконец до устья Рио-Боске-де-Начиточес, где, как надеялись, должен был ожидать нас Виннету. Увы, наши надежды на встречу не сбылись и на этот раз. Мы, правда, обнаружили следы недавно побывавших здесь людей, но какие следы! То были бездыханные тела тех самых торговцев, от которых мы несколькими днями раньше получили важные сведения о селении вождя кайова Тангуа.

Как я потом узнал от Виннету, убил торговцев все тот же Сантэр.

Негодяй проплыл вниз по течению так быстро, что прибыл к устью Рио-Боске одновременно с торговцами, хотя те и покинули селение кайова значительно раньше. Так и не добравшись до золотых самородков Виннету, Сантэр, оказавшийся без гроша в кармане, просто не мог пройти мимо каравана с богатым грузом. Подстрелив, судя по всему, торговцев из засады, он завладел их товарами и двинулся в дальнейший путь уже с мулами и поклажей. Так рассказал мне потом Виннету, а уж точнее его никто не восстановил бы события по следам, оставленным преступником на месте нашей так и не состоявшейся встречи.

Убийца предпринял трудное и рискованное дело: в одиночку провести по прерии целый караван тяжело навьюченных животных (а это не всякому по плечу); к тому же он не мог не помнить о том, что апачи идут за ним по пятам и не оставят его в покое, пока не отомстят за смерть старого вождя и его дочери.

К несчастью, вскоре пошли непрерывные дожди, смывшие все следы, и Виннету пришлось действовать, не столько полагаясь на собственные глаза, сколько исходя из предположений и догадок. Прикинув, что первым делом Сантэр захочет поскорее сбыть с рук добычу, вождь апачей решил проверить по очереди все близлежащие поселки белых.

Через несколько дней он действительно обнаружил утерянный след в фактории Гайтера.

Сантэр побывал там, распродал весь караван и, приобретя хорошую лошадь, налегке двинулся на восток по тракту вдоль Ред-Ривер. Узнав об этом, Виннету отослал своих воинов в стойбища. Сам же он, не в силах отказаться от немедленной мести, продолжил погоню. У него было достаточно золота, чтобы не нуждаться во время длительного путешествия.

Не зная, где искать Виннету, — он не оставил нам на Начиточес ни

послания, ни хотя бы знака, указывающего, куда он подался, — мы поехали в направлении Арканзаса, чтобы кратчайшим путем добраться до Сент-Луиса. Я очень сожалел, что в ближайшее время не смогу повидаться со своим другом и братом, но изменить, увы, ничего не мог...

Прошло еще несколько дней, и одним прекрасным вечером мы въехали в Сент-Луис. И конечно, первым делом я решил навестить моего доброго мистера Генри. Когда я вошел в его мастерскую, он, как обычно, сидел у станка и был настолько поглощен работой, что не обратил внимания даже на скрип открытой двери.

— Добрый вечер, мистер Генри, — поздоровался я, словно только вчера покинул его дом. — Скоро ли будет готов ваш новый чудо-штуцер?

С этими словами я уселся на свое прежнее место на краю скамьи. Оружейник вскочил на ноги, несколько мгновений смотрел на меня ничего не понимающим взором, а потом радостно запричитал:

— Вы... неужели это вы? Здесь, у меня? Вы... домашний учитель, геодезист... легендарный Олд Шеттерхэнд!

Старик сжал меня в объятиях и расцеловал в обе щеки.

— Олд Шеттерхэнд? Откуда вам известно мое прозвище? — спросил я, когда он наконец соизволил освободить меня из своих объятий.

— Вы еще спрашиваете откуда?! Все только о вас и говорят. Вы ведь теперь знаменитый вестмен! Мистер Уайт, инженер с соседнего с вами участка, первым передал нам эту новость и, должен признаться, не жалел лестных слов в ваш адрес. А самые последние известия о вас мне передал один краснокожий вождь...

— Неужели Виннету?

— Да, я узнал обо всем именно от него.

— Как? Да разве Виннету был здесь? Когда?

— Три дня тому назад. Вы так много рассказывали ему обо мне и старом флинте-медвежьебое, что он не мог пройти мимо моей мастерской. От вождя я и узнал, что вы всех за пояс заткнули. Бизона подстрелили, с ножом на гризли ходили... ну и многое другое. Я даже знаю, что вы стали вождем апачей!

Он еще долго с восхищением перечислял мои подвиги и достоинства, и никакие возражения не могли остановить поток его похвал. От полноты чувств старик снова крепко обнял меня, невероятно довольный тем, что именно он в свое время резко изменил мою судьбу, направив меня на Дикий Запад.

Как я понял, Виннету, преследуя Сантэра, не стал задерживаться в Сент-Луисе; след его вел в Новый Орлеан. Вождь апачей торопился нагнать

убийцу, и я прибыл в Сент-Луис лишь на третий день после его отъезда. Виннету оставил для меня у мистера Генри записку; в ней он просил, чтобы я, если позволят обстоятельства, приехал к нему в Новый Орлеан. Конечно же, я решил немедленно отправиться в путь.

Но сначала необходимо было заняться нашим геодезическим контрактом, что мы всей компанией и сделали, не откладывая дела в долгий ящик. Утром следующего дня Сэм Хокенс, Дик Стоун, Билл Паркер и я уже сидели в конторе за стеклянной дверью, где в свое время мне, без всякого предупреждения, устроили экзамен. Старик Генри не смог удержаться и пошел с нами. Рассказам и объяснениям, казалось, не будет конца. Только теперь мы узнали, что наш участок считался самым опасным, и не напрасно — как читателю уже известно, из пятерых геодезистов в живых остался один я.

Сэм из всех сил старался выхлопотать для меня особое вознаграждение, но тщетно. Нам без спору и незамедлительно выплатили полагающуюся по договору сумму, и ни доллара больше. Честно признаюсь, что с таким трудом составленные и с таким риском для жизни сохраненные чертежи я отдавал с чувством гнева и досады. На работу приняли пятерых геодезистов, но расплачивались только с одним, доля остальных переключивалась в карманы господ из конторы, хотя они получили плоды нашего совместного труда, а если уж быть откровенным до конца, плоды моих невероятных усилий.

Сэм вспылал, наговорил дерзостей, но это ни к чему не привело, вернее, привело лишь к тому, что его вместе с Биллом и Диком попросили выйти вон. Я, конечно, последовал за ними, не оглядываясь. Впрочем, заплатили мне хорошо, и я стал обладателем вполне приличной суммы.

Я хотел сразу же ехать к Виннету в Новый Орлеан и даже поинтересовался у Сэма и его друзей, не составят ли они мне компанию. Но вестмены решили отдохнуть и развлечься в Сент-Луисе, и вряд ли кто-нибудь мог упрекнуть их за это. В магазине готового платья я приобрел несколько комплектов белья и новую одежду взамен индейской и, одетый с иголки, пароходом отправился на Юг. Чтобы не обременять себя багажом, многие вещи, прежде всего тяжелый флинт, пришлось отдать на хранение мистеру Генри. Пегого жеребца я тоже оставил у него, поскольку на этот раз конь мне был не нужен. Все мы дружно решили, что мое отсутствие будет недолгим.

Однако судьба распорядилась иначе... До сих пор я старался не обращать внимания читателя на то, что не имело непосредственного отношения к описываемым мною событиям, но сейчас не имею права не

сообщить о том, что именно в описываемое время в Соединенных Штатах Америки была в самом разгаре Гражданская война. Миссисипи еще была открыта для навигации, так как известный адмирал Фаррагут одержал очередную победу над южанами и присоединил земли вдоль реки к северным штатам. Несмотря на это, пароход, на борту которого я находился, сильно опаздывал, поскольку требовалось соблюдать все возможные, впрочем жизненно важные, формальности и предписания. Поэтому, когда я наконец-то добрался до Нового Орлеана и в указанной мне гостинице справился о Виннету, мне ответили, что вождь уехал накануне. Однако портье передал мне письмо, где Виннету сообщал, что следует за Сантэром в Виксберг, и просил меня, учитывая непредсказуемую обстановку, отказаться от попыток нагнать его, а также обещал, что на обратном пути навестит в Сент-Луисе мистера Генри и оставит ему сведения о своем местопребывании.

Что было делать? Мне хотелось встретиться с Виннету, и не менее горячо я помышлял о том, чтобы теперь, когда у меня завелись деньги, воспользоваться случаем и съездить на родину, навестить родных, которые, быть может, нуждались в моей помощи и поддержке. Поразмыслив, я пришел к выводу, что Виннету удастся не скоро вновь попасть в Сент-Луис, а потому поспешил навести справки об отплывающих в Европу судах. Выяснилось, что, пользуясь некоторым затишьем в военных действиях, в ближайшие дни из порта курсом на Кубу отправляется североамериканский пароход. А оттуда, с Кубы, я смогу добраться если не до Европы, то хотя бы до Нью-Йорка. Без лишних колебаний я сел на этот пароход.

Спокойнее было бы обменять имеющуюся у меня наличность на банковский чек, но в условиях Гражданской войны следовало семь раз подумать, прежде чем доверяться какому-либо банку южных штатов; к тому же времени у меня было в обрез. Словом, когда я взошел на борт парохода, все мои деньги лежали у меня в кармане, в бумажнике.

По дороге со мной приключилось несчастье, но чтобы не утомлять читателя ненужными подробностями, скажу лишь, что виной всему стал ураган, внезапно обрушившийся на наш пароход ночью. Утро предыдущего дня было пасмурным, но корабль шел ходко и уверенно, и ничто не предвещало опасности и приближения шторма. Вечером я, как и остальные пассажиры, с легким сердцем лег спать. И вдруг после полуночи меня разбудило дикое завывание ветра. Я вскочил с постели, и в это мгновение страшной силы удар потряс корпус судна, словно оно на полном ходу налетело на скалы. Я потерял равновесие и упал на палубу, а сверху на меня и на троих попугачиков, с которыми я делил каюту, с треском рухнула

деревянная переборка. Кто в такую минуту способен думать о деньгах?! Мне угрожала смертельная опасность, медлить было нельзя, а искать в этой кромешной тьме и жуткой суматохе сюртук и бумажник мог разве что самоубийца. Я поскорее выбрался из-под обломков и, провожаемый новыми ударами, не выскочил, а, скорее, выкатился на палубу. Все судно устрашающе трещало и скрипело.

Не было видно ни зги. Ураганной силы ветер сбил меня, и тут же огромная волна окатила с ног до головы. Мне казалось, что я слышу призывы о помощи; впрочем, рев стихии заглушал все иные звуки. В свете вспышек молний, раскалывавших небо одна за другой, я увидел кипящее море и темную полосу суши вдаль. Нос корабля застрял между скал, а бушующие волны били в корму, поднимая ее выше и выше. Я понимал, что спасение судна невозможно, еще минута — и оно превратится в груды обломков. Шлюпки смыло за борт. Очередная вспышка молнии осветила палубу: на ней лежали обезумевшие от страха люди, судорожно цепляясь за что попало. Однако я решил действовать иначе и довериться воде.

Огромный, как дом, вал, видный даже в темноте из-за фосфоресцирующего блеска, приблизился к нам и обрушился с такой силой, что судно затрещало, словно рассыпаясь на мелкие щепки. Я инстинктивно ухватился за железный поручень, но тут же отпустил его, уступая напору воды. Волна подхватила меня, закружила, как перышко, потянула ко дну, а затем снова вынесла на поверхность... Я не сопротивлялся, зная, что любые усилия будут напрасны, а сосредоточился на одной мысли: не упустить момент, когда волна меня выкинет за рифы, напрячь все силы и не позволить ей увлечь себя обратно.

Всего полминуты находился я во власти яростно бушующего моря, но они показались мне вечностью. Внезапно волна подхватила меня на гребень и резко, словно выплюнув, швырнула между скал на спокойную воду. Что было сил я заработал руками и ногами, стараясь отплыть от скал как можно дальше. Читатель, конечно, понимает, что я говорю «спокойная вода», имея в виду ее относительное спокойствие. Волна выбросила меня за пределы безумствующей стихии, огромные валы остались позади, однако ветер играл мной, как пробкой.

К счастью, я наконец снова увидел сушу. Мне грозила бы верная смерть, не заметь я вовремя берег и не определи, куда необходимо плыть. И хотя я продвигался вперед очень медленно, до берега все-таки добрался. Но не все складывалось так, как хотелось бы. И море, и берег тонули в кромешной тьме. Я не различал границы воды и суши и потому не мог обнаружить удобное место, где можно было бы выбраться на берег без

риска для жизни. В конце концов я сильно ударился головой о скалу и, уже теряя сознание, усилием воли заставил себя вскарабкаться по камням. Тут силы покинули меня, и я лишился чувств.

Когда я пришел в себя, ураган все еще бушевал. Голова раскалывалась от боли, но на такие пустяки не стоило обращать внимания. Больше всего меня беспокоило то, что я не знал, где нахожусь: на суши или на торчащей из моря скале. Вцепившись мертвой хваткой в мокрые, скользкие от водорослей камни, я боялся пошевелиться, опасаясь, что буря сметет меня, как пушинку. Однако спустя некоторое время я заметил, что ветер ослабевает, а потом все вдруг стихло, дождь прекратился, на небе замерцали звезды.

В их неверном свете я осмотрелся: скала, на которой я лежал, находилась на берегу, позади меня бушевали волны, а впереди темнели какие-то заросли. Я сполз с камней и подошел к ним. Одни деревья выдержали натиск урагана, другие ветер вырвал с корнем, а некоторые даже унес на значительное расстояние. Вдали мерцали огни, и, поняв, что там находятся люди, я пошел на свет.

Это были рыбаки. Ураган загнал наше судно на один из островов Драй-Тортугас (Острова Драй-Тортугас расположены на шельфе Мексиканского залива примерно в 180 км юго-западнее Флориды и в 150 км севернее Гаваны), где в то время находился форт Джефферсон.

Несчастные жители стояли около своих разрушенных ураганом домов и несказанно удивились, увидев меня. Они пялились на меня, как на призрак. Море все еще ревело, и мы вынуждены были кричать, чтобы услышать друг друга.

Рыбаки отнеслись ко мне очень доброжелательно, снабдили чистым бельем и необходимой одеждой, поскольку все то, в чем я ложился спать на пароходе, превратилось в лохмотья. Потом ударили в колокол тревоги и разбрелись по берегу в поисках других потерпевших. К утру было найдено шестнадцать человек, но только троих удалось спасти — остальные умерли. Взошло солнце и осветило берег, усеянный обломками разбитого судна. Его нос все еще торчал между скал, куда наш пароход забросил ураган.

Итак, я оказался жертвой кораблекрушения в полном смысле этого слова: наг, бос и без средств к существованию. Я потерял все. Деньги, предназначавшиеся на благородную цель, покоились на дне моря. Конечно, я сожалел об утрате, но нет худа без добра, и в том, что со мной случилось, были и свои счастливые обстоятельства: я все-таки остался жив.

Комендант форта позаботился обо мне и трех других спасшихся

пассажирах, обеспечил нас всем крайне необходимым, да еще помог мне отплыть в Нью-Йорк. Я был беден, как церковная крыса, значительно беднее, чем в тот день, когда впервые прибыл в этот город. У меня не осталось ничего, кроме жажды жизни.

Почему я отправился в Нью-Йорк, а не в Сент-Луис, где жили мои знакомые и друзья и где я в любом случае мог рассчитывать на бескорыстную помощь мистера Генри? Да потому, что я уже стольким был ему обязан, что не хотел злоупотреблять его добротой. Будь я уверен, что непременно встречу там Виннету, я, конечно, поступил бы иначе. Однако такой уверенности у меня не было — ведь вождь апачей шел по следу Сантэра, погоня могла затянуться на месяцы, и я уже не знал, где его искать. Так или иначе, я все равно собирался повидаться с Виннету, но для этого следовало ехать на Запад, в пуэбло на Пекос. Только сначала было необходимо снова встать на ноги, и мне казалось, что именно в Нью-Йорке я быстрее сумею поправить свои финансовые дела.

Я оказался прав. Удача сопутствовала мне, и в Нью-Йорке я познакомился с неким мистером Джесси Тейлором, весьма уважаемым человеком и владельцем частного сыскного бюро. Я предложил ему свои услуги. Досконально расспросив меня и узнав, кто я и чем занимался в последнее время, он согласился взять меня стажером с испытательным сроком. Однако вскоре благодаря, как мне кажется, случайности, а не своей собственной расторопности я завоевал его полное доверие, которое со временем возросло до такой степени, что мистер Тейлор поручал мне самую ответственную и хорошо оплачиваемую работу.

Как-то он пригласил меня в свой кабинет. Там уже сидел незнакомый мне пожилой мужчина с усталым, озабоченным лицом. Это был банкир Олерт, искавший у нас помощи в сугубо личном деле, которое, однако, могло нанести ему значительный ущерб и существенно расстроить все его дела.

У мистера Олерта был единственный, еще холостой сын двадцати пяти лет, наделенный столь широкими полномочиями, что все принятые им решение по финансовым вопросам имели ту же силу, что и решения отца. Уильям — так звали его сына — обладал характером мечтателя и предпочитал банковскому делу занятие искусством и метафизикой, считая себя ученым и в некоторой степени поэтом. Его убежденность подкреплял тот факт, что нью-йоркские газеты приняли и напечатали несколько сочиненных им стихотворений. Станным образом молодому Олерту пришла в голову навязчивая идея написать драму, главным героем которой должен был стать сумасшедший поэт. Чувствуя, что ему не хватает знания

предмета, он приобрел массу книг, посвященных психическим расстройствам. Результат был ужасающий: молодой человек все больше и больше отождествлял себя с героем своей драмы, пока не поверил окончательно в собственное безумие. Отец его в то время свел знакомство с одним врачом, якобы намеревавшимся открыть лечебницу для душевнобольных. Врач рассказывал, что прошел практику в клиниках известных психиатров, сыпал именами светил, вошел в доверие к Олерту-старшему и добился у него такого расположения, что тот попросил его заняться лечением Уильяма, в надежде на то, что общение с доктором пойдет больному на пользу.

С того дня началась сердечная дружба врача и молодого Олерта, завершившаяся неожиданным исчезновением обоих. Банкир бросился наводить подробные справки о психиатре и с удивлением узнал, что тот был обыкновенным мошенником, из числа тех, что тысячами приезжают в Соединенные Штаты.

Тейлор спросил банкира, как звали мнимого доктора, а когда Олерт назвал фамилию Гибсон, выяснилось, что речь идет об уже известном нам человеке. У меня даже была его фотография, и когда я показал ее банкиру, тот сразу же узнал друга и врача своего сына.

Гибсон был крупным авантюристом, в течение длительного времени действовавшим на территории Соединенных Штатов и Мексики. Вечером предыдущего дня Олерт навестил владельца квартиры Гибсона и узнал, что мошенник рассчитался за жилье сполна и отбыл в неизвестном направлении. У сына банкира была с собой крупная сумма наличными, а несколько позже пришла телеграмма из Цинциннати с известием, что Уильям снял там со счета пять тысяч долларов и направился в Луисвилл к своей невесте. Последнее было явной ложью — никакой невесты в действительности не существовало.

Можно было предположить, что мнимый врач увез своего пациента, чтобы обманом завладеть значительной частью состояния Олертов — ведь Уильям Олерт был знаком со многими крупными финансистами и мог получить от них практически любую сумму. Предстояло как можно скорее изловить мошенника и вернуть больного домой. Дело поручили мне. Я получил необходимые полномочия, фотографию Уильяма Олерта и отправился в Цинциннати. Так как Гибсон знал меня в лицо, пришлось прихватить с собой гримерные принадлежности на тот случай, если придется менять внешность.

В Цинциннати из беседы с банкиром, известившим старика Олерта о сыне, я выяснил, что Уильяма действительно сопровождал Гибсон. Я тут

же выехал в Луисвилл, где узнал, что они приобрели билеты до Сент-Луиса, и, конечно, устремился в погоню, но на верный след напал только после долгих и трудных поисков. Большую помощь в розысках мне оказал мистер Генри, которого я, естественно, навестил сразу же по прибытии в город. Он очень удивился, услышав, что я стал сыщиком, сожалел об утрате моих денег во время кораблекрушения, а прощаясь, потребовал в самой решительной форме, чтобы я после завершения дела немедленно бросил мое нынешнее занятие и переехал на Дикий Запад. Ему очень хотелось, чтобы я испытал его многозарядный штуцер. Мой старый добрый флинт он обещал хранить до моего возвращения.

Поняв, что Олерт и Гибсон поплыли вниз по Миссисипи до Нового Орлеана, я последовал за ними. Старик банкир снабдил меня списком фирм, с которыми он вел дела. В Луисвилле и Сент-Луисе я побывал по указанным адресам и выяснил, что Уильям появлялся здесь и снял со счетов значительные суммы. Так же поступил он и в Новом Орлеане. Я предостерег тех компаньонов отца, к кому Олерт-младший еще не обращался, и просил их немедленно известить меня, если молодой джентльмен придет к ним с требованием денег.

Это было все, что мне удалось сделать. Я беспомощно кружил в человеческой толпе по улицам Нового Орлеана в ожидании результатов расследования полиции, куда я обратился в первый же день. Но мне не хотелось сидеть сложа руки, и я бродил по городу, надеясь на счастливый случай.

Новый Орлеан — типичный южный город, чей своеобразный характер в особенности подчеркивают старые кварталы, где вдоль грязных, узких улочек стоят, теснясь друг к другу, домики с крылечками и верандами. Там, скрытая от чужих глаз, протекает жизнь, чурающаяся дневного света. Там можно встретить людей всех цветов и оттенков кожи: от белых и желтых до иссиня-черных у негров. Мужчины громко окликают друг друга, женщины визгливо бранятся, шарманщики и странствующие певцы пытаются привлечь публику своими душераздирающими шедеврами.

Более приятное впечатление производят предместья, застроенные многочисленными красивыми особняками, окруженными розовыми кустами, пальмами, олеандрами, грушами, инжиром, персиковыми, апельсиновыми и лимонными деревьями. Там житель города находит необходимое спокойствие, когда выбирается наконец из городской суеты.

Разумеется, самой оживленной частью города является порт: туда приходят и оттуда уходят всевозможные суда. Там на причалах высятся горы из тюков хлопка и бочек, среди которых снуют портовые грузчики.

Случайному прохожему может показаться, что он попал на хлопковую биржу в Индии.

Я бродил по городу, тщетно озираясь по сторонам. К полудню стало невыносимо жарко. Проходя по широкой, красивой улице Коммон, я увидел вывеску пивной; решив, что глоток пльзенского не помешает в такой зной, я перешагнул порог.

То, что уже тогда этот сорт пива пользовался успехом, подтверждала большая толпа жаждущих посетителей. После длительных поисков я наконец обнаружил свободный стул. В самом углу стоял небольшой стол на двоих, за которых одно место уже занимал человек с устрашающей внешностью. Его вид не смутил меня, и я подошел к нему и спросил, не позволит ли он выпить кружку пива в его компании.

Он снисходительно улыбнулся, окинул меня изучающим взглядом и спросил:

— У вас есть деньги, сэр?

— Конечно, — удивился я такому вопросу.

— Значит, вы можете заплатить за пиво и за место, которое собираетесь занять?

— Разумеется.

— Значит, у вас все в порядке? Тогда мне не понятно, какого дьявола вы спрашиваете моего разрешения! Сразу видно, что вы гринхорн. Да я бы послал ко всем чертям любого, кто осмелился бы запретить мне сесть куда вздумается! Садитесь, не смущайтесь, кладите ноги куда вам будет удобнее, хоть на стол, а каждому, кто сделает вам замечание, дайте в ухо!

Признаюсь честно, поведение этого человека вызвало мое неподдельное восхищение. С другой стороны, я почувствовал, что краснею — ведь я понимал, что не могу не отреагировать на его покровительственно-грубый тон. Следовало дать отповедь, поэтому я сказал, усаживаясь:

— И бывалому человеку не помешает вежливость.

— Нда! — ответил он спокойно. — Про вас не скажешь, что вы прошли огонь и воду. Не пытайтесь разжечь в себе гнев, это ни к чему. Я не думал оскорбить вас. Поэтому не понимаю, почему вы пристаёте ко мне. Олд Дэт не поддается на угрозы.

Олд Дэт! Значит, это был Олд Дэт! Мне уже доводилось слышать об этом знаменитом вестмене. Его слава гремела по ту сторону Миссисипи, о нем ходили легенды на всех стоянках и у всех костров в прерии, его имя было известно даже в городах на Востоке. И если в том, что о нем рассказывали, содержалась хотя бы десятая, ну двадцатая доля правды, то

он был непревзойденным стрелком и отчаянным искателем приключений, достойным того, чтобы снять перед ним шляпу. Срок жизни целого поколения провел он на Диком Западе и, несмотря на угрожающую со всех сторон опасность, даже не был ранен, почему многие суеверные люди поговаривали, что его не берут пули.

Никто не знал его настоящего имени. Олд Дэт — Старая Смерть — стало его боевым прозвищем, и наградили его этим прозвищем за невероятную худобу. Невероятно высокий и сутулый, он действительно выглядел так, словно состоял исключительно из кожи и костей. Кожаные штаны болтались вокруг жилистых ног. Старая кожаная куртка за годы явно уменьшилась в размерах, и теперь из ее рукавов, едва-едва прикрывавших локти, торчали тощие руки с просвечивающими, казалось, сквозь кожу костями.

Из ворота куртки высовывалась длинная шея, украшенная огромным адамовым яблоком и увенчанная головой, на которой, казалось, не наберется и трех унций мяса. Глаза провалились в глубокие глазницы. Совершенно лысый череп, невероятно ввалившиеся щеки, квадратные челюсти, выдающиеся скулы и вздернутый нос без переносицы завершали картину. Известный вестмен действительно производил кошмарное впечатление.

Его длинные ноги помещались в нелепых, сшитых из одного куска лошадиной кожи футлярах, снабженных шпорами с колесиками из серебряных мексиканских песо.

Рядом с ним, прислоненное к стене, стояло знаменитое длинноствольное ружье, сработанное в Кентукки, одно из тех, что сегодня встречаются крайне редко, потому что их вытеснили винтовки, заряжающиеся с казенной части. На полу лежало седло и прочая конская сбруя. Из-за пояса Олд Дэта торчал охотничий нож и два больших револьвера.

Трактирщик принес заказанное пиво. Я было поднес кружку к губам, когда старый вестмен произнес:

— Не спешите, молодой человек! Чокнитесь со мной. Я слышал, в вашей стране есть такой обычай.

— Да, но там чокаются только добрые знакомые, — ответил я, не собираясь принимать предложение.

— К чему такие церемонии? Мы сидим вдвоем, у нас и в мыслях нет вредить друг другу. Давайте чокнемся! Я не шпион и не мошенник, и вы можете спокойно провести полчаса в моем обществе.

Это прозвучало более дружелюбно, чем прежние слова. Я слегка

тронул его кружку своей и сказал:

— Я знаю, что вы за человек, сэр! Если вы на самом деле Олд Дэт, то я не боюсь, что попал в дурную компанию.

— Значит, вы обо мне слышали? Ну, тогда нет нужды расписывать, кто я такой и чего стою. Лучше поговорим о вас. Скажите начистоту, какого черта вас занесло в Штаты?

— Какого черта? Да так же, как и всех остальных: в погоне за счастьем.

— Что правда, то правда. Там, в Европе, люди думают, что стоит здесь только пошире открыть карман, и блестящие звонкие доллары сами в него посыплются. Если кому-нибудь повезет, то газеты кричат об этом на каждом углу, а о тех тысячах, что тонут, гибнут и пропадают без следа, — молчок. Так вы уже нашли свое счастье или хотя бы напали на его след?

— Пожалуй, напал.

— Тогда не зевайте, не потеряйте его. Я и сам хорошо знаю, как легко сбиться со следа. Вы наверняка слышали, что я стреляный воробей, далеко не трус и могу потягаться с любым вестменом, а ведь я уже который год гоняюсь за счастьем. Сколько раз казалось, что до него рукой подать, но всегда оно непонятным образом ускользало от меня и исчезало, как мираж, существующий только в человеческом воображении.

Он умолк, мрачно глядя в пространство. Я ничего не ответил, Олд Дэт покосился на меня и объяснил:

— Вам не понять, куда я клоню. Все дело в том, что встреча с европейцем всегда будоражит меня, в особенности если это молодой человек — пусть я знаю, что и он пропадет ни за грош. Моя мать души во мне не чаяла, и благодаря ее стараниям и хлопотам я достиг такого высокого положения, откуда явно проглядывало счастье. Но затем она умерла, а я считал себя значительно умнее других — и поплатился за это. Мой вам совет, сэр: будьте благоразумнее меня! Судя по вашему виду, с вами может приключиться то же, что и со мной.

— Неужели? Но почему?

— Вы слишком благовоспитанны, на вашей одежде нет ни единого пятнышка, ни единой пылинки. От вас за милю несет одеколоном. А прическа! Да любого индейца хватит удар от вашего вида. Нет, люди с такой внешностью не ищут счастья на Западе.

— Я и не собираюсь искать его здесь.

— В самом деле? Окажите любезность, сообщите мне, кто вы по профессии.

— Я получил университетское образование.

В моих словах невольно прозвучали горделивые нотки. Олд Дэт посмотрел на меня с легкой улыбкой, выглядевшей на его уродливом лице издевательской гримасой, и тряхнул головой.

— Университетское образование! Вы конченный человек! Не обольщайте себя надеждами. Счастье не дается в руки таким, как вы. Я сам испытал это на собственной шкуре. Вы служите?

— Да.

— И какую должность вы занимаете?

Олд Дэт задавал вопросы таким властным тоном, что не ответить на них было просто невозможно, а так как говорить правду я не имел права, пришлось уклончиво сказать:

— Я нахожусь на службе у одного нью-йоркского банкира и прибыл сюда по его поручению.

— На службе у банкира? Да еще нью-йоркского? Да вы прекрасно устроились, и жить вам будет гораздо легче, чем мне. Ни в коем случае не бросайте это место, сэр. Не всякому человеку, даже после университета, удастся пристроиться к американским финансистам. Вы же наверняка, несмотря на молодость, пользуетесь доверием вашего патрона: из Нью-Йорка на Юг посылают исключительно доверенных лиц. Я очень рад, что не ошибся на ваш счет. Итак, вам доверили провести дело, связанное с деньгами...

— Что-то в этом роде;

Он бросил на меня быстрый изучающий взгляд, скорчил гримасу-улыбку и произнес:

— Мне кажется, я догадываюсь об истинной причине вашего появления здесь.

— Сомневаюсь.

— Вы самоуверенны, и это даже неплохо. Но мне хотелось бы дать вам добрый совет: ведите себя сдержанней и не оглядывайтесь поминутно. Вы, как только вошли, внимательно осмотрели всех посетителей, а сейчас то и дело поглядываете в окно и пялитесь на прохожих. Ведь вы кого-то ищете, я угадал?

— Да, сэр. Я действительно хочу встретиться с одним человеком, но не знаю его адреса.

— Наведите справки в гостиницах.

— Бесполезно. Даже старания полиции не принесли успеха.

Его лицо снова исказила гримаса, которая должна была изображать дружелюбную улыбку. Он тихо фыркнул, щелкнул пальцами и произнес:

— Сэр, вы чистойшей воды гринхорн, наивный и порядочный. Не

обижайтесь на старика, но это истинная правда.

Только тут я понял, что невольно проговорился. Олд Дэт не замедлил воспользоваться моей ошибкой и принялся рассуждать:

— Как вы сами изволили подтвердить, вас послали сюда по делу, связанному с деньгами. По вашей просьбе в поисках вам помогает полиция, а сами вы рыскаете по улицам и пивным. И я буду не я, если не знаю, с кем сажу за одним столом.

— С кем же, сэр?

— С частным детективом, расследующим дело скорее семейного, чем уголовного характера.

Действительно, Олд Дэт оказался в высшей степени сообразительным человеком, и с ним следовало держать ухо востро. С другой стороны, я не мог, не имел права признать, что он угадал. Поэтому я возразил:

— Я преклоняюсь перед вашей проницательностью, сэр, но на этот раз вы ошиблись.

— Не думаю.

— Однако же это так.

— Ну что ж, воля ваша. Я не могу, да и не имею ни малейшего желания заставлять вас силой признать мою правоту. Но если вы не хотите, чтобы и другие вас раскусили, ведите себя поосмотрительнее. Дело связано с деньгами, его доверили гринхорну, следовательно, пострадавшие не собираются слишком сурово наказывать преступника, который, скорее всего, является их добрым знакомым, а может быть, даже членом семьи. С другой стороны, дело пахнет криминалом, в противном случае полиция не стала бы помогать вас. Разыскиваемое вами лицо попало в руки негодяя, который использует его в своих целях. Да, да, и не смотрите на меня так удивленно, сэр. Вы не можете понять, как я догадался? Опытный вестмен редко ошибается и по паре следов может восстановить путь человека, каким бы долгим он ни был — хоть отсюда до Канады.

— Что да, то да, воображение у вас богачейшее.

— Ну так что? Вы и дальше будете запираяться и играть со мной в прятки? Меня многие здесь знают, и я мог бы вам пригодиться. Однако если вы столь самонадеянны и считаете, что самостоятельно скорее достигнете цели, то Бог вам в помощь, я буду только рад, хотя и сомневаюсь, что вам повезет.

Олд Дэт встал из-за стола и достал из кармана потертый кожаный кошелек. Мне показалось, что своим недоверием я его обидел. Пытаясь как-то сгладить неловкость, я сказал:

— Есть дела, в которые нельзя посвящать посторонних. Я ни в коем

случае не хотел вас обидеть и думаю...

— Бросьте! — прервал он меня, затем выудил из кошелька монету, положил ее на стол, расплачиваясь за пиво. — О какой обиде может идти речь?! В вас есть что-то такое, что вызывает доброжелательность, и мне захотелось вам помочь.

— Мир тесен, и может быть, когда-нибудь мы снова встретимся.

— Сомневаюсь. Сегодня я отправляюсь в Техас, а оттуда в Мексику. Вряд ли вам доведется побывать в тех краях. Удачи вам, сэр! И вспоминайте иногда, что сам Олд Дэт назвал вас гринхорном. И не дуйтесь на меня, я не хотел нанести вам оскорбления, а новичку не помешает быть скромнее.

Он надел сомбреро с широченными полями, до тех пор висевшее на стене, вскинул на плечо седло, взял ружье и направился к выходу. Но, сделав всего три шага, он обернулся, еще раз подошел ко мне и шепотом извинился:

— Не сердитесь на старика, сэр. Я тоже когда-то учился в университете и даже теперь с удовольствием вспоминаю, каким нахальным и самонадеянным мальчишкой я тогда был. Прощайте!

Не оглядываясь больше, он покинул пивную. Я смотрел ему вслед, пока диковинная и вызывающая улыбку прохожих фигура не исчезла в толпе. Мне хотелось рассердиться на него, я пытался вызвать в себе злость, но не мог. Почему-то старый вестмен внушал мне жалость. Он наговорил массу неприятных вещей, но при этом его голос звучал мягко, дружелюбно и убедительно. Все его поведение свидетельствовало о том, что он относится ко мне благосклонно и по-приятельски. Несмотря на свое внешнее уродство, Олд Дэт произвел на меня приятное впечатление, хотелось открыться и спросить его совета, но я не имел права вводить постороннего в курс дела, порученного мне, и только мне, хотя и сознавал, что такой опытный человек мог бы оказать неоценимую помощь в моих поисках.

Старик назвал меня гринхорном — я молча проглотил это прозвище: Сэм Хокенс так часто употреблял его, что я к нему привык и перестал обижаться. К тому же по натуре я не хвостун и умолчал, что уже побывал в переделках на Диком Западе.

Я положил локти на стол, подпер ладонями голову и в раздумье смотрел перед собой. Вдруг открылась дверь, и в пивную пошел... Гибсон собственной персоной!

Он остановился у входа и окинул взглядом посетителей. Я тотчас же повернулся к двери спиной, чтобы он меня не узнал. В моей голове

мгновенно созрел план. В такую жару в пивных яблоку негде упасть, здесь тоже не было ни одного свободного места, кроме... кроме того, которое только что покинул Олд Дэт! И Гибсон, если он действительно зашел освежиться кружкой пива, неизбежно должен подойти к моему столу. Я уже предвкушал, какое потрясающее впечатление я произведу на негодея, но мгновения шли, а он почему-то не появлялся.

Снова хлопнула дверь, я взглянул через плечо: Гибсона уже не было. Видимо, он узнал меня. Только успел заметить, что он быстрым шагом удаляется по улице. Я схватил шляпу, швырнул на стойку деньги за пиво и стремглав выскочил вон. Гибсон ушел направо, где толпа была гуще, явно рассчитывая затеряться в людском потоке. Он оглянулся и, увидев меня, прибавил шагу. Толкаясь и извиняясь, я продрался через человеческий муравейник и увидел его спину в узенькой боковой улочке. Метнувшись за ним, я увидел, что Гибсон заворачивает за угол. Он еще раз оглянулся, снял шляпу и приветственно помахал мне, что, признаюсь, ужасно меня задело. Я помчался за ним под градом насмешек, которыми меня осыпали зеваки. Полицейского нигде не было видно, а обращаться за помощью к кому-то из прохожих было бессмысленной затеей: никто не встал бы на мою сторону.

Добежав до угла улочки, я оказался на небольшой площади. Слева и справа в тесном ряду стояли маленькие домики, а напротив них утопали в садах великолепные виллы. Здесь тоже было довольно многолюдно, но Гибсона и след простыл, он как сквозь землю провалился.

На углу, рядом с входом в парикмахерскую, стоял негр, как мне показалось, из тех, что готовы весь день пялиться на прохожих. Наверняка он стоял там с утра и, безусловно, должен был обратить внимание на Гибсона. Я подошел к нему, вежливо приподнял шляпу и спросил, на заметил ли он джентльмена, выбегающего из улочки. В ответ негр оскалил в улыбке желтые зубы и сказал, тыча пальцем в сторону одной из вилл:

— О да, сэр! Я видел его. Он бежал быстро-быстро, напрямик вон туда!

Поблагодарив его, я поспешил к указанному дому. Сад окружала чугунная ограда, массивные ворота были наглухо закрыты. Минут пять я дергал ручку звонка, пока наконец негр-слуга не вышел ко мне. Я сказал, что у меня дело к его хозяину, и попытался войти, но он захлопнул дверь у меня перед носом.

— Я должен сначала спросить у господина. И если господин разрешать, я открывать дверь.

Он ушел. Десять битых минут я, как на углях, простоял под дверью. И вот чернокожий вернулся с ответом:

— Нельзя впускать, господин не разрешает. Сегодня двери на замке и никто не входит. Вам лучшей уйти подобру, потому что, если вы прыгать через ограду, мой господин стрелять в вас из револьвера, чтобы охранять свою собственность.

Обескураженный таким приемом, я не нашел, что ответить. Попытка ворваться в дом могла кончиться для меня плачевно: когда дело касается собственности, с американцами шутки плохи. Мне оставалось только обратиться в полицию.

Когда я, весь кипя от негодования, шагал через площадь, ко мне подбежал мальчишка с листом бумаги в руке.

— Сэр! — обратился он ко мне. — Подождите. Вы дадите мне десять центов за эту записку?

— От кого она?

— От джентльмена, который вышел вон из того дома, — ответил он, указывая не на виллу, которую я безуспешно пытался взять с наскоку, а в противоположном направлении. — Джентльмен написал записку и велел передать ее вам. Но вы сначала дайте мне десять центов.

Я вручил требуемую монету и получил записку. Мальчишка сразу же убежал, а я на странице, вырванной из записной книжки, прочитал следующее:

«Уважаемый, не знаю, правда, кем, мистер!

Неужели вы из-за меня поперлись из Нью-Йорка в Новый Орлеан? Неужели вы решили преследовать меня? Вам вздумалось потягаться со мной в ловкости? И не надейтесь, вы меня никогда не поймаете. Тот, кто начисто лишен серого вещества, не должен браться за подобные дела. Возвращайтесь в Нью-Йорк и передайте от меня привет мистеру Олерту. Уж я постараюсь, чтобы он помнил обо мне. Полагаю, и вы будете время от времени вспоминать нашу сегодняшнюю встречу, которая, однако, чести вам не прибавила ни на грош.

Не уважающий вас Гибсон».

Нетрудно представить чувства, обуревавшие меня во время чтения такого послания. Я смял письмо, сунул его в карман и пошел восвояси с бесстрастным видом. Вполне возможно, Гибсон следил за мной из укрытия, и мне не хотелось доставлять ему удовольствие видеть меня в крайнем замешательстве.

Тем не менее я внимательно осмотрел площадь. Гибсона не было видно. Негр, торчавший у парикмахерской, тоже куда-то исчез, равно как и сорванец, вручивший мне записку. Наверное, ему приказали убраться поскорее.

Пока я разговаривал с чернокожим слугой и пытался проникнуть в виллу, Гибсон успел сочинить письмо из нескольких фраз. Негр обвел меня вокруг пальца, а Гибсон к тому же выставил на посмешище, потому что у мальчишки было такое выражение лица, словно он знал, что меня водят за нос.

Излишне говорить, что я был вне себя от злости: я остался в дураках. Поэтому я решил во время следующего визита в полицию умолчать о том, что видел Гибсона.

На всякий случай я побродил по близлежащим улицам, но безуспешно, ибо Гибсон, как легко было догадаться, уже покинул опасный для него квартал. Можно было не сомневаться, что он при первой же возможности уедет из Нового Орлеана.

Такая мысль родилась в моей «начисто лишенной серого вещества» голове, и я поспешил в порт, где у причала стояли пароходы, отправляющиеся в плавание. Мне помогли двое полицейских, переодетых в гражданское платье, но поиски были напрасны. Я все еще злился, и досада на то, что меня одурачили как мальчишку, не оставляла меня. До позднего вечера я бродил по улицам, заглядывая во все кабаки и рестораны. Наконец, падая с ног от усталости, я вернулся в пансион, где накануне снял комнату, и завалился спать.

Во сне я увидел дом для умалишенных. Сотни сумасшедших, возомнивших себя поэтами, протягивали мне пухлые рукописи, разумеется, исключительно драмы с безумными поэтами в главной роли. Я вынужден был читать и читать, так как Гибсон стоял рядом с револьвером в руке и, целясь мне в голову, угрожал неминуемой смертью, если я прерву чтение хоть на минуту. Пот струился у меня по лбу, я достал из кармана носовой платок и на секунду оторвался от «шедевров». В тот же миг Гибсон нажал курок.

Звук выстрела разбудил меня: я метался на постели, борясь с Гибсоном, пытаясь вырвать у него револьвер, и с маленькой тумбочки, стоящей в изголовье, сбросил на пол ночник. Грохот был настоящий, а наутро мне пришлось заплатить хозяину восемь долларов за нанесенный ущерб.

Одевшись, я отправился на живописное озеро Понтчарт-рейн искупаться, а затем опять принялся за поиски. Заглянул также и в пивную, где днем раньше познакомился с Олд Дэтом. Я зашел туда без всякой надежды напасть хоть на какой-нибудь след. Жара спала, и посетителей было значительно меньше, чем накануне. Тогда невозможно было получить без боя газету, а сейчас несколько номеров лежало на свободных столиках.

Я взял в руки одну из газет и, не собираясь читать ее внимательно и от корки до корки, раскрыл наугад на первой попавшейся странице — там было напечатано стихотворение. Обычно, просматривая газеты, я оставлял стихи «на потом» или же вообще не обращал на них внимания. Название попавшегося мне на глаза произведения напоминало заглавие криминальной истории: «Жуткая ночь». Я уже собирался было перевернуть страницу, когда заметил инициалы автора У. О. Неужели это... Уильям Олерт! Мысли о нем не оставляли меня ни на минуту, и потому знакомое сочетание букв заставило меня задуматься. Олерт-младший считал себя поэтом и вполне мог воспользоваться пребыванием в Новом Орлеане, чтобы напечатать свои верши. А раз стихотворение появилось в газете, значит, автор неплохо заплатил за это. Если мои догадки подтвердятся, у меня в руках появится пусть тоненькая, но все же ниточка. И я с внутренней дрожью прочел:

ЖУТКАЯ НОЧЬ

Знакомо ли тебе, как среди ночи
Льет черный дождь и свищет ветер,
Зловеще в небе гром хохочет
И ни одна звезда не светит?
Напрасно страхами себя не мучай,
Настанет утро и разгонит тучи.
Знакомо ли тебе, как среди ночи
Повеет вдруг могильной стужей,
Тревожные виденья смерть пророчат
И цепкий страх навеки стиснет душу?
Не бойся ничего, избавься от сомнений,
Настанет утро и рассеет тени.
Знакомо ли тебе, как среди ночи
Душа кипит от жажды воли,
Но яд обмана сердце точит,
И сердце корчится от боли?
Ужасна эта ночь, она забвеньем манит,
И солнце для тебя уже не встанет.

Вынужден признать, что содержание стихотворения глубоко взволновало меня. Я не знаток поэзии, и не мне судить, представляло ли оно какую-нибудь литературную ценность, но в нем, безусловно, звучал крик ужаса талантливого человека, ставшего жертвой безумия, с которым он явно безнадежно пытался бороться. Необходимо было спешить. Ни секунды не сомневаясь, что автором стихотворения был именно Уильям

Олерт, я бросился листать справочник, нашел в нем адрес издателя и отправился к нему с визитом.

Как выяснилось, я был прав. Некий Уильям Олерт накануне лично принес в редакцию стихотворение и просил поскорее напечатать его. Так как редактор не проявил должного восторга от столь блестящей перспективы, поэт вручил ему десять долларов с условием, что стихотворение выйдет в следующем номере газеты. Поэт вел себя вполне пристойно, и только взгляд его странно блуждал, да к тому же он несколько раз подчеркнул, что его стихи написаны кровью; но такие высокопарные слова и к месту и не к месту употребляют как талантливые, так и бездарные писатели. Олерт оставил в редакции свой адрес, куда следовало переслать корректуру. Так я узнал, что Олерт-младший остановился в одном из дорогих частных пансионатов в новом районе города.

Я немедленно поспешил туда, заранее изменив свой внешний вид до неузнаваемости. По дороге я прихватил с собой пару полицейских и попросил встать около входа в пансион.

В приподнятом настроении и полной уверенности, что уж на этот раз мошенник со своей жертвой не уйдет от меня, я потянул за ручку звонка, над которым висела вывеска с надписью: «Пансион для Леди и Джентльменов. Высший класс». Привратник открыл дверь и спросил, что мне угодно, на что я в ответ попросил его доложить обо мне хозяйке и передал визитную карточку, на которой, конечно, стояло вымышленное имя. Меня проводили в гостиную, куда скоро вошла элегантно одетая, пышная дама лет пятидесяти. Вьющиеся волосы и едва заметный темный оттенок ногтей свидетельствовали о том, что в ее жилах текла негритянская кровь. Она приняла меня весьма учтиво и произвела впечатление воспитанной особы. Я представился редактором газеты, предъявил ей только что приобретенный номер со стихотворением и сказал, что желаю говорить с автором, так как его стихи получили высокую оценку специалистов, и мне хотелось бы сделать поэту новый заказ.

Хозяйка спокойно выслушала, внимательно глядя мне в лицо, а когда я умолк, с жаром произнесла:

— Значит, этот джентльмен напечатал свое произведение в вашем ежедневнике? Как это прекрасно! А стихи действительно хорошие?

— Превосходные! Я уже имел честь сообщить вам, что они произвели большое впечатление не только на меня, но и на видных специалистов.

— Очень интересно! Он показался мне образованным человеком, настоящим джентльменом. К сожалению, он почти ни с кем не разговаривал и не общался. Только раз вышел из пансиона, наверное,

именно тогда он и отнес вам свои стихи.

— Неужели? Во время беседы в редакции он намекнул, что несколько раз снимал здесь со счета деньги, а для этого ему было необходимо выходить из дому.

— Значит, он выходил в мое отсутствие, а может быть, все дела поручал секретарю.

— Разве у него есть секретарь? Он об этом не говорил. Судя по всему, он очень состоятельный человек.

— Думаю, да. Платил он не скупясь и заказывал самые изысканные блюда. Все его финансовые дела вел секретарь Клинтон.

— Клинтон? Ах, если секретаря зовут Клинтон, то, несомненно, именно его я встретил в клубе. Он из Нью-Йорка, по крайней мере, оттуда прибыл. Я встречался с ним... Постойте, когда же это было? Да только вчера, около полудня.

— Вполне возможно, — заметила она. — Он и в самом деле выходил из дому в это время.

— Вы не поверите, — продолжал я, — мы так понравились друг другу, что он даже подарил мне свою фотографию. Но я при себе фотографии не ношу и пообещал ему, что свою передам сегодня. Так мы и условились встретиться. Вот его фотография, — я протянул хозяйке снимок Гибсона, который всегда был при мне.

— Да, это секретарь мистера Олерта, — сказала она, бросив беглый взгляд на фотографию. — К сожалению, вы не скоро увидите, а мистер Олерт, увы, не передаст вам никакого стихотворения. Они оба уехали.

У меня упало сердце, но я быстро взял себя в руки и непритворно подсадовал:

— Ах, какая жалость! Наверное, им пришлось внезапно изменить все планы и уехать.

— Действительно, вы правы. Это невероятно трогательная история. Правда, мистер Олерт об этом не говорил, но ведь никто не станет нарочно беречь свои раны, а вот его секретарь поведал мне тайну с условием, что я буду ее хранить и никому не расскажу. Должна вам заметить, что мои постояльцы всегда относятся ко мне с доверием.

— Охотно верю вам, это вполне естественно. Ваши изысканные манеры, ваше поведение располагают к вам безусловно, — нагло заискивал я перед ней.

— Ах, что вы, что вы. — Она явно попалась на мою грубую лесть. — Эта история растрогала меня до слез, и я очень рада, что несчастному юноше удалось вовремя скрыться.

— Скрыться? Неужели его преследуют?

— Так оно и есть.

— Ах, как это странно! Такой талантливый поэт, и вдруг ему угрожают, его преследуют! Я редактор, а значит, в какой-то степени его собрат по перу... Может быть, мистер Олерт нуждается в защите? Может, стоит намекнуть в статье... Ах, как жаль, что вам поведали эту необыкновенную историю с непременным условием сохранить тайну!

Щеки дамы зарделись. Она достала из кармана платок, правда, не очень свежий на вид, чтобы в любой момент иметь его под рукой, и сказала:

— Что касается тайны, сэр, считаю, что не обязана больше молчать, раз эти господа уже покинули мой дом. Я была бы только рада, если бы вы смогли помочь молодому человеку.

— Я сделаю все от меня зависящее. Однако прежде, чем что-то предпринять, я должен знать, в чем, собственно, дело.

— Вы узнаете все. Сердце приказывает мне открыться вам. Всему виной любовь, беззаветная и несчастная.

— Так я и думал. Несчастливая любовь — это муки, разбивающие сердце вдребезги, — высокопарно воскликнул я, хотя о любви знал только понаслышке.

— Ваши слова еще больше расположили меня к вам. Вам уже пришлось страдать от любви.

— Пока еще нет, — сознался я, чтобы не слишком завираться.

— В таком случае, вы счастливый человек! А я, увы, натерпелась больше, чем одно человеческое сердце способно вынести. Моя мать была мулаткой. Я обручилась с белым юношей, сыном плантатора. Наше счастье рухнуло, как карточный домик, потому что отец жениха не пожелал принять в семью цветную девушку. Поэтому я очень сочувствую молодому человеку, которому уготована такая же жестокая судьба.

— Он влюблен в мулатку?

— Да. И его отец тоже решительно против брака. Коварством он добился от молодой леди расписки о том, что она отказывается от счастья и никогда не соединится с любимым.

— Какой бессердечный отец! — воскликнул я с хорошо разыгранным возмущением, чем опять завоевал одобрительный взгляд женщины.

Хозяйка пансиона приняла рассказы Гибсона за чистую монету и растрогалась до глубины души. Наверняка она рассказала ему историю собственной любви, а он сразу же сочинил сказку, при помощи которой ему и удалось добиться ее сочувствия и благовидно объяснить необходимость

так поспешно покинуть ее гостеприимный дом. Для меня же было очень важно узнать, что Гибсон теперь скрывается под именем Клинтон.

— Да, именно бессердечный! — искренне согласилась она с моим не очень искренним мнением. — Однако Уильям остался верен любимой, привез ее сюда и поместил в одном из пансионатов поблизости.

— Тогда я не понимаю, что принудило его покинуть Новый Орлеан.

— Его стали преследовать.

— Значит, отец приказал выследить его?

— Да. Он послал сыщика, негодяя, который со злосчастной распиской в руках преследует Уильяма и гоняется за ним по пятам из города в город. (В глубине души я потешался над простодушной женщиной, которая столь сердечно беседовала с «негодяем».) Это полицейская ищейка. Он должен поймать Уильяма и препроводить в Нью-Йорк.

— Секретарь мистера Олерта описал вам внешность негодяя? — спросил я, надеясь получить кое-какие сведения о себе самом.

— Да, и очень подробно. Вполне возможно, что он разыщет квартиру Уильяма и навестит меня. Но я устрою ему достойный прием. Я уже обдумала каждое слово. И от меня он не узнает, куда уехал бедный юноша. Я направлю сыщика по ложному следу, в противоположном направлении.

Хозяйка перечислила приметы сыщика и даже назвала его, то есть мое, имя. Описание было верное, хотя и не очень лестное.

— Я жду его с минуты на минуту, — продолжала она. — Когда мне доложили о вас, я была убеждена, что это он. К счастью, я ошиблась. Вы не способны преследовать влюбленных, разрушать их сладкое блаженство, не можете поступать так низко. По вашим добрым глазам я вижу, что вы непременно поместите в своей газете статью, в которой возьмете под защиту несчастных и заклейте позором их преследователя.

— Я готов это сделать, но мне необходимо знать, где сейчас находится Уильям Олерт. Прежде всего я должен написать ему письмо. Вы, вероятно, знаете его местопребывание?

— Я действительно знаю, куда он отправился, однако не уверена, что ваше письмо застанет его там. Полицейского я бы послал на Север, но вам скажу правду: мистер Олерт уехал на Юг, в Техас. Он собирается в Мексику и искал пароход до Веракруса, но сейчас ни одно судно не идет туда, и ему пришлось сесть на «Дельфин», отплывающий в Кинтану.

— Вам это точно известно?

— Конечно. Мистер Олерт так спешил, до отъезда оставалось так мало времени, что они еле успели собраться. Им помогал мой дворецкий, который и проводил мистера Олерта и его секретаря на пароход, поговорил

с матросами и узнал, что «Дельфин» идет только до Кинтаны с заходом в Галвестон. Они действительно уплыли на «Дельфине», дворецкий ждал в порту, пока судно не отошло от причала.

— А невеста мистера Олерта была с ним?

— Естественно. Хотя мой дворецкий и не видел молодую леди, потому что она сразу же ушла к себе в каюту, чтобы избежать чужих взглядов. Он и не спрашивал о ней, мои слуги приучены вести себя тактично и деликатно. Само собой разумеется, Уильям не бросил на произвол судьбы свою невесту. Я в какой-то степени даже рада, что их недоброжелатель навестит меня, потому что это будет замечательное в своем роде событие. Сначала я попробую смягчить его сердце и склонить на сторону влюбленных, а если не удастся, брошу ему в лицо резкие слова и поведу разговор в таком презрительном тоне, что он сгорит на месте от стыда.

Добрая женщина и в самом деле пришла в волнение от сопереживания несуществующим любовникам. Она встала со стула, сжала маленькие, пухлые кулачки и, протянув руки к двери, с чувством произнесла:

— Приди же, посланник ада! Я уничтожу тебя одним взглядом и разорву в порошок словами презрения!

Я узнал все, что хотел, и мог бы беспрепятственно уйти. Кто-то другой скорее всего именно так бы и поступил, оставив женщину в заблуждении. Но я решил открыться ей, чтобы она в будущем поостереглась принимать отпетого мошенника за порядочного человека. У меня не было страха, что своей откровенностью я могу навредить себе же, и поэтому сказал:

— Думаю, вам не представится возможность наказать негодяя сыщика.

— Но почему?

— Да потому что он поведет разговор совсем иначе, чем вы ожидаете. И вам не удастся направить его по ложному следу на север, потому что он поедет напрямиком в Кинтану.

— Но он не знает их местонахождения!

— Вы ошибаетесь, вы же сами ему все рассказали.

— Я? Быть этого не может. Я бы сразу его узнала. Когда это случилось?

— Только что.

— Сэр, я вас не понимаю! — воскликнула она в недоумении.

— Я помогу вам понять. Вы позволите в вашем присутствии несколько изменить мою внешность?

Не ожидая разрешения, я снял накладную бороду и очки. Перепуганная дама отшатнулась от меня.

— Боже мой! — вскричала она. — Вы не редактор, вы сыщик! Вы

подло обманули меня!

— Я вынужден был пойти на обман, так как знал заранее, что вас ввели в заблуждение. Любовь к мулатке — сплошная ложь. История с бессердечным отцом и распиской — тоже. Мошенник воспользовался вашей доверчивостью и посмеялся над вами. Клинтон вовсе не секретарь Уильяма Олерта. Его настоящее имя — Гибсон, он опасный мошенник, которого необходимо поймать.

Как подкошенная, она упала на стул и воскликнула:

— Нет, нет! Это неправда! Такой милый и обаятельный человек не может быть обманщиком. Я вам не верю.

— Вы обязательно поверите, если выслушаете меня. Разрешите рассказать вам все в подробностях, может быть, я смогу вас убедить.

После того как я поведал ей всю историю и предысторию, доброжелательность хозяйки к «такому милому и обаятельному человеку» уступила место бурному негодованию. Она убедилась, что ее самым наглым образом обвели вокруг пальца, и теперь радовалась, что я тоже провел ее с переодеванием.

— Если бы вы этого не сделали, — хвалила она меня, — вы никогда бы не узнали правду и последовали бы на север, в Небраску или Дакоту. А Гибсона-Клинтона, или как там его еще зовут, надо как следует наказать за его темные делишки. Надеюсь, вы незамедлительно пуститесь в погоню. А когда вы его поймаете, обязательно навестите меня, чтобы я могла высказать ему прямо в глаза, как я его презираю.

— Боюсь, что сделать это будет не так-то просто. В Техасе нелегко отыскать человека, еще труднее доставить его в Нью-Йорк. Я буду счастлив, если мне удастся вырвать Уильяма Олерта из рук негодя и спасти хотя бы часть денег, снятых им со счетов в банках.

Мы расстались друзьями. Полицейским, ожидающим меня у входа в пансион, я заявил, что благополучно уладил дело, дал им хорошие чаевые и отослал в участок.

Теперь следовало поскорее попасть в Кинтану, и я бросился наводить справки об отплывающих в том направлении пароходах, но мне чертовски не везло. Правда, было судно, отправляющееся в Тампико, но без захода в какой-либо другой порт. После долгих расспросов я все же нашел быстроходный клипер, идущий с грузом в Галвестон и отправлявшийся в рейс в тот же день после полудня. Надеюсь пересечь в Галвестоне на другое судно, следующее в Кинтану, я поспешил закончить все дела и пустился в путь.

К сожалению, я просчитался: из Галвестона уходил только один

пароход, к тому же не на Кинтану, а в Матагорду, в устье Колорадо. Меня заверили, что оттуда я без труда доберусь до Кинтаны, я послушался совета и, как потом выяснилось, поступил правильно...

Внимание вашингтонского правительства привлекали тогда события на Юге и в Мексике, где все еще продолжались кровавые бои между войсками республики и империи.

Бенито Хуарес стал президентом Мексиканской республики, правительство Соединенных Штатов его признало и помогло ему в борьбе с Максимилианом. Штаты оказали давление на Наполеона III и добились обещания вывести французские войска из Мексики. А когда Пруссия одержала победу над Австрией, император Франции был вынужден сдержать слово, данное правительству США, и с того момента судьба Максимилиана была предрешена.

В начале американской Гражданской войны Техас встал на сторону Штатов, препятствовавших отмене рабства. Разгром армии рабовладельцев не принес спокойствия. Жители Юга, озлобленные против победившего Севера, воспринимали в штыки политику правительства. Но среди населения Техаса были сильны и республиканские настроения. «Индийский герой» Хуарес, не побоявшийся противостоять Наполеону III и вступить в вооруженную борьбу с представителем сильнейшей европейской династии Габсбургов, пользовался популярностью среди свободолюбивых жителей прерий. Однако ему помогало вашингтонское правительство, а это, в свою очередь, вызывало неприязнь южан и способствовало возникновению тайных заговоров против Хуареса. Таким образом, среди населения Техаса произошел глубокий раскол: одни открыто встали на сторону Хуареса, другие выступили против него, но не столько по соображениям политическими, сколько из чувства противоречия — что угодно и как угодно, лишь бы наперекор Вашингтону. Техас волновался и бурлил, что весьма и весьма затрудняло продвижение по южной территории.

Так обстояли дела в Техасе, когда я вместо Кинтаны увидел унылый плоский остров, отделявший залив Матагорда от Мексиканского залива. Миновав Пасо-Кабальо, мы вынуждены были сразу бросить якорь, так как залив в этом месте настолько неглубокий, что пароходы садятся на мель.

Не теряя времени, я отправился в Матагорду, чтобы узнать, как быстро я смогу попасть в Кинтану, и с огорчением услышал, что первое судно отплывает только через два дня. Итак, я застрял в Матагорде, злой на себя и на весь мир, потому что Гибсон опережал меня на четыре дня и мог скрыться бесследно. И только мысль о том, что я сделал все, что было в моих силах, служила мне хоть и слабым, но все же утешением.

Ждать да догонять — хуже нет, но что оставалось делать?

Я нашел сносное жилье и приказал доставить туда с клипера мои вещи.

В те времена Матагорда была гораздо меньшим городом, чем теперь. Порт, расположенный в восточной части залива, и сегодня уступает по значению Галвестону. Как и везде в Техасе, в тех краях вдоль побережья тянется низменность, хоть и не топкая и неболотистая, но с очень влажным и нездоровым климатом. В таких местах ничего не стоит подхватить лихорадку, поэтому перспектива торчать там два дня без дела меня отнюдь не радовала.

Мою гостиницу можно было сравнить с европейским заезжим двором низшего разряда; комната напоминала теснотой каюту, а кровать была так коротка, что, когда я вытягивал ноги, голова упиралась в спинку, а когда устраивал поудобнее голову, приходилось поджимать ноги.

Я разложил вещи и решил выйти прогуляться по городу. В коридоре между моими «апартаментами» и лестницей я заметил вторую комнату, дверь в которую была открыта. Проходя мимо, я бросил туда взгляд и увидел на полу у стены седло, а над ним — висевшую на гвозде конскую сбрую. В углу, рядом с окном, стояло длинное ружье из Кентукки. Мне тут же вспомнился Олд Дэт, хотя все эти предметы могли принадлежать кому угодно.

Поворачивая за угол гостиницы, я неожиданно столкнулся с идущим мне навстречу человеком.

— Черт побери! — рявкнул тот. — Если уж вы мчитесь очертя голову, придерживайте вожжи на поворотах.

— Если уж я мчусь очертя голову, то, верно, улитка вам покажется пароходом с Миссисипи, — ответил я с улыбкой.

Незнакомец отшатнулся, всмотрелся в меня и воскликнул:

— Ба! Да это же гринхорн, скрывающий, что он сыщик! Что вы потеряли и теперь ищете в Техасе, к тому же в Матагорде?

— Уж конечно, не вас, мистер Олд Дэт.

— Охотно верю. Мне кажется, вы принадлежите к тем людям, что никак не могут найти то, что ищут, зато путаются под ногами у тех, до кого им дела нет. Наверняка вы проголодались и не прочь закусить и освежиться. Пойдемте причалим к столику в какой-нибудь пивной и выпьем по кружечке доброго пива. Как ни странно, даже в этой дыре нет нехватки благотворного напитка. Где вы остановились?

— «У дядюшки Сэма».

— Прекрасно! И я поставил свой вигвам там же.

— В комнате на втором этаже? Там, где лежит конская сбруя и ружье?

— Да. Я не в силах расстаться со сбруей — до того она мне нравится. Лошадь всегда можно раздобыть, а вот сносное седло встречается не так часто. Пойдемте, сэр. Я только что вышел из кабака, в котором еще осталось свежее холодное пиво. В июньскую жару даже боги не пьют ничего вкуснее. Я готов осушить еще несколько кружек.

Он привел меня в заведение, где подавалось дорогое бутылочное пиво; мы были единственными посетителями. Я предложил Олд Дэту сигару, но он отказался, достал из кармана плитку жевательного табаку, отрезал от нее добрый кусок, которого с избытком хватило бы на несколько матросов, сунул в рот, пристроил за щекой и сказал:

— Вот теперь я готов выслушать вас. Каким ветром вас занесло в Матагорду вслед за мной? Неужто попутным?

— Нет, скорее встречным.

— Значит, вы не собираетесь ехать сюда?

— Я хотел попасть в Кинтану, но туда не шло ни одно судно, и я понадеялся, что отсюда быстрее доберусь до цели. К сожалению, и здесь придется ждать два дня.

— Смиритесь, сэр, наберитесь терпения, ждите и относитесь спокойно к тому, что счастье вам не сопутствует.

— Хорошо же вы меня утешили! И вы ждете благодарности?

— Благодарность излишня, — рассмеялся Олд Дэт. — Советы я даю бесплатно. Впрочем, мне тоже не везет: я застрял здесь из-за собственной медлительности. Мне надо было добраться до Остина, а затем несколько дальше вниз по течению Рио-Гранде-дель-Норте. Лучшее время года для такого путешествия. Прошли дожди, значит, в Колорадо вода поднялась и любая плоскодонка довезет вас до Остина. Стоит упустить момент — вода в реке спадет и туда уже не добраться.

— Говорят, что судоходство здесь очень затруднено.

— Собственно, здесь нет мелей или порогов: судоходству мешают завалы из полузатонувших деревьев. Течение нагромоздило их плотиной примерно в восьми милях отсюда, из-за этого река разделяется на несколько рукавов. Выше фарватер свободен до Остина, и даже дальше. Это место лучше обойти пешком и за ним сесть на пароход. Я так и собирался поступить, но уж больно мне понравилось здешнее пиво. Я лакомился им целый день и долакомился до того, что, когда пришел к причалу, пароход уже отошел. Мне пришлось тащить седло обратно в город, и теперь я жду следующее судно, которое отплывает завтра утром.

— Значит, мы товарищи по несчастью. Утешьтесь тем же, чем вы

утешали меня: счастье вам не сопутствует.

— Ничего страшного. Я никого не выслеживаю, и мне совершенно наплевать, прибуду я в Остин сегодня, завтра или через неделю. Но меня до чертиков разозлило то, что один болван посмеялся надо мной. Он опередил меня и свистел с палубы, когда я, как осел, был вынужден стоять на берегу в обнимку с седлом. Если я когда-нибудь его встречу, задам трепку пуще прежней.

— Вы подрались с кем-то, сэр?

— Подрался? Олд Дэт никогда не дерется. Однако на «Дельфине» — я приплыл сюда на этом корыте — был негодяй, который то и дело посмеивался над моей внешностью и гнусно ухмылялся при встрече со мной. Я спросил его напрямик, что ему так не нравится, и он ответил, что ему не по вкусу мой скелет. Я врезал ему с правой так, что он рухнул на четвереньки. Потом он вскочил, принялся размахивать руками, схватился за револьвер, но вмешался капитан и приказал ему угомониться: старый шкипер встал на мою сторону и сказал, что тот получил по заслугам. Именно поэтому негодяй хохотал, не помня себя от радости, когда я опоздал на пароход. А вот его спутника мне жаль. Мне показалось, что это был настоящий джентльмен, хотя вид у него был грустный, хмурый, словно не от мира сего.

Я наострил уши.

— Не от мира сего? А вы случайно не слышали, как его зовут?

— Почему же, слышал. Капитан обращался к нему «мистер Олерт».

Я испытал такое чувство, словно меня ударили по голове дубиной.

— Вот как? А знаете ли вы имя его товарища?

— Если память мне не изменяет, его звали Клинтон.

— Неужели это возможно? — воскликнул я, от волнения вскакивая со стула. — Значит, вы плыли с ними на одном судне?

Олд Дэт изумленно уставился на меня.

— Что с вами, сэр? Какая муха вас укусила? Вас интересуют эти люди?

— И даже очень! Их-то я и ищу!

На лице Олда Дэта появилась дружелюбная гримаса.

— Наконец-то вы признались, — сказал он, — что занимаетесь сыском и что преследуете именно этих двоих. Вы действительно гринхорн. Вы сами сделали все, чтобы упустить удачу.

— Как так?

— Да так! Вы не доверились мне в Новом Орлеане.

— Но я не мог поступить иначе, — оправдывался я.

— Человек волен выбирать и следовать любым путем, ведущим к цели. Если бы вы тогда открылись мне, они оба уже были бы в ваших руках. Я бы с ходу опознал их и сообщил вам, где они прячутся. Разве я не прав?

— Кто мог предвидеть, что вы окажетесь с ними на борту одного судна? К тому же они плыли до Кинтаны, а не до Матагорды.

— Они только говорили так для отвода глаз, а на самом деле и не собирались сходить на берег в Кинтане. Обычный трюк. Однако если вы уже набрались ума-разума и поняли, что мне можно доверять, расскажите все с самого начала, возможно, я сумею вам помочь.

Несомненно, Олд Дэт относился ко мне доброжелательно. Он не собирался насмехаться надо мной, но мне было неловко: еще вчера я скрытничал и молчал, а теперь условия вынуждали меня обратиться к нему за помощью. Самолюбие приказывало мне упорствовать, разум — сдаться. После минутных колебаний я достал обе фотографии и протянул их Олд Дэту.

— Прежде чем я начну рассказ, посмотрите внимательно на этих людей. Вы видели их?

— Да, это они, — подтвердил он, бросив взгляд на снимки. — Ошибки быть не может.

И тогда я без утайки поведал ему всю историю моей погони. Старый вестмен внимательно выслушал меня, а когда я закончил, встряхнул головой и заявил:

— Мне все ясно. Все, кроме одного пустяка: этот Уильям действительно умом тронулся?

— Думаю, что нет. Я, правда, не слишком-то разбираюсь в психических заболеваниях, но здесь, по-моему, мы имеем дело с манией. Уильям, за исключением редких случаев, полностью отвечает за свои действия.

— Тем более непонятно, почему он позволяет этому мошеннику вертеть собой. Гибсон, видно, продувная бестия и очень ловко использует парня. Мы должны узнать, каким образом он добивается, что тот его слушается во всем, как няньку.

— А вы уверены, что они отправились в Остин? Может быть, это очередная уловка, чтобы запутать следы, а сами они сойдут где-нибудь по пути.

— Не думаю. Олерт сказал капитану судна, что они плывут в Остин.

— А вас не удивляет, что он открыто назвал маршрут путешествия?

— Нисколько. Ведь Олерт, скорее всего, и не догадывается, что его

разыскивают. У него в душе сумерки, он полностью поглощен своей идеей, все остальное — дело рук Гибсона. Парень счел необходимым сказать капитану, куда он плывет, а тот, в свою очередь, сообщил мне. Итак, что вы собираетесь предпринять?

— Немедленно последую за ними.

— Наберитесь терпения до завтрашнего дня. Раньше не отплывает ни одно судно.

— А когда мы попадем в Остин?

— Уровень воды в реке упал, значит — только послезавтра.

— Боже мой, только послезавтра!

— По той же причине они тоже придут к цели позже, чем рассчитывают. К тому же нередко случается, что пароход садится на мель, и тогда проходит много времени, прежде чем удастся сдвинуть его с места.

— Если бы я знал, что на уме у Гибсона и куда он везет Олерта!

— Да, трудно сказать, даже гадать не стоит. Мошенник, конечно, что-то задумал. Денег, снятых со счетов, с лихвой хватит, чтобы обеспечить себе безбедное существование. Что мешает Гибсону отнять их силком или выманить хитростью, а Олерта просто бросить за ненадобностью? Но он не делает этого, а значит, у него далеко идущие планы в отношении банкирского сынка. Вы меня заинтриговали этим делом, а так как пока наши пути совпадают, предлагаю вам свои услуги, если, конечно, вы ничего не имеете против.

— С благодарностью принимаю вашу помощь, сэр. Я полностью доверяю вам и рад, что вы по-дружески отнеслись ко мне. Надеюсь, что ваш опыт пригодится нам.

Мы скрепили наш договор рукопожатием и осушили кружки. Я сожалел, что накануне не решился открыться.

Мы снова наполнили кружки, но не успели пригубить их, как с улицы донесся шум. Звучали грубые голоса, лаяли собаки. С треском распахнулась дверь, и в пивную ввалились шестеро изрядно подгулявших мужчин. Их вызывающий вид, легкая, небрежная одежда и превосходное оружие сразу бросались в глаза: ружья за спиной, ножи и револьверы или пистолеты за поясом. А кроме того, у каждого была плетка и на длинном прочном поводке — собака. Это были «охотники на людей» — огромные псы известной породы, используемые для охоты на беглых рабов.

Вошедшие нагло осмотрели нас с ног до головы, упали на стулья, жалобно заскрипевшие под их тяжестью, взгромоздили ноги на стол и принялись барабанить каблуками по столешнице, что, по-видимому, на их языке означало приветствие и просьбу подойти к ним и обслужить.

— Человек, пиво есть? — рявкнул один из них.

Перепуганный насмерть хозяин только кивнул головой и побежал за пивом для своих желанных гостей, а я вопреки собственной воле повернулся и посмотрел на буяна. Я совершенно уверен, что в моем взгляде не было и намека на обиду, но он, заметив, что я смотрю на него, взъярился. То ли он не любил, когда его рассматривали, то ли искал повода для ссоры, на этот раз он рявкнул на меня:

— Ты чего уставился?

Не говоря ни слова, я повернулся к нему спиной.

— Будьте осторожны, — шепотом предостерег меня Олд Дэт. — Не стоит их задевать. Это забияки худшего сорта, бывшие надсмотрщики за рабами с плантаций. Теперь, когда рабство отменили и их хозяева разорились, они остались без работы, собираются в шайки и живут грабежом. Постарайтесь не обращать на них внимания. Давайте допьем пиво и покинем это гостеприимное заведение.

Дебоширу, как видно, трудно было угодить, и он снова заорал, недовольный тем, что мы говорили вполголоса:

— Ты чего шепчешься, старый скелет? Если вздумаешь посудачить о нас, то говори громко, а то мы сами тебе пасть раскроем пошире.

Олд Дэт поднес кружку к губам, отхлебнул несколько глотков и ничего не ответил. Тем временем новой компании подали пиво, и хотя питье на самом деле было отменно, они, сняв пробу, принялись плевать и вылили на пол содержимое кружек. Их заводила, наоравший на меня и Олд Дэта, держа в руках еще полную кружку, закричал:

— Стойте! Не на пол! Вот там сидят двое, им по вкусу эти помои! Пейте на здоровье, господа!

С этими словами он выплеснул на нас содержимое своей кружки.

Олд Дэт молча вытер рукавом забрызганное лицо, а я не сдержался. Все — шляпа, воротник, спина куртки — было залито пивом. Почти вся струя попала на меня. Я повернулся к грубияну и отдельно произнес:

— Сэр, не вздумайте повторить свою выходку. Шутите с вашими друзьями, нас оставьте в покое!

— Что вы говорите?! И что же произойдет, если мне взбредет охота снова пошутить?

— Увидите.

— Ой, как мне хочется увидеть! Хозяин, еще пива!

Его собутыльники хохотали и одобрительно шумели, довольные поведением своего предводителя и уже предвкушавшие повторение «шутки».

— Ради бога, сэр, не задевайте этих разбойников, — предостерегал меня Олд Дэт.

— Вы боитесь? — спросил я.

— Нисколько. Но у них дурная привычка сразу же хвататься за оружие. А против пули никакая отвага не поможет. И не забывайте — у них собаки.

Псы лежали на полу, привязанные к ножкам столов. Я пересел на другой стул, боком к негодьям, чтобы держать их в поле зрения и помешать облить меня.

— Да вы только посмотрите! — закричал главарь. — Он собирается защищаться! Но я натравлю на него Плутона, если он сделает малейшее движение. И пусть потом не жалуется — я сам обучил моего пса охотиться на людей.

Он отвязал собаку от ножки стола и держал ее на коротком поводке у ноги. Хозяин кабачка еще не принес им пиво, у нас было время бросить на стол деньги и уйти подобру-поздорову, но вряд ли бандиты позволили бы нам ускользнуть. Кроме того, во мне закипело отвращение и презрение: такие храбрецы из породы «семеро на одного не боимся» всегда в глубине души отъявленные трусы.

Я сунул руку в карман и поставил револьвер на боевой взвод. Зная, что в рукопашной схватке разделаюсь с ними, я не был уверен, что устою против псов. Правда, когда-то я имел дело с собаками, натасканными на людей, и знал их повадки, но справиться мог только с одной.

Вернулся хозяин с полными кружками, поставил их на стол и обратился к неугомонным забиякам с мольбой в голосе:

— Джентльмены, я рад, что вы оказали мне честь и посетили мое заведение, но я прошу вас оставить в покое этих людей. Они, так же как и вы, мои гости.

— Ах, ты, негодяй! — заорал на него один из бандитов. — Ты вздумал учить нас? Ну погоди, мы быстро охладим твой пыл.

Тут же его окатили из двух-трех кружек, и хозяин благоразумно ретировался за стойку.

— А теперь твоя очередь, наглец! — крикнул мне мой противник. — Сейчас ты получишь все, что тебе причитается!

Удерживая собаку правой рукой, он левой выплеснул в меня кружку. Я ждал этого, вскочил со стула и отпрыгнул в сторону, так, что пиво на меня не попало. Стиснув кулаки, я уже было бросился на бандита, чтобы наказать его, но он опередил меня.

— Плутон, фас! — резко крикнул он, отпуская пса.

К счастью, я успел прижаться к стене. Огромное животное одним прыжком преодолело расстояние в пять шагов, оскаленные зубы метили мне в горло. Однако я увернулся, и пес носом врезался в каменную стену. Удар был настолько силен, что оглушенный Плутон растянулся на полу. Я молниеносно схватил его за задние лапы, размахнулся и размозжил ему череп о каменную кладку стены.

Раздался жуткий рев. Остальные псы заходились в лае и волокли за собой на поводках столы. Люди чертыхались и осыпали меня проклятиями и угрозами. Хозяин убитой собаки собирался с духом, чтобы напасть на меня. И среди этого воя прозвучал спокойный голос Олд Дэта, который поднялся с места и уже навел на бандитов два револьвера.

— Остановитесь! Остыньте, мальчики, передохните. Одно движение или попытка достать оружие — и я стреляю. Вы несколько ошиблись на наш счет. Меня зовут Олд Дэт, вы наверняка обо мне слышали, а молодой человек — мой друг, и он тоже не робкого десятка. Садитесь и спокойно пейте свое пиво. Руку от кармана, живо, не то получишь пулю в лоб! — предостерег Олд Дэт одного из бывших надсмотрщиков, который вдруг решил воспользоваться всеобщим замешательством и сунуть руку в карман. Тем временем я тоже выхватил взведенный револьвер, и теперь в нашем распоряжении имелось восемнадцать выстрелов. Мы уложили бы на месте любого из задир, попытавшегося схватиться за оружие.

Старый вестмен преобразился. Его обычно согнутая дугой фигура распрямилась, глаза заблестели, а лицо приняло решительное выражение. Обескураженные таким поворотом событий, наглецы вмиг присмирели и, ворча что-то себе под нос, сели за стол. Даже хозяин убитой мною собаки не посмел подойти к убитому животному из страха приблизиться ко мне.

Мы все еще стояли с револьверами на изготовку, когда открылась дверь и на пороге появился новый посетитель.

Это был индеец.

На нем была охотничья куртка из белой замши, украшенная красной индейской вышивкой, и штаны из такой же замши с бахромой из скальпов убитых врагов на швах. На его белом костюме не было ни единого пятнышка. Небольшие для мужчины ступни обтягивали шитые бисером мокасины с узором из игл дикобраза. На груди висел мешочек с «лекарствами», трубка мира, покрытая искусной резьбой, и тройное ожерелье из когтей серого медведя, самого опасного хищника Скалистых гор. Бедро опоясывало великолепное одеяло, а из-за пояса торчали нож и револьвер. В руке он держал двустволку с деревянной ложей, густо обитой серебряными гвоздиками. Голова индейца не была покрыта, в иссиня-

черных волосах, стянутых на макушке узлом, вилась кожа гремучей змеи. И хотя его не украшало ни орлиное перо, ни какой-либо другой отличительный знак высокого положения, сразу становилось ясно, что перед вами прославленный воин. У него было красивое мужественное лицо с римским профилем, скулы не выпирали, как у большинства его сородичей, мягко очерченные губы словно припухли, а кожа лица, матовая и светлая, имела легкий медный оттенок. Словом, в дверях стоял Виннету, верховный вождь апачей, с которым меня связывали узы братства.

Он на мгновение остановился, быстрым, оценивающим взглядом темных глаз окинул зал и посетителей, затем вошел и сел поближе к нам и подальше от бандитов, уставившихся на него.

Я собрался было подойти к Виннету и сердечно его поприветствовать, как вдруг в голову мне пришла мысль, заставившая меня задуматься, почему вождь не подал виду, что знает меня, хотя не узнать меня он никак не мог. Видимо, у него на то были веские причины, препятствующие проявлению дружеских чувств, и я тоже остался стоять на месте, всем своим видом показывая полное безразличие к индейцу.

По его лицу было видно, что он мгновенно разобрался в происходящем и правильно оценил обстановку: полупрезрительно сощурив глаза, Виннету еще раз посмотрел на наших противников, а когда я и Олд Дэт спрятали револьверы и снова сели к столу, на его губах промелькнула едва заметная одобрительная улыбка.

Появление краснокожего произвело на всех такое впечатление, что в зале воцарилась тишина. Хозяин, успокоенный молчанием дебоширов, приоткрыл дверь, высунул голову и, убедившись, что опасность на сей раз миновала, решил пойти в зал.

— Будьте любезны, подайте кружку пива, — обратился к нему индеец приятным чистым голосом на правильном английском языке.

Вежливость и хорошие манеры Виннету подействовали на злодеев, как красная тряпка на быка. Они сгрудились и принялись шептаться. Взгляды, которые они бросали на индейца, не сулили тому ничего хорошего.

Виннету принесли пиво, он приподнял кружку, посмотрел на свет, пригубил и остался доволен собой.

— Прекрасно! — похвалил он напиток, причмокивая от удовольствия. — У вас действительно хорошее пиво. Великий Маниту белых людей обучил их многим полезным вещам, и пивоварение — одна из лучших.

— Не могу поверить, что это говорит индеец! — вполголоса обратился я к Олд Дэту, продолжая делать вид, что впервые вижу Виннету.

— Тем не менее это индеец, и самый настоящий, — так же тихо ответил мне старик с многозначительным нажимом.

— Вы знаете его? Наверняка вы с ним встречались раньше. Кто он такой?

— Мне никогда не доводилось видеть его, но по одежде, внешности, возрасту и, главное, двустволке я догадываюсь, кто к нам пожаловал. Пуля, выпущенная из этой винтовки с серебряными гвоздиками, всегда падает в цель. Вам повезло, молодой человек, вы имеете честь лицезреть самого известного индейского вождя Северной Америки, Виннету, верховного вождя апачей и самого смелого воина всех племен. Его имя знают и в дворцах, и в хижинах, о нем рассказывают легенды у каждого костра. Виннету справедлив, умен, честен, беспредельно отважен, держит свое слово, мастерски владеет всеми видами оружия, он друг и защитник всех краснокожих и белых, нуждающихся в помощи, и известен на всей территории Соединенных Штатов и за их пределами как национальный герой Дикого Запада.

— Но где же ему удалось так выучить английский и приобрести манеры белого джентльмена?

— Он много времени проводит на Востоке. А кроме того, рассказывают, что один известный европейский ученый попал в плен к апачам. Краснокожие, непонятно почему, сохранили ему жизнь, и он решил остаться с ними. Он-то и был учителем Виннету, однако сомневаюсь, что ему удалось привить индейцу человеколюбие, как мы его понимаем, и не исключено, что сам ученый погиб от рук дикарей.

Олд Дэт говорил шепотом так тихо, что я с трудом различал слова. Но индеец, сидевший на расстоянии пяти шагов от нас, повернулся к нам лицом и сказал:

— Олд Дэт заблуждается. Белый ученый добровольно прибыл к апачам, где был принят гостеприимно. Он стал учителем Виннету и учил его отличать грех от добродетели, а правду от лжи. Ни один волос не упал с его головы от рук апачей, которые уважали и почитали его как старшего брата, и никогда он не тосковал по белым братьям. А когда он умер, на его могиле посадили дубы. Белый учитель попал в вечнозеленые прерии, где избранные живут в мире и с любовью созерцают лик Великого Маниту. Когда-нибудь Виннету снова встретится с ним и забудет про ненависть, царствующую на земле.

Олд Дэт был невероятно польщен тем, что Виннету узнал его. Лицо старика излучало радость, когда он спросил краснокожего:

— Неужели, сэр, вы знаете меня?

— Я никогда не видел вас раньше, но узнал сразу же, как только вошел. Вы — тот знаменитый охотник, чье имя знают даже в Лас-Анимас (небольшое селение посреди пустынного плоскогорья Большон-де-Мапими).

После этих слов он отвернулся, давая понять, что обмен любезностями закончился. За все время разговора ни одна мышца не дрогнула на его словно высеченном из камня, меднокожем лице. Теперь он сидел, погруженный в собственные мысли, и его как будто совершенно не интересовало то, что происходило у него за спиной.

Наши противники продолжали шептаться, утвердительно кивали головами и, кажется, уже пришли к согласию. Они не знали, что за индеец сидит рядом с ними, и не удосужились прислушаться к нашему разговору, чтобы определить, кто он такой. Потерпев поражение от нас, они горели желанием отыграться на «дикаре» и всем своим видом давали ему понять, как они его презирают за красный цвет кожи. Негодяи и трусы, они и представить себе не могли, что мы встанем на сторону индейца, так как согласно тамошним обычаям не следовало вмешиваться, если обида лично вас не касалась. Тот самый задира с вызывающей ухмылкой подошел к индейцу. Я незаметно достал револьвер из кармана и положил его на колени.

— Это ни к чему, — шепнул мне Олд Дэт. — Виннету один справиться с целой бандой таких негодяев.

Уперев руки в бедра и широко расставив ноги, разбойник встал перед апачем и произнес:

— Что ты потерял в Матагорде, красная шкура? Заруби себе на носу, мы здесь терпеть не можем общества дикарей.

Виннету, не удостоив негодяя даже взглядом, поднес кружку к губам, сделал хороший глоток, прищелкнул языком, одобряя напиток, и поставил кружку обратно на стол, словно ничего не слышал.

— Ты что, оглох, краснокожий? — разъярился бывший надсмотрщик. — Что ты потерял здесь? Ты — лазутчик. Хуарес — красная шкура, и все краснокожие шпионят в его пользу, но мы-то стоим за императора Макса и вешаем каждого индейца, чья рожа нам не нравится. Ну-ка крикни погромче, да так, чтобы на улице услышали: «Да здравствует император Макс!» — а не то подвесим тебя на первом дереве.

Виннету и на этот раз не произнес ни слова в ответ. На его бесстрастном лице не было и тени волнения.

— Я к тебе обращаюсь, красная собака! Отвечай! — заорал в ярости предводитель шайки и схватил Виннету за плечо.

Индеец легко увернулся от руки негодя и вскочил на ноги.

— Прочь! — воскликнул он тоном, не терпящим возражений. — Койоту не пристало выть в присутствии воина!

Читателю необходимо объяснить, что койот — это американский шакал, животное, презираемое индейцами. В глазах краснокожих нет ничего унижительнее и пренебрежительнее, чем сравнение с койотом.

— Койот?! — зашелся в крике бандит. — Да за такое оскорбление ты заплатишь кровью! Немедленно! Сейчас же!

Он выхватил револьвер, но тут произошло то, чего бывший надсмотрщик никак не ожидал: одним ударом индеец выбил у него из рук оружие, схватил за ремень, поднял в воздух и с размаху швырнул в окно. Деревянная рама разлетелась в щепки, осколки стекла усеяли пол в пивной и мостовую, а сам негодяй тяжело шлепнулся на улицу.

Конечно, все произошло значительно быстрее, чем я рассказываю. Звон битого стекла, вой псов и бешеный рев банды покрыл звонкий голос Виннету. Индеец успел приблизиться к разбойникам и, указывая рукой на окно, спросил:

— Как еще хочет выйти на улицу тем же путем? Пусть скажет!

При этом вождь апачей подошел слишком близко к одной из собак, которая попыталась укусить его, но тот пнул животное, и оно с жалобным воем спряталось под стол. Испуганные негодяи попятились назад и в страхе умолкли. Виннету без оружия в руках напоминал дрессировщика диких животных, что в одиночку входит в клетку, одним взглядом усмиряя хищников.

Вдруг дверь резко распахнулась, и на пороге предстал выброшенный в окно головорез. По изрезанному осколками стекла лицу струилась кровь. Он выхватил нож и с бешеным воплем бросился на Виннету. Апач отступил на шаг в сторону, перехватил руку с ножом, обвил соперника руками, приподнял и грохнул об пол с такой силой, что тот потерял сознание и остался лежать без движения. Ни один из шайки не попытался вступить за него или помочь прийти в себя. Виннету спокойно, словно ничего не произошло, допил пиво, жестом подозвал дрожавшего за стойкой хозяина и положил ему на ладонь маленький желтый камешек, который достал из висевшего на поясе мешочка.

— Возьмите это в счет платы за пиво и за разбитое окно, мистер, — сказал индеец, — как видите, дикарь платит долги. Тем более вы должны быть уверены, что и от цивилизованных людей получите все сполна. Они не могут стерпеть в своем обществе «красную шкуру», поэтому я, вождь апачей Виннету, ухожу, но не потому, что боюсь, а потому, что мне

действительно не место среди людей, у которых лица светлые, а души темные.

Апач взял винтовку и неторопливо покинул кабачок, не взглянув больше ни на кого, даже на меня.

Бандиты снова оживились. Их терзало любопытство более сильное, чем гнев, стыд и сочувствие к лежавшему без сознания товарищу. Прежде всего они спросили у хозяина, чем расплатился индеец.

— Золотым наггитом, — ответил тот, показывая самородок величиной с грецкий орех. — Потянет долларов на двенадцать. Краснокожий по-королевски заплатил за прогнившие оконные рамы и побитые стекла. Мне показалось, у него полный мешочек наггитов.

Раздались негодующие возгласы: Мерзавцев возмутило то, что у индейца было столько золота. Наггит хозяина передавали из рук в руки, оценивая его стоимость. А мы воспользовались относительным и, судя по всему, временным затишьем, расплатились и вышли на улицу.

— Ну, какое впечатление произвел на вас апач? — спросил меня Олд Дэт, когда мы беспрепятственно оказались за порогом пивной. — Другого такого индейца не сыщете во всей Америке. Эти забияки испугались его, как воробьи сокола. Жаль, что больше не придется увидеться с ним. Надо было бы пойти за ним и расспросить, каким ветром его сюда занесло, что он делает, остановился в прерии за городом или снял номер в гостинице. Ведь должен же он был где-то оставить свою лошадь! Где же это видано, чтобы апач, тем более сам Виннету, путешествовал пешком? Однако и вы, сэр, не робкого десятка и умеете постоять за себя. Я рад за вас. Я чуть было не испугался, потому что задирать таких бандитов все равно что дергать гремучую змею за хвост. Но с собакой вы разделались так, что вас перестанут величать гринхорном. А вот и наше жильё! Войдем? Такой старый охотник, как я, только при крайней необходимости лезет в каменные дома, мне в них не по себе, и только голубое небо над головой действует на меня умиротворяюще. Давайте погуляем еще немного по Матагорде. Очень милый городок, не правда ли? Надо же нам как-то скоротать время. А может, вы хотите сыграть в карты?

— Вообще-то я не игрок и в будущем постараюсь не увлечься игрой.

— И будете совершенно правы, молодой человек. Но здесь играют все, и чем дальше в глубь Мексики, тем больше и азартнее. Там муж играет с женой, а кот — с мышью, и часто расплачиваются ударом ножа. Итак, раз вы не играете, пойдёмте прогуляемся. А потом перекусим и отправимся на боковую. В этой благословенной стране человек никогда не знает, где и когда ляжет спать) вечером.

— Не сгущайте красок, сэр.

— А вы не забываете, что находитесь в Техасе, здесь еще нет порядка. Вот мы, к примеру, собрались плыть в Остин, но один Бог знает, попадем ли мы туда. Мексиканская война затронула территории по ту сторону Рио-Гранде. Поэтому, когда будем гоняться за Гибсоном, придется считаться не только с его действиями, но и с обстановкой. А если Гибсону вздумалось прервать путешествие в Остин и сойти на берег где-нибудь в другом месте, мы должны будем сделать то же самое.

— Но как мы узнаем, что он сошел на берег?

— Будем расспрашивать. Это по Миссисипи суда несутся на всех парах, здесь же, по Колорадо, идут не спеша, и в каждом городке у нас будет по крайней мере полчаса на расспросы. Кроме того, мы должны быть готовы сойти на берег даже там, где нет ни города, ни гостиницы, в которой можно переночевать.

— В таком случае что же будет с моим сундуком?

Олд Дэт рассмеялся:

— С вашим сундуком?! Да кто же в наши времена таскает за собой сундук?! Сундук — это пережиток, молодой человек. Если бы я захотел взять с собой все, что может пригодиться в путешествии, недалеко бы я уехал. Возьмите только то, без чего совершенно невозможно обойтись, а остальное приобретайте в пути по мере надобности. Простите старику любопытство: что же такое важное вы возите с собой в сундуке?

— Одежду, белье, туалетные принадлежности...

— Все это прекрасные вещи, но они продаются в любой лавочке, а там, где их нет, можно обойтись и без них. Рубаху носят, покуда она не распадется на клочки от ветхости, и только потом приобретают новую. Туалетные принадлежности? Не в обиду будь сказано, сэр, но всякие там щетки для волос, ножницы для ногтей, помада для усов и тому подобная чепуха унижают мужчину. А вся та бутафория, с помощью которой вы меняли свою внешность, здесь вам не пригодится: в Техасе нет необходимости скрывать лицо под накладной бородой. Вся эта романтика не приведет вас к цели. Здесь надо действовать осмотрительно и серьезно.

Он остановился, осмотрел меня с ног до головы, рассмеялся и продолжил:

— Вы сейчас одеты так, что не стыдно войти и в гостиную знатной дамы, и в ложу театра. Но Техас — не гостиная и не ложа театра, и не надо быть семи пядей во лбу, чтобы предвидеть, что ваш прекрасный сюртук скоро превратится в рвань, а модный цилиндр — в гармошку. Вы знаете, куда подался Гибсон? В Техасе он не останется. Если он хочет уйти от

погони, ему надо покинуть пределы Соединенных Штатов. А тот факт, что Гибсон избрал путь через Техас, дает нам основания предполагать, что он собирается в Мексику, где идут военные действия и где в суматохе легко затеряться, откуда его никто и никакая полиция не сможет доставить в Нью-Йорк.

— Вероятно, вы правы. Однако я думаю, собирайся он в Мексику, ему проще было бы добраться до одного из тамошних портов.

— Ничего подобного. Вы вынудили его так спешно покинуть Новый Орлеан, что он сел на первый попавшийся пароход. Кроме того, все мексиканские порты в руках французов, которых он, как я полагаю, тоже не жаждет видеть. У него нет выбора, ему остается дорога по суше, а так как он очень осторожен, то постарается обойти города стороной. Вполне возможно, он минует Остин и сойдет где-нибудь по пути. К Рио-Гранде ему придется добираться верхом, отыскивая, по возможности, безлюдные места. И вы собираетесь последовать за ним в цилиндре, сюртуке и с сундуком? Не смешите меня!

В глубине души я признавал правоту Олд Дэта, но мне вздумалось подшутить над стариком, поэтому я с притворным отчаянием посмотрел на мой еще совсем новый костюм. Олд Дэт принял все за чистую монету, дружески похлопал меня по плечу и принялся утешать:

— Не расстраивайтесь, сэр. Ваша прекрасная одежда совершенно не годится для здешних мест. Расстаньтесь с ней без сожаления. Сходите к торговцу, продайте свой ненужный хлам, а на вырученные деньги купите добротную трапперскую обновку. Надеюсь, ваши хозяева не поскупились и отвалили вам солидную сумму на дорожные расходы.

Он был прав.

— Значит, все в порядке, — подытожил Олд Дэт. — Снимите эти одеяния, они не подходят тому, кто ездит верхом и стреляет: Кстати, лошади вам тоже понадобятся, но покупать их здесь не стоит: кони тут плохие и очень дороги. А подальше в прерии любой фермер продаст вам задешево хорошую лошадку. А вот седло надо купить здесь.

— Боже мой! Вы и мне прикажете бегать с седлом на спине?

— Почему бы и нет? Вы стыдитесь показаться в таком виде на людях? Да кому какое дело? Если я ношу седло на спине, значит, мне так нравится. А захочу, куплю диван и будут таскать его по прерии. И заставлю раскаяться каждого, кто осмелится ухмыльнуться. Стыдно должно быть тогда, когда тебя оставляют в дураках или ты сам совершаешь грех. Представьте себе, что Гибсон с Уильямом Олертом сошли на берег, не добравшись до Остина, купили лошадей и отправились дальше верхом. В

таком случае хорошее седло просто необходимо! Вы вольны поступить, как вам угодно, но если желаете ехать со мной, послушайтесь моего совета. Только решайте поскорее, у вас нет времени на долгие раздумья.

Не дожидаясь моего согласия, он ухватил меня за плечо, развернул и указал на вывеску, где аршинными буквами было выведено: «Товары на любой вкус». Олд Дэт бесцеремонно потянул меня к двери, втолкнул внутрь, да так, что я налетел на бочку селедки, и сам чинно проследовал за мной.

Вывеска не обманула: там было все необходимое в здешних условиях, включая ружья и конскую сбрую.

То, что затем произошло, было своего рода хорошо разыгранным представлением. Я изображал ученика, которого привел наставник и которому разрешено лишь робко намекнуть о своем желании; получит же он только то, что выберет его опытный товарищ. Олд Дэт сразу же заявил хозяину, что тот должен принять мою одежду и содержимое моего сундука в обмен на отобранные нами товары. Торговец согласился и послал за моим сундуком, затем оценил вещи, а Олд Дэт тем временем экипировал меня на свой вкус. Я стал обладателем черных кожаных штанов, пары высоких сапог, красной шерстяной рубахи, жилетки того же цвета с множеством карманов, черного шерстяного шарфа, охотничьей куртки из некрашеной оленьей кожи, кожаного пояса шириной в две ладони, мешочка для пуль, кисета из пузыря, трубки, компаса. Кроме того, я получил сомбреро, портянки вместо носков, серапе — шерстяную накидку с отверстием для головы, лассо, рог для пороха, огниво, нож, седло с кобурами и уздечку. Потом мы долго выбирали ружье. Сторонник старых и испытанных образцов, Олд Дэт отвергал все новое и наконец остановил свой выбор на выдавшем виды бескурковом игольчатом ружье, на которое я бы и не обратил внимания. Он рассматривал его с видом знатока, зарядил, вышел на улицу и выстрелил в конек далекой крыши. Пуля попала в цель.

— Отлично! — удовлетворенно произнес старик. — Эта хлопушка по мне. Она была в хороших руках и стоит больше всей новомодной артиллерии, вместе взятой. Ее сработал хороший оружейник, и она еще не раз подтвердит его мастерство. Да, чуть было не забыл: нам нужна форма для пуль. Здесь же купим и свинец, а дома отольем добрый запас пуль, чтобы хватило напугать всю Мексику.

Взяв для ровного счета еще несколько мелочей, вроде носовых платков, совершенно бесполезных, по мнению Олд Дэта, я прошел в заднюю комнату переодеться. Когда я вернулся в обнове, старик осмотрел меня и одобрительно крякнул.

Где-то в глубине души я надеялся, что он возьмет мое седло, но не тут-то было. Он взвалил мне на спину узел со всем купленным добром и вытолкнул за дверь.

— Итак, — произнес он с улыбкой, — посмотрим, следует ли нам стыдиться. Любой разумный человек примет вас за джентльмена, а мнение дураков нас не интересует.

Теперь я ничем не отличался от Олд Дэта и терпеливо тащил свою поклажу в гостиницу, а он вышагивал рядом, потешаясь надо мной.

В гостинице старик улегся спать, а я пошел искать Виннету. Я все еще находился под впечатлением встречи в кабачке, где я с трудом сдержался, чтобы не броситься к нему с объятьями и приветствиями. Я не знал, что привело его в Матагорду и что он здесь искал, почему он сделал вид, будто мы не знакомы. Наверняка у него были очень веские причины, чтобы поступить именно так. Мне очень хотелось поговорить с ним, и он, безусловно, желал того же, поэтому я надеялся отыскать его где-нибудь поблизости. Он должен был проследить за нами и видеть, что мы вернулись на постоялый двор. Значит, его следовало искать неподалеку от нашего пристанища. Я обошел дом с задней стороны и действительно увидел Виннету, стоящего в сотне шагов у одинокого дерева. Заметив меня, он покинул свой наблюдательный пост и медленно двинулся в сторону леса. Вскоре он скрылся за деревьями. Я последовал за ним, и, когда добрался до опушки, друг вышел мне навстречу с лицом, сияющим от радости, и воскликнул:

— Чарли, брат мой, как я рад нашей встрече! Так после темной ночи утро радуется солнцу.

Он обнял меня и поцеловал.

— Каждое утро знает, — ответил я, — что после ночи обязательно взойдет солнце. Однако мы с тобой не надеялись, что встретимся здесь. Я счастлив, что могу говорить с тобой.

— Что привело тебя в этот город? У тебя здесь дела или ты едешь к нам на Пекос?

— Я оказался здесь по воле обстоятельств.

— Мой белый брат расскажет мне об этих обстоятельствах и о том, что произошло с ним с момента нашей разлуки на Ред-Ривер?

С этими словами Виннету узел меня в глубь леса, где мы могли сесть рядом и беседовать, не опасаясь чужих ушей. Держа его руку в своей, я рассказал ему о всех событиях, приключившихся со мной за время нашей разлуки. Он выслушал меня, не перебивая вопросами, кивнул головой и произнес:

— Мы разметили тропу для огненного коня, чтобы ты мог получить деньги. Но ураган отнял их у тебя. Если бы ты остался с апачами, ты был бы окружен почетом и никогда не нуждался бы в деньгах. Мой белый брат мудр: он не стал дожидаться меня в Сент-Луисе у мистера Генри, потому что мои пути не привели бы меня в те края.

— Мой брат настиг Сантэра, убийцу Инчу-Чуны и Ншо-Чи?

— Злой Дух помогает Сантэру, а добрый Маниту отвернулся от меня и позволил ему бежать. Он ушел к солдатам южной армии и там затерялся среди тысячи людей. Но мои глаза в конце концов отыщут его, где бы он ни прятался, и тогда возмездие свершится. Но пока мне пришлось вернуться на Пекос, так и не достигнув цели. Наши воины всю зиму оплакивали смерть Инчу-Чуны и моей сестры. А затем многие племена апачей решили перейти в Мексику и принять участие в боях, и я ездил по пуэбло и стойбищам, чтобы отговорить их от необдуманной затеи. Мой брат слышал о краснокожем президенте Хуаресе?

— Да.

— И как думает брат мой, кто прав, Хуарес или Наполеон?

— Хуарес.

— Ты думаешь так же, как и я. Прошу тебя, не спрашивай, что привело меня в Матагорду, даже тебе я не могу сказать всей правды, ибо дал клятву хранить тайну самому Хуаресу, которого встретил в Эль-Пасо-дель-Норте. Ты должен следовать за этими двумя белыми, даже если я попрошу тебя ехать со мной?

— Да. Это мой долг. Может быть, ты сможешь поехать со мной, Виннету? Я был бы очень рад.

— Нет, мой долг — следовать своим путем. Еще сегодня я буду здесь, но завтра сяду на пароход, плывущий в Ла-Гранху, а оттуда через форд Индж поеду на Рио-Гранде-дель-Норте.

— Значит, мы поплывем с тобой на одном пароходе, только я не знаю, где мне придется сойти. Мы и завтра будем вместе.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не хочу впутывать моего брата в мои дела. Это может быть опасно. По этой же причине я сделал вид, что не знаком с тобой. К тому же там был Олд Дэт. Он знает, что ты — Олд Шеттерхэнд?

— Нет, мы никогда не упоминали это имя.

— Я уверен, он его слышал. Ты все это время был на Востоке и не знаешь, как часто твое имя повторяют на Западе. Олд Дэт не мог не слышать об Олд Шеттерхэнде, однако тебя принимает, как мне показалось,

за гринхорна.

— Так оно и есть на самом деле.

— Он сильно удивится, когда узнает, кого называл гринхорном. Ты представляешь его лицо, когда он услышит неожиданную новость? Я не хочу лишать моего брата удовольствия. А когда ты найдешь Олерта и того мошенника, что держит его в своих руках, мы встретимся снова. Я надеюсь, ты посетишь нас и погостишь у нас подольше.

— Обязательно.

— А теперь наступила пора прощаться, меня ждут бледнолицые.

Виннету встал. Уважая его тайну, я ни о чем не расспрашивал. Мы опять расставались, но, как мне казалось, не на столь длительное время.

На следующее утро мы с Олд Дэтом погрузили нашу поклажу на двух нанятых мулов и двинулись вверх по реке, где за отмелями и за завалом из затонувших деревьев ждал пароход. У трапа и на палубе толпилось множество пассажиров. Когда мы с седлами за спиной поднялись на борт, кто-то крикнул:

— Вы только посмотрите, два оседланных осла, хоть сейчас садись и погоняй. Люди, пропустите их, пусть идут в трюм! Джентльмены не путешествуют со скотиной!

Мы узнали голос — лучшие места под тентом занимали бандиты, которых мы накануне повстречали в кабачке. Задира, с чьим псом разделался я вчера и которого вышвырнул в окно Виннету, снова вошел в роль предводителя и пытался оскорбить нас. Я бросил быстрый взгляд на Олд Дэта, но тот невозмутимо пропустил оскорбление мимо ушей, поэтому и мне не оставалось ничего, как сделать вид, будто все сказанное ко мне не относится. Мы уселись напротив разбойников, а седла засунули под стулья.

Старик устроился поудобнее, достал револьвер, снял его с предохранителя и положил рядом с собой. Я в точности повторил его маневр. Негодяи сбились в кучку и принялись шептаться, не смея больше отпускать шуточки на наш счет. Их собаки, за исключением одной, были при них. Предводитель шайки бросал на нас косые враждебные взгляды, он прихрамывал и не мог выпрямиться во весь рост, видимо, Виннету сильно ушиб его, когда грохнул оземь в пивной. Лицо бандита было исполосовано свежими шрамами от осколков стекла.

Подошел кондуктор (Кондуктор — в некоторых флотах это звание присваивалось унтер-офицерам, оставшимся на сверхсрочную службу) и спросил, куда мы собираемся плыть. Олд Дэт назвал Колумбус, мы оплатили проезд до этого порта, где в случае надобности можно было взять билеты на следующий берег, так и не добравшись до Остина.

Прозвучал второй сигнал к отплытию, когда появился еще один пассажир — Виннету, восседающий на великолепном вороном скакуне, оседланном по-индейски. Индеец заставил животное подняться по трапу, спрыгнув с седла только на палубе, и под восхищенными взглядами провел лошадь в загон на носу парохода.

Не обращая ни на кого внимания, краснокожий сел у борта. Надсмотрщики за рабами не спускали с него глаз, затем стали громко кашлять, чтобы заставить его взглянуть в их сторону, но тщетно. Виннету сидел, опираясь на свою украшенную серебром двустволку, и словно ничего не слышал.

Прозвучал третий сигнал, пароход постоял еще несколько минут, ожидая опоздавших пассажиров, затем колеса пришли в движение и мы отчалили от берега.

Поначалу казалось, что путешествие пройдет без происшествий. Мы спокойно добрались до Уортона, там на берег сошел один человек, зато село много новых пассажиров. Олд Дэт воспользовался остановкой, чтобы расспросить о Гибсоне, и узнал, что, судя по описанию, такие люди в той местности не появлялись. То же самое рассказали в Колумбусе, а потому мы приобрели билеты до Ла-Гранхи. От Матагорды до Колумбуса пароход проходит расстояние, которое пешком можно преодолеть только за пятьдесят часов. Уже перевалило за полдень, когда мы прибыли туда. За все это время Виннету только один раз покинул свое место, чтобы зачерпнуть воды, напоить коня и задать ему корма.

Казалось, бандиты забыли свои счеты с апачем. Они развлекались тем, что то и дело приставали к новым пассажирам, задирали их и явно искали ссоры. Забияки хвастались тем, что ненавидят аболиционистов, спрашивали у каждого мнение на этот счет и осыпали бранью всех, кто придерживался противоположной точки зрения. Ругательства, вроде «проклятый республиканец», «родственник вонючих негров», «продажный янки» и другие, более отборные и изощренные, сыпались как из рога изобилия. В конце концов все отвернулись от них, не желая иметь с ними ничего общего, и, по-видимому, именно это обстоятельство и было причиной того, что негодяи оставили в покое и не задевали нас. Они не могли ожидать поддержки со стороны пассажиров. Однако найди они на борту своих сторонников, атмосфера на судне превратилась бы в грозную.

И вот в Колумбусе на берег сошла добрая дюжина спокойных пассажиров, а их место заняли пятнадцать-двадцать пьяных негодяев, чье вызывающее поведение не сулило ничего хорошего. Наша компания надсмотрщиков встретила их радостным воем. Обе шайки объединились, и

вскоре стало очевидно, что обстановка на судне накаляется. Бандиты толкали всех, кто оказывался у них на пути, на стульях, не спрашивая, нравится это остальным или нет, пытаясь всем своим видом показать, кто хозяин положения. Капитан позволил им шуметь сколько душе угодно, полагая, что только выиграет, если не будет обращать на них внимания. Он явно решил не вмешиваться, пока дебоширы не мешали ему вести пароход, предоставив самим пассажирам выяснять отношения. На его румянном лице блуждала добродушная улыбка.

Большая часть забияк, не теряя времени, направилась в ресторан, и вскоре оттуда послышались дикие вопли, звон битой посуды и грохот разбиваемых бутылок, а затем на палубу выкатился негр-официант. Он вскарабкался на капитанский мостик и начал жаловаться, что его отхлестали плетью и угрожают повесить на пароходной трубе.

Тут лицо капитана стало серьезным. Он тщательно проверил курс судна и направился в ресторан; едва он поравнялся со мною и Олд Дэтом, как навстречу ему выбежал кондуктор.

— Капитан, — торопливо и с тревогой заговорил он, — нельзя больше спокойно смотреть на то, что творят эти люди! Высадите на берег индейца, а не то они повесят его за то, что он вчера вздул одного из них. Кроме того, на борту присутствуют двое белых. Уж не знаю, чем они им не угодили, но их собираются линчевать. Говорят, они были свидетелями, как краснокожий отделал их товарища, к тому же они якобы шпионят в пользу Хуареса.

— Тысяча чертей! — выругался капитан. — Дело нешуточное. Кто эти двое белых?

И он внимательно осмотрел пассажиров.

— Это мы, — сказал я, приближаясь к капитану.

— Вы? — удивился он, изучающе глядя на меня. — Если вы шпион Хуареса, то я готов съесть на завтрак мою баржу. Я не позволю им тронуть вас. Мы немедленно причалим к берегу, вы сойдете и избежите опасности. А завтра сядете на следующий пароход.

— Я не согласен. Я не могу ждать до завтра.

— В самом деле? Попробуем что-нибудь придумать, подождите.

Он подошел к Виннету и что-то ему сказал. Апач с презрением отрицательно покачал головой и отвернулся от капитана. Тот возвратился к нам и несколько смущенно объявил:

— Так я и думал. Краснокожие — чертовски упрямый народ. Он тоже отказывается сойти на берег.

— Но в этом случае все трое погибнут! — ужаснулся кондуктор. —

Бандиты вконец распоясались. Экипаж с ними не справится.

Капитан задумчиво смотрел вдаль. На его хмуром лице вдруг появилась улыбка, словно ему в голову пришла забавная мысль.

— Сейчас я с этими негодьями сыграю такую шутку, что они надолго нас запомнят, — сказал он, обращаясь к нам. — Но вы, джентльмены, должны строго следовать моим инструкциям и ни в коем случае не применять оружие. Спрячьте ваши ружья под стулья, туда, где лежат седла, и не вздумайте сопротивляться — от этого ваше положение только усугубится.

— Тысяча чертей! Вы думаете, мы позволим линчевать себя? — буркнул Олд Дэт.

— Ничего подобного. Не ввязывайтесь в драку, а мое средство сработает в нужную минуту. Я приготовлю к услугам негодяев прохладные ванны. Положитесь во всем на меня, сейчас нет времени на подробные объяснения. А вот и они!

Действительно, бандиты высыпала из ресторана. Капитан отвернулся от нас, отдавая какой-то приказ кондуктору. Тот побежал к рулевому, рядом с которым стояли двое матросов из экипажа, а вскоре он уже, быстро жестикулируя, растолковывал что-то остальным пассажирам. Что он делал дальше, я уже не мог увидеть, так как мы оба с Олд Дэтом были вынуждены сосредоточить все свое внимание на противниках и не спускать с них глаз. Единственное, что я успел заметить, — джентльмены, не принадлежавших к шайке, собрались все вместе на юте.

Изрядно подвыпившие каналы окружили нас. Мы же, повинуясь капитану, спрятали ружья под стулья;

— Это он, — закричал вчерашний задира, указывая на меня. — Он шпионит для северных штатов и для Хуареса, еще вчера он был одет джентльменом, с иголочки, а сегодня вырядился траппером. А зачем? Это он вчера убил мою собаку, а его приятель угрожал мне револьвером.

— Да, это лазутчик с Севера, — подхватили остальные. — Зачем он переоделся? Судить его! Вздернуть! Долой северные штаты! Долой янки!

— Что случилось, джентльмены? — спросил с мостика капитан. — На судне следует поддерживать порядок, не шуметь и не нарушать спокойствия пассажиров.

— Не вмешивайтесь не в свое дело, сэр! — взревел кто-то из бандитов. — Мы-то как раз и поддерживаем порядок. Вы лучше скажите: в ваши обязанности входит перевозка шпионов?

— В мои обязанности входит перевозка людей, заплативших за проезд. Даже если ко мне придут руководители южан, я пушу их на борт лишь при

условии, что они заплатят и будут вести себя прилично. А чтобы по вашей милости мне не лишиться заработка, я высажу вас на берег — и плывите в Остин по суше.

Язвительный, похожий на лошадиное ржание гогот раздался в ответ. Бандиты так тесно сгрудились вокруг меня с Олд Дэтом, что мы не могли шевельнуться. Мы пытались протестовать, но наши голоса заглушал звериный вой толпы. Они напирали на нас и подталкивали к паровой трубе. Я посмотрел вверх и увидел на краешке трубы металлический обруч для канатов — очень практичное приспособление для виселицы: стоило только перекинуть веревку, обмотать ею наши шеи, потянуть за другой конец — и готово.

Негодяи образовали круг: они собирались судить нас. Мне вдруг стало смешно: им и в голову не пришло задуматься, почему мы не защищаемся. Не могли же они не видеть, что мы вооружены револьверами и ножами, и должна же была иметься причина, по которой мы не пустили оружие в ход, хотя речь шла о нашей жизни.

Олд Дэт с трудом сдерживался. Его рука сама хваталась за револьвер, но он поглядывал на капитанский мостик и подавлял желание открыть пальбу.

— Ну что же, — прошептал он, — раз уж я поддался на уговор капитана, то надо терпеть. Но как только они позволят себе лишнее, вмиг получают двадцать четыре пули в животы. Стреляйте сразу же за мной.

— Негодяи! — не унимался бандит. — Они из той шайки, что больше всего вредит южным штатам. Что им понадобилось в Техасе? Это шпионы и изменники, не стоит с ними церемониться.

Громкими криками разбойники выразили свое согласие линчевать нас без суда. Капитан снова попытался было вмешаться и утихомирить их, но его подняли на смех. Вдруг кто-то предложил сначала допросить индейца, а уж потом вздернуть нас. Все тут же согласилось, и предводитель послал двух людей привести апача.

Зажатые в тесном кольце врагов, мы не могли видеть Виннету и только слышали громкий крик. Как мы потом узнали, индеец сбил с ног одного из бандитов, а второго выбросил за борт. Затем одним прыжком преодолел расстояние между фальшбортом и капитанским мостиком и скрылся в рубке, выставив в окошко ружье. Это происшествие обескуражило шайку. Все кинулись к борту, требуя от капитана спустить шлюпку на воду. Капитан не стал противиться, отдал команду, и один из матросов немедленно спустил кормовую шлюпку и поплыл к выброшенному за борт, который, к своему счастью, держался на воде.

Занятые спасением товарища, бандиты бросили нас, и мы с Олд Дэтом оказались одни. Линчевание откладывалось. Рулевой и остальные члены экипажа не сводили глаз с капитана, который в тот же миг подал нам знак и тихо сказал:

— Будьте внимательны, джентльмены. Сейчас я заставлю их искупаться, но оставайтесь на судне, что бы ни случилось. Кричите погромче.

Раздалась команда: «Стоп, машина!» — и мы медленно поплыли по течению вдоль берега, к месту, над которым бурлила вода. Здесь была отмель, откуда перебраться к берегу не составляло особого труда.

Рулевой понимающе кивнул головой, улыбнулся и направил судно прямо на отмель. Днище заскрежетало, а корпус парохода затрясся так, что люди с трудом устояли на ногах. Шайка переполошилась, мгновенно забыв о шляпке и о тонущем приятеле. Пассажиры, предупрежденные кондуктором, подняли тревожный крик, на палубу вдруг выскочил матрос и с перекошенным от ужаса лицом закричал:

— Капитан, вода в трюме. Скала разрезала судно пополам! Мы тонем! Через две минуты мы все пойдем ко дну!

— Спасайтесь! — завопил в ответ капитан. — Здесь неглубоко, прыгайте в воду.

Он бегом спустился с мостика, на ходу сбрасывая сюртук, жилетку и фуражку, поспешно стянул сапоги и прыгнул за борт. Вода доходила ему до шеи.

— Прыгайте! — кричал он. — Прыгайте, пока есть время. Тонущее судно всех потянет на дно.

Капитан первым покинул тонущее судно, да к тому же предварительно разделся, но никто из охваченных паникой бандитов не обратил внимания на всю нелепость положения. Они прыгали за борт, стараясь поскорее добраться до берега и не замечая, что капитан вплавь обогнул судно и там по сброшенному шторм-трапу взобрался на палубу. Пароход опустел. Там, где недавно хозяйничала шайка, звучал веселый смех.

Как раз в ту минуту, когда первые «спасшиеся» добрались до берега, капитан отдал приказ продолжить плавание. Крепкому плоскодонному судну мели были не страшны, колеса плавно пришли в движение, и оно легко стронулось с места. Размахивая сюртуком, словно флагом, капитан крикнул в сторону берега:

— Приятного пути, джентльмены! Если вам когда-нибудь снова вздумается вершить правосудие, то судите себя и вешайтесь сами. Ваш багаж будет вас ждать в Ла-Гранхе.

Читатель представляет, какое впечатление произвели эти слова на стоявших на берегу бандитов. С дикими криками они стали требовать, чтобы капитан немедленно взял их на борт, они угрожали ему доносами, смертью и прочими всевозможными карами, а некоторые, у кого ружья не отсырели, открыли пальбу, но, к счастью, в суматохе ни в кого не попали. Один из них в бессильной злобе пригрозил капитану:

— Собака! Мы тебя подождем здесь и повесим на трубе твоего же корыта!

— Буду очень рад встретиться с вами, сэръ! Кланяйтесь вашим генералам.

И судно прибавило ходу, стараясь наверстать упущенное время.

Глава II. КУ-КЛУКС-КЛАН

Это странное слово по сей день остается языковой загадкой, его происхождение по-разному и одинаково безуспешно объясняется разными лингвистами. Название небезызвестного ку-клукс-клана одни связывают со звуком, производимым затвором винтовки. Другие считают, что оно состоит из следующих смысловых частей: кук — предостережение, глук — смутный шорох, лепет и клан — шотландское слово, обозначающее племя, род или шайку. Я не берусь решать, как в действительности обстоит дело, впрочем, сами члены ку-клукс-клана вряд ли доподлинно знают, откуда взялось название их организации и каково было его первоначальное значение. Возможно, их это совершенно не волнует. Не исключено, что кому-нибудь из них взбрело в голову произнести такое нелепое словосочетание, другим оно понравилось, и его стали повторять, нисколько не заботясь о смысле или полном отсутствии такового.

Значительно яснее вырисовываются цели этой организации. Основанное в некоторых округах Южной Каролины, ку-клукс-клановское движение вскоре охватило территорию Северной Каролины, Джорджии, Алабамы, Кентукки, Миссисипи, Теннесси, а затем его влияние распространилось и на Техас. Ку-клукс-клан объединил множество непреклонных врагов Севера, боровшихся с порядками, введенными янки тесле победы в Гражданской войне. И действительно, в течение многих лет ку-клукс-клану удавалось приводить в смятение весь Юг, члены союза угрожали фермерам, тормозили развитие промышленности и торговли, и самое жестокое наказание не могло прекратить их бесчинств.

Тайный союз возник как следствие реформ, навязанных правительством побежденному Югу, и объединял сторонников рабства и врагов унии и республиканцев. Члены организация при вступлении в ее ряды приносили суровую клятву, обязывающую их беспрекословно подчиняться секретным предписаниям и под угрозой смерти сохранять тайну союза. Они не останавливались ни перед каким насилием, ни перед убийством, ни перед поджогом; регулярно собирались, чтобы вынести решение или приговор, а приводя их в исполнение, всегда появлялись верхом на лошадях, одетые в особую форму. Они стреляли в священников, проповедующих с амвона, в судей при исполнении ими служебных обязанностей, нападали на уважаемых отцов семейства, оставляя после себя изуродованные до неузнаваемости трупы.

Всех бандитов и разбойников, вместе взятых, не боялись так, как ку-клукс-клана, который в конечном счете стал себя вести столь дерзко, что вынудил губернатора Южной Каролины обратиться к президенту Гранту за военной помощью, ибо с тайным союзом никто, кроме регулярных армейских частей, не мог справиться. Грант вынес дело на слушание конгресса, и тот издал указ, предоставляющий президенту полноту диктаторской власти для уничтожения ку-клукс-клана. Тот факт, что пришлось прибегнуть к столь драконовским мерам, свидетельствует, сколь страшная опасность таилась в деятельности тайного союза, опасность, угрожающая как каждому отдельному гражданину, так и народу в целом. Со временем ку-клукс-клан стал прибежищем для всякого сброда. Один священник, отпевавший семью, вырезанную среди бела дня ку-клукс-кланом, в набожном пылу и согласно действительности назвал деяния тайного союза борьбой детей дьявола с детьми Бога. И тогда в церкви появился человек в маске и выстрелил священнику прямо в лоб. Прежде чем присутствующие пришли в себя, убийца исчез.

* * *

Наш пароход только к вечеру доплыл до Ла-Гранхи. Капитан сказал, что русло реки обмелело и дальнейший рейс отменяется. Таким образом, мы вынуждены были сойти на берег. Виннету еще до нас покинул борт судна и, вскочив в седло, скрылся в темноте за близлежащими домами.

Прямо на пристани работал комиссионер, и Олд Дэт немедленно обратился к нему с вопросом:

— Сэр, не скажете ли вы, когда сюда заходил последний пароход из Матагорды? И все ли пассажиры сошли здесь на берег?

— Вчера, в том же часу, что и сегодня. А на берег сошли все, потому что судно должно было отчалить только на следующее утро.

— Тогда не скажете ли вы, утром, когда пассажиры поднимались на палубу, вы уже сидели на причале?

— Ну конечно, сэр.

— В таком случае, может быть, вы поможете мне. Мы ищем двух наших приятелей, которые плыли на этом пароходе, а значит, останавливались здесь. Мы хотели бы знать, отплыли они утром или нет.

— Трудно сказать, сэр. Были еще сумерки, пассажиры спешили, толкались, да и всех не упомнишь, сэр. Мне кажется, уехали все, за исключением некоего Клинтонна.

— Клинтонна? Его-то мы и ищем. Прошу вас, подойдите поближе к свету. Мой друг покажет вам фотографию, а вы скажете, Клинтон это или нет.

Как мы и предполагали, комиссионер опознал Клинтона.

— А вам случайно не известно, где он остановился? — продолжал расспрашивать Олд Дэт.

— Не знаю в точности, но, кажется, в доме у сеньора Кортесио. По крайней мере, туда понесли его сундуки. Сеньер Кортесио — агент, занимающийся всякими торговыми делами, испанец по происхождению. Поговаривают, сейчас он тайно переправляет оружие в Мексику.

— Я полагаю, он джентльмен?

— Сэр, сегодня каждый корчит из себя джентльмена. даже если таскает седло на собственной спине.

Эта колкость, хоть и не особенно язвительная, была камешком в наш огород. Олд Дэт пропустил ее мимо ушей и с неизменной вежливостью задал следующий вопрос:

— А в ваших палестинах, где, как мне показалось, кроме вашего фонаря, нет другого света, существует какой-нибудь трактир или иное помещение, где путешественник мог бы заночевать, не опасаясь нападения людей или насекомых?

— Существует, но только один, а так как вы потеряли уйму времени на разговоры со мной, боюсь, что вас опередили другие пассажиры и заняли те несколько комнат, что трактирщик держит для приезжих.

— Мда., не слишком приятная новость, — посокрушался Олд Дэт, не принимая близко к сердцу очередную колкость. — А нельзя ли рассчитывать на гостеприимство в частном доме?

— Я не знаю вас, сэр, и не могу пригласить к себе — мой дом слишком тесен. Но я могу порекомендовать вам одного человека, который вас не прогонит на улицу, если вы, конечно, люди порядочные. Это кузнец, он переехал сюда с Миссури.

— Ну что ж, — ответил старик, — мы с приятелем не разбойники с большой дороги. Деньги у нас есть, и мы охотно заплатим, поэтому мне думается, что ваш знакомый рискнет приютить нас. Не скажете ли, как пройти к его дому?

— Денег он с вас не возьмет. Я бы сам вас провел, но у меня в порту еще кое-какие дела. А мистер Ланге — так зовут кузнеца — в это время еще сидит в трактире. Спросите о нем у трактирщика и скажите, что вас послал комиссионер. Идите прямо, а потом налево. В трактире еще горит свет, так что вы без труда его найдете.

Мы поблагодарили комиссионера за любезность, дав на чай, и пошли дальше с седлами за спиной. Свет в распахнутых окнах и шум, долетающий изнутри, безошибочно подсказывали нам, что мы

приближаемся к трактиру. Над входом висело изображение диковинного зверя, напоминающего двуногую черепаху с крыльями, что, судя по надписи «У сокола», должно было представлять известную хищную птицу.

Переступив порог, мы оказались в прокуренной, хоть топор вешай, комнате. Видно, у посетителей были очень здоровые легкие, раз они не задыхались в густом и вонючем табачном дыму. Впрочем, о превосходном состоянии их легких можно было судить еще по тому, как громко они беседовали: каждый из них даже не разговаривал, а орал, не оставляя другим ни тени надежды на то, что утихомирится хотя бы на секунду и выслушает собеседника. Мы на несколько мгновений остановились у входа, ожидая, пока глаза привыкнут к дыму, и пытаюсь различить людей и предметы в зале. Трактир состоял из двух помещений: большого — для завсегдатаев и меньшего — для заезжих и местных знаменитостей, что в Северной Америке было редкостью, ибо граждане свободной страны не признавали сословных и общественных различий.

В первом помещении свободных мест не было, и мы прошествовали во второе. Там нашлась пара стульев, которые мы немедленно и заняли, устроив в углу нашу поклажу. За тем же столом несколько мужчин потягивали пиво. Они окинули нас быстрыми изучающими взглядами, и нам показалось, что при нашем появлении мужчины перевели разговоры на другую тему. Двое из них были так похожи друг на друга, что всякому становилось ясно, что это отец и сын. Крупные, сильные, с выразительными чертами и огромными кулаками, эти люди всем своим видом сразу наводили на мысль, что занимаются они тяжелым физическим трудом. Их лица, излучавшие доброжелательность, разгорячились от напитков, а еще больше от возбуждения, словно они обсуждают нечто в высшей степени неприятное.

Когда мы уселись за стол, они подвинулись ближе к своему краю, давая понять, что не хотят иметь с нами ничего общего.

— Оставайтесь на своих местах, джентльмены, — сказал Олд Дэт, — мы не помешаем вам, тем более не проглотим, хотя с утра у нас крошки во рту не было. Не подскажите ли нам, чем здесь можно подкрепиться, не опасаясь за желудок?

Тот, кого я принял за отца, прищурил правый глаз и с улыбкой ответил:

— Ну, проглотить нас без борьбы будет не так-то просто, мы еще посмотрим, кто кого. Впрочем, вы выглядите как второй Олд Дэт. Не думаю, чтобы вам было неприятно это сравнение.

— Олд Дэт? А кто это такой? — спросил мой друг, изображая на лице полнейшее недоумение.

— В любом случае это вестмен поизвестнее вас. За один месяц он сделал больше, чем кто-либо за всю жизнь. Мой мальчик, Билли, видел его.

«Мальчик» выглядел лет на двадцать шесть, у него было решительное загорелое лицо, и, судя по увесистым кулакам, он без труда справился бы с полдюжиной противников. Олд Дэт покосился на «мальчика» и спросил:

— Он видел его? А где, если не секрет?

— В шестьдесят втором году в Арканзасе, за несколько часов до того, как началась битва при Пи-Ридж. Но об этих событиях вам вряд ли что известно, а если известно, то понаслышке.

— Почему же? Я много путешествовал по Арканзасу и, кажется мне, именно в то время был где-то поблизости от Пи-Ридж.

— Да? А кого вы поддержали? Сейчас такие времена, что, прежде чем сядешь с кем-то за один стол, надо выяснить, за кого он и чем дышит.

— Успокойтесь, сэр. Думаю, вы, как и я, не оплакиваете судьбу битых рабовладельцев.

— В таком случае я вас сердечно приветствую в Ла-Гранхе, сэр. Но мы говорили об Арканзасе и об Олд Дэте. Вы знаете, что в начале войны Арканзас поддержал конфедератов-южан, только потом все круто изменилось. Все порядочные люди, которым претила жестокость плантаторов, собрались и объявили себя сторонниками Севера. Но всякая сволочь, а к ним я причисляю рабовладельцев, сумела взять власть в свои руки и, вопреки мнению умных людей, присоединила Арканзас к Югу. Я жил тогда в Миссури, в Поплар-Блафф, поблизости от границы с Арканзасом. Мой мальчик пошел добровольцем и воевал в составе одного из полков северных штатов. Как-то, пытаясь помочь сторонникам республиканцев в Арканзасе, туда послали на разведку нескольких солдат. Билл оказался среди них. Однако разведчики неожиданно наткнулись на сильный отряд противника, и им пришлось сдаться.

— Они попали в плен? Тогда в плену было несладко. Я знаю, как вели себя южане по отношению к военнопленным: восемьдесят человек из ста умирали от голода и лишений. Но пленных никто не убивал!

— Вот тут вы ошибаетесь, наши молодцы сражались не на жизнь, а на смерть и, когда у них кончились патроны, схватились за ножи и приклады. В схватке полегло так много южан, что те взбесились и решили расстрелять пленных. Билл — мой единственный сын, и я бы остался один как перст, но этого не случилось благодаря Олд Дэту.

— Как же это вышло? Чертовски любопытно. Этот вестмен, Олд Дэт, или как его там, привел подмогу и отбил пленных?

— Пока он бегал бы за подмогой, всех пленных успели бы перерезать

до одного. Он совершил неслыханно дерзкое дело — он в одиночку освободил ребят.

— Тысяча чертей! Ну и ну!

— Он тайком пробрался в лагерь, ужом прополз на животе, как это делают индейцы. Ему помог дождь: в ту ночь лило как из ведра и загасило все костры. Батальон южан стоял лагерем на ферме. Офицеры заняли дом, а солдаты разместились кто где мог. Пленных заперли в сарае, где находился пресс для сахарного тростника. На каждом углу выставили по часовому. Ночью, сразу после смены караула, сквозь грохот ливня послышался шум, доносившийся с крыши. Ребята стали прислушиваться. Вдруг раздался треск, и часть гонтовой крыши провалилась. Потом появилась дыра в потолке, и в помещение полил дождь. На несколько мгновений все стихло, потом через отверстие в потолке кто-то просунул ствол молодого дерева с сучьями. По нему-то пленные и выбрались на крышу, а оттуда спрыгнули на землю. Там лежали тела четверых часовых. Забрав у них оружие, ребята двинулись в обратный путь. Спаситель благополучно вывел их из лагеря южан и в целости и сохранности доставил до самой границы. Только там, прощаясь, они и узнали, что их спас с риском для собственной жизни сам Олд Дэт, знаменитый вестмен.

— Он пошел с ними?

— Нет, сослался на важные и неотложные дела и исчез в темноте, не дав поблагодарить себя. Ребята даже не успели рассмотреть его как следует. Билл запомнил только высокую худую фигуру, но ему посчастливилось говорить с Олд Дэтом, и он на всю жизнь запомнил слова этого мужественного человека. Если когда-нибудь Олд Дэт окажется среди нас, мы сумеем доказать ему, что долг платежом красен.

— Я думаю, он и так не сомневается в вашей благодарности. Полагаю, ваш сын не единственный человек, чем-то обязанный Олд Дэту, Но, сэр, вернемся к нашим делам: может быть, вы знакомы с неким мистером Ланге из Миссури?

Мужчина пристально посмотрел на Олд Дэта.

— С неким мистером Ланге? — повторил он вопрос. — А зачем он вам понадобился?

— Боюсь, что у трактирщика уже не осталось свободных комнат, а комиссионер с пристани рекомендовал нам мистера Ланге как человека гостеприимного, у которого можно переночевать. Он советовал нам сослаться на него. Кроме того, он сказал, что мы найдем его здесь, в трактире.

Мужчина еще раз испытующе посмотрел на нас.

— Найдете, вернее, уже нашли. Я и есть Ланге. Поскольку вас прислал ко мне комиссионер и вы показались мне порядочными людьми, мой дом в вашем распоряжении, джентльмены. Надеюсь, мои глаза меня не подвели и я в вас не ошибся. Кто ваш товарищ, до сих пор не сказавший ни слова?

— Мой друг, человек очень образованный, приехавший сюда в погоне за счастьем.

— Господи! В Европе люди бросают все и мчатся через океан в надежде, что здесь их ждет богатство и счастье! Уверяю вас, сэр, здесь надо намного больше попотеть, пока вы добьетесь хоть чего-нибудь, я уж не говорю о счастье. Ну да ладно. Бог не выдаст, свинья не съест. Добро пожаловать в наши края!

Он протянул руку мне, затем — Олд Дэту. Старик взял ее и обе ладони, сжал и произнес:

— Но если у вас возникли сомнения, можно ли нам доверять, спросите нашего «мальчика», и он подтвердит, что мы свои.

— Билл, мой мальчик? — удивился Ланге.

— Кто же еще? Вы сказали, что он говорил с Олд Дэтом и помнит каждое его слово. Уважьте старика, молодой человек, повторите, что он вам тогда наплел?

Билл с готовностью ответил:

— Олд Дэт шел впереди отряда. Мы тайной тропой пробирались к границе. Я был ранен в руку, кровь запеклась, и рукав прилип к ране. Продираясь сквозь заросли, Олд Дэт отпустил большую ветку, и она с размаху больно ударила меня прямо по ране. Я не сдержался и громко крикнул от боли...

— За что Олд Дэт назвал вас ослом, — вмешался вестмен.

— А вы откуда знаете? — изумился Билл.

А старик тем временем продолжал:

— Вы стали оправдываться, пожаловались, что у вас воспалилась огнестрельная рана, на что он вам посоветовал смочить рукав соком подорожника. Сок охладит рану и не даст развиться гангрене.

— Так все и было! Но как вы узнали? — воскликнул молодой Ланге в крайнем изумлении.

— И вы еще спрашиваете? Да ведь это я подал зам такой дельный совет. Вспомните, ваш отец заметил, что я смахиваю на Олд Дэта. Он совершенно прав, я и этот старый хрыч похожи, как два сапога из одной пары!

— Так вот оно что... Значит, ото вы и есть? — Билл вскочил с места и бросился было к Олд Дэту.

Однако отец ухватил его за полу куртки и усадил на место.

— Сиди! — строго приказал он. — Право и обязанность отца первым выразить благодарность и обнять твоего спасителя. Но пока лучше воздержаться от объятий, ты сам знаешь, где мы находимся и как присматривают за нами.

И добавил, обращаясь к Олд Дэту:

— Сэр, я хочу, чтобы вы поняли меня правильно. Не время рассыпаться в благодарностях. Черт не дремлет. Поверьте, я безгранично благодарен вам и именно поэтому должен соблюдать предосторожность в интересах вашей же безопасности. Настолько мне известно и как открыто поговаривают, все знают вас как ярого сторонника аболиционистов. Во время войны вы совершили немало славных подвигов и причинили южанам немалый ущерб. Вы служили проводником и разведчиком в северной армии и проводили отряды по таким тропинкам, где никто не осмелился бы сделать ни шагу. Мы все за это очень вас почитаем, но южане по сей день называют вас лазутчиком и шпионом, и окажитесь вы в компании сторонников сецессии, вас вздернут на ближайшем дереве.

— Да знаю, знаю, — с презрением ответил Олд Дэт. — Но я не из трусливых, мистер Ланге, хотя должен честно признаться, что желания быть повешенным не испытываю. Мне что ни день угрожают веревкой, а я, как видите, все еще жив. Не далее как сегодня шайка разбойников пыталась повесить нас на паровой трубе, но у них ничего не получилось.

И Олд Дэт рассказал о происшествии на судне, а когда закончил рассказ, Ланге задумчиво почесал затылок и произнес:

— Капитан поступил благородно, но он играет с огнем. Ему придется остаться в Ла-Гранхе до утра, а бандиты — дай Бог, чтобы я ошибся, — заявятся сюда ночью и бросятся сводить счеты. А с вами может приключиться и кое-что похуже.

— Эти негодяи мне не страшны. С такими, как они, я встречался не раз.

— Не будьте столь самоуверенны, сэр. Их здесь поддержат. В последние дни в Ла-Гранхе стало беспокойно. Со всех концов сюда стекаются неизвестные и подозрительные люди, они заняли все места в постоялом дворе и на частных квартирах, поодиночке не ходят и все о чем-то тайно толкуют. У них здесь нет и не может быть дел, весь Божий день они бесцельно слоняются по городу и ведут себя вызывающе. Сейчас они сидят в первом зале и горлопанят что есть мочи: пасти разевают так широко, что в них гризли мог бы берлогу устроить. Часом раньше, до того как вы сюда пришли, они стали задирать нас. И не сдержись мы, не

миновать бы потасовки, а то и кровопролития. У меня нет больше желания оставаться здесь, да и вы, наверное, устали. Предупреждаю сразу: с ужином дело обстоит из рук вон плохо. Я вдовец, мы с сыном ведет холостяцкую жизнь и обедаем в трактире. Я и дом-то продал несколько дней тому назад, когда почувствовал, что земля горит у меня под ногами. Я вовсе не хочу сказать, что здешний народ мне не по нраву, нет, они не хуже других. Но судите сами: наша война только-только закончилась, мы еще и раны зализать не успели. В Мексике идут бои, а Техас, заметьте, находится на границе. Здесь, куда ни глянь, беспокойно. Отовсюду съезжается всякий сброд, какая уж тут жизнь! Поэтому я и решил все продать и уехать к дочери. Она замужем, и очень удачно. Зять подыщет мне работу, лучшего и желать нельзя. К тому же я нашел покупателя, который готов приобрести мое хозяйство. Заплатил он мне наличными, так что я могу уехать, когда захочу. Я уже все решил — еду в Мексику.

— Как это, сэр? — удивился Олд Дэт.

— Что как? — не понял кузнец.

— Вы только что жаловались на Мексику, вам не нравилось, что там воюют, и вдруг собираетесь туда?!

— По-другому и быть не может, сэр. Впрочем, не везде в Мексике идут бои. В Чиуауа, а именно туда я и собираюсь, война уже кончилась. Сначала Хуаресу пришлось отступить до самого Эль-Пасо, но вскоре он собрался с силами и потеснил французов на юг страны. Их дни сочтены, вышибут из Мексики под зад коленкой. Сейчас все будут драться за столицу, а северные провинции война обойдет стороной. Там-то и живет мой зять. Он человек обеспеченный, шутка сказать — владелец серебряных рудников. В Мексике он уже полтора года и в последнем письме извещает о рождении наследника, который ну никак без дедушки обойтись не может. Что прикажете делать? Неужели я останусь здесь? Нам с Биллом обещали хорошие должности при рудниках, а кроме того, я сам буду учить маленького принца молитве и таблице умножения. Безусловно, дедушка должен быть вместе с внуком. Поэтому я и еду в Мексику, а если вы захотите отправиться в путь вместе с нами, то милости просим — мы будем только рады.

— Гм! — буркнул Олд Дэт. — Не шутите, сэр, а то вдруг мы воспользуемся вашим приглашением.

— Разве вы тоже направляетесь в Мексику? Это было бы чудесно! Вашу руку, сэр! Решено, едем вместе!

И Ланге протянул руку старику.

— Да не спешите вы как на пожар! — рассмеялся Олд Дэт. — Я

действительно предполагаю, что мы поедem в Мексику, однако на сегодняшний день мы еще не знаем, куда и когда именно.

— Это не имеет никакого значения, я готов ехать с вами когда и куда угодно. Отсюда все дороги ведут в Чиуауа, днем раньше, днем позже я все равно туда доберусь. Прежде всего я забочусь о себе и о собственной выгоде. Вы известный вестмен и опытный проводник. Если я поеду вместе с вами, то, несомненно, прибуду на место цел и невредим, а что может быть важнее в наше беспокойное время? Вы должны с кем-то посоветоваться, прежде чем пуститься в путь?

— Знакомы ли вы с неким сеньором Кортесио?

— Знаком ли я с ним? Ла-Гранха — маленький городок, мы здесь все на «ты». Именно он и купил мое хозяйство.

— Прежде всего мне необходимо знать — мошенник он или человек чести.

— Ну конечно, человек чести. Меня мало волнуют его политические взгляды, для меня гораздо важнее, чтобы он сдержал свое слово. У него явно какие-то дела по ту сторону границы. По ночам у него во дворе грузят на мулов тяжелые ящики, а в доме собираются люди, которые затем уходят на Рио-дель-Норте. Я предполагаю, и, как мне кажется, совершенно правильно, что он поставляет Хуаресу оружие и боеприпасы, а также людей, готовых сразиться с французами. И хотя он зарабатывает, и неплохо, на этом деле, в мужестве ему не откажешь, потому что в наше время на такой риск идут только отчаянные головы.

— Где он живет? Мне надо непременно еще сегодня переговорить с ним.

— Он будет дома к десяти часам. Я тоже собирался зайти к нему потолковать об одном дельце, но оно само собой решилось, и теперь не стоит беспокоить по пустякам занятого человека. Так вот, он мне говорил, чтобы я приходил к нему в десять часов, так как к этому времени он вернется.

— Кто-нибудь присутствовал при вашем разговоре?

— Двое мужчин, один — постарше, другой — помоложе.

— Вы знаете их имена? — вмешался я в разговор.

— Мы просидели с ними вместе около часа, а за это время хочешь не хочешь познакомишься. Младшего звали Олерт, старшего — сеньор Гавилан. Тот, что постарше, был, видно, и раньше знаком с сеньором Кортесио, так как они вспоминали, что когда-то встречались в Мехико.

— Гавилан? Я не знаю, кто это. Неужели Гибсон опять сменил фамилию? — озадаченно спросил меня Олд Дэт.

Но кузнец на фотографиях без колебания опознал обоих мужчин.

— Это они, сэр, — подтвердил он. — Худой и со смуглым лицом — сеньор Гавилан, а второй — мистер Олерт. Он меня вконец смутил тем, что расспрашивал о людях, с которыми я никогда в жизни не встречался. Сначала про какого-то негра по имени Отелло, затем про одну молодую мисс, кажется, из Орлеана, ее звали Жанна, и она пасла овец, а потом зачем-то пошла воевать с королем Англии. Дальше — больше, он вспомнил какого-то мистера Фридолино, несчастную леди Марию Стюарт, которой отрубили голову, колокол, якобы певший песню Шиллера, сэра Уланда, который проклял двух трубадуров, за что королева одарила его розой, снятой с собственной груди. Мистер Олерт был очень рад, что есть возможность поговорить, и так и сыпал именами и историями, я, правда, не все упомянул. У меня в голове все смешалось и шумело, как жернова. Мистер Олерт показался мне добрым и безобидным, но готов держать пари, что он не в своем уме. Потом он читал мне стихи, где была жуткая ночь, мрак, гром, дождь, яд в сердце, словом, сплошная несуразица. Я не знаю, плакать мне или смеяться.

Сомнений не было: мистер Ланге разговаривал с Уильямом Олертом. Гибсон в который раз сменил имя. Как я теперь полагал, фамилия Гибсон тоже была не настоящая. Возможно, он раньше действительно жил в Мексике, и тогда его звали Гавилан, и под этим именем его знал сеньор Кортесио. Гавилан по-испански означает «ястреб», что как нельзя лучше подходило к этому человеку. Следовало выяснить, чем он объяснял посторонним присутствие Олерта в своем обществе. Несомненно, он непонятным образом влиял на неуравновешенного Уильяма, подавлял его волю и поддерживал в нем навязчивую идею. Предполагая, что одержимый литературой Олерт не мог не заговорить на эту тему, я спросил:

— Мистер Олерт больше ничего не рассказывал?

— О да! Он долго говорил о пьесе, которую якобы сочиняет, но сначала ему самому надо пережить и испытать на себе все то, о чем он будет писать.

— Но это невозможно!

— Не могу с вами согласиться, сэр. Сумасшествие в том и заключается, что больной принимается за дела, которые и в голову никогда не пришли бы разумному человеку. Мистер Олерт постоянно поминал какую-то сеньориту Фелису Перилья, которую он собирается похитить с помощью своего друга.

— Да, он действительно с ума сошел. Его необходимо остановить. Он все еще здесь, в Ла-Гранхе?

— Нет. Вчера они с сеньором Гавиланом уехали в Гопкинс-Фарм, а оттуда собирались отправиться на Рио-Гранде.

— Плохо, хуже не придумаешь. Мы должны немедленно последовать за ними, лучше всего еще сегодня. Можно ли здесь купить пару хороших лошадей?

— У сеньора Кортесио всегда есть лошади, он снабжает ими сторонников Хуареса. Но я не советую вам пускаться в путь ночью. Дорогу вы не знаете, а искать проводника уже поздно.

— И все же попытаемся уехать сегодня. Нам необходимо немедленно переговорить с сеньором Кортесио. Уже одиннадцатый час, покажите нам, пожалуйста, где он живет.

— С удовольствием. Идите за мной.

Мы встали из-за стола и направились к выходу, когда у дома послышался топот копыт. Через несколько мгновений в трактир ввалилась новая компания, и мы, к своему изумлению, узнали забияк, которых капитан парохода сегодня выкупал в реке и тем самым спас им жизнь. Повидимому, их хорошо знали, так как встретили приветственными криками. Посыпались вопросы, и мы сразу поняли, что эту шайку здесь ждали. К счастью, они настолько увлеклись беседой с приятелями, что не заметили нашего присутствия, и мы, чтобы не дразнить гусей, вернулись на свои места. Но теперь пройти через первый зал было невозможно: бандиты, увидев нас, несомненно, полезли бы в драку. Ланге, узнав от нас, кто такие новоприбывшие, слегка прикрыл дверь, чтобы мы, оставаясь невидимыми, могли слышать, о чем они говорят. Кроме того, мы сели к двери спиной.

— Нельзя допустить, чтобы они заметили вас, — сказал кузнец. — Если раньше они приняли вас за шпионов и пытались линчевать, то теперь уж точно схватки не избежать.

— Ничего страшного, — ответил Олд Дэт. — Мы не можем отсиживаться здесь и ждать, пока они уйдут. Времени у нас в обрез, и мы должны поскорее нанести визит сеньору Кортесио.

— Хорошо, сэр. Мы потихоньку уйдем отсюда, не привлекая их внимания.

Олд Дэт обвел комнату взглядом и удивленно спросил:

— Но как? Есть только один выход — через первый зал.

— Ничего подобного. Отсюда даже удобнее.

И кузнец указал на окно.

— Вы не шутите? — спросил старик. — Я начинаю подозревать, что вы трусите. Неужели мы удалимся, не попрощавшись, убежим, как мыши от кота? Да над нами смеяться будут!

— Человек я не робкий, но считаю, что лучше поступить по старой доброй пословице: умный дураку уступит. И сделаю это не из трусости, а из предосторожности. Думаю, не стоит напоминать, джентльмены, что их раз в десять больше, чем нас. Это самонадеянные наглецы, и беспрепятственно пройти нам не удастся. А так как я не люблю, когда меня задирают, да и вы, думаю, из тех людей, что в обиду себя не дают, то хочешь не хочешь, а драться придется. Я, правда, не боюсь доброй потасовки, где дерутся кулаками или даже ножками от стульев. Я ведь кузнец, и рука у меня тяжелая. Но револьвер — непредсказуемое оружие. Последний трус и слизняк может пулей с горошину уложить самого отважного бойца. Не надо большого ума, чтобы понять, что нам выгоднее украдкой улизнуть в окно, чем торжественным выходом вызвать их нападение. И хотя в схватке достанется и нам и им и неизвестно, чья возьмет, они разозлятся гораздо больше, когда узнают, что мы их провели.

В глубине души я признавал правоту рассудительного кузнеца. Олд Дэт помолчал немного и заметил:

— Вообще-то вы правы. Вы меня убедили, и я согласен сигануть в окно, как мальчишка. Послушайте только, как они разорались! Похоже, они вспоминают, как их проучили на судне.

Действительно, наши знакомцы по пивной в Мата-орде рассказывали об Олд Дэте, обо мне, о вероломстве капитана, словом, обо всем, что приключилось с ними на пароходе. После того как они оказались на берегу, у них начались распри, и это их задержало. Сначала они спорили, как лучше отомстить капитану и наказать его за коварство. Затем никак не могли договориться, каким путем двигаться дальше: одни хотели дождаться очередного парохода, другие кричали, что времени у них в обрез, и требовали немедленно пуститься в путь.

— Не могли же мы сидеть сутки в ожидании следующего парохода — мы ведь помнили, что нас ждут здесь, — продолжал рассказчик. — К счастью, рядом нашлась ферма, где нам любезно одолжили лошадей.

— Любезно одолжили? — спросил кто-то с насмешкой в голосе.

— Ну конечно, мы их любезно попросили, а они нам любезно одолжили, ха-ха-ха! Вначале лошадей не хватало, и пришлось ехать по двое. А потом по пути стали попадаться другие фермы, и в конце концов у каждого уже была своя лошадь.

Бандиты встретили рассказ о грабеже взрывом хохота. Однако беседа продолжалась.

— А здесь все в порядке? Те, кто искал встречи с нами, приехали?

— Приехали.

— Одежду привезли?

— Целых два сундука, хватит с избытком.

— Вот и хорошо. Славная у нас будет потеха. Но со шпионами и капитаном надо рассчитаться. Пароход всю ночь простоит у пристани здесь, в Ла-Гранхе, так что капитан от нас не уйдет. Индейца и лазутчиков тоже долго искать не придется, люди они заметные: на одном — новенький трапперский костюм, и у обоих на спине седла.

— Седла? — радостно заорали в один голос бандиты. — Неужели это те двое, что недавно вошли и сели во втором зале? У них не было...

Конца фразы мы не расслышали, так как говоривший понизил голос.

— Пора уходить, джентльмены, — произнес кузнец. — Они нагрянут сюда с минуты на минуту. Первыми выходите вы. Седла мы вам подадим.

Больше ждать было нельзя. Не раздумывая, я выпрыгнул в окно. Олд Дэт последовал за мной. Кузнецы передали нам оружие и вещи и через секунду тоже стояли рядом с нами.

Мы оказались у боковой стены здания на маленьком, огороженном невысокой оградой газоне. Перепрыгнув через забор, мы оглянулись и увидели, что и остальные посетители второго зала покидают помещение уже проверенным нами способом, видимо, не полагаясь на «любезное» обращение сторонников сецессии.

— Вот удивятся негодяи, — посмеивался Ланге, — когда обнаружат, что добыча ускользнула у них из рук. Как умно мы поступили!

— Позор на мою седую голову! — роптал Олд Дэт. — Я прямо слышу, как они издевательски хохочут над нами!

— Пусть. Мы посмеемся последними, а как известно, это куда полезнее для здоровья. Я им еще докажу, что не боюсь их, но от кабацких драк меня увольте.

Оба кузнеца, отец и сын, подхватили наши седла, а когда мы запротестовали, сказали, что не допустят, чтобы их гости тащили на себе такую тяжесть. Вскоре мы оказались между двух домов. В левом было темно, а в правом сквозь щели в ставнях пробивался свет.

— Сеньор Кортесио уже дома, — объяснил нам Ланге. — Это у него горит свет. Постучитесь, и вам откроют. Как только закончите свои дела, приходите в дом слева от дороги, там мы и живем. Тем временем попробуем сообразить какой-нибудь ужин.

Кузнецы отправились домой, а мы подошли к дому сеньора Кортесио. В ответ на наш стук дверь приоткрылась, и кто-то через узкую щель спросил на ломаном английском:

— Кто там быть?

— Друзья, — ответил Олд Дэт. — Сеньор Кортесио дома?

— Вы чего хотите от сеньора Кортесио?

Судя по выговору, нас допрашивал негр.

— У нас к нему дело.

— Вы сказать, какое дело, иначе я не впускать.

— Мы от мистера Ланге.

— Ах, масса Ланге! Он хороший человек. Вы заходите, но немножко ждать.

Дверь захлопнулась, чтобы сразу же широко распахнуться, и негр-слуга пригласил нас войти.

— Входите. Сеньор сказать, что сейчас принимать вас.

По узкому коридору мы прошли в маленькую комнату, очень скромно обставленную: несколько стульев, стол и конторка. У конторки с бумагами, лицом к двери, стоял высокий худой мужчина. По его внешности мы сразу поняли, что перед нами испанец.

— Буэнас ночес, — ответил он по-испански на наше учтивое приветствие. И сразу же перешел на английский: — Вас прислал сеньор Ланге? Могу ли я спросить вас о цели вашего визита?

Мне стало интересно, что ответит Олд Дэт, оставивший за собой единоличное право вести беседу с сеньором Кортесио.

— Может быть, у нас к вам серьезное дело, а может быть, нам потребуются от вас некоторые сведения. Нам самим еще точно неизвестно.

— Хорошо, все выяснится в свое время. А пока присаживайтесь и угощайтесь сигаретками.

Он подал нам портсигар и спички. Трудно было отказаться от угощения. Сигаретки тогда только начинали входить в обиход, и Олд Дэт, который предпочитал трубку самой изысканной сигаре, закурил одну, самую тоненькую, и едва успел сделать несколько затяжек, как она уже сгорела.

— Дело, по которому мы вас беспокоим, — начал Олд Дэт, — не особенно-то и важное. А пришли так поздно мы по той причине, что раньше, как нам сказали, вас не было дома. Нам не хотелось бы оставаться в городе до утра, потому что нам не нравится обстановка. Мы собираемся пробраться в Мексику и предложить свои услуги Хуаресу. Как понимаете, такое решение принимают, только все продумав и все взвесив. И в этом случае необходимо быть уверенным, что вас примут с должным вниманием. Мы навели справки и узнали, что можем предложить свои услуги прямо здесь, в Ла-Гранхе. Нам указали на вас, поэтому мы в вашем доме. Не откажите в любезности и подтвердите, правильно ли мы сделали,

обратившись к вам.

— Кто рассказал вам про меня, сеньоры?

— Один человек, которого мы встретили на судне, — вдохновенно лгал Олд Дэт. — Затем мы случайно познакомились с мистером Ланге. Он-то нас и предупредил, что до десяти вечера вы будете в отлучке. Мы северяне и воевали против Юга. У нас есть боевой опыт, и мы можем пригодиться президенту Мексики.

— Вы хорошо изложили свое дело, но, не в обиду будет сказано, человек вы уже немолодой, хватит ли у вас сил переносить тяготы и невзгоды, обычные в военное время?

— Мне по душе ваша откровенность, сеньор, — рассмеялся старик. — Однако, когда вы узнаете, с кем имеете дело, вы сразу измените свое мнение и поймете, что и такая развалина, как я, может на что-нибудь сгодиться. Обычно меня зовут Олд Дэт.

— Олд Дэт? — воскликнул удивленный Кортесио. — Возможно ли это?! Вы — знаменитый вестмен и проводник, которого южане помнят до сих пор?

— Да, это я. И мой внешний вид, который вам так вначале не понравился, лучше всего удостоверит мою личность.

— Вы совершенно правы. Но я должен соблюдать осторожность, чтоб слух о том, что я вербую добровольцев для армии Хауреса, не дошел до чужих ушей. Сейчас опасно попасть под подозрение. Но так как вы — Олд Дэт, у меня нет повода для опасений, и я заявляю вам прямо: вы правильно обратились ко мне. Я готов принять вас немедленно и даже предлагаю офицерский чин, подобный человеку вашего ранга и опыта. Услуги Олд Дэта следует использовать соответствующим образом, простым солдатом он принесет меньше пользы.

— Я того же мнения, сеньор. А что касается моего товарища, то даже если он начнет рядовым, то вскоре все равно получит офицерский чин. Несмотря на молодость, его уже произвели в капитаны. Зовут его просто — Мюллер, но вы наверняка должны были слышать о нем. Он служил в армии Шеридана²⁹ и в чине лейтенанта командовал передовым отрядом во время флангового марша на Мишенери-Ридж. Вы, наверное, знаете, какие славные дела вершились тогда. Шеридан заметил Мюллера и выделил его, давая возможность принять участие в рискованных прорывах. Это он командовал конным отрядом, что освободил из плена генерала в битве при Файф-Фокс, такой кровавой и имевшей такие значительные последствия. Думаю, он вам подойдет.

Старик нес несусветную чушь, придумывая красочные детали на ходу,

но возражать или вмешиваться было нельзя. Я чувствовал, как кровь приливает к лицу, но Кортесио, слава Богу, принял мой румянец за проявление скромности. Добрый малый пожал мне руку и сам, из лучших чувств, принялся врать:

— Пусть вас не смущает заслуженная похвала, сеньор Мюллер. Я, конечно же, слышал о ваших подвигах и очень рад вас видеть у меня в доме. Разумеется, вам я тоже предлагаю офицерский чин. И готов сразу выдать некоторую сумму на ваши нужды.

Олд Дэт уже открыл рот, чтобы принять предложение Кортесио, поэтому я стал поспешно отказываться:

— Это лишнее, сеньор, мы не можем согласиться, чтобы вы взяли на себя снабжение нас всем необходимым. Пока нам нужны только две лошади, и мы в состоянии заплатить вам за них. Седла и сбруя у нас есть.

— Прекрасно. У меня как раз есть пара очень неплохих лошадей, и я, раз вы согласны заплатить за них, продам их вам по той цене, по которой они мне достались. Завтра утром отправимся в конюшню. Это лучшие кони, какие у меня есть. Вы уже нашли место для ночлега?

— Да, нас пригласил к себе мистер Ланге.

— Превосходно. Если бы не его приглашение, вы могли бы остаться у меня, хотя мой дом невелик. Когда вы предпочитаете уладить формальную сторону дела — сегодня или завтра с утра?

— Хотя я и не знаю, что вы понимаете под формальной стороной, лучше сегодня, — ответил Олд Дэт.

— Пока никаких особенных формальностей и не требуется, так как вы поступаете на военную службу на собственные средства. Присягу вы принесете, когда прибудете на место и вступите в должность. Сейчас я только выдам вам паспорта и рекомендательные письма, чтобы не возникло никаких препятствий для получения офицерского чина. Лучше иметь все бумаги при себе и в порядке, ибо человек предполагает, а Бог располагает, и кто знает, что случится с нами в следующую минуту. Прошу вас, обождите четверть часа. Вот сигаретки и старое вино, которым я угощаю только дорогих гостей. К сожалению, это последняя бутылка.

Он подал нам сигаретки и бутылку вина, встал за конторку и принялся писать. Олд Дэт за его спиной соорудил смешную гримасу, из чего я сделал вывод, что он вполне доволен достигнутым успехом. Затем он налил до краев стакан вина и осушил его залпом за здоровье сеньора Кортесио. Но мне итоги нашей беседы казались не столь радостными, так как об интересующих меня людях пока не было сказано ни слова. Я шепнул об этом старику, но он ответил мне успокаивающим жестом, мол, сам все

уладит.

За пятнадцать минут Олд Дэт опорожнил бутылку вина, а Кортесио покончил с бумагами. Он прочел нам вслух рекомендательные письма, содержание которых полностью нас удовлетворило, и запечатал их в конверты. Затем заполнил четыре бланка и вручил каждому из нас по два экземпляра. К моему величайшему удивлению, я обнаружил, что держу в руках два паспорта: один — на французском языке с подписью генерала Базена, — второй — на испанском, подписанный Хуаресом. Кортесио не мог не заметить мое изумление и сказал, хитро улыбаясь.

— Мы не можем полагаться на случай и принимаем все меры предосторожности. Не спрашивайте, откуда у меня бланки с подписью генерала Базена, это моя тайна. Кто знает, что может случиться завтра, потому неплохо иметь два паспорта. Я выписываю их исключительно редко, а большинство добровольцев вообще не получает никаких документов.

Он умолк, и Олд Дэт воспользовался паузой, чтобы перевести разговор в другое русло:

— Как давно ушли отсюда последние добровольцы?

— Не далее как вчера. Я лично проводил отряд в тридцать человек до Гопкинс-Фарм. На этот раз с ними едут два частных лица, не вступившие в армию.

— Правильно ли я понял, что вы помогаете переправиться в Мексику и частным лицам? — удивленно поднял брови Олд Дэт.

— Нет, что вы. Это может привести к очень большим неприятностям. Но вчера я сделал исключение, так как один из путешественников — мой хороший знакомый. Впрочем, лошади у вас будут резвые, и если вы тронетесь в путь ранним утром, то нагоните отряд до того, как он достигнет Рио-Гранде.

— В каком месте они будут переправляться через реку?

— Отряд идет в сторону Орлиного ущелья, но ему нельзя там показываться, поэтому они обойдут стороной форт Индж и переправятся через Рио-Гранде между его притоками Лас-Морас и Моралес, там наши проводники знают место, где можно перейти вброд. А дальше — на запад и через Баю, Крусес, Сан-Висенте, Табаль и Сан-Карлос доберутся до Чиуауа.

Местность была мне совершенно незнакома, но Олд Дэт утвердительно кивал головой и поддакивал, повторяя вслух каждое название, будто знал те края как свои пять пальцев.

— Несомненно, мы нагоним их, если наши лошади не будут слишком

плохи, а их — слишком резвы, — сказал он. — Позволят ли они нам присоединиться к отряду?

Кортесио заверил, что нас примут с распростертыми объятьями, но старый вестмен не унимался:

— А ваши друзья не будут против?

— Конечно, нет! Что-либо решать, тем более приказывать в отряде они не могут, так как сами должны быть признательны за путешествие под охраной. А поскольку вы с ними непременно встретитесь, скажу, что это настоящие джентльмены. Один из них — коренной мексиканец, зовут его сеньор Гавилан, он мой старый знакомый, с которым мы пережили немало незабываемых минут в столице. У него есть младшая сестра, такая красивая девушка, что ни один молодой человек, хоть раз увидевший ее, не смог избежать ее чар.

— Верно, и он красив, хоть куда?

— Нет. Они совсем не похожи друг на друга. Правду говоря, они не родные брат и сестра, а единокровные. Ее зовут Фелиса Перилья, и она была непревзойденной певицей и танцовщицей, все были без ума от ее искусства. Я говорю были, потому что она неожиданно исчезла, и только сейчас я узнал от ее брата, что она поселилась недалеко от Чиуауа. Но даже он не знает в точности, где она живет, и, только прибыв на место, сможет расспросить о ней.

— Могу я узнать, чем занимался раньше и чем занимается теперь этот сеньор?

— Он поэт.

Лицо Олд Дэта скорчилось в пренебрежительную гримасу, и добрый сеньор Кортесио поспешил добавить:

— Он не берет денег за свое творчество! Он очень состоятельный человек и не нуждается в деньгах.

— В таком случае, ему остается только позавидовать.

— Ему и в самом деле завидовали. Вокруг него было так много козней и сплетен, что ему пришлось покинуть город и даже страну. Теперь он возвращается с американцем, который мечтает с его помощью постичь чудо поэзии и ознакомиться с Мексикой. Они намереваются построить новый театр в столице.

— Желаю им удачи. А знал ли сеньор Гавилан, что вы живете в Ла-Гранхе и занимаетесь вербовкой добровольцев?

— Нет. Я совершенно случайно оказался на пристани, когда прибыл пароход и пассажиры стали сходить на берег. Я сразу же узнал его и пригласил вместе с товарищем к себе. Тут-то и выяснилось, что они

направляются в Остин, а оттуда — в Мексику. Я объяснил им, каким образом можно безопаснее и быстрее пересечь границу. Незнакомому человеку здесь, особенно если он не сторонник сецессии, не стоит задерживаться. В Техасе рыскают люди, которые не прочь половить рыбку в мутной воде. Неизвестно откуда и неизвестно зачем целыми шайками приезжает всяческий сброд. Ползут слухи о вооруженных нападениях, убийствах, беспричинной жестокости. Преступники всегда успевают улизнуть, и полиция только беспомощно разводит руками.

— Может быть, это дело рук ку-клукс-клана?

— Многие уже поговаривают об этом. А в последнее время участились случаи, дающие повод утверждать это с уверенностью. Накануне в Гейтсвилле нашли два трупа: к телам убийцы прикрепили бумагу с надписью: «Собаки янки». В Шелби чуть не до смерти исхлестали плетью целую семью — за то, что отец служил в армии генерала Гранта. А сегодня я узнал, что в окрестностях Лайонса был найден черный капюшон с белыми нашивками в виде ящериц.

— Тысяча чертей! Все сходится! Такую одежду используют только члены ку-клукс-клана.

— Вы правы. Они прячут лица под черными капюшонами с белыми нашивками. По форме нашивок члены банды узнают друг друга. Имена товарищей они держат в тайне.

— Значит, ку-клукс-клан зашевелился и хочет теперь наложить руку и на Техас... Будьте бдительны, сеньор Кортесио. Сначала они побывали в Гейтсвилле, капюшон нашли в Лайонсе, скоро они пожалуют и сюда и непременно попытаются нанести вам визит.

— Вы совершенно правы, сеньор. Придется наглухо запереть двери и ставни и держать под рукой заряженные ружья.

— Вы сделаете совершенно правильно. Коли разбойники никого не щадят, их щадить нельзя. Раскается тот, кто положится на их милость. Я бы разговаривал с ними исключительно на языке пороха и свинца. Кстати, в трактире происходит что-то неладное, там сидит целая толпа не внушающих доверия личностей. Я советую вам надежно припрятать все, что может свидетельствовать о вас как о стороннике Хуареса. И не медлите, сделайте это сегодня же. Береженого Бог бережет, и лучше перестраховаться, чем получить пулю в лоб из-за собственной небрежности. Ну вот, кажется, мы все обговорили. Завтра снова увидимся. Есть ли у вас еще вопросы к нам?

— Нет, сеньоры. На сегодня все дела закончены. Был очень рад познакомиться с вами. Уверен, что в армии Хуареса удача будет

сопутствовать вам и вы скоро отличитесь.

Мы пожали друг другу руки и распрощались. Как только дверь закрылась за нами, я не удержался и толкнул старика в бок со словами:

— Ну и наврали же вы с три короба! Как вам только все это пришло в голову?

— Наврал? Да, наврал. Вам меня не понять. Ведь он мог в два счета выставить нас за дверь. Поэтому я и расхваливал и себя и вас, как торговец лежалый товар на ярмарке.

— Но вы даже хотели взять у него деньги. Это было бы явное мошенничество!

— Ну, скажем, не совсем явное, раз он ни о чем не подозревал. И почему уж не взять, если он давал сам, по доброй воле?

— Потому что мы не собираемся служить в армии Хуареса.

— Откуда вам знать, что будет завтра? Сегодня не собираемся, а в будущем, может быть, и послужим, Обстоятельства могут нас к тому вынудить. Однако не могу не согласиться с вами: это хорошо, что мы не взяли деньги. Только поэтому он нам и выдал паспорта и рекомендательные письма. Но самое главное, что доподлинно вывели, куда направился Гибсон. Я прекрасно знаю этот путь. Завтра мы выедем пораньше и нагоним его. Благодаря нашим бумагам командир отряда ни на минуту не будет сомневаться в нашей честности и выдаст нам преступника.

Не успели мы постучать в дверь дома Ланге, как на пороге появился сам хозяин. Он проводил нас в комнату, в которой все три окна были занавешены толстыми одеялами.

— Не удивляйтесь, джентльмены, — сказал он. — Затемнение вынужденное. Я умышленно занавесил окна, чтобы ку-клукс-клан не пронюхал, что вы остановились у меня. По той же причине прошу вас говорить вполголоса.

— Они приходили сюда?

— Они выслали сюда разведчиков. Так как вы задерживались у сеньора Кортесио, мне стало скучновато, и я решил подождать вас у входа. Вдруг я услышал, что кто-то крадется вдоль стены. Я прикрыл дверь, оставив только узенькую щелку, и стал в нее глядеть. К двери подошли трое и остановились. Несмотря на темноту, я различил странные одежды: длинные балахоны с капюшонами, скрывающими лица. На темной ткани белели какие-то нашивки.

— Точь-в-точь как у членов ку-клукс-клана!

— Вот именно! Двое остановились караулить у дверей, а третий подкрался к окну и заглянул внутрь сквозь щели в ставнях. Вернувшись, он

доложил, что в комнате находится только один молодой человек, вероятнее всего, сын Ланге, что старик отсутствует, а на столе стоит еда. Второй бандит отвечал, что, наверное, мы поужинаем и сразу же ляжем спать. Они посоветовались и решили обойти дом кругом, чтобы высмотреть, как лучше проникнуть внутрь. Как только они скрылись за углом, я пошел занавешивать окна, а тут и вы подошли. Надеюсь, что визит негодяев не испортил вам аппетит. Вы мои гости, садитесь и угощайтесь. От всей души приглашаю вас разделить с нами скромную трапезу. А за ужином обсудим, чего следует ожидать от бандитов и велика ли опасность.

— Ну, конечно, мы поддержим вас и не оставим в трудную минуту, — сказал Олд Дэт. — А где ваш сын?

— Когда вы выходили от сеньора Кортесио, мальчик тихонько выскользнул на улицу и пошел к моим друзьям за подмогой. Они живут неподалеку отсюда, и я всегда могу рассчитывать на них. Сын тайком приведет их сюда. Двоих из них вы уже знаете — они сидели за нашим столом в трактире.

— Смогут ли они пройти в дом незамеченными? Было бы хорошо, если бы шайка продолжала думать, что в доме, кроме вас и вашего сына, никого нет.

— Не беспокойтесь. Мои друзья бывали в переделках и знают, что делать. Впрочем, я на всякий случай объяснил Биллу, как себя вести.

Ужин состоял из копченого окорока, хлеба и пива. Только мы сели к столу, как поблизости заскулила собака.

— Это условный знак, — сообщил нам Ланге, поднимаясь из-за стола. — Мои друзья пришли.

Он вышел, чтобы открыть им дверь, и вскоре вернулся с сыном и пятью вооруженными мужчинами. У каждого было ружье, револьвер и нож. Не произнеся ни слова, они внимательно проверили, надежно ли закрыты окна. Судя по их повадкам, на этих людей можно было положиться. Один из них, уже в возрасте, с поседевшими волосами и бородой, не сводил глаз с Олд Дэта.

— Извините меня, сэр, — обратился он к вестмену. — Билл предупредил меня, кого я здесь встречу, и я очень обрадовался. Мне кажется, мы уже где-то встречались.

— Возможно, — ответил мой товарищ. — Я встречал множество людей, и все они были детьми Адама и Евы.

— Вы припоминаете меня?

Олд Дэт внимательно посмотрел на него и сказал:

— Мы и в самом деле, кажется, где-то встречались, но, убей Бог, не

помню где.

— В Калифорнии лет двадцать тому назад, в китайском квартале. Играли мы там по-крупному, да и опий курили. Я тогда проигрался в пух и прах, спустил около тысячи долларов. У меня осталась последняя монета, и мне хотелось не проиграть ее, а потратить на трубку опия. Потом мне оставалось только пустить себе пулю в лоб. Игра была моей страстью, и я не видел другого выхода. И тогда...

— Стойте! Ни слова больше! — оборвал его Олд Дэт. — Можете не рассказывать.

— А я как раз хочу рассказать всем. Вы меня спасли тогда. Вам досталась половина проигранных мною денег, и вы отозвали меня в сторону и вернули мой проигрыш, заставив меня поклясться всем святым, что я никогда больше не сяду за карты и брошу курить опий. И я сдержал слово, несмотря на большой соблазн. Вы спасли меня. Сегодня я человек состоятельный, позвольте мне вернуть вам пятьсот долларов. Не откажите в любезности.

— Ну уж нет! — рассмеялся в ответ Олд Дэт. — Я столько лет гордился совершенным добрым делом, может, единственным в моей жизни, что теперь ни за какие деньги не продам достоинство. Когда я умру, мне нечем будет оправдать свои грехи перед лицом Господа Бога, и этот благородный поступок — мой последний козырь. А вы хотите, чтобы я добровольно его лишился. Да ни за что! Однако сейчас у нас есть дела поважнее, чем ворошить прошлое. Тогда я всего лишь предостерег вас и уговорил откреститься от сатаны, с которым, к сожалению, сам был знаком накоротке. Но своим спасением я обязан только себе, и никому больше. Поэтому давайте прекратим этот разговор.

Последние слова старого вестмена напомнили мне его рассказ при нашей первой встрече в Новом Орлеане. Он смутно намекнул тогда, что покойная мать сделала все, чтобы указать ему дорогу к счастью, но он выбрал иную стезю. Теперь он предстал передо мной в новом свете: заядлый игрок и курильщик опия. Я не мог избавиться от подозрения, что он и раньше и сейчас готов был все поставить на карту в буквальном смысле слова. Что же касается опия, то его худая, напоминающая скелет фигура явно свидетельствовала о длительном разрушительном воздействии наркотического снадобья. Неужели и до сих пор он втайне курит опий? Однако я отбросил все подозрения как невероятные: курение опия требует особых условий и много времени, что, разумеется, невозможно в путешествии, тем более по прерии. Может быть, он жует опий?

Теперь он казался мне совершенно иным человеком. К уважению,

которое я к нему питал, примешалось чувство жалости. Чего стоили его подвиги и чудеса храбрости, которые он проявлял на каждом шагу, в сравнении с той борьбой, какую он вел сам с собой! Как сильны были его тело и душа, если даже такой яд, как опий, не смог их разрушить! Прозвище «Олд Дэт» приобрело для меня другой, зловещий, оттенок. Видимо, славный вестмен когда-то был уверен, что обречен, и смерть казалась ему единственным спасением от унижительного порока.

Последние свои слова: «Давайте прекратим этот разговор!» — Олд Дэт произнес таким непререкаемым тоном, что его старый знакомый по Калифорнии заговорил о более насущном.

— Хорошо, сэр. Сегодня нам угрожает не менее неумолимый враг, чем опий. К счастью, с ним справиться легче, так что приступим к делу. Ку-клукс-клан — наш общий враг, поэтому и бороться с ним должны все, а не только тот, кому он непосредственно угрожает. У чудовища множество щупальцев, и всякая снисходительность к нему была бы непростительной ошибкой. В первой же схватке мы обязаны показать на деле, что не намерены уступить. Нас ждет верная смерть, если мы позволим ку-клукс-клану занять наш городок. Они примутся за каждого по отдельности и в конце концов передуют всех поодиночке. Поэтому мы должны во что бы то ни стало оказать непрошеным гостям такой горячий прием и нагнать на них такого страха, чтобы они больше никогда и носа не сунули в наш город.

Все присутствующие были того же мнения.

— Прекрасно, — продолжал старший из друзей Ланге. — Необходимо подготовиться к нападению так, чтобы они, бросившись на нас, превратились из охотников в дичь. Может быть, у кого-то есть план?

Все посмотрели на Олд Дэта. Он был опытный вестмен и лучше других знал, как следует поступать в такой опасной обстановке. Читая в глазах мужчин молчаливый призыв к действию и напряженное ожидание, Олд Дэт скорчил, по своему обыкновению, страшную гримасу, кивнул головой, словно соглашаясь с самим собой, и сказал:

— Ну что же, раз другие молчат, я скажу несколько слов. Следует учесть то обстоятельство, что они могут нагрянуть сюда только после того, как мистер Ланге ляжет спать. Задняя дверь в доме запирается на засов?

— Нет, на замок, как и остальные двери в доме.

— Вот и славно. Несомненно, они уже все разнюхали и запаслись поддельными ключами. Только круглый болван не сделает этого. В их шайке нет недостатка в слесарях или хотя бы в людях, искусно владеющих отмычкой. Таким образом, следует ожидать, что они потихоньку проберутся внутрь, и, исходя из этого, приготовиться к приему гостей.

— Мы встретим их выстрелами из ружей! Как только они сунутся, мы начнем палить в них.

— Мы — в них, а они — в нас. Как только мы дадим залп, они по вспышкам безошибочно поймут, где мы укрылись. Поэтому стрелять нельзя, лучше заманить их в ловушку, не подвергая себя опасности.

— Но как мы можем поймать их?

— Очень просто. Мы притаимся внутри дома и позволим им беспрепятственно войти. Едва они проникнут в спальню, мы захлопнем мышеловку. Несколько человек встанут на часах у двери, остальные будут сторожить окна со двора. Они не смогут выйти из дома, и им придется сдаться без боя.

Самый старый из соседей отрицательно затряс головой. Он упорно предлагал перестрелять всех злодеев. В ответ Олд Дэт прищурил один глаз и соорудил такую гримасу, что в других обстоятельствах все просто покатались бы со смеху. Но в тот день никто и не улыбнулся.

— Как понимать вашу гримасу, сэр? — спросил Ланге. — Вы не согласны?

— Вовсе нет, мистер Ланге. Предложение вашего друга недурственно, однако оставляет желать лучшего, так как, думаю, все произойдет несколько иначе. Куклуксклановцы не настолько глупы, чтобы вести себя так, как мы того ожидаем. Неужели вы всерьез рассчитываете, что они войдут все вместе и выстроятся против наших ружей? Я совершенно уверен, что они тихонько откроют заднюю дверь и пошлют двоих, самое большее троих, разведать обстановку. Этих мы, конечно, без труда застрелим. Но остальные уйдут и вернуться с подмогой, чтобы любой ценой покончить с нами. Но у них ничего не получится, потому что мы впустим в дом и переловим всех до одного. Только так мы обезопасим себя от нападения и добьемся своего по возможности без кровопролития. Если же вы непременно желаете перебить их, как бешеных собак, беритесь за дело сами, а нас увольте. Мы не хотим участвовать в бойне и уходим, чтобы найти другое место для ночлега и не вспоминать потом об этой ночи с содроганием и угрызениями совести.

Откровенные слова Олд Дэта произвели нужное впечатление. Все закивали головами в знак согласия, а старик-упрямец сказал:

— Вы убедили меня. Мне казалось, что если мы поступим с ними безжалостно, то раз и навсегда закажем им дорогу в Ла-Гранху. Но я не подумал об ответственности за пролитую кровь. И я готов согласиться с вашим планом, если вы приведете доказательства, что он выполним.

— Любой, даже самый тщательно продуманный, план может

провалиться. Получится или нет — зависит только от нас. Надо постараться, чтобы получилось. Мы поступим мудро, благородно и великодушно, если впустим их в дом, заманим в ловушку и захватим живьем. Учтите, что ку-клукс-клан будет мстить за смерть своих людей. Со всех сторон придут подкрепления, и они не отступят от вас, пока всех не перережут. Поэтому прошу вас принять мой план, все равно ничего лучшего вы пока не предложили, и думаю, не предложите. Чтобы обезопасить нас от случайностей, я сейчас обойду дом снаружи. Чем черт не шутит, вдруг запримечу что-нибудь такое, что потом нам пригодится.

— Может, не стоит выходить из дому, сэр? — спросил Ланге. — Вы сами сказали, что налетчики выставили часового. И если он вас заметит, все пойдет прахом.

— Он меня заметит? — рассмеялся Олд Дэт. — Вот уж не думал, что обо мне когда-нибудь скажут, что я неспособен незаметно подкрасться к часовому или пойти в разведку. Не смешите меня, мистер Ланге. Лучше нарисуйте мне план дома да растолкуйте, что и где находится, а затем откройте заднюю дверь и ждите за порогом, запершись, пока не вернусь. Возвращаясь, я не стану стучать в дверь, а поскребусь. На стук же никому не открывайте.

Ланге взял с полочки над дверью обмылок и нарисовал на столешнице план дома. Олд Дэт внимательно всмотрелся в чертеж и, ничего не сказав, кривой ухмылкой выразил свое одобрение.

Олд Дэт уже стоял у двери, как вдруг повернулся ко мне и спросил:

— Вам приходилось когда-нибудь подкрадываться к человеку, сэр?

— Нет, — покривил я душой, вспомнив, о чем мы договорились с Виннету.

— У вас появилась прекрасная возможность поползть в свое удовольствие по-пластунски. Если желаете, можете пойти со мной.

— Ни в коем случае, сэр! — возразил Ланге. — Это слишком рискованно. Ваш друг не скрывает, что у него нет опыта, в разведку он не ходил. Малейшая ошибка с его стороны — и часовой вас заметит и поднимет тревогу.

— Чепуха! Я знаком, признаюсь, с этим молодым человеком всего несколько дней, но уже знаю, что у него есть все задатки, чтобы стать хорошим вестменом. Если бы мне надо было незаметно подкрасться к вождю краснокожих, я бы, конечно, не взял его с собой. Но можете мне поверить, в ку-клукс-клане нет ни одного индейца и ни одного вестмена, поэтому нечего бояться, что часовой окажется более ловким и смелым, чем мы. Но даже если он нас и обнаружит, слово чести, я сумею исправить

ошибку, не будь я Олд Дэт! Я хочу взять с собой этого молодого человека, и он пойдет со мной. Вперед, сэр! Только оставьте здесь свое сомбреро, да и я сделаю то же самое, потому что светлая солома видна в темноте и выдаст нас. Зачешите волосы на лоб и поднимите повыше воротник, чтобы скрыть лицо. Держитесь за мной и делайте как я. И посмотрим, найдется ли такой смельчак, что смог бы против нас устоять!

Никто больше не возражал, и мы направились к черному ходу. Ланге тихонько открыл дверь, мы выскользнули в ночную тьму, и он снова закрыл ее за нами. Как только мы оказались на улице, Олд Дэт присел на корточки, а я последовал его примеру. Казалось, он пытается просверлить взглядом темноту. Затем я услышал, как он по-собачьи втягивает носом воздух.

— Похоже, впереди никого нет, — прошептал Олд Дэт, указывая на конюшню в глубине двора. — Однако я должен доподлинно убедиться в этом, осторожность никогда не помешает. Вы умели мальчиком стрекотать сверчком, дуя на травинку, зажатую между большими пальцами?

Я утвердительно кивнул головой.

— Там, под деревом, растет трава. Сорвите травинку и будьте наготове, пока я не вернусь. Никуда не уходите, а если что-нибудь случится, подайте мне немедленно сигнал сверчком.

Он лег на землю и, помогая себе руками, пополз в темноту. Минут через десять он вернулся. О его приближении меня и в самом деле известили не глаза, а обоняние.

— Я не ошибся, — шепнул он. — Во дворе и у фасада дома никого нет, но на том углу, под окном спальни, кто-то стоит. Ложитесь на землю и ползите за мной. Только не на животе, как змея, а как ящерица, опираясь на кончики пальцев. Ощупывайте перед собой дорогу, чтобы, Боже упаси, не хрустнула ветка. И застегните хорошенько куртку, чтобы полы не волочились за вами по земле. Вперед!

Мы уже добрались до угла дома, когда Олд Дэт остановился. Я сделал то же * самое. С минуту он всматривался в кромешную тьму, затем повернул ко мне голову и шепнул:

— Их двое. Будьте осторожны.

И он пополз дальше, я — за ним. Он не стал держаться стены дома, а направился ближе к забору. Оплетенный диким виноградом или каким-то другим вьющимся растением забор огораживал весь сад. Мы ползли вдоль него, и вскоре я обнаружил между домом и нами странный темный предмет, по форме напоминающий палку. Потом я узнал, что это были сложенные шалашом жерди для фасоли и хмеля. Рядом кто-то тихо разговаривал. Олд Дэт ухватил меня за воротник, притянул к себе так, что

моя голова оказалась рядом с его, и прошептал на ухо:

— Они сидят вон там. Подслушаем, о чем они говорят. Надо было бы отправиться туда мне одному, потому что вы — гринхорн и можете все испортить, но двое слышат больше, чем один. Вы сумеете подкрасться к ним бесшумно?

— Да, — ответил я.

— Тогда попробуем. Заходите с той стороны, а я зайду с этой. Когда подползете совсем близко, уткнитесь лицом в землю, чтобы блеск глаз вас не выдал. Если все же по какой-то причине — ну хотя бы из-за шумного дыхания — они заметят вас, придется их обезвредить.

— Убить? — спросил я шепотом.

— Нет. Обойдемся без стрельбы, поднимать шум не в наших интересах. Мы бросимся на них, я — на одного, вы — на второго. Сбейте его с ног и сожмите шею так, чтобы он и не пикнул. Потом я вам скажу, что делать дальше. Но запомните: без шума. Я знаю, что силой вас Бог не обидел, но уверены ли вы, что сможете грохнуть об землю верзилу из тех, что плыли на пароходе.

— Не сомневайтесь, сэр.

— Тогда вперед!

Он пополз дальше, огибая кучу жердей и заходя к часовым со спины, а я приблизился к ним спереди. Негодяи сидели рядом, глядя в сторону дома. Мне удалось подобраться к ним так близко, что нас разделяло не более полуметра. Я лег на живот и прикрыл лицо руками, склонив голову к самой земле. Как я потом убедился, я поступил правильно, вняв совету Олд Дэта. Во-первых, лазутчика всегда может выдать светлая кожа лица, а во-вторых, голоса лучше слышны снизу.

Они вели разговор шепотом, но очень волновались, поэтому на расстоянии нескольких шагов можно было разобрать каждое слово.

— Капитана парохода не тронем и пальцем, — шептал тот, что сидел ближе ко мне. — Он высадил вас на берег, что правда, то правда, но скажу откровенно, он выполнял свой долг. Уж больно вы разошлись. Пойми меня правильно, Локсмит, если мы расправимся с ним, то навредим сами себе. Мы собираемся надолго обосноваться в Техасе, поэтому не стоит ссориться с речниками.

— Ладно уж, воля ваша. Мы подчинимся, хотя руки ой как чешутся. Краснокожего, кажется, и след простыл. Как сквозь землю провалился. Мы проверили: ни один индеец не ночует в Ла-Гранхе в ожидании следующего парохода. Но те двое точно находятся здесь. Это шпионы Севера, и их надо безжалостно линчевать. По ним уже давно веревка плачет. Знать бы только,

в какую щель они забились. Труссы, улизнули через окно!

— Дело поправимое. В трактире остался Слизняк. Другой такой продувной бестии я не встречал, он костями ляжет, а выведает, где они. Именно он и вынюхал, что кузнец уже получил деньги от мексиканца. Так что если дело выгорит, то мы и повеселимся, и внакладе не останемся. Ланге-сын был офицером в армии Севера, поэтому веревку на шею, и вся недолга. А отец, воспитавший солдата, тоже заслуживает наказания, но мы его не повесим. Всыплем ему плетей, да так, чтобы кожа на спине лопалась. А потом выбросим его из дома и подожжем хозяйство.

— Да ему-то будет все равно, он дом уже продал, — ответил второй.

— Зато мексиканец обозлится и наверняка никогда больше не пошлет людей в армию Хуареса. Мы нанесем визит в его контору и наведем там порядок, попомнит он нас. Но действовать будем, как нам предписали. Кстати, ты уверен, что твои ключи подойдут?

— Не обижайте меня, капитан. Я свое дело знаю. Ни одна дверь не устоит против моей отмычки.

— Скоро начнем, ждать уже недолго. Только бы они улеглись пораньше, а то наши люди уже беспокоятся. В кустах сирени, где они спрятались, чертовски неудобно сидеть. К тому же хозяева выбрасывали туда черепки от битой посуды, мусор и прочий хлам. Сейчас я еще раз загляну в окно, может, в доме уже легли спать, а ты потом сходишь и позовешь остальных.

Верзила встал, подкрался к окну и прильнул к щели в ставнях. Почтительное обращение «капитан» да и весь разговор указывали на то, что он командовал шайкой. Второго звали Локсмит, то есть Слесарь. Возможно, это и была его настоящая фамилия, а может быть, он и в самом деле был слесарем, потому что, как он сам сказал, разбирался в отмычках. Когда он шевельнулся, послышалось металлическое бряцание: видимо, в кармане у него лежала связка ключей. Мои раздумья прервал Олд Дэт, легонько дернувший меня за штанину. Мы отползли назад за кучу жердей.

— Теперь мы знаем, что они задумали, — сказал Олд Дэт. — И я проделаю с ними такую штуку, что они меня на всю жизнь запомнят. Могу я на вас положиться?

— Что я должен сделать?

— Взять за горло верзилу.

— С удовольствием, сэр.

— Прекрасно, только сначала я объясню вам, как приступить к делу, чтобы вы сгоряча не наломали дров. Слушайте внимательно. Не волнуйтесь, сюда, за жерди, никто не придет.

В то же самое мгновение капитан вернулся к своему напарнику. К счастью, он не стал осматриваться и сразу сел на землю со «слесарем».

Олд Дэт не счел необходимым подслушивать дальше разговор двух негодяев и шепнул мне на ухо:

— Вы должны поймать этого разбойника. Подползете к нему сзади и, когда я вскрикну, схватите его за горло. Сожмите ему шею, повалите на землю, сначала на бок, а потом уложите на живот. Тогда садитесь на него верхом и держите. Справитесь?

— Несомненно. Я не раз участвовал в состязаниях по борьбе.

— В состязаниях! — презрительно хмыкнул старик. — Это ни о чем не говорит. Еще раз: капитан выше ростом. Не спутайте их и не посрамите своего учителя, сэръ, не допустите, чтобы над вами насмехались. Ну а теперь — вперед. Ждите моего сигнала.

И он скрылся в темноте, а я пополз на прежнее место. Подобравшись к капитану вплотную, я подогнул колени и приготовился к прыжку.

Оба куклуксклановца все еще беседовали, огорченные тем, что им приходится так долго ждать. Потом они снова вспомнили нас и выразили надежду, что Слизняк сумеет разнюхать, где мы остановились. Вдруг послышался тихий голос Олд Дэта:

— А вот и мы, джентльмены! Берегитесь!

Я мигом вскочил на ноги и вцепился в шею капитану так, как приказал Олд Дэт. Сжимая ему горло, я швырнул его на землю, уткнул лицом в траву и сел на него верхом. Не успев издать ни звука, он уже лежал без движения подо мной. Из темноты выплыла сутулая фигура Олд Дэта. Старик ударил капитана по голове рукояткой револьвера и сказал:

— Можете его отпустить. Для новичка вы сработали очень и очень неплохо. Судя по тому, как вы начинаете, у вас есть все задатки, чтобы в будущем стать хорошим вестменом. Берите своего верзилу и пойдете.

Он вскинул на плечо одного, я — другого бандита, и мы направились к задней двери дома. Олд Дэт тихонько поскребся, и Ланге сразу же открыл нам.

— Что вы принесли? — спросил он, пытаясь в темноте разглядеть нашу поклажу.

— Сейчас увидите, — весело ответил Олд Дэт. — Запирайте дверь и проходите в комнату.

Мы положили нашу добычу на пол, и вокруг раздались приглушенные возгласы удивления.

— Тысяча чертей! — воскликнул сосед Ланге. — Да ведь это два куклуксклановца! Они живы?

— Живы, — ответил Олд Дэт. — К счастью, я взял с собой на разведку молодого человека, а то бы мне одному не справиться. Он здорово помог мне и даже уложил главаря шайки.

— Главаря? Великолепно! Но где же скрываются остальные и почему вы притащили сюда этих двоих?

— Что тут объяснять? Все проще простого. Мы с молодым человеком вырядимся сейчас в их шутовские балахоны и приведем сюда всю шайку, ожидающую сигнала у конюшни.

— Вы в своем уме? Это слишком опасно. А если они догадаются, что вы не те, за кого себя выдаете?

— Не догадаются, — самонадеянно ответил мой товарищ. — Олд Дэт хитрее их, да и молодой человек не настолько глуп, как может показаться.

И он пересказал все, что мы подслушали. Теперь по его плану я должен был сыграть роль «слесаря», пойти к конюшне и привести всю шайку в дом, а сам он переоденется капитаном ку-клукс-клана.

— Разумеется, — добавил вестмен, — мы будем говорить исключительно шепотом, потому что так все голоса звучат одинаково.

— Мы не станем мешать вам, — сказал Ланге-отец. — А что тем временем делать нам?

— Тихонько выйдите во двор и принесите несколько кольев, чтобы можно было быстро и надежно подпереть дверь спальни. Затем потушите свет и спрячьтесь. Вот и все, что вы должны сделать. Какие действия потребуются потом, пока трудно предвидеть.

Отец и сын ушли за кольями, а мы с Олд Дэтом принялись снимать с пленников ку-клукс-клановское облачение. На черном балахоне капитана — на капюшоне, на груди и на бедрах — были белые нашивки в виде кинжала, а на одежде «слесаря» — ключи. Видимо, кинжал был отличительным знаком предводителя. Бандита, оставшегося в трактире, чтобы выведать, куда мы скрылись, звали Слизняком, и, вероятно, его одежду украшали нашивки в виде улитки.

В тот момент, когда мы стаскивали с капитана его бриджи, он пришел в себя, окинул нас удивленным взглядом и попытался вскочить на ноги, протягивая руку к пустой уже кобуре. Но не тут-то было. Олд Дэт придавил его к полу, приставил нож к груди и пригрозил:

— Тихе, приятель, не вздумай кричать или брыкаться, не то эти полфута стали окажутся в тебе.

Капитан, мужчина лет тридцати, со стриженной бородкой, был похож на офицера французской армии. Резкие черты лица, смуглая кожа и следы испытаний на лице выдавали в нем южанина. Он пощупал то место на

голове, куда пришелся удар рукояткой револьвера, и спросил:

— Где я? И кто вы такие?

— Вы в доме мистера Ланге, того самого, которого вы решили ограбить, приятель. А я и вон тот молодой человек — те самые трусы, которых должен был выследить Слизняк. Так что ты нашел то, что искал.

Пленник сжал побелевшие губы и обвел нас диким от страха взором. В это время вернулись оба Ланге с жердями, пилой и веревками.

— Веревок хватит на всех, — заверил нас Ланге-отец.

— Вот и хорошо. Пока свяжите этих двоих.

— Я не позволю связать себя! — крикнул капитан, снова пытаюсь вскочить на ноги.

Но Олд Дэт опять пригрозил ему ножом и устрашающе произнес:

— Не двигайся! Тебя, наверное, забыли предупредить, на кого ты охотишься. Меня зовут Олд Дэт, и ты, конечно, знаешь, что зря такую кличку человеку не дадут. А ты думал, что я лучший друг плантаторов и мечтаю вступить в ку-клукс-клан?

— Вы... Олд... Олд Дэт? — запинаясь, переспросил капитан.

— Да, приятель, собственной персоной. Но лучше вернемся к нашим скорбным делам. Мне известно, что ты собирался повесить мистера Ланге-младшего, а старшего — сечь плетьюми, пока не полопается кожа на спине. Ты также хотел сжечь его дом. Поэтому рассчитывать на снисходительность тебе не приходится. Может быть, мы и не будем излишне строги, но для этого ты должен постараться и вести себя смирно.

— Олд Дэт! Олд Дэт! — повторял побледневший как полотно капитан. — Я погиб.

— Еще нет. Мы не убийцы и не станем мстить вам, если вы сдадитесь без боя. В противном случае еще до завтрашнего утра ваши трупы поплывут вниз по реке, на радость рыбам. Слушай меня внимательно. Если ты сделаешь все, как я хочу, ты сможешь покинуть этот город и Техас, но Боже тебя упаси, не вздумай сюда возвращаться. Сейчас я приведу твоих дружков. Прикажу им сдать. Если вы не подчинитесь, перестреляем вас, как уток.

Капитана связали по рукам и ногам, сунули в рот кляп из его же носового платка, а когда «слесарь» пришел в себя, с ним обошлись точно так же. Обоих бандитов перенесли в спальню, уложили на постели и укрыли по горло одеялами.

— Отлично! — смеялся Олд Дэт. — Пора начинать спектакль. Вот будет потеха, когда разбойники раскусят, кто спит в кроватях. Скажите, мистер Ланге, нельзя ли как-то устроить, чтобы мы, разговаривая с

гостями, видели их, а они нас — нет?

— Это несложно, — ответил тот, показывая на потолок. — Потолок в доме сколочен из досок, одну из них можно вынуть.

— Тогда берите оружие, идите на чердак и сидите там, пока я не подам знак. Но сначала надо подготовить надежные подпоры, чтобы пташки не улетели.

Мы отпилили несколько кольев нужного размера и положили их так, чтобы они были под рукой. Я надел одежду «слесаря» и в кармане обнаружил связку ключей.

— Оставьте их здесь, они вам не потребуются, — сказал Олд Дэт. — Вы не слесарь и не взломщик и можете выдать себя своей неловкостью. Возьмите настоящие ключи и делайте вид, что орудуете отмычкой. Захватим с собой ножи и револьверы, а ружья, чтобы не вызвать подозрений, оставим. Тем временем вам, джентльмены, надлежит вынуть потолочную доску и сразу же погасить свет.

В соответствии с его указаниями, нас выпустили наружу и заперли дверь. У меня в кармане бряцали три ключа: от входной двери, от гостиной и от спальни. Услышав, как скрипит отдираемая от балок доска, мы с Олд Дэтом разошлись в разные стороны: он направился к фасаду дома, где лежали жерди, а я пошел через двор к конюшне, где меня ожидали «дружки». Я не стал подкрадываться к ним, желая, чтобы они услышали мои шаги и заговорили первыми. Я уже поворачивал за угол, когда передо мной, словно из-под земли, вырос человек, на которого я чуть было не налетел, и грозно спросил:

— Стой! Это ты, Локсмит?

— Тише! Вы же всех распугаете! — прошипел я в ответ.

— Подожди здесь, я сейчас позову лейтенанта.

Он исчез в темноте. Значит, кроме капитана, был еще и лейтенант, из чего следовало, что ку-клукс-клан был организован на военный манер. Спустя минуту ко мне приблизился другой человек и прошептал:

— Почему так долго? Эти собаки наконец-то уснули?

— Беспробудным сном. Перед тем как улечься, вылакали бутылку бренди.

— Тем лучше, нам же будет меньше хлопот. Что там с дверью?

— Все в порядке.

— Пошли! Уже за полночь. Управимся побыстрее здесь и навестим Кортесио. Показывай дорогу.

Мы двинулись вперед, а за нами потянулись смутные тени в балахонах. У дома нас ожидал Олд Дэт, которого в темноте действительно

было невозможно отличить от долговязого капитана.

— У вас есть особые приказания, сэр? — спросил его лейтенант.

— Нет, — ответил старик. — Все будет зависеть от обстановки внутри дома. Приступай, Локсмит, открывай входную дверь.

Сжимая в руки настоящий ключ, я подошел к двери. Однако отпер я не сразу, попритворявшись с минуту, будто пытаюсь подобрать отмычку. Наконец с легким скрипом дверь открылась, и мы с Олд Дэтом остановились у входа, пропуская вперед остальных. Лейтенант встал рядом с нами и, когда все вошли внутрь, спросил:

— Прикажете доставать фонари?

— Рано. Пока достаньте только вы.

Мы тоже вошли в дом. Я притворил дверь, но не стал запирать ее на ключ. Тем временем лейтенант достал из кармана фонарь и зажег. В тусклом свете я заметил на его балахоне белые нашивки в форме охотничьего ножа. Бандитов было десятка полтора, и у каждого был свой отличительный знак: полумесяц, крест, змея, звезда, лягушка, круг, пуля, сердце, ножницы и разнообразные птицы и звери.

Все остановились, не решаясь сделать ни шагу без приказа.

Лейтенант, по-видимому, был большим любителем повелевать, так как по-хозяйски приподнял фонарь, осмотрелся и спросил:

— Выставим часовых у дверей?

— К чему? — ответил вопросом на вопрос Олд Дэт. — Это лишнее. Пусть Локсмит закроет дверь на ключ, и сюда никто не войдет.

Я немедленно повиновался и запер дверь, но, чтобы не возбуждать подозрений у лейтенанта, оставил ключ в скважине.

— В спальню войдут все до одного, — продолжал давать указания Олд Дэт. — Кузнецы сильны, как медведи, поэтому понадобятся все наши люди.

— Вы сегодня не такой, как всегда, капитан.

— Условия сегодня тоже не такие, как всегда, лейтенант.

Он подтолкнул меня к двери, ведущей в гостиную, и тут повторилась та же сцена, что и у входа: я притворился, что подбираю ключ, и вскоре открыл дверь. Когда все вошли, Олд Дэт взял фонарь у лейтенанта и осветил дверь в спальню.

— Сюда! — позвал он. — Только тихо!

— Зажигаем фонари сейчас?

— Нет. Только в спальне.

Олд Дэт делал все, чтобы, войдя в спальню, бандиты не распознали сразу в «спящих кузнецах» своих товарищей. С другой стороны, нужно было завести в спальню и запереть там все пятнадцать человек, иначе нам

пришлось бы держать их под прицелом еще и в гостиной, а людей у нас было маловато.

Крайне осторожно я отпер последнюю дверь. Олд Дэт посветил фонарем, заглянул в спальню и шепнул:

— Спят как убитые. Быстро и без шума! Лейтенант, вперед!

И он втолкнул лейтенанта в спальню, не дав ему времени ни сообразить, что происходит что-то неладное, ни возразить «начальнику». Все остальные поспешили за ним, и, как только последний негодяй переступил порог, я закрыл дверь, повернул ключ и вынул его из замочной скважины.

— Коля, скорее! — прошипел Олд Дэт.

Коля были отпилены такой длины, что доставали от двери до противоположной стены комнаты. Теперь выломать ее мог разве что человек, обладающий силой слона. Как только клетка надежно захлопнулась за птичками, я бросился к лестнице, ведущей на чердак.

— Вы не уснули? — спросил я, задрав голову. — Они в мышеловке. Спускайтесь.

На мой призыв кузнецы и их друзья скатились вниз по лестнице.

— Бандиты в спальне. Теперь трое из вас выйдут во двор и подопрут снаружи ставни. Сторожите их хорошенько, и если кто-нибудь посмеет сунуть нос в окошко, пустите ему пулю в лоб.

Я выпустил троих мужчин из дому, оставшиеся прошли в гостиную. Из спальни сначала донесся невнятный говор, а потом — дикий шум. Бандиты обнаружили, что их одурачили и заперли, зажгли фонари и при их свете узнали лежавших в постели. Послышались угрозы и проклятья, дверь задрожала под ударами.

— Немедленно откройте, иначе пеняйте на себя! Мы разнесем весь дом в щепки! — кричали в спальне.

Угрозы не возымели желаемого действия, и они попытались вышибить дверь, но все же усилия были напрасны: жерди намертво заклинили дверь, потом по шуму и возгласам мы определили, что они открыли окно и порываются взломать ставни.

— Не могу! — вскрикнул кто-то. — Ставни подперты снаружи!

Со двора раздался грубый крик:

— Эй, вы там! Вы в ловушке! Прочь от окна! Первый, кто высунется, получит пулю в лоб!

— И прямым ходом отправится в ад! — громко добавил Олд Дэт. — У двери стоит караул, и людей у нас достаточно, чтобы перестрелять вас, как куропаток. Спросите вашего капитана, он даст вам дельный совет, что

делать!

Понизив голос, старик обратился ко мне:

— Берите фонарь и ружье, пойдемте на чердак. А вы, мистер Ланге, зажгите здесь свет.

Мы поднялись на чердак и подошли к дыре, находившейся над серединой спальни. Занавесив фонарь полкой балахона, мы заглянули вниз. В спальне горело несколько фонарей и все было видно, как на ладони.

Бандиты испуганно сгрудились. Они уже сняли путы с наших пленников, помогли им освободиться от кляпов. Капитан что-то втолковывал своим людям, видимо, объяснял им положение, в котором они оказались, но так тихо, что мы, как ни старались, не могли расслышать ни слова.

— Никогда! — вдруг явственно послышался голос лейтенанта. — Сдаться добровольно? Сколько их тут, чтобы требовать сдачи?

— Их достаточно, чтобы в пять минут перещелкать вас всех, если вы не сдадитесь! — прокричал Олд Дэт.

Словно по команде, все подняли головы и устремили взоры на нас. И в то же мгновение откуда-то издалека донесся гром выстрела. Сначала один, потом второй. В один миг Олд Дэт сообразил, что происходит в городе, и как следует воспользовался непредвиденным счастливым случаем.

— Вы слышали?! — вскричал он. — Ваши приятели пошли в гости к Кортесио, и он угостил их на славу. Весь город встал против вас. Мы заранее узнали, что вы собираетесь к нам нагрянуть, и приготовили вам прием, о каком вы и не мечтали. Здесь не нуждаются в услугах ку-клукс-клана, поэтому лучше бы вас сдать, господа. В гостиной, рядом со спальней, сидят двенадцать человек, под окном — шесть, на чердаке — еще шесть стволов держат вас на мушке. Меня зовут Олд Дэт, если вы сложите оружие, мы не станем судить вас слишком строго. Запомните, у вас осталось десять минут, потом открываем огонь. Больше нам не о чем разговаривать.

Он положил доску на прежнее место и тихо произнес:

— А теперь бегом на помощь Кортесио.

Мы прихватили с собой еще двоих мужчин из гостиной, где теперь оставались только Ланге с сыном, и двоих со двора, где для охраны окна вполне хватало одного человека, и помчались к дому мексиканца. Раздался еще один выстрел, и в свете вспышки я заметил у дома несколько фигур в балахонах. Еще несколько человек выбежали из-за угла и остановились. Один из них испуганно крикнул, как мне показалось, громче, чем собирался:

— У задней двери тоже палят! Там нам тоже не пройти.

Я бросился на землю и подполз ближе. Теперь я слышал все, о чем они говорили.

— Ну и заварушка! Кто бы подумал, что мексиканец почует неладное и схватится за оружие. Теперь он стрельбой поднимет на ноги весь город. Смотрите, уже в других домах зажигают свет, а вон кто-то бежит по улице. Через несколько минут здесь соберется целая толпа. Времени у нас в обрез. Вышибить дверь прикладом, и вся недолга. Согласны?

Медлить было нельзя, и я, не дослушав их разговор, поспешил к моим товарищам.

— Скорее, джентльмены! Они собираются взять приступом дом Кортесио!

— Не волнуйтесь, сэр! Сейчас они свое получат!

Пользуясь ружьями, как дубинками, мы напали на разбойников. Те обратились в бегство, бросив четверых своих сообщников лежать на земле без чувств. Мы немедленно связали их и обезоружили. Олд Дэт подошел к двери дома и постучал.

— Кто там? — прозвучало в ответ.

— Олд Дэт. Мы разогнали этих дурачков, сеньор. Откройте.

Дверь приоткрылась. Выглянул мексиканец и узнал Олд Дэта, хотя тот и был одет в балахон капитана куклуксклановцев.

— Они действительно разбежались? — спросил осторожный Кортесио.

— Только пыль столбом. Четверых мы взяли. Это вы стреляли?

— Я. Какое счастье, что вы меня предупредили, а то бы мне пришлось туго. Я отстреливался отсюда, а негр с черного хода, так что они не смогли подобраться к дому. А потом я заметил, что на них кто-то напал, но не знал, что это вы пришли мне на подмогу.

— А теперь нам требуется ваша помощь. К вам они больше не вернуться, а в доме у мистера Ланге сидит под замком полтора десятка бандитов, и мы не хотим отпускать их, не проучив хорошенько. Прикажите негру оповестить жителей. Пусть разбудит весь город, чтобы сообща прогнать банду отсюда раз и навсегда.

— Хорошо, сэр. Я пошлю слугу к шерифу. А вот еще кто-то идет к нам. Сам я буду готов через несколько минут.

И Кортесио скрылся за дверью. Справа из темноты выплыли две неясные фигуры с ружьями наперевес. Нас окликнули, спросили, кто мы и что случилось, а узнав о нападении, тут же предложили свою помощь. Даже жители Ла-Гранхи, не желавшие признавать вашингтонское

правительство, выступили против ку-клукс-клана, успевшего досадить всем.

Мы перетащили четверых раненых бандитов в гостиную в доме Ланге и узнали от хозяина, что запертые в спальне не пытались вырваться из ловушки. Вскоре появился сеньор Кортесио, а вслед ему один за другим стали прибывать и прочие обитатели городка. В доме уже не хватало места, чтобы вместить всех желающих участвовать в поимке шайки, и многие были вынуждены остаться на улице. Шум голосов и топот множества ног был прекрасно слышен в спальне, и сидящие там под замком негодяи не могли не понимать, что обстановка складывалась не в их пользу. Олд Дэт и я вместе с ним снова пробрались на чердак. Вынув ту же доску из перекрытия, мы заглянули внутрь и увидели картину немого, но яростного отчаяния: кто стоял, прислонившись к стене, кто присел на кровать и закрыл лицо руками, кто лежал на полу, злой и униженный.

— Ну как? — спросил Олд Дэт. — Десять минут прошли. Что вы решили?

В ответ прозвучало грязное ругательство.

— Если я правильно понял, сдаваться вы не желаете. Тогда мы открываем огонь.

Он сунул ствол ружья в проем, я последовал его примеру. Как ни странно, никто из бандитов и не подумал взяться за оружие, хотя у всех были револьверы. Страх сковал их волю, что подтверждало нашу догадку о том, что негодяи были храбры, только когда с помощью хитрости или подлости могли напасть на беззащитную жертву.

— Отвечайте, или я стреляю! — пригрозил им старик. — Последний раз предлагаю сдаться!

Ответом было гробовое молчание. Олд Дэт шепнул мне:

— Вы тоже стреляйте. Цельтесь в руку лейтенанту, а я возьму на мушку капитана. Но надо обязательно попасть, чтобы вид крови убедил их.

Два выстрела раздались одновременно, обе пули попали в цель. Капитан и лейтенант взвыли от боли, остальные — от страха. Услышав выстрелы и решив, что пальбу открыли пленники, наши товарищи в гостиной и на улице с криком взялись за оружие. Пробивая дверь и ставни, в спальню посыпался град пуль. Кукуклуксклановцы бросились на пол, чувствуя себя там в большей безопасности. Их капитан встал на колени у кровати, обмотал раненую руку простыней и крикнул:

— Остановитесь! Мы сдаемся!

— Давно бы так, — ответил Олд Дэт. — Все по очереди подходят к кровати и бросают на нее оружие. После этого мы вас выпустим. Тот, у кого

найдется хоть что-то напоминающее оружие, получит пулю в живот. Вы меня поняли? На улице сотни людей. У вас один шанс на спасение — сдаться на нашу милость.

Члены тайного союза оказались в безвыходном положении: о бегстве нечего было и думать. С другой стороны, им ничего не грозило, сложи они свой арсенал. Намерения у них были преступные, но осуществить их не удалось, поэтому, в сущности, судить негодяев было не за что. И они пошли на наши условия: вскоре на кровати выросла гора из ножей и револьверов.

— Прекрасно, джентльмены! — воскликнул Олд Дэт. — Сейчас мы откроем дверь, и вы выйдете по одному. И запомните: глаз у меня зоркий, и тот, кто вздумает протянуть руку к оружию, отправится прямо в ад.

Олд Дэт велел мне спуститься вниз и передать Ланге приказ: выпустить из спальни бандитов, связать их и держать под присмотром в гостиной. Однако непредвиденные обстоятельства чуть было не помешали мне выполнить его распоряжение.

В коридоре у лестницы толпились люди, на мне же был костюм «слесаря» ку-клукс-клана. Меня приняли за одного из шайки, и не было никакой возможности втолковать им, что я не имею никакого отношения к тайному союзу. Со всех сторон на меня посыпались пинки и тумачи, и я еще несколько дней чувствовал боль во всем теле. Я вдруг понял, что меня собираются вывести во двор и вздернуть на ближайшем дереве.

Положение становилось угрожающим: никто из этих людей не знал меня. Особенно распоясался один из них, долговязый и костлявый. Он, не останавливаясь, бил меня кулаком в бок и орал на ухо:

— На улицу его, на улицу! Там на деревьях хватит веток, крепких, прекрасных веток, чтобы их всех перевешать! Мы подберем тебе сук покрепче, чтобы не обломался!

Одновременно он подталкивал меня к выходу.

— Прекратите! — сопротивлялся я. — Я не член ку-клукс-клана, спросите у мистера Ланге!

— Мы найдем для тебя лучший сук во всем городе, — не унимался долговязый и опять ударил меня в бок.

— Да пропустите же меня в гостиную к мистеру Ланге! Я переоделся для того, чтобы...

— Лучший сук в городе! А какие у нас в Ла-Гранхе веревки! Крепкие и красивые! Из настоящей пеньки.

Он снова ударил меня, да так больно, что я потерял самообладание. Его крики могли распалить толпу, так что та и в самом деле решила бы меня линчевать, а уж если бы ему удалось вытолкать меня во двор, то там

меня ждала неминуемая расправа.

— Прекратите ваши дурацкие шутки! — взревел я. — Я иду к мистеру Ланге с поручением!

— Лучший сук и лучшая веревка тебе! — еще громче крикнул тот и что было силы двинул меня в ребра.

Мое терпение лопнуло, и я ответил ударом на удар. Вокруг меня сразу стало пусто, я воспользовался этим и, размахивая кулаками, бросился вперед, пытаясь прорваться в гостиную. Я двигался по узкой, отвоеванной у толпы улочке, но она смыкалась сразу же за мной, осыпая меня градом ударов. Я не завидовал настоящим куклуксклановцам, нетрудно было представить, что их ожидало.

Распахнув пинком дверь, я ворвался в гостиную. Долговязый, ревя, как раненый бык, ввалился вслед за мной. Увидев его, Ланге удивленно воскликнул:

— Боже мой! Что с вами, сэр? Почему вы так кричите? Почему у вас лицо в крови?

— На дерево! На дерево этого бандита! — ответил взбешенный верзила, тыча в меня пальцем. — Он расквасил мне нос и выбил зубы! У меня были такие замечательные зубы! Последние, что еще оставались! Повесить его!

На этот раз повод для гнева у него действительно был: из разбитого носа и рта хлестала кровь.

— Повесить? Его? — изумился Ланге. — Но он не бандит, сэр. Он наш друг, и именно ему мы обязаны тем, что удалось поймать всю шайку. Если бы не он, то и я с сыном, и сеньор Кортесио уже были бы мертвы, а наши дома полыхали, как солома.

Долговязый вытаращил глаза, разинул рот и пролепетал:

— Мы?.. Обязаны ему?..

Он был так смешон, что все присутствующие, несмотря на серьезность положения, захохотали.

Он вытер пот со лба. Я тем временем ощупывал себя и растирал те места, над которым поработали его костистые кулаки.

— Теперь вы поняли, сэр? — прикрикнул я на него. — Да вы просто взбесились. Что вам так приспичило вешать? И кого? Меня! Все кости ноют от ваших кулаков!

От смущения он не знал, что делать, наверное, поэтому он открыл рот и выплюнул на ладонь два «последних» зуба, которые я ему выбил. Тут и я не выдержал и рассмеялся, хотя вид у него был действительно жалкий.

Только теперь я смог передать Ланге распоряжение Олд Дэта. Мы

подготовили веревки, сложили их в угол, чтобы были под рукой, и я скомандовал:

— Выпускайте их по одному! И вяжите сразу же за порогом. То-то удивился Олд Дэт, что мы так долго возились. Но почему здесь еще нет шерифа? Слуга Кортесио обещал первым делом привести его.

— Нет шерифа? — удивился Ланге. — Так это он и есть! Он-то вам и надавал тумачков.

И Ланге ткнул пальцем в долговязого.

— Тысяча чертей! — взревел я. — Вы же шериф, представитель власти в округе! На вас возложена обязанность следить за порядком и даны для этого все права, а вам вдруг вздумалось самому поиграть в судью Линча! Очень плохо, сэр! Неудивительно, что ку-клукс-клан так здесь распоясался.

Мои нравоучения привели шерифа в такое замешательство, что он протянул мне на ладони два своих «последних» зуба и пробормотал:

— Простите меня, сэр. Я ведь не знал...

— Приступайте немедленно к исполнению своих обязанностей, а то люди, чего доброго, подумают, что вы хотели линчевать меня потому, что тайно пособничаете ку-клукс-клану.

Мои слова привели его в чувство. Он с достоинством выпрямился и ответил:

— Чтобы я, шериф всеми уважаемого округа Файетт, состоял в банде? Чушь, и я докажу это, не сходя с места! Мы будем судить банду по закону еще нынче ночью. Отойдите, джентльмены, освободите проход. Встаньте в коридор и просуньте в дверь ружья, чтобы им было ясно, кто хозяин положения. А вы открывайте дверь в спальню и готовьтесь вязать их.

Приказ был выполнен незамедлительно, и полдюжины винтовок тут же уставились в дверь спальни. В гостиной остались только шериф, Ланге с сыном, двое его соседей, помогавших нам с самого начала, Кортесио и я. С улицы доносились крики толпы, требующей ускорения развязки. Мы распахнули окна, чтобы люди могли видеть, что мы не бездействуем. Дверь разбаррикадировали, и я распахнул ее. Желающего выйти первым не нашлось, поэтому я позвал сначала капитана, а затем лейтенанта. Их раны были забинтованы разорванными на полосы простынями. На чердаке у вынутой доски с ружьем на изготовку сидел Олд Дэт. Пленникам связали руки за спиной и поставили у стены в один ряд с четырьмя бандитами, захваченными у дома Кортесио. У двери и окон толпились любопытные из тех, кто не принимал непосредственного участия в событиях этой ночи, и, глядя на происходящее, одобрительно шумели. Пленники оставались в

своих балахонах, капюшоны скрывали их лица. По моему настоянию привели человека, называвшего себя цирюльником, который заявил, что готов перевязать и вылечить раны. Он осмотрел пострадавших в схватке разбойников и послал зевак на поиски корпии, тряпок, пластыря и прочего.

Когда вся шайка была связана, кто-то вдруг задал совершенно резонный вопрос: что с ними делать, если в Ла-Гранхе нет тюрьмы, способной вместить девятнадцать человек?

— Отведем их в трактир, — распорядился шериф, — и покончим с ними сегодня же. Соберем суд, выберем присяжных и приведем приговор в исполнение тут же, на месте. Мы имеем дело с исключительным злодеянием, поэтому и поступим исключительным образом.

О решении шерифа немедленно передали на улицу. Толпа зашевелилась и двинулась по направлению и трактиру: каждый хотел занять место поудобнее. Многим не удалось попасть в зал, и они устроились на ступеньках лестницы, в коридоре и снаружи у окон. Куклуксклановцев приветствовали столь горячо, что охране пришлось крепко поработать, чтобы в конце концов уберечь подопечных от рукоприкладства публики. С трудом мы пробились в большой и низкий зал трактира, предназначенный для танцев. Возвышение для оркестра уже было занято зеваками; пришлось их прогнать, чтобы поставить там скамью для подсудимых и стол для присяжных. С пленников сняли капюшоны, и оказалось, что в шайке не было ни одного человека из ближайших окрестностей.

Собранный на скорую руку суд состоялся из председателя, чью роль взял на себя шериф, обвинителя, защитника, секретаря и присяжных. Свидетелями выступили оба Ланге, Кортесио, еще несколько человек из местных жителей, Олд Дэт и я. Основным доказательством вины послужило личное оружие пленников — все их револьверы и ружья оказались заряженными. Открывая процесс, шериф заявил, что, поскольку дело необычное, следует отступить от обычных формальностей и не приводить к присяге свидетелей, ибо «мораль обвиняемых столь низка, что таким высоконравственным и уважаемым джентльменам, как мы, не стоит обременять себя клятвой». Тем более что, по его мнению, в зале собрались (конечно, за исключением членов ку-клукс-клана) только те, чья добропорядочность и убеждения не вызывают никаких сомнений, что он и отмечает, к своему великому удовлетворению. Зал встретил откровенную лесть рукоплесканиями, долговязый раскланялся, а я заметил в зале несколько человек, чьи разбойничьи лица отнюдь не подтверждали высокопарные слова шерифа.

Суд начался допросом свидетелей. Олд Дэт в подробностях изложил, события той ночи, мы же ограничились тем, что подтвердили его рассказ. После нас выступил обвинитель и, основываясь на наших словах, упирал на принадлежность обвиняемых к запрещенной организации, которая преднамеренно подрывает общественный порядок, разрушает государственные устои и преступает закон. Подобные преступления караются длительным или даже пожизненным заключением, а иногда и смертной казнью. Только за принадлежность к тайному союзу закон предусматривает наказание от десяти до двадцати лет тюремного заключения. Кроме того, имеются отягчающие обстоятельства. Было доказано, что обвиняемые покушались на жизнь бывшего офицера армии Севера, намеревались нанести увечья двум уважаемым гражданам и сжечь дотла всю Ла-Гранху — да благословит Господь этот город. В их намерения также входило повесить двух мирных и достопочтенных джентльменов, — тут он повернулся в нашу сторону и сначала отвесил поклон Олд Дэту, а затем мне, — каковые намерения, будь они осуществлены, безусловно, повлекли бы за собой смерть повешенных, что следует наказать самым строгим образом, так как именно этим джентльменам город обязан своим спасением. Итак, вина подсудимых доказана, и обвинитель требует воздать им по заслугам и предлагает несколько членов клана, отобранных по усмотрению суда, «подвесить за шею веревкой, пока жизнь не покинет их тела», а остальных подвергнуть телесному наказанию, «дабы мораль их укрепилась», а потом заключить в тюрьму с толстыми стенами и прочными решетками, чтобы впредь они не могли вредить ни государству, ни честным гражданам.

Обвинитель раскланялся под рукоплескания, и его место занял защитник.

Председатель совершил ошибку, сказал защитник, не спросив у обвиняемых, кто они и откуда. Он советует шерифу исправить упущение, ибо необходимо знать, кого предстоит повесить, а кого посадить в тюрьму, хотя бы для того, чтобы должным образом составить бумаги на казнь и засвидетельствовать смерть казненных.. (Замечание было блестящее, и я мысленно согласился с ним.) Он не отрицает преступных намерений шайки и признает, что все, сказанное шерифом, — правда, и только правда но ведь замыслы ку-клукс-клана не осуществились. Поэтому ни в коем случае нельзя требовать смертного приговора или пожизненного заключения. Он спрашивает собравшихся, причинило ли само намерение ущерб кому-либо? И может ли намерение вообще причинить ущерб? Конечно, нет. Но раз никто не пострадал, он вынужден просить суд освободить обвиняемых из-

под стражи, что подтвердит наше человеколюбие и приверженность духу и букве закона.

Речь защитника встретили криками «ура». Он раскланялся с гордым видом, словно ему рукоплескал весь мир.

Снова взял слово председатель. Он, оказывается, умышленно не спросил имена обвиняемых, будучи уверен, что те попытаются ввести его в заблуждение. Поэтому он предлагает составить одну-единственную бумагу о казни: «Повешено девятнадцать членов ку-клукс-клана. Вина казненных доказана полностью». Конечно, он согласен с замечанием защитника: мы имеем дело с неосуществленным намерением. Именно в этом русле и будет вестись судебное разбирательство, однако следует помнить, что их преступные замыслы так и остались замыслами только благодаря вмешательству двух присутствующих в зале джентльменов. (Поклон в нашу сторону.) Вместе с тем намерения тоже представляют определенную опасность, и за это виновные должны понести наказание. У председателя нет ни времени, ни охоты затягивать решение, до бесконечности взвешивая доводы обвинителя и защитника. И вообще, не стоит уделять так много внимания шайке, которая, несмотря на численность в девятнадцать человек и целый арсенал оружия, позволяет взять себя в плен всего лишь двоим смельчакам. Его, шерифа, обвинили в тайном пособничестве ку-клукс-клану, он хочет снять с себя любые подозрения и приложит все усилия, чтобы обвиняемые были посрамлены, опозорены и больше никогда не смели появляться в Ла-Гранхе. И он спрашивает присяжных, виновны ли подсудимые в том, что намеревались убить, ограбить, нанести увечья и совершить поджог? Он просит судей не тянуть с ответом, ибо в зале собрались почтенные граждане, с нетерпением ждущие приговора.

Его язвительную речь встретили бурными аплодисментами. Присяжные отошли в угол зала, посоветовались несколько минут и объявили: виновны!

Шериф тут же приказал вывернуть карманы обвиняемых и пересчитать изъятые деньги, затем пошептался с секретарем, обвинителем и защитником и немедля объявил приговор:

— Джентльмены! Подсудимые признаны виновными. Но, учитывая, что их намерения не были осуществлены, и принимая во внимания обращение защиты к нашему чувству человеколюбия, мы решили не наказывать их по закону...

Обвиняемые вздохнули с облегчением, зато в публике прокатилась волна возмущения. Шериф, не обращая внимания на негодующие возгласы, продолжал:

— Как я уже отметил, одно лишь намерение совершить преступление подлежит наказанию, и хотя мы никого не повесим и никого не посадим в тюрьму, вы все-таки должны на будущее обезопасить себя от подобных выходов. Итак, мы решили изгнать их за пределы штата Техас, чтобы они никогда больше не осмелились показаться нам на глаза. Поэтому я приказываю: остричь им волосы и сбрить бороды и усы! Думаю, что среди вас найдется много охотников сделать это собственноручно. Будет лучше, если приговор приведут в исполнение те, кто никогда не держал в руках ножниц. Прошу принести из дому инструменты.

Зал захохотал. Кто-то крикнул в распахнутое окно:

— Несите ножницы! Мы подстрижем их по последней моде!

Не могло быть никаких сомнений в том, что все бросятся домой за инструментами. Так оно и оказалось. Со всех сторон с громкими криками люди несли садовые и овечьи ножницы.

— Суд также постановил, — говорил шериф, — силой отвести виновных на пароход, который только что прибыл из Остина и ранним утром отплывает в Матагорду. Там они пересядут на любое другое судно, с тем чтобы никогда не возвращаться в Техас. С этой минуты до того, как они покинут пределы штата, им запрещается снимать ку-клукс-клановскую униформу, чтобы всем встречным было ясно, как техасцы расправляются с членами банды. Все это время они будут связаны и получают хлеб только в Матагорде. Билеты на пароход будут оплачены из их же средств, составляющих круглую сумму в три тысячи долларов, нажитых, по-видимому, грабежом. Кроме того, все их имущество пойдет с молотка, в первую очередь оружие. Аукцион проведем прямо сейчас, а на деньги от распродажи закупим пиво, чтобы уважаемые леди и джентльмены могли освежиться глотком живительной влаги во время танцев, которые начнутся после суда. А на заре под музыку и похоронные песни проводим всю шайку на пароход. Они будут присутствовать на нашем балу, оставаясь на своих «почетных» местах. Если защита хочет опротестовать решение суда, мы с удовольствием ее выслушаем, но просим высказываться покороче, не то некогда будет стричь, проводить торги и танцы.

Радостные крики, сопровождавшие оглашение решения суда, перешли в рев. Потребовалось немало времени, чтобы утихомирить не на шутку расходившуюся публику. Наконец защитник смог говорить:

— Что касается наказания моих подзащитных, я должен признать, что оно слишком сурово, хотя и смягчено обещанием подать пиво и начать танцы, поэтому от имени тех, кого я защищаю, заявляю, что полностью согласен с приговором суда, и надеюсь, что он произведет целебное

воздействие на мораль подсудимых и поможет им вернуться к добропорядочной жизни. Одновременно предостерегаю моих подопечных от необдуманных попыток вновь посетить наш штат и тем более город, ибо я откажусь брать их под защиту, и тогда без опытного адвоката они не отделаются так дешево. Что же касается моего вознаграждения, то я желал бы получить по два доллара с клиента, что в итоге составит тридцать восемь долларов. Думаю, можно даже обойтись без расписки, если требуемая сумма будет мне вручена незамедлительно и при свидетелях. Половину из этих денег я беру себе, а другая пойдет в оплату за свет и зал для танцев. Джентльмены проходят по билетам стоимостью пятнадцать центов — из этих денег мы заплатим музыкантам. дамы, разумеется, приглашаются бесплатно.

Я чувствовал себя как во сне. Неужели все это происходит на самом деле? У меня не было основания не доверять собственным глазам: защитник получал свой гонорар, многие помчались домой, чтобы привести жен на бал, зал наполнялся людьми со всякого рода ножницами. Поначалу я возмутился, но вскоре поостыл и смеялся от всей души. Олд Дэт тоже похохатывал, довольный решением суда. Членов ку-клукс-клана обрили, остригли и тут же приступили к аукциону. Ружья были проданы быстро и за хорошую цену, остальные предметы из арсенала шайки тоже нашли своих покупателей.

В зале стало невероятно шумно и тесно. Одни пытались войти, другие выйти, не обошлось без толкотни и тумачков. Трактир не мог вместить и десятой части желающих. Наконец появился оркестр: кларнет, скрипка, труба и старый фагот. Музыканты уселись в углу и принялись настраивать свои допотопные инструменты, я сразу же составил далеко не лучшее мнение об их мастерстве. Я хотел было улизнуть, тем более что в зале уже появились дамы, но Олд Дэт и слышать об этом не желал, хвастливо утверждая, что именно мы являемся героями дня и непременно должны насладиться жизнью после трудностей и опасностей. Шериф тоже удержал меня, заявив, что жители Ла-Гранхи обидятся, если мы откажемся танцевать в первом котильоне. Он уже успел представить Олд Дэту и мне свою жену и дочь, заметив при этом, что они прекрасно танцуют. Поскольку я выбил ему два «последних» зуба, а он изрядно поколотил меня, мы, по его мнению, должны были испытывать друг к другу чуть ли не родственные чувства. Он уверял меня, что расстроится, если я покину бал, к тому же он обещал нам отдельный стол. Как тут быть?

Я понял, что «герою сегодняшнего дня» никак не избежать участия в пресловутом котильоне, а может быть, и в нескольких других танцах.

Добряк шериф явно радовался тому, что нас опекали хранительницы его домашнего очага. Он нашел нам стол, у которого был один, но зато большой недостаток: это был столик на четвертых, и тем самым мы полностью и окончательно оказались в плену у дам. Особое положение их мужа и отца придавало дамам надменность и достоинство. Матери было за пятьдесят, не теряя времени, она орудовала спицами и только один раз раскрыла рот, чтобы ни к селу ни к городу помянуть кодекс Наполеона. Дочери было под тридцать, она принесла томик стихов и читала его, несмотря на невероятный шум в зале. Она удостоила Олд Дэта суждением о французском поэте Беранже, что, видимо, должно было свидетельствовать о живости ее ума, но, когда старый вестмен совершенно серьезно заверил ее, что никогда не имел чести беседовать с упомянутым джентльменом, барышня замолчала и не произнесла больше ни слова. От пива наши дамы отказались, но, когда шериф принес им два стаканчика бренди, их острые мизантропические лица просветлели.

Вскоре долговязый шериф подошел к нам, толкнул меня, по своему обыкновению, в бок и шепнул:

— Принимайтесь за дело: пора танцевать котильон.

— А дамы нам не откажут? — спросил я, втайне рассчитывая на несговорчивость женщин.

— Ну что вы? Дам я заранее предупредил.

Скрепя сердце я встал, поклонился дочери, промямлил что-то о великой чести, удовольствии и предпочтении и получил в руки томик стихов, а в придачу и саму барышню.

Олд Дэт взялся за дело с уверенностью бывалого человека, по-свойски обратившись к матери:

— Ну что ж, пойдете танцевать. Вы как предпочитаете, вправо или влево? Мне все равно, я одинаково прыгаю в любую сторону.

Лучше умолчать, как мы танцевали, какой ущерб нанес заведению мой друг, падая вместе с партнершей, как джентльмены постепенно набрались. Замечу только, что к восходу солнца запасы трактирщика иссякли.

Шериф, однако, заверил всех, что деньги еще остались и что, как только к вечеру запасы пополнят, можно будет продолжать веселье.

Когда объявили, что пора вести куклуксклановцев на пароход, дамы вскочили с мест.

Шествие происходило в строго определенном порядке: впереди шли музыканты, за ними — судьи, затем — члены ку-клукс-клана в своих нелепых балахонах, далее — свидетели, то есть мы, а за нами вся остальная публика, словом, целая толпа.

Американцы — странные люди, они всегда добиваются своего. Все участники шествия, за исключением разве что пастора и дам, где-то успели раздобыть рожки, дудки и прочие инструменты. Когда все встали на места и шериф подал знак двигаться вперед, музыканты, шедшие в голове, заиграли мотив известной песенки «Янки дудль», остальные в меру способностей подыграли, и в конце концов все это стало напоминать кошачий концерт. Свист, пение, рев и звуки немилосердно терзаемы? инструментов создавали не поддающуюся описанию кар тину. Вскоре мне уже казалось, что я попал в сумасшедший дом.

Медленным шагом наша «похоронная» процессия приблизилась к реке. Куклуксклановцев сдали с рук на руки капитану, и тот взял их под стражу, а пассажиры, знающие о злодеяниях бандитов не понаслышке, выделили из своих рядов дюжих часовых.

Когда пароход отчалил, оркестр грянул бравурный туш, а публика завывала и заулюлюкала. Пока все прощались с «дорогими гостями» и глазели на отходящий от причала пароход, я взял под руку Олд Дэта, и мы вместе с Ланге и его сыном отправились домой, чтобы немножко отдохнуть перед дорогой. Однако проспали дольше, чем намеревались, что меня сильно расстроило.

— Не огорчайтесь, сэр, — успокаивал меня Олд Дэт. — Когда такой старый охотничий пес, как я, берет след, он уже не потеряет его, пока не выйдет на зверя. Положитесь на меня.

— Полностью доверяю вашей опытности, сэр, — отвечал я, — но мы задержались с отъездом, и Гибсон уйдет далеко вперед.

— Он от нас не уйдет. Не все ли равно, днем раньше или днем позже мы его поймем? Не падайте духом, меня не зря прозвали Олд Дэтом.

Я верил, что он сдержит свое слово, и все-таки обрадовался, когда за обедом Ланге предложил отправиться в путь вместе.

— Мы не будем вам в обузу, — уверял он нас. — И я и сын умеем обращаться с оружием и ухаживать за лошадьми, люди мы не трусливые и не бросимся наутек, встретиться нам по дороге хоть белые, хоть краснокожие, хоть сам черт. Возьмите нас с собой. По рукам?

Мы согласились без колебаний.

Потом пришел сеньор Кортесио, проспавший в то утро больше нашего, и пригласил нас посмотреть лошадей.

— Вот этот молодой человек пытается убедить меня, что знает толк в лошадях, — ворчал Олд Дэт. — Может быть, он и умеет лихо гарцевать, но у меня есть особое чутье на лошадей. Покупая коня, я часто выбираю такую страшную на вид клячу, что другие просто диву даются. Но я-то

знаю, что делаю: мой нюх меня ни разу не подвел.

В конюшнях Кортесио Олд Дэт заставил меня проехаться верхом на всех лошадях, а сам при этом внимательно приглядывался и приценивался. В конце концов, полагаясь на свое чутье, он отверг всех предложенных нам коней.

— На вид они гораздо лучше, чем на самом деле. Но через несколько дней пути их пришлось бы бросить. Мы купим вон ту светло-гнедую пару жеребцов. Хотя они и не молоды, зато стоят дешево.

— Да ведь это не верховые лошади, а упряжные клячи! — с обидой воскликнул Кортесио.

— Простите за резкость, сеньор, но вы в лошадях ничего не смыслите. Эти жеребцы знакомы с прерией, но побывали в плохих руках. Они не задохнутся и не упадут замертво от длительной скачки. Их мы и берем, спорить тут не о чем, дело сделано!

Глава III. ЧЕРЕЗ ГРАНИЦУ

Несколько дней спустя пятеро всадников мчались по местности, где проходит южная граница между техасскими округами Медина и Уорд. Во главе кавалькады скакали двое белых, одетых почти как близнецы, если не считать, что одежда младшего была несколько новее, чем у старшего, выглядевшего живым скелетом. Их светло-гнедые жеребцы бежали резвой рысью и время от времени весело пофыркивали, словно давая понять, что долгий изнурительный бег им нипочем. В следующей паре читатель легко узнает отца и сына. Их крепкие тела обтягивали такие же одинаковые одежды, но не кожаные, а шерстяные. На головах у них были широкополые фетровые шляпы, а оружие состояло из ружей, ножей и револьверов. Путешествующий с белыми всадниками жилистый негр был одет в легкий и удобный костюм темного полотна, над его кудрями высился блестящий цилиндр, в руках он держал двустволку, а за пояс заткнул мачете — длинный саблевидный нож, каким пользуются в Мексике.

Читатель уже угадал имена первых всадников: Олд Дэт, Ланге с сыном и я. Негр — не кто иной, как слуга Кортесио, тот самый, что в памятный нам вечер открыл дверь в дом вербовщика. Сеньор Кортесио, узнав, что оба Ланге решили пуститься в путь вместе с нами, пришел к нам в последний день нашего пребывания в Ла-Гранхе и попросил взять с собой его слугу Сэма.

Признаться, просьба нас насторожила, но Кортесио развеял наши сомнения, объяснив, что получил из Вашингтона очень важное сообщение, которое необходимо срочно передать дальше в Чиуауа. Никто не справится с поручением лучше, чем Сэм, преданный слуга, который уже много лет служит верой и правдой своему господину и не раз переходил границу, мужественно перенося тяготы и невзгоды опасного путешествия. Сэм не будет нам обузой, уверял нас Кортесио, напротив, он может оказаться полезным, так как по характеру покладист, послушен и всегда готов оказать услугу. Доверить же письмо нам Кортесио ни в коем случае не может — не в обиду будет сказано — только потому, что тот же гонец должен привезти и ответ.

Мы согласились на просьбу мексиканца и не пожалели. Еще много лет назад Сэму приходилось перегонять по Мексике стада скота, и с тех пор он прекрасно ездил верхом. Обходительный и услужливый чернокожий, кажется, привязался ко мне, так как бросался помогать мне во всем, за что

бы я ни взялся.

Олд Дэт посчитал искать следы Гибсона в прерии ненужной тратой времени: мы знали, куда направился последний отряд добровольцев, высланный Кортесио в помощь Хуаресу. Поэтому вестмен решил не повторять их путь, а кратчайшей дорогой выйти к Рио-Нуэсес возле Орлиного ущелья, где, как он был убежден, добровольцы должны были обязательно пройти. Следовало торопиться, так как мошенник значительно опередил нас; мне не верилось, что мы сумеем настигнуть его, но Олд Дэт успокоил меня, сказав, что в тех местах беспокойно и не везде мексиканские новобранцы смогут проехать без опаски, из-за чего им придется избегать поселений и часто делать большой крюк. У нас же не было причин петлять и скрываться, так что не составляло труда наверстать упущенное время.

За шесть дней мы сумели покрыть расстояние в двести миль, чего никто, кроме Олд Дэта, на свой страх и риск выбравшего светло-гнедую пару, и предположить не мог. Попав на просторы прерий Запада, кони преобразились. Свежая трава, степной простор придали им сил. Они резво бежали, оживая на глазах, и, казалось, становились моложе. Олд Дэта прямо распирало от сознания того, что его «конское чутье» на этот раз не подвело.

Мы миновали Сан-Антонио, пересекли напрямик округ Медина. Поначалу наш путь вел к Рио-Леона, главному притоку реки Фрио, неподалеку от впадения Тарки-Крик в Рио-Нуэсес. Гора Леоне с фортом Индж у ее подножия осталась к северо-западу от нас, и мы надеялись вскоре выйти на след Гибсона и его спутников,

Одно удовольствие мчаться по ровной, как блюдце, прерии. Прозрачный, чистый воздух позволяет видеть далекую четкую линию горизонта. Постоянно двигаясь на юго-запад, мы внимательно вглядывались в даль, не озираясь по сторонам, поэтому слишком поздно заметили, что нас преследуют. На шестой день путешествия Олд Дэт поднес руку к глазам козырьком, а затем ткнул пальцем направо и сказал:

— Взгляните туда, джентльмены. Как вы думаете, что это такое?

Мы посмотрели в указанном направлении и заметили черную точку, приближающуюся к нам, казалось, очень медленно.

— Гм! — промычал в ответ Ланге-старший, прикрывая ладонью глаза от слепящего солнца. — Похоже, там пасется какое-то животное.

— Ну конечно, — улыбнулся Олд Дэт. — Животное! К тому же пасется! Ваши глаза никак не приносятся к расстояниям в прерии. Между нами около двух миль, а это значит, что это не одно животное.

Иначе мы получим зверя размером в пять слонов. Бизоны здесь не водятся, а если какое-то стадо и забредет случайно, то не в это время года, а весной или осенью. У вас нет опыта, и вы не различаете движущиеся предметы. Бизоны и мустанги, когда пасутся, щиплют траву и идут медленно, шаг за шагом. А я готов держать пари, что кто-то мчится к нам галопом.

— Не может этого быть, — возразил Ланге.

— Ну что же, — сказал Олд Дэт, — раз белые ошибаются, послушаем мнение чернокожего. Что думаешь ты, Сэм?

Негр, до сих пор молчавший, не задумываясь ответил:

— Это быть всадники, масса. Четыре, пять или шесть.

— Согласен с тобой. Может, это индейцы?

— О нет! Индеец прямо не ходить к белому. Он сначала прятаться, приглядываться, а потом подкрадываться. Всадники скакать к нам напрямик, значит, это белые люди.

— Ты прав, Сэм. Я рад, что твой разум намного светлее твоей кожи.

— О, масса... — смутился Сэм, обнажив зубы в широкой улыбке. Похвала Олд Дэта явно польстила ему.

— Но если какие-то белые скачут к нам, мы должны подождать их, — заметил Ланге.

— Ни в коем случае! — возразил вестмен. — Очевидно, что они едут не по нашему следу, а несколько южнее, намереваясь перехватить нас по пути. Не стоит терять время понапрасну, поджидая их. Вдруг это солдаты из форта Индж? Тогда нам нечего радоваться встрече.

— Но почему?

— Потому что встреча с ними не сулит нам ничего хорошего. Отсюда до форта Индж чертова уйма миль, а если комендант высылает патруль так далеко, значит, жди неприятностей. Скоро вы сами убедитесь.

И мы пустились в дальнейший путь, не прибавляя, но и не убавляя шагу. Черная точка постепенно приближалась к нам и в конце концов распалась на несколько более мелких, которые быстро увеличивались в размерах. Вскоре уже можно было различить отдельных всадников, а спустя пять минут мы рассмотрели мундиры и услышали окрик, приказывающий нам остановиться.

Это были пятеро драгунов и их вахмистр.

— Куда вы мчитесь сломя голову? — спросил он, осаживая лошадь. — Вы не заметили нас?

— Почему же? — хладнокровно вопросом на вопрос ответил Олд Дэт. — Заметили. Но не поняли, почему это мы должны вас дожидаться.

— Потому что нам необходимо выяснить, кто вы такие.

— Разве вы не видите? Мы белые люди и путешествуем на юг. Вам достаточно?

— Тысяча чертей! — взорвался вахмистр. — Вам вздумалось шутить со мной?

— Мне не до шуток, — улыбнулся Олд Дэт. — Мы в прерии, а не в воскресной школе, и вы не учитель, чтобы делать нам замечания, приказывать и пороть за непослушание.

— У меня есть предписание начальства, и вы обязаны назваться.

— А если мы откажемся?

— Мы сумеем заставить вас открыть свои имена, даже если придется прибегнуть к силе.

— Вы действительно способны на это? Вы очень решительно настроены, я рад за вас, но не советую и пытаться. Мы свободные люди в свободной стране, господин вахмистр! И я хочу посмотреть на человека, который совершенно серьезно заявит мне, что я обязан, — слышите, обязан! — беспрекословно выполнять его приказы. Да я растопчу его копытами моего коня!

Глаза Олд Дэта вспыхнули, он дернул поводья, поднимая светло-гнедого на дыбы, и животное, послушное всаднику, угрожающе нависло над вахмистром. Тот рванул своего коня назад и уже открыл было рот, чтобы вспылить, но старик не позволил ему произнести ни слова.

— Я уже не говорю о том, что гожусь вам в отцы, а может быть, и в деды, значит, опыта у меня побольше вашего, и пережил я столько, сколько вам и за всю жизнь не пережить. Вы хотели прибегнуть к силе? Неужели вы думаете, что наши ножи сделаны из марципана, револьверы — из шоколада, а пули — из сахара? Поверьте, наши сладости вам не переварить. Вы говорите, что действуете по предписанию начальства. Охотно верю и не имею ничего против предписаний. Однако скажите, вам разве приказывали орать на вестменов, как на новобранцев? Мы не отказываемся от беседы с вами, но не мы вас искали, поэтому потрудитесь вспомнить уроки вежливости.

Олд Дэт пристыдил вахмистра. Читая нравоучение, старик изменился до неузнаваемости.

— Не сердитесь, — примирительно сказал вахмистр. — Я не хотел обидеть вас.

— Судя по вашим словам, вы полностью забыли уроки вежливости.

— Только потому, что здесь не великосветский салон. В прерии полно всякого сброду, и мы, как на переднем крае, должны поддерживать порядок.

— Полно всякого сброда? Значит, вы и нас причисляете к сброду? —

взорвался старик.

— Не могу сказать ни да, ни нет. Человек с чистой совестью без колебаний называет свое имя. Вы же не хотите отвечать прямо. Сейчас здесь на каждом шагу можно встретить тех, кто пытается пробраться к Хуаресу. Этим людям нельзя доверять.

— Как я понял, вы сторонники сецессии и южных штатов?

— Надеюсь, и вы тоже.

— Что касается меня, то я сторонник всякого честного человека, борющегося с негодьями. А что касается того, кто мы и откуда, то мы не делаем из этого тайны. Мы едем из Ла-Гранхи.

— То есть вы техасцы, а Техас всегда стоял на стороне Юга. Я очень рад встретить истинных патриотов.

— Истинных патриотов! Черт побери! Для вахмистра вы выражаетесь слишком высокопарно. Но настало время представиться. Я не стану называть все пять имен, вы все равно их сразу же забудете, а назову только свое. Мне кажется, его вы запомните. Я старый вестмен, которого обычно называют Олд Дэт.

Его имя произвело сильное впечатление. Вахмистр подпрыгнул в седле и вытаращил глаза на старика. Остальные солдаты тоже уставились на него с удивлением, смешанным с любопытством. Наконец вахмистр оправился от изумления и выдал:

— Олд Дэт! Шпион Севера!

— Сэр! — угрожающе крикнул Олд Дэт. — Думайте, что говорите. Берегитесь! Если вы когда-нибудь слышали обо мне, то должны знать, что я не терплю оскорблений. Я пожертвовал делу Севера мое состояние, кровь и жизнь, потому что я так хотел и потому что считал и до сих пор считаю идеи Севера единственно правильными. Слово «шпион» означает несколько иное, чем вам кажется. И если такой мальчишка, как вы, бросает мне в лицо оскорбление, то я не бью его по физиономии сразу же только потому, что мне его жаль. Олд Дэт никогда не боялся ни шести, ни десяти, ни целого эскадрона драгунов. К счастью, ваши товарищи производят впечатление более рассудительных людей, чем их командир. Надеюсь, они расскажут коменданту форта, что вы встретили Олд Дэта и обругали старика. Он вам покажет, где раки зимуют.

Его слова произвели нужное впечатление. Олд Дэт, по-видимому, рассчитывал на то, что комендант окажется поумнее своего подчиненного. Вахмистр не мог не упомянуть в рапорте о нашей встрече и ее исходе. Что может быть поучительнее и важнее для командира патруля, чем беседа с известным охотником и следопытом? От кого еще в прерии можно

услышать новости, получить дельный совет? Таких знаменитых вестменов, как Олд Дэт, офицеры обычно считают равными себе и принимают их с почестями.

Тупой служака наконец-то понял, что сел в лужу, покраснел и смутился. Олд Дэт тем временем продолжал, стараясь еще больше пристыдить вахмистра:

— Я уважаю ваш мундир, но моя потертая куртка стоит не меньше. Кто сейчас комендант в форте Индж?

— Майор Уэбстер, сэр.

— Тот, что еще два года тому назад служил в чине капитана в форте Риплей?

— Он самый.

— Передайте ему от меня привет. Мы с ним старые приятели и когда-то соревновались в стрельбе по мишеням. Дайте-ка мне вашу записную книжку, я напишу ему несколько слов. Думаю, он будет несказанно рад, что один из его подчиненных обозвал Олда Дэта шпионом.

Вахмистр не знал, что делать. Он с трудом сглотнул и выдавал из себя:

— Сэр, уверяю вас, я не хотел вас обидеть. Сами знаете, жизнь у нас не сахар, поэтому иногда бывает трудно сдержаться.

— Вот это звучит намного вежливее, поэтому давайте начнем наш разговор сначала. Как у вас в форте с сигарами?

— Хуже некуда. Табак, увы, кончился еще неделю назад.

— Это очень плохо. Солдат без табака — полсолдата. У моего товарища полная сумка сигар. Попросите его выделить малую толику из запаса.

Вахмистр и его люди с вожделием посмотрели на меня. Я достал горсть сигар, наделил ими солдат и поднес огня. Вахмистр затянулся с блаженным видом, поблагодарил меня кивком головы и сказал:

— Такая сигара что трубка мира. Мне кажется, я готов простить обиду злейшему врагу, если он после многодневного табачного поста угостит меня в прерии сигарой. Но вернемся к нашим делам. Времени у нас мало, поэтому мне хотелось бы узнать от вас последние новости. Видели ли вы следы индейцев?

— Нет, не видели. Да и сомнительно, чтобы в этих краях появились индейцы, — ответил Олд Дэт.

— У нас, например, есть веские основания считать, что они где-то здесь поблизости. Краснокожие опять выкопали топор войны.

— Тысяча чертей! Это плохо. А какие племена?

— Команчи и апачи.

— Самые жестокие. А мы находимся как раз на границе между их владениями. Когда ножницы смыкаются, больше всех достается тому, кто посередине.

— Да, будьте осторожны. Мы уже выслали людей за подмогой и новым запасом продовольствия. И днем и ночью патрулируем окрестности, приходится подозревать всех и выяснять, кто честный человек, а кто разбойник. Поэтому еще раз просим извинить нас.

— О, мы уже все забыли. Но скажите, почему краснокожие встали на тропу войны?

— Всею виной этот чертов, извините, сэр, может, вы о нем иного мнения, президент Хуарес. Вы, наверное, слышали, что ему пришлось отступить до Эль-Пасо: французы выгнали его из Чиуауа и Коауилы. Он бежал от них, как енот от собак, а они шли за ним по пятам до самой Рио-Гранде и в конце концов взяли бы в плен, не вмешайся наш президент. Все покинули Хуареса, даже его соплеменники индейцы, а ведь он краснокожий.

— Апачи тоже?

— Нет. По совету их молодого вождя Виннету они не встали ни на его сторону, ни на сторону французов. А так как апачи ни во что не вмешиваются, агентам Базена ничего не стоило натравить команчей на Хуареса. Отряды команчей перешли границу Мексики, чтобы покончить с его сторонниками.

— Вы хотите сказать, чтобы грабить, убивать, жечь и разорять. Команчам нет дела до Мексики, их стоянки и охотничьи угодья находятся по эту сторону Рио-Гранде. Но раз господа французы нанимают их, то что удивительного в том, что индейцы пользуются возможностью пограбить мирных жителей. Не мне судить, кто из них больше виноват.

— И не мне. Итак, команчи перешли границу и сделали то, что от них требовалось. На обратном пути они наткнулись на лагерь апачей, которых всегда считали своими смертельными врагами. Они перестреляли всех, кто оказал сопротивление, а остальных повели в плен вместе с лошадьми.

— И что же произошло дальше?

— Дальше? Дальше как обычно, сэр. Мужчин, как это водится у краснокожих, привязали к столбам поток.

— Так... Господа французы заварили кашу. Апачи, конечно, выступили в поход, чтобы отомстить?

— Нет, ведь всем известно, что апачи — трусы.

— Впервые слышу! Насколько мне известно, они не способны проглотить обиду.

— Они выслали нескольких воинов на переговоры с вождями команчей. Встреча произошла у нас.

— В форте Индж? Почему?

— Это была нейтральная территория.

— Понимаю. И вожди команчей явились?

— Да. Пять вождей под охраной двадцати воинов.

— А сколько было апачей?

— Трое.

— А сколько воинов их охраняло?

— Они прибыли без охраны.

— А вы говорите, что апачи — трусы. Три человека отважились пойти на встречу с двадцатью пятью врагами. Сэр, если вы хоть немного знаете индейцев, то должны признать, что это отчаянно смелые люди. Чем же закончилась встреча вождей?

— К сожалению, не миром. Краснокожие повздорили, команчи напали на апачей, зарезали двоих, а третий, несмотря на раны, сумел добраться до лошади, перелетел через забор высотой в сажень — и был таков. Команчи бросились за ним в погоню, но не догнали.

— И все это происходило на нейтральной территории, под защитой солдат форта и присмотром майора армии Соединенных Штатов? Команчи поступили вероломно, и стоит ли удивляться, что апачи соберутся в большие отряды и выступят в поход. А как команчи отнеслись к вам?

— Вполне дружелюбно. Прежде чем покинуть форт, вожди уверили нас, что белые — их друзья, а сражаться они будут только с апачами.

— Когда произошла эта кровавая встреча краснокожих?

— В понедельник.

— Сегодня пятница, прошло уже четыре дня. Как долго команчи оставались в форте?

— Не более часу после того, как убежал раненый апач.

— И вы их отпустили восвояси? После того как они попрали божеские и человеческие законы? Майору следовало взять их под стражу за убийство и сообщить о случившемся в Вашингтон. Я отказываюсь понимать его.

— Утром того дня он уехал на охоту и вернулся в форт только к вечеру.

— Чтобы не быть свидетелем преступления и вероломства! Как мне это знакомо! Как только апачи узнают, что команчи беспрепятственно покинули форт, я и гроша ломаного не дам за жизнь белого, попавшего к ним в руки.

— Не сгущайте красок, сэр. Если бы мы не позволили команчам уйти с миром, час спустя апачи потеряли бы еще одного из своих вождей.

— Еще одного из своих вождей? — переспросил Олд Дэт. — Вот оно что! Я, кажется, догадываюсь, кого вы имеете в виду. Стычка в форте произошла четыре дня тому назад, у краснокожего прекрасная лошадь, и он намного опередил нас.

— О ком вы говорите? — удивился вахмистр.

— О Виннету.

— Как вы догадались? Это действительно был он. Не успели команчи скрыться на западе, как мы увидели всадника, мчавшегося со стороны Рио-Фрио. Он завернул к нам, чтобы купить пороху, свинца и револьверных патронов. У краснокожего не было племенных знаков, а мы не знали его в лицо. Он услышал пересуды солдат, догадался о случившемся и обратился к случайно присутствовавшему при этом дежурному офицеру.

— Очень, очень интересно! — воскликнул Олд Дэт. — Как жаль, что меня там не было! И что же сказал индеец офицеру?

— Ничего особенного, если не считать угрозы: «Многие бледнолицые поплатятся за то, что здесь произошло. Вы не воспрепятствовали убийству и не наказали виновных». Сказав так, он покинул склад товаров и вскочил на коня. Офицер последовал за индейцем, чтобы полюбоваться, прекрасным вороным жеребцом, а тот повернулся и добавил: «Я буду честнее вас. Поэтому предупреждаю, что с сегодняшнего дня началась война апачей с бледнолицыми. Воины апачей мирно жили в своих вигвамах, когда коварные команчи внезапно напали на них, взяли в плен женщин и детей, забрали лошадей и пожитки, многих убили, а остальных отвели в свои селения, чтобы замучить у столбов пыток. Несмотря на это, старейшины апачей продолжали слушаться Великого Духа. Они не сразу выкопали топор войны, но послали к вам своих послов, чтобы говорить с вождями команчей. Вы отпустили убийц на свободу и тем самым стали нам врагами. Вы и будете повинны в крови ваших белых собратьев, не мы».

— Как это похоже на него! У меня такое чувство, будто я слышу его голос, — сказал Олд Дэт. — Что же ответил офицер?

— Он спросил имя краснокожего, и тот назвался вождем апачей Виннету. Офицер приказал немедленно закрыть ворота и схватить индейца, так как имел на это полное право: война была объявлена, а Виннету прибыл к нам в форт не в качестве парламентаря. Но тот лишь рассмеялся, вздыбил лошадь, потоптал копытами нескольких человек, в том числе и офицера, перелетел через забор и умчался в прерию. Мы выслали в погоню за ним отряд, но солдаты вернулись ни с чем.

— Вот вам и начало войны. В случае победы апачей вам не позавидуешь: индейцы не пощадят никого. Больше никто вас не навещал?

— Третьего дня под вечер в форт завернул одинокий всадник, спешащий в Сабиналь. Я дежурил у ворот, поэтому прекрасно помню, что он назвался Клинтоном.

— Клинтоном?! Сейчас я вам его опишу, а вы скажете, тот ли это человек.

Олд Дэт описал внешность Гибсона, и вахмистр подтвердил, что приметы сходятся. Я тут же показал ему фотографию, на которой он без колебаний опознал Клинтон.

— Вы дали себя обмануть, — заявил Олд Дэт. — Мошенник вовсе не собирается в Сабиналь, а заехал к вам, чтобы разнюхать обстановку, в форте. Он состоит в шайке, о которой вы упоминали. Поговорив с вами, он вернулся к товарищам, которые ждали его поодаль. Больше у вас ничего не произошло?

— Это все, что я знаю.

— Тогда наш разговор окончен. Передайте майору, что вы виделись со мной. Так как вы находитесь в его подчинении, вы не сможете повторить ему все то, что я думаю о случившемся в последнее время. Если бы он добросовестно выполнял свои обязанности, то предотвратил бы кровопролитие. К сожалению, все было наоборот. Прощайте, мальчик.

Олд Дэт пришпорил коня. Мы последовали за ним, на ходу прощаясь с драгунами.

Олд Дэт молчал, склонив голову на грудь и задумавшись. Солнце катилось к закату, до сумерек оставалось не более часу, и впереди виднелась прямая линия горизонта, словно огромный нож отделил небо от земли. Мы хотели в тот же день добраться до Рио-Леоне, но наступила темнота, а до цели было еще далеко. Это, по-видимому, беспокоило и старого вестмена, потому что он то и дело понукал лошадь, заставляя ее бежать размашистой рысью. Наконец, когда все увеличивающийся в размерах солнечный шар повис над землей, мы заметили на юге темную полосу, которая по мере приближения к ней становилась все шире и шире, а вскоре мы уже стали различать отдельные деревья, будто звавшие нас отдохнуть в тени своих крон. Песок пустыни сменился зеленой травой.

Наш предводитель разрешил лошади перейти на шаг и с видимым облегчением произнес:

— В здешних местах деревья растут только близ воды. Перед нами Рио-Леоне. Пора искать место для ночлега.

Мы въехали в рощицу, тянущуюся вдоль берега узкой полосой. Река была не очень широка и не очень полноводна, однако из-за обрывистых берегов нам пришлось проехать вниз по течению, пока мы не нашли

удобное для переправы место. Наши лошади уже вошли в воду, как вдруг старик, ехавший впереди, натянул поводья и склонился с седла, внимательно всматриваясь в дно реки.

— Так я и думал, — сказал он. — На камнях следов не остается, вот почему мы обнаружили их только здесь. Посмотрите на дно!

Мы спешили и сразу же заметили круглые, чуть больше ладони углубления в песчаном дне.

— Так это след? — спросил Ланге. — Может быть, здесь действительно прошла лошадь, но откуда вам знать, что на ней кто-то сидел?

— Сэм, погляди-ка ты на след. Что скажешь?

Негр, до сих пор скромно стоявший позади нас, подошел и взгляделся в дно.

— Здесь два всадника проехали через воду, — заключил он.

— А откуда тебе знать, что здесь проехали всадники?

— Дикий мустанг не ходит с железными подковами, а на такой лошади всегда сидеть всадник. Следы глубокие, значит, кони нести груз, нести люди. Коня сначала пройти через река друг за другом и только потом остановиться пить воду, значит, они слушаться поводья.

— Ты все замечательно объяснил, — похвалил вестмен негра. — Я сам лучше не смог бы. Всадники очень торопились, потому не дали лошадям напиться вдоволь, напоив их только на том берегу. Сейчас мы узнаем, зачем им было так спешить.

Пока мы беседовали, наши лошади жадно, огромными глотками, пили воду. Когда они утолили жажду, мы снова вскочили в седла и переправились на противоположный берег. Вода не доходила до стремян. Оказавшись на той стороне, зоркий и все подмечающий Олд Дэт воскликнул:

— А вот и причина их спешки! Присмотритесь внимательно к той липе. Кора со ствола содрана на высоту человеческого роста. А что это там на земле?

Мы посмотрели в указанном направлении и увидели два ряда вбитых в землю колышков, длиной и толщиной с карандаш.

— Знаете ли вы, для чего им понадобилось лыко и колышки? — продолжал Олд Дэт. — Взгляните, на земле валяются обрезки коры, а на колышках остались петельки. Перед вами ткацкий станок. Здесь соткали из лыка ленту, судя по колышкам, длиной в два локтя, а шириной в шесть дюймов. Индейцы используют такие тканые полосы для перевязки ран. Холодный сок липы снимает боль, а, высыхая, повязка из лыка стягивается

так, что даже удерживает перебитые кости. Можно предположить, что один из всадников был ранен. Теперь же взгляните туда: на дне видны две ямы, здесь лошади валялись в воде; перед дальней и трудной дорогой индейцы снимают с лошадей седла и дают им искупаться. Итак, подведем итог. Два всадника на индейских лошадях так торопятся, что сначала переправляются через реку и только потом поят животных. Один из них ранен, и они перевязывают ему раны и немедленно пускаются в путь. Какой же можно сделать вывод, джентльмены? Попробуйте поднапрячь свои мозги, — обратился Олд Дэт ко мне.

— Попытаюсь, — ответил я, — но прошу вас не смеяться надо мной, если ошибусь.

— Ни в коем случае. Вы — мой ученик, и я не смею требовать от вас больше, чем вы знаете.

— Судя по повадкам лошадей, можно предположить, что всадники принадлежат к одному из индейских племен. Примем во внимание события в форте Индж: двоих апачей убили, третий был ранен, но сумел скрыться, затем там появился Виннету, и ему тоже пришлось бежать, из чего я делаю вывод, что молодой вождь нагнал своего раненого сородича и они вместе продолжили путь.

— Неплохо, — удостоил меня похвалы Олд Дэт. — Что вы еще можете сказать?

— Мне кажется, что апачи стремятся поскорее добраться к своим, чтобы сообщить об убийстве в форте и предупредить о нападении команчей. Они знали, что только здесь найдут лыко, поэтому торопились переправиться через реку и сначала перевязали рану и лишь потом дали напиток и отдохнуть лошадям.

— Именно так все и происходило. Я доволен вами. Уверен, что здесь проезжал Виннету и тот апач, что сумел уйти живым после стычки у вождями команчей. Сейчас уже слишком темно, чтобы искать их след в траве, но я догадываюсь, куда она направятся. Переправившись, как и мы, через Рио-Леоне, они кратчайшим путем поскачут к своим. Наш путь лежит туда же, поэтому мы еще встретим их следы. А сейчас займемся нашими делами и выберем место для ночлега. Завтра с рассветом мы уже должны быть на ногах.

Его опытный глаз быстро нашел большую поляну, окруженную кустами, поросшую густой травой. Мы расседлали лошадей, стреножили их и пустили пастись. Ужинали мы всухомятку. На мой вопрос, почему мы не разжигаем костер, Олд Дэт хитро улыбнулся и ответил:

— Я ждал от вас этого вопроса, сэр. Наверное, вы прочли не одну

красивую историю Фенимора Купера и прочих авторов, пишущих благоглупости об индейцах. Как вам понравились их романы?

— Увлекательное чтение.

— Да, конечно, читаются они прекрасно. Усаживаешься поудобнее в кресло, кладешь ногу на ногу, закуливаешь трубку и раскрываешь книгу, взятую в библиотеке. Но когда вы попадаете в прерию на Диком Западе, там почему-то все оказывается по-другому, не таким, как в романах. Купер — талантливый писатель, и мне самому приятно почитать о Соколином Глазе. Он прекрасно сочетает поэзию и действительность, но на Диком Западе поэзией и не пахнет, вокруг одна суровая действительность. Помню, в одном из романов Купера есть великолепное описание костра, на котором печется сочная бизонья вырезка. Однако, скажу я вам, если мы попытаемся жить как в романах, к нам на запах дыма и горелого мяса сбегутся все индейцы с расстояния двух миль.

— Двух миль? Это же почти час езды.

— У вас еще будет возможность убедиться, каким тонким обонянием обладают краснокожие. Но если даже индейцы нас не учуют, то это сделают их лошади, обученные фырканием предупреждать хозяина. Так ни за грош погиб не один вестмен, поэтому сегодня придется нам обойтись без поэтического костра.

— Но мне кажется, что нам нечего опасаться — индейцев поблизости нет и быть не может, команчи не успели покинуть свои стойбища, и пройдет еще немало времени, пока воины соберутся в отряды и выйдут на тропу войны.

— Вы рассуждаете удивительно мудро для гринхорна. Однако, к сожалению, вы забыли о трех немаловажных обстоятельствах: первое — мы углубились во владения команчей, второе — именно по этому пути их воины совершают набеги на Мексику, третье — отряды команчей уже готовы к началу войны. Неужели вы считаете их олухами, которые убивают вождей апачей, не подготовившись к походу? Я склоняюсь к мнению, что команчи напали на апачей не потому, что вдруг ни с того ни с сего потеряли голову от ярости, а потому, что хорошо обдумали этот шаг. Думаю, команчи уже вышли к Рио-Гранде, и боюсь, что Виннету будет трудно проскользнуть между ними незамеченным.

— Так вы собираетесь встать на сторону апачей?

— В глубине души — да. На них вероломно напали, и, в конечном счете, я очень расположен к Виннету, но все же из осторожности нам не следует кричать на всех углах, на чьей мы стороне, тем более предпринимать что-либо, не подумав дважды. Будет большой удачей, если

мы доберемся до Мексики целыми и невредимыми, а уж о том, чтобы играть в кошки-мышки с краснокожими, вставшими на тропу войны, нечего и думать. У меня нет особых причин опасаться команчей. Они меня хорошо знают, я никогда не сделал им ничего плохого, не раз бывал у них, и всегда они принимали меня дружелюбно. Один из их вождей, Ойо-Колса, то Белый Бобр, обязан мне жизнью и обещал всегда помнить о том, что я спас его от верной смерти. Случилось это на Ред-Ривер, где на него напали чикесо и как пить дать сняли бы с него скальп, не приди я ему на помощь. Даже краснокожие не забывают такой услуги, что будет очень полезно, если мы встретим команчей и чем-то им не угодим. Придется тогда напомнить им о моей дружбе с вождем. К тому же у нас есть свои пусть небольшие, но все же козыри: нас пятеро и все, надеюсь, умеют пользоваться ружьями. Прежде чем дикарь прикоснется скальповым ножом к остаткам моей шевелюры, дюжина его сородичей отправится в Страну Вечной Охоты. Как бы то ни было, нам следует быть готовыми к любым неожиданностям и вести себя как на войне. Поэтому выставим часового и будем сменяться через час. Таким образом, каждому на сон останется пять часов, взрослому мужчине этого вполне достаточно.

Старик срезал пять травинок разной длины, мы потянули жребий и разыграли, кому и когда идти в караул. Мне выпала последняя смена. Тем временем наступила ночь, стало совсем темно. Но спать никому не хотелось. Я достал сигары, мы закурили и разговорились. Олд Дэт поведал нам несколько интереснейших и поучительных историй о собственной жизни.

Внезапно старый вестмен умолк, вслушиваясь в тишину. Тут и мы услышали, как одна из наших лошадей фыркнула, словно испугавшись чего-то.

— Что бы это могло быть? — пробормотал Олд Дэт. — Разве не говорил я Кортесио, что обе наши клячи в прерии не новички? Так фыркает только животное, знавшее руку вестмена, а это значит, что вблизи что-то неладное. Не смотрите по сторонам, джентльмены, когда человек напрягает зрение, его глаза начинают блестеть, вражеский лазутчик может их заметить. Смотрите прямо перед собой и не суетитесь, а я тем временем нахлобучу шляпу на глаза и схожу узнаю, кто к нам пожаловал. Слышите? Опять!

Конь Олда Дэта снова фыркнул, а мой начал беспокойно бить копытами, словно хотел освободиться от пут. Все умолкли, что мне в нашем положении показалось естественным и правильным, но старик шепнул:

— Не молчите! Если к нам кто-то уже подполз и подслушал наш разговор, то по тому, как мы внезапно умолкли, догадается, что мы что-то заподозрили, поэтому говорите, говорите, рассказывайте что вам вздумается.

Неожиданно негр тихо сказал:

— Сэм знать, где прятаться человек. Сэм видит два глаза.

— Молодчина, Сэм, но больше не смотри туда, не то он тоже увидит, как блестят твои глаза. Где он прячется?

— Там, где я привязал своего коня, рядом с дикой сливой. Очень низко, у самой земли.

— Сейчас я подберусь к этому каналю сзади и без хлопот вытащу его оттуда за шиворот. Он один, иначе лошади вели бы себя по-другому. А вы болтайте погромче и без стеснения. Во-первых, это отвлечет его внимание, и он не насторожится, а во-вторых, ваши голоса заглушат шум моих шагов. К сожалению, в такой крошечной тьме двигаться бесшумно невозможно.

Он встал, сделал шаг в сторону и растворился в ночи. Ланге громко спросил меня о чем-то, я ответил не менее громко. Наша беседа стала напоминать веселую перебранку, в которой каждое слово вызывало смех.

Билл и негр помогали нам как могли, пока мы, нашумевшись и насмеявшись досыта, не услышали голос Олд Дэта:

— Хватит вам реветь на всю прерию. Я его сцапал, каналю, и сейчас принесу.

Зашелестели кусты, из зарослей тяжелым шагом вышел Олд Дэт и положил рядом с нами на землю бесчувственное тело лазутчика.

— Он и охнуть не успел, — произнес вестмен. — Вы так шумели, что краснокожий не заметил бы и землетрясения.

— Краснокожий? А если он был не один?

— Может быть, и так, но маловероятно. А сейчас давайте разожжем костерок и посмотрим, что за птицу мы поймали. Тут рядом я за приметил сухое деревце. Присмотрите за гостем, пока я схожу за дровами.

— Он не шевелится. Может быть, он мертв?

— Нет, я его только оглушил и стянул руки за спиной его же ремнем. Я успею вернуться, прежде чем он придет в себя.

Олд Дэт срубил сухое деревце, мы ножами накололи щепы, и вскоре в свете маленького, мерцающего костра, горевшего почти без дыма, смогли рассмотреть пленника.

На нем были замшевые штаны, отделанные по швам бахромой, такая же охотничья куртка и мокасины. С бритой головы свисала скальповая прядь. Густо намазанное краской лицо пестрело черными и желтыми

полосами. Нехитрое вооружение воина, состоявшее из ножа, лука и кожаного колчана со стрелами, Олд Дэт бросил подальше.

Индеец лежал неподвижно, с закрытыми глазами, словно мертвый.

— Мелкая рыбешка, — сказал Олд Дэт. — Рядовой воин, у которого нет знаков отличия. Нет у него и мешочка с «лекарствами», а это говорит о том, что он еще не получил имя или был его лишен за провинности. Скорее всего, его послали в разведку, чтобы дать возможность доказать храбрость, убить врага и вернуть себе имя. Тише, он шевелится.

Скрюченный до того пленник вытянулся и глубоко вздохнул. Почувствовав, что руки у него связаны за спиной, он передернулся, широко раскрыл глаза и попытался вскочить на ноги, но тут же снова рухнул на землю. Он обвел нас горящим взором, вдруг заметил Олд Дэта и непроизвольно вскрикнул:

— Коша-Певе!

— Да, это я, — ответил вестмен. — Краснокожий воин знает меня:

— Сыновья моего племени хорошо знают бледнолицего воина, он не раз гостил в их вигвамах.

— По раскраске на твоём лице я вижу, что ты из доблестного племени команчей. Как тебя зовут?

— Сын команчей лишился имени и никогда больше не сможет назваться. Он покинул лагерь, чтобы выследить врага и вернуть себе имя, но попал в плен к бледнолицым и навсегда покрыл себя позором. Поэтому он просит белых людей убить его. Краснокожий воин споет предсмертную песню, и из его уст не вырвется ни единого жалобного стона.

— Мы твои друзья и не можем сделать, как ты просишь. Я взял тебя в плен, но только потому, что в темноте не разглядел, что ты сын команчей. У нас нет вражды с твоим племенем. Ты будешь жить и совершишь много великих подвигов и вернешь себе имя, услышав которое твои враги будут падать замертво от страха. Ты свободен.

С этими словами Олд Дэт разрезал ремни на руках индейца. Мне казалось, что краснокожий должен был сейчас же вскочить на ноги, но тот так и остался лежать на земле, словно все еще стянутый путами.

— Сын команчей, — произнес он, — не может быть свободен. Он хочет умереть. Всади нож в его сердце!

— У меня нет ни причин, ни желания убивать тебя. Почему ты хочешь умереть?

— Потому что ты оказался хитрее и взял меня в плен. Воины команчей узнают об этом и изгонят меня из племени. Они скажут: «Сначала он лишился имени и „лекарства“, а теперь попался в руки к бледнолицым. У

него слепые глаза и глухие уши. Он никогда не получит отличие воина».

Краснокожий произнес все это таким грустным голосом, что мне стало жаль его. Правда, я понимал далеко не все, так как он говорил на ломаном английском, перемежая его словами языка команчей, однако основную суть его речи уловил верно.

— Наш краснокожий брат не покрыл себя позором, — произнес я, вмешиваясь в его разговор с Олд Дэтом. — Попасть в плен к великому белому воину Коша-Певе — не позор, к тому же сыновья команчей никогда не узнают об этом. Наши губы никогда не выдадут твою тайну.

— Коша-Певе может подтвердить твои слова? — спросил индеец.

— Бледнолицый воин говорит правду, — ответил старик. — Мы скажем, что встретились и узнали друг друга. Я друг команчей, поэтому ты не совершил ошибки, открыто подойдя ко мне.

— Слова моего славного белого брата утешили меня. Я верю тебе. Теперь я могу вернуться к сыновьям команчей, не страшась, что меня изгонят из племени. И пока мои глаза видят солнце, я буду признателен бледнолицым.

Он сел, глубоко вздохнув, и, хотя густая боевая раскраска делала его лицо бесстрастным, как у истукана, мы почувствовали, что у него стало легче на сердце.

— Наш краснокожий брат видит, — продолжал Олд Дэт, — что мы его друзья и надеемся, что он тоже не считает нас врагами. Путь он в знак дружбы ответит на наши вопросы.

— Коша-Певе может спрашивать, я скажу правду.

— Мой краснокожий брат ушел из стойбища, чтобы убить врага или зверя и тем самым вернуть себе имя. Он шел один или с ним были другие воины?

— Со мною столько воинов, сколько капель в этой реке.

— Мой брат хочет сказать, что все воины команчей покинули свои вигвамы?

— Да. Они идут снять скальпы с врагов.

— Разве у команчей есть враги?

— Собаки апачи. Вонючие койоты напали на вигвамы команчей, и воины сели на коней, чтобы истребить подлых тварей.

Старейшие воины на совете решили выкопать топор войны. Потом шаманы спросили Великого Духа, и Маниту подтвердил волю старших. Копыта наших коней топчут земли от стоянок команчей до реки, которую белые называют Рио-Гранде. Четыре раза зашло солнце с тех пор, как топор войны пронесли от вигвама к вигваму.

— Наш краснокожий брат тоже выступил в поход с каким-нибудь отрядом?

— Мы разбили лагерь выше по течению. Несколько воинов пошли на разведку, чтобы проверить, нет ли поблизости собак апачей. Я поднялся вверх по реке и, учуяв лошадей бледнолицых, укрылся у кустах, чтобы посчитать вас, как вдруг на меня напал Коша-Певе и убил меня на короткое время.

— Не стоит вспоминать то, что было, забудем об этом. Сколько воинов мужественного племени команчей в вашем отряде?

— Ровно десять раз по десять.

— А кто их ведет?

— Ават-Вила, Великий Медведь.

— Я не знаком с ним и никогда не слышал его имени.

— Он совсем недавно получил имя. В Великих горах он убил серого медведя гризли и принес его шкуру и когти. Он сын Ойо-Колсы, которого бледнолицые называют Белый Бобр.

— Я знаю Белого Бобра, он мой друг.

— Мне известно это, так как я видел тебя в его вигваме. Ты был гостем Ойо-Колсы. Его сын, Великий Медведь, примет тебя с почестями.

— Как далеко отсюда до вашей стоянки?

— Мой белый брат будет ехать меньше половины того времени, какое вы называете часом.

— В таком случае мы попросим вождя, чтобы он пригласил нас к своему костру. Пусть мой брат отведет нас к нему.

Несколько минут спустя мы уже сидели в седлах и ехали вслед за индейцем мимо лип с ободранным лыком, где раньше встретили следы Виннету, а потом дальше вверх по реке.

Прошло полчаса, и перед нами вдруг как из-под земли выросло несколько темных теней. Это были караульные, расставленные вокруг лагеря. Наш проводник обменялся с ними несколькими словами и ушел, а мы остались ждать. Вскоре индеец вернулся и повел нас в глубь стоянки. Не было видно ни зги. Ни одна звезда не светила на затянутом тучами небе. Я вглядывался в окружающую нас тьму, но не мог ничего рассмотреть. Проехав совсем немного, проводник остановился и обратился к нам:

— Пусть мои братья ждут здесь. Сыновья команчей не разводят огонь во время военных походов, но сейчас они уверены, что поблизости нет врагов, и разожгут костер для гостей.

Он скрылся в темноте. Спустя мгновение я увидел недалеко красную

точку величиной с булавочную головку.

— Это пункс, — просветил меня Олд Дэт.

— Пункс? А что это такое? — удивленно спросил я, притворяясь, будто не знаю, о чем идет речь.

— Своего рода первобытная спичка. Кусочек дерева и палочка. В деревяшке сделано небольшое углубление, которое заполняется пунксом, то есть сухой лиственной или древесной трухой. Это лучшее в мире огниво. Палочку вставляют в дыру и быстро вращают между ладонями. От трения труха нагревается, начинает тлеть и вспыхивает. Смотрите!

Пункс блеснул раз, другой — вспыхнул огонек. Когда он разгорелся, в него подбросили сухих листьев и веток, запылал костер. Однако индейцы поспешили потушить пламя, так как они не любят слишком ярких огней. Следует отметить, что костер, разведенный краснокожими, презанятная штука: сучья укладывают вокруг таким образом, что только один их конец находится в пламени. Придвигая их ближе или отодвигая дальше, можно уменьшать или увеличивать огонь.

В мерцающем свете костра мы рассмотрели, что стоим под сенью деревьев, окруженных воинами с оружием в руках. У некоторых я заметил ружья, остальные же были вооружены копьями, луками и томагавками — страшными в руках ловкого воина боевыми топорами.

Нам приказали спешиться. Мы подчинились, и сразу же наших лошадей отвели куда-то в сторону, так что мы оказались в плену у краснокожих, ибо пеший человек в тех краях не выживет и дня. Правда, нам оставили оружие, но пятеро против сотни — не лучшее соотношение сил.

Нам разрешили приблизиться к костру, у которого сидел лишь один краснокожий. Определить его возраст было невозможно из-за таких же, как у разведчика, черных и желтых полос, полностью скрывавших лицо. В волосах, стянутых узлом на затылке, торчало белое орлиное перо — знак вождя. У пояса висели два скальпа, на шее — мешочек с «лекарствами» и трубка мира. Он держал на коленях старое ружье, изготовленное лет двадцать, а то и тридцать тому назад. Индеец внимательно осмотрел нас.

— Он горд собой, — шепнул Олд Дэт, стараясь, чтобы краснокожие его не услышали. — Мы должны показать ему, что мы тоже не простые воины, а вожди. Садитесь и предоставьте право говорить мне.

Старик уселся к костру напротив вождя, а мы последовали его примеру. Только негр, зная, что сидеть — привилегия вождя, остался стоять.

— Уфф! — возмущенно воскликнул индеец и бросил еще несколько

слов, смысл которых мы совершенно не поняли.

— Разве ты не умеешь говорить на языке бледнолицых? — спросил Олд Дэт.

— Умею, но не хочу. Мне не нравится язык бледнолицых, — прозвучал ответ вождя, который Олд Дэт немедленно перевел нам.

— И все же я прошу тебя говорить на нем, — настаивал вестмен.

— Почему?

— Потому что мои товарищи не понимают языка команчей, а они должны знать, о чем мы беседуем.

— Они пришли к команчам и пусть говорят на их языке. Так велит вежливость.

— Ты ошибаешься. Даже старой скво понятно, что человек не может говорить на языке, которого не знает. Кроме того, они гости команчей и вправе требовать от тебя вежливого обращения, как ты того требуешь от них. Ты сказал, что говоришь на языке бледнолицых. Докажи это на деле, иначе я подумаю, что ты лжец.

— Уфф! — воскликнул еще раз индеец и перешел на ломаный английский. — Я не солгал. Вы не верите моим словам и оскорбляете меня. За это я велю убить вас. По какому праву вы осмелились сесть рядом со мной?

— По праву вождей.

— Чей ты вождь?

— Я вождь белых вестменов.

— А вон тот бледнолицый?

— Он вождь кузнецов, которые делают оружие.

— А этот?

— Это его сын, он делает ножи и томагавки.

Кажется, индеец был удовлетворен таким ответом.

— Если он действительно умеет все это, то не зря назван вождем. А вот он? — указал краснокожий на меня.

— Этот славный белый муж прибыл к нам из далекой страны, он не убоился переплыть Великую Воду, чтобы познакомиться с воинами команчей. Он обладает мудростью и знанием множества вещей и, когда вернется в свою страну, расскажет всем о славном племени команчей. Поэтому он удостоен звания вождя.

Такое объяснение выходило за рамки понимания индейца, он долго и озабоченно разглядывал меня, а потом заметил:

— Ты утверждаешь, что он принадлежит к числу мудрых и опытных воинов, однако волосы его еще не побелели.

— В той далекой стране рождаются сыновья мудрее наших стариков.

— Видно, Великий Дух очень любит эту страну. Но сыновьям команчей не нужна мудрость бледнолицых, они сами знают, как следует поступать. На этот раз, кажется, мудрость покинула бледнолицых, раз они осмелились перешагнуть нашу военную тропу. Воины команчей выкопали топор войны и не потерпят присутствия белых.

— Похоже, ты не знаешь, что сказали ваши послы в форте Индж. Они заверили всех, что идут в поход только на апачей и остаются добрыми друзьями белых мужей.

— Пусть послы сами отвечают за свои слова. Я же поступлю как знаю.

До сих пор Олд Дэт отвечал вежливо на враждебные выпады индейца, но сейчас он, по-видимому, решил, что наглеца пора поставить на место.

— А кто ты такой, что осмеливаешься так говорить с Коша-Певе? Почему ты не назвал мне свое имя? Или у тебя нет имени? Тогда назови мне имя твоего отца.

Вождь буквально остолбенел от дерзости старика, долго всматривался в лицо Олд Дэта и наконец воскликнул с угрозой в голосе:

— Берегись, бледнолицый! Стоит мне только приказать, и мои воины поставят тебя к столбу пыток.

— Я не боюсь тебя. Кто ты такой, чтобы угрожать мне?

— Я Ават-Вила, вождь команчей!

— Ават-Вила? Великий Медведь? Еще мальчишкой я убил моего первого медведя, а с тех пор их было столько, что я мог бы обвешать когтями все свое тело. Человек, убивший медведя, еще не герой.

— Тогда посмотри на скальпы у моего пояса.

— Если бы я снял скальпы со всех убитых мною врагов, то мог бы одарить ими всех твоих воинов. Скальпы не говорят о мужестве.

— Я сын великого вождя Ойо-Колсы.

— А вот это уже кое-что. Я выкурил с Белым Бобром трубку мира, мы поклялись друг другу в вечной дружбе и в том, что его друзья будут моими друзьями, а мои — его, и всегда мы держали данное слово. Я надеялся, что сын, так же как и отец, отнесется ко мне дружелюбно.

— Ты мне дерзишь! Неужели ты считаешь воинов команчей мышами, которые безропотно терпят лай собаки?

— Что ты сказал? Ты думаешь, что Коша-Певе собака, которую можно убить палкой? Я сейчас же отправлю тебя в Страну Вечной Охоты!

— Уфф! За мной стоят сто краснокожих воинов, — и он махнул рукой назад.

— Ну и что? — ответил Олд Дэт. — Здесь сидим мы, а это ровно

столько, сколько все твои команчи, вместе взятые. Никто не успеет помешать мне всадить тебе пулю в живот, а потом мы еще посмотрим, на что годится сотня краснокожих. Гляди! У меня два револьвера, и в каждом по шесть патронов. У моих товарищей тоже найдется дюжина выстрелов, я уж не говорю о винтовках и ножах. Прежде чем твои воины до нас доберутся, половина из них умрет.

Никто и никогда не говорил еще так с вождем индейцев. Ават-Вила с упорством дикаря пытался понять причину отчаянной смелости старого вестмена.

— Наверное, у тебя очень сильное «лекарство».

— Да, мое «лекарство» сильнее твоего, мой талисман всегда наказывал смертью моих врагов. И так будет всегда. Я спрашиваю тебя: ты считаешь нас друзьями или нет?

— Я должен посоветоваться с воинами.

— Впервые вижу, чтобы вождь спрашивал совета у своих воинов. Но раз ты так говоришь, значит, так оно и есть. Мы, белые вожди, поступаем так, как считаем нужным, а потому мы важнее тебя, наша власть сильнее. Поэтому мы не можем сидеть вместе с тобой у одного костра, мы немедленно седлаем лошадей и уезжаем.

Олд Дэт встал на ноги, все еще сжимая в каждой руке по револьверу. Великий Медведь вскочил, словно ужаленный, глаза его загорелись, зубы оскалились. Загнанный в тупик, он лихорадочно искал выход и, по видимому, не находил его. В случае столкновения с индейцами мы наверняка поплатились бы жизнью за дерзость старого вестмена, но и многие команчи пали бы от наших пуль, а другие были бы изувечены в рукопашной схватке. Молодой вождь со страхом смотрел на смертоносные револьверы, он знал, что его первого ждет пуля.

Сын вождя отвечал перед отцом за все, что предпринимал по собственному усмотрению, и хотя у индейцев никто никого не принуждает принимать участие в военном походе, тот, кто решился выступить, должен непременно подчиниться железной дисциплине и неумолимому закону. Кто покажет себя трусом или неумелым воином, кто не владеет собой и больше ценит собственные порывы, чем общее благо, того с позором изгоняют, такого не примет ни одно племя, и изгой бродит по безлюдным пространствам. У него есть только один путь возратить себе доброе имя: вернуться в родные места и покончить с собой на глазах у соплеменников, чтобы мучительной смертью доказать способность переносить физические страдания. Это единственная возможность попасть в Страну Вечной Охоты, и индеец готов совершить любой подвиг, невысказанный для

обыкновенного человека, лишь бы после смерти оказаться в своем дикарском раю.

Именно так, скорее всего, и думал молодой вождь. Он не решался приказать убить нас, ведь в случае его смерти оставшиеся в живых скажут Белому Бобру, что сын не мог владеть собой, что он, пытаясь играть роль вождя, отказал в гостеприимстве старому другу отца и обозвал его и его товарищей собаками. Похоже, для Олд Дэта не было тайн в душе краснокожего, он рассчитал точно и был совершенно спокоен. Старик стоял напротив индейца с револьверами на изготовку и смотрел прямо в сверкающие от гнева глаза молодого вождя.

— Вы хотите уйти? — воскликнул индеец. — Мы не вернем вам лошадей. Вы в ловушке!

— И ты вместе с нами. Подумай о Белом Бобре. Если ты погибнешь от моей пули, он не покроет свою голову и не запоет траурную песню, но скажет: «У меня не было сына. Тот, кого застрелил Коша-Певе, был неопытный мальчик, он не уважал моих друзей и слушался только голоса собственной глупости». Тени воинов, которых мы убьем вместе с тобой, закроют тебе вход в Страну Вечной Охоты. Старые скво откроют беззубые рты, чтобы высмеять вождя, который не сберег своих воинов, потому что не умел владеть собой. Посмотри на меня! Разве я похож на человека, который боится? Я уговариваю тебя стать моим другом не из страха, а потому, что ты — сын моего краснокожего брата, которому я желаю только добра. А теперь решай! Одно неосторожное слово, одно неверное движение — и я стреляю.

С минуту вождь стоял как вкопанный. Трудно было понять, что происходит у него в душе: лицо, покрытое толстым слоем краски, оставалось бесстрастным. Потом он медленно опустился на землю, снял с шеи трубку мира и сказал:

— Великий Медведь выкурит трубку мира с бледнолицым.

— И правильно сделает. Тому, кто выступил походом на апачей, не следует ссориться с белыми.

Мы тоже сели.

Великий Медведь вынул из-за пояса мешочек с кинникинником, то есть табаком, смешанным с листьями дикорастущей конопли, набил трубку, раскурил ее, встал и произнес короткую речь, в которой часто повторялись слова: «мир», «дружба» и «белые братья». Потом он затянулся шесть раз, пуская дым струей к небу, к земле и на все четыре стороны света, и передал трубку Олд Дэту. Вестмен произнес ответную дружелюбную речь, повторил фокус с дымом и вручил трубку мне, предупредив, что каждый из

нас должен затянуться именно шесть раз. Когда трубка обошла всех нас поочередно, включая и Сэма, команчи уселись в некотором отдалении, образовав живой круг, а наш проводник подошел к вождю, чтобы в подробностях рассказать ему о нашей встрече. Естественно, он умолчал о том, что Олд Дэт взял его в плен. Когда разведчик закончил свой доклад, я попросил его провести меня к нашим лошадям и принес сигары. К сожалению, я не мог угостить никого из краснокожих, кроме Великого Медведя, чтобы, будучи «вождем», не встать на одну доску с простыми воинами и не потерять их уважение.

Сигары были знакомы Великому Медведю: я заметил, как просветлело его лицо при виде подарка, а при каждой затяжке вождь издавал звук, напоминающий голос тех милых животных, из которых получается превосходный окорок. Он стал очень учтив и справился о цели нашего путешествия. Благоразумный вестмен не счел нужным открывать ему всю правду, сообщил лишь, что мы пытаемся догнать нескольких белых, следующих к Рио-Гранде, а оттуда в Мексику.

— В таком случае мои белые братья могут ехать с нами, — предложил вождь. — Мы двинемся в путь, как только найдем след апача, сумевшего уйти от наших воинов.

— Кто он?

— Один из вождей. Команчи встретились с апачами в том месте, которое белые называют форд Индж. Несколько пуль попали в него, и он не сможет долго продержаться в седле. Скорее всего, он где-то тут поблизости. Мои белые братья случайно не встречали его следов?

— Нет, — твердо ответил Олд Дэт, не собиравшийся предавать Виннету.

— Значит, этот койот скрывается где-то у реки. Он не мог далеко уйти из-за ран, к тому же берег занят моими воинами, а они не дадут проскользнуть и мышам.

Положение Виннету становилось угрожающим. Конечно, след в реке команчам было не найти — его затоптали копыта наших лошадей, однако охота на раненого апача продолжалась уже три дня, и он вполне мог угодить в лапы воинов из любого другого отряда команчей. То, что Великий Медведь ничего не знал об этом, еще ни о чем не говорило.

Чтобы хоть чем-то помочь Виннету, хитроумный вестмен заметил:

— Завтра мои краснокожие братья наверняка найдут то место, где мы переправлялись через реку. Там стоит липа, с которой мы сняли кору: у меня открылась давняя рана, и пришлось перевязать ее лыком. Нет ничего лучше лыка, когда требуется остановить кровотечение. Мой краснокожий

брат, наверное, знает об этом средстве.

— Мой белый брат не сказал нам ничего нового. Мы всегда перевязываем раны лыком.

— Тогда я пожелаю мужественным воинам команчей, чтобы им пришлось как можно реже перевязывать раны от удара врага. Желаю им также победы и славы, потому что я друг им. Сожалею, что не могу остаться с ними. Они пойдут искать след, а мы поспешим за бледнолицыми.

— Мои белые братья непременно встретят Белого Бобра. Мой отец будет рад видеть Коша-Певе. Я дам вам воина, чтобы он провел вас к нему.

— Где сейчас находится славный вождь Ойо-Колса?

— Я назову места языком бледнолицых, чтобы Коша-Певе правильно понял меня. Если мои братья поедут туда, где садится солнце, они достигнут реки Тарки-Крик, Плечо Индюка, которая впадает в Рио-Нуэсес. Затем они должны перебраться через Чико-Крик, за которой начинается пустыня, тянущаяся до Элм-Крик. По ее берегам расставлены отряды Белого Бобра, чтобы не пропустить через брод никого, кто направляется через Рио-Гравде-дель-Норте в Орлиное ущелье.

— Тысяча чертей! — невольно вырвалось у Олд Дэта, но он тут же спохватился и исправил свою ошибку: — Именно туда мы направляемся. Наш краснокожий брат очень обрадовал нас этим известием. Я счастлив, что могу повидаться с Белым Бобром. А теперь пора идти отдыхать. Мы выезжаем завтра на рассвете.

— Я сам провожу моих белых братьев к месту, где им будет удобнее провести ночь.

Он привел нас под огромное раскидистое дерево и велел принести туда наши седла и одеяла. С тех пор как мы выкурили трубку мира, он вел себя гостеприимно и предупредительно. Как только вождь ушел, мы проверили содержимое наших переметных сум и с удовольствием отметили, что все оказалось на месте. Завернувшись в одеяла и пристроив под головы жесткие седла, мы растянулись рядом друг с другом на земле. Команчи улеглись вокруг нас плотным кольцом.

— Пусть поведение индейцев не вызывает у вас подозрений, — сказал Олд Дэт. — Они берут нас под свою защиту, а вовсе не пытаются помешать нам бежать. Если ты выкурил с краснокожим трубку мира, можешь смело ему доверять. И все же следует избегать их общества и держаться на расстоянии. Я наврал им с три короба насчет лыка и ран, чтобы сбить их со следа апачей, но, судя по обстановке, даже Виннету будет нелегко перебраться через Рио-Гранде. Кому-либо другому не стоило бы и пытаться

сделать это. Положение же Виннету трудно вдвойне — он везет раненого. Индейцы посылают на переговоры самых опытных воинов и вождей, поэтому я думаю, что сбежавший апач далеко не юноша. Путь им предстоит не близкий, а у старика от ран наверняка начнется лихорадка. Ну все, давайте отдыхать. Спокойной ночи.

Несмотря на его пожелания, ночь для меня не была спокойной. В тревоге за судьбу Виннету я не сомкнул глаз и разбудил товарищей, едва на востоке забрезжил рассвет. Наши поднялись без шума, но индейцы тут же вскочили на ноги. Теперь в свете встающего солнца мы могли рассмотреть их лучше, чем накануне вечером в мерцающем огне костров. От вида жутко раскрашенных лиц и невероятно одетых фигур краснокожих мурашки побежали у меня по спине. Только на немногих было какое-то подобие одежды, большинство же навесило на себя немыслимые лохмотья; но все равно команчи производили впечатление сильных и страшных в бою воинов. Я уже слышал, что мужчины из племени команчей — красивые и храбрые люди. Судя по первой встрече с ними, так оно и было на самом деле.

Вождь спросил, не голодны ли его белые братья, и предложил нам на завтрак несколько кусков жесткой конины. Мы поблагодарили его и отказались, объяснив, что у нас ни в чем нет нужды, хотя на самом деле запасы наши иссякли и нам пришлось довольствоваться всего лишь несколькими ломтями бизоньего окорока.

Великий Медведь представил нам воина, который должен был стать нашим проводником. Пришлось прибегнуть к невероятным дипломатическим ухищрениям, чтобы отделаться от сопровождения, и только когда Олд Дэт заявил, что такие опытные вожди, как мы, считают ниже своего достоинства пользоваться услугами проводника, Ават-Вила наконец согласился с нашими доводами и уступил. Наполнив водой кожаные фляги и увязав несколько охапок травы для лошадей, мы двинулись в путь. Было четыре часа утра.

Вначале мы не торопили лошадей, чтобы дать им возможность размяться. Какое-то время мы ехали по равнине, поросшей травой, но растительность редела и блекла с каждой милей, пока, наконец, полностью не исчезла. Теперь наш путь пролегал через пески. Зеленый рай на берегах реки давно исчез из виду, и казалось, мы попали в Сахару. Впереди и вокруг нас расстилалась ровная, как блюдце, равнина, а над нами висело солнце, лучи которого, несмотря на раннее утро, палили нещадно.

— Пришпорьте ваших лошадей, — сказал Олд Дэт, — надо проехать как можно больше до полудня, пока солнце у нас за спиной. Мы едем

прямо на запад, и во второй половине дня солнце будет светить нам прямо в лицо. Вот тогда-то и начнется настоящее пекло.

— Мы не собьемся с пути? На этой равнине нет никаких примет, — спросил я, все еще играя роль гринхорна.

Олд Дэт снисходительно улыбнулся в ответ:

— Ваши вопросы мне доставляют истинное удовольствие, сэр. В пустыне лучшая примета — солнце. Тарки-Крик, куда мы направляемся, находится в шестнадцать миль отсюда. Если пожелаете, мы уже через два часа можем быть на месте.

И он пустил лошадь сначала рысью, а затем галопом. Мы последовали за ним. Ехали молча: скачка не оставляет места для беседы, так как всадник должен внимательно следить за бегом лошади и двигаться в такт ее шагу.

Так мы проскакали час, затем пустили лошадей шагом, давая им передохнуть. Вдруг Олд Дэт указал рукой вперед.

— Посмотрите туда, сэр, а потом на часы. Мы ехали два часа и пять минут. Я правильно оценил время путешествия?

— Да, — согласился я.

— А это значит, что у человека часы в голове. Даже в самую темную ночь я скажу вам, который час, и ошибусь самое большее на несколько минут. Когда-нибудь и вы этому научитесь.

Впереди блеснула река. По ее берегам зеленели кусты и трава. Вскоре мы нашли подходящий для переправы брод и без препятствий добрались до места, где Тарки-Крик впадает в Рио-Нуэсес, впрочем, почти не отдавая ей воду. Оттуда мы направились к Чико-Крик и вышли к ней около девяти часов утра.

Чико-Крик в это время года трудно назвать рекой: русло пересыхает и только кое-где поблескивает грязная лужица, из которой тонким ручейком струится вода. Там не было ни кустов, ни деревьев, а редкая трава давно пожухла. Перебравшись на противоположный берег, мы спешили, за неимением ведра наполнили водой огромную шляпу Билла Ланге, напоили лошадей, скормили им наш скудный запас травы и после получасового отдыха снова тронулись в путь по направлению к Элм-Крик. И все же короткий отдых не восстановил силы животных, так что нам пришлось перейти на шаг.

Солнце близилось к полудню и жгло немилосердно. Ноги лошадей утопали в глубоком раскаленном песке. В два часа дня мы отдали животным последнюю воду из наших фляг, не оставив себе ни капли. Так решил Олд Дэт, считавший, что люди легче переносят жажду, чем лошади, несущие нас через пустыню.

— Впрочем, — добавил с улыбкой старик, пытаясь подсластить пилюлю, — вы хорошо держались. Знаете ли вы, сколько мы проехали? Я говорил вам, что только к вечеру доберемся до Элм-Крик, тогда как в действительности мы будем на месте через час-другой. Лошадки у нас незавидные, с такими не всякий вестмен пустится в пустыню.

Он взгляделся в горизонт, взял несколько южнее и продолжил:

— Невероятно, но мы до сих пор не встретили следов команчей. Похоже, они прошли вдоль реки. Ну и глупо! Потерять столько времени на поиски одного-единственного апача! Если бы они сразу направились к Рио-Гранде, то уже давно захватили бы своих врагов врасплох.

— Наверное, они думают, что еще не поздно, — вмешался Ланге. — Если Виннету с раненым не успели добраться к своим, апачи и не подозревают, что им объявили войну.

— Может быть, вы и правы, сэр. Но именно то, что мы не встретили команчей, беспокоит меня больше всего. По всей видимости, команчи двигаются большим отрядом, а не разбились на маленькие группки, чтобы прочесать всю местность. Возможно, апачей уже схватили.

— И что в таком случае ждет Виннету?

— Смерть, и самая ужасная, какую только можно себе представить. Его не прикончат сразу и даже не станут пытаться во время военного похода: не каждый день удастся взять в плен верховного вождя апачей. Для команчей это событие из ряда вон выходящее, и его следует отметить соответствующим образом, то есть изобрести самые изощренные пытки. Вождя переправят под надежной охраной в стойбище команчей, где сейчас остались одни старики, женщины и дети. Там за ним будут ухаживать, женщины исполнят любое его желание, у него будет все, кроме свободы. Но вы ошибаетесь, если посчитаете, что команчи хлебосольны и гостеприимны. Они всего лишь будут заботиться о том, чтобы пленник, с которого они, кстати, глаз не спустят, был здоров, как никогда, и как можно дольше выносил страдания. Краснокожие просто лопнут от злости, если жертва погибнет в начале обряда. Уверяю вас, Виннету обречен на смерть, но погибнет он не сегодня и не завтра. Его тело изрежут на куски, как если бы над ним трудились ученые анатомы, и пройдет несколько дней, пока смерть не избавит его от живодеров. Вот конец, достойный вождя. Не сомневаюсь, что Виннету не издаст ни стопа, более того, он будет смеяться над своими палачами. Но тем не менее я не желаю ему такой судьбы и заявляю вам, что при необходимости встану на его защиту и даже пожертвую собственной жизнью. Поэтому мы сейчас немного отклонимся к югу и навестим моего давнего друга, от которого узнаем, что происходит

на Рио-Гранде.

— Вы думаете, он обрадуется нашему визиту?

— Ну конечно! Иначе я не назвал бы его другом. Он ранчero и настоящий мексиканец, но из испанцев голубых кровей. Одного из его предков удостоили дворянского титула, поэтому он с гордостью именуется себя «кабальеро», да и свою усадьбу называет «Эстансия-дель-Кабальеро». Поэтому обращайтесь к нему уважительно — сеньор Атанасио.

Тем временем мы двигались дальше. Лошади шагали с трудом, по колено погружаясь в песок. Однако вскоре мы заметили, что почва становится более твердой, а к четырем часам пополудни появились первые признаки растительности. Немного позже мы уже ехали по великолепной зеленеющей прерии, где то тут, то там виднелись стада коров и отары овец, вокруг которых кружили верховые пастухи. Наши кони словно ожили и побежали резвой рысью, а вскоре показалась рощица, сквозь зелень которой просвечивало что-то белое.

— Это и есть «Пристанище Кабальеро», — сказал Олд Дэт, — настоящая цитадель, образцом для которой послужили крепости индейцев племен моки и суньи. Только в таком доме можно укрыться от набегов врагов.

Подъехав поближе, мы по достоинству оценили своеобразие крепости. «Пристанище» окружала стена высотой почти в две сажени, с широкими воротами, к которым вел мост, переброшенный через глубокий, но пересохший ров. Дом имел форму правильного шестигранника, первый этаж был полностью стеной, а второй — несколько смещен, так что вдоль края крыши тянулась галерея, завешенная белым полотняным пологом. Строение венчал третий этаж такой же формы, но с основанием меньше предыдущего. И здесь также была галерея, крытая белым полотном.

Выстроенный уступами дом с выкрашенными белой краской стенами сиял под солнцем. Подъехав поближе, мы заметили на каждом этаже ряд узких окон, больше похожих на бойницы.

— Прекрасный замок, — корчился в гримасах Олд Дэт. — Однако внутри он еще лучше, чем снаружи. Хотелось бы мне увидеть индейского вождя, который осмелился бы пойти на штурм этого дома.

Тем временем мы въехали на мост и остановились у ворот напротив окошка, рядом с которым висел колокол величиной с человеческую голову. Олд Дэт без колебаний ударил в него, и на полмили вокруг раздался звон. В окошке тотчас же появилась физиономия индейца, спросившего по-испански: «Кто вы?»

— Друзья хозяина, — отозвался вестмен. — Сеньор Атанасио дома?

В окошко выглянула пара темных глаз, и мы услышали радостный возглас:

— Какая радость! Сеньор Олд Дэт! Добро пожаловать! Сейчас, сейчас, бегу открывать!

Послышался лязг засова, ворота отворились, и мы въехали во двор. Впустивший нас индеец, одетый в белые полотняные штаны и куртку толстяк, был одним из тех краснокожих, что смирились с пришествием белых и приняли христианство и цивилизацию. Он закрыл ворота на все засовы, поклонился нам в пояс, торжественно пересек двор и дернул за железный стержень, свисавший со стены дома.

— Пока он докладывает хозяину, у нас есть время объехать все здание и полюбоваться им, — сказал Олд Дэт.

Стены первого этажа, ранее скрытые от наших глаз, были усеяны узкими щелями бойниц. Объехав широкий, поросший травой двор, мы не увидели ни окон, ни дверей, через которые можно было попасть внутрь.

— Как же мы войдем в дом? — спросил Ланге.

— Сейчас увидите, — ответил Олд Дэт.

Вдруг из галереи второго этажа высунулся какой-то человек и внимательно посмотрел вниз. Увидев индейца-привратника, он тотчас же спустил нам деревянную лестницу с широкими удобными ступенями.

Если читатель предполагал, что на втором этаже была долгожданная дверь, то он глубоко заблуждался. На галерее нас ждал другой слуга, по сигналу которого появилась еще одна лестница, и вскоре мы оказались на крыше дома, посыпанной песком, в центре которой было прямоугольное отверстие. Отсюда в глубь дома вела еще одна лестница.

— Вот так испокон веков индейцы моки и суньи строили свои пуэбло. Дьявольски трудно даже проникнуть во двор, но если кому-нибудь удастся, то перед ним встанет стена без лестницы: если встать ногами на седло, то можно вскарабкаться на галерею. Но я не советую и пытаться делать так в военное время. С крыши прекрасно простреливается и стена и двор, а сеньор Атанасио держит не менее двадцати вакеро, пеонов и слуг. Ружей, пуль и пороха у него хватает, а двух десятков хорошо вооруженных защитников достаточно, чтобы уложить не одну сотню нападающих. Вы еще не раз увидите такие замки на границе с Мексикой и поверьте, что местные ранчери только благодаря им смогли отбить не одну атаку краснокожих.

Дом стоял на берегу Элм-Крик, чьи воды превращали окрестную пустыню в плодородный оазис. Река хрусталам блестела под солнцем, и мне захотелось искупаться.

Вслед за слугой мы спустились по лестнице и оказались в длинном узком коридоре, освещенном тусклым светом из двух бойниц. По обе стороны располагались двери комнат, а в противоположном конце я заметил распахнутый люк, ведущий на второй этаж. Помнится, мне еще подумалось, что несколько раз на дню карабкаться вверх по трем лестницам, а затем с такими же неудобствами спускаться вниз — занятие не из самых приятных, но, видно, собственный скальп человеку дороже всяких удобств.

Слуга скрылся за одной из дверей и вскоре вернулся с известием, что сеньор «капитане» ожидает нас.

— Не удивляйтесь, — сказал Олд Дэт. — Старина Атанасио примет нас очень церемонно. Испанцы обожают этикет, а мексиканцам только покажи дурной пример — они готовы весь день кланяться да расшаркиваться. Будь я один, он давно бы выбежал навстречу. Но сегодня я в обществе незнакомых ему людей, поэтому он не преминет устроить что-то вроде маленького королевского приема. Боже вас упаси улыбнуться, когда он предстанет перед нами в мундире кавалерийского капитана мексиканской армии и при всех регалиях. Он сохранил их в память о днях бурно проведенной молодости и с удовольствием время от времени щеголяет в давно вышедших из употребления эполетах. Кстати, это единственная причуда моего старого и милого друга.

Нас провели в полутемную, прохладную комнату, уставленную некогда дорогой, а теперь изрядно обветшавшей мебелью. Навстречу нам церемонно выступил высокий худой мужчина с седой гривой и такими же усами, одетый в красные брюки с золотыми лампасами, высокие, начищенные до блеска сапоги и голубого сукна камзол, шитый на груди золотом. На плечах почему-то красовались золотые же генеральские эполеты. У пояса висела сабля в стальных ножнах, на ремне с позолоченными застёжками. На согнутой в локте руке мужчина держал треуголку, обшитую золотым галуном, и с перьями, заколотыми сверкающей камнями булавкой. Он напоминал человека, вырядившегося на маскарад, но его молодые и добрые глаза на изможденном, старом лице вызвали чувство расположения. Хозяин молодцевато выпятил грудь, звякнул шпорами и торжественно произнес:

— Рад вас видеть, сеньоры. Добро пожаловать!

Его слова прозвучали несколько напыщенно. Мы поклонились в ответ, а Олд Дэт сказал:

— Благодарим вас, сеньор капитан! Мы проезжали мимо вашей усадьбы, и я не мог упустить счастливую возможность представить моих

товарищей знаменитому борцу за свободу Мексики, поэтому взял на себя смелость заглянуть к вам.

Сеньор Атанасио улыбнулся и кивнул головой в знак согласия.

— Ну, конечно, сеньор Олд Дэт. Я счастлив, что могу познакомиться с господами, путешествующими в вашем обществе.

Олд Дэт представил нас поименно, а кабальеро удостоил каждого рукопожатием и пригласил присаживаться. Но вестмен остался на ногах и справился о здоровье сеньоры и сеньориты. В ответ хозяин распахнул дверь во внутренние покои, где нас ожидали дамы: величавая пожилая женщина, сохранившая следы былой красоты, и прелестная юная девушка. Это были жена и внучка хозяина асиенды.

Затянутые в платья черного шелка, они, казалось, собрались на прием в королевском дворце. Олд Дэт, семеня, подбежал к дамам и с таким восторгом принялся пожимать им руки, что я чуть не расхохотался. Отец и сын Ланге склонили головы, чтобы скрыть невольные улыбки, а простодушный Сэм, не сдержавшись, воскликнул:

— Какие красивые миссис и мисс!

Я подошел к сеньоре, поклонился и поцеловал руку. В ответ на мою учтивость хозяйка подставила мне щеку для «бесо де кортесия», то есть для поцелуя вежливости. Точно так же поступила и сеньорита.

Мы чинно расселись и принялись обмениваться новостями. Владелец асиенды спросил нас о цели нашего путешествия, и мы рассказали ему все, что сочли нужным, в том числе и о встрече с команчами. Нас слушали очень внимательно, время от времени обмениваясь понимающими взглядами, а затем попросили еще раз подробнее описать внешность людей, которых мы разыскивали. Как только я протянул им фотографии, сеньора воскликнула:

— Несомненно, это они! Не правда ли, дорогой Атанасио?

— Действительно, — согласился с ней кабальеро, — эти люди были у меня прошлой ночью.

— Как и когда они попали в ваш дом? И где они теперь? — спросил Олд Дэт.

— Их встретил ночью в прерии один из моих вакеро, который и привел их в «Эстансия-дель-Кабальеро». Они были такие усталые, что проспали до полудня и уехали всего три часа тому назад.

— Превосходно! Завтра, если мы их не догоним, то уж наверняка нападем на след.

— Вы, безусловно, правы, сеньор. Они сказали нам, что направляются к Рио-Гранде, к броду между Рио-Моралес и Рио-лас-Морас, что вблизи

Орлиного ущелья. Не знаю, лгали они или нет, но вскоре это выяснится, так как я послал вслед за ними несколько вакеро, чтобы проверить, куда те подались.

— Но зачем вам это понадобилось? Вы что-то заподозрили?

— Они заплатили за гостеприимство неблагодарностью. Встретив по дороге табун моих лошадей, они послали пастуха передать мне якобы очень важное известие, а когда тот отправился с выдуманным поручением, увели шесть лошадей и были таковы.

— Какая подлость! Выходит, те двое были не одни?

— Да, с ними были переодетые наемники Хуареса, переправлявшиеся в Мексику.

— Если так, то вашим людям не удастся отбить у них лошадей. Их отряд сильнее горстки вакеро.

— Мои пастухи — люди не из робких и умеют пользоваться оружием.

— Говорили ли что-нибудь Гибсон и Олерт о своих ближайших планах?

— Ни слова. Гибсон был весел и болтал о пустяках, а Олерт больше молчал. Они расположили меня к себе, и я доверился им, показал весь дом и даже раненого индейца.

— Раненого индейца? Что он здесь делает?

Кабальеро с улыбкой ответил:

— Я чувствую, что возбудил ваше любопытство, сеньоры. В моем доме действительно скрывается раненый краснокожий, вождь апачей по имени Инда-Нишо. Он был послан на встрече с команчами, о которой вы только что рассказали. Это его раны перевязал лыком Виннету на Рио-Леоне.

— Инда-Нишо значит — Добрый Человек. Я слышал, что это имя дано ему не зря. Он самый старейший, умный и миролюбивый из вождей апачей. Я должен его увидеть.

— Нет ничего проще. Боюсь только, что поговорить вас с ним не удастся — старик очень плох. А известно ли вам, что прославленный Виннету — добрый мой знакомый и всегда навещает меня, когда его путь пролегает через эти края? Он уже не раз имел возможность убедиться, что мне можно доверять. Выехав из форта Индж, Виннету нагнал Инда-Нишо и, как вы сами догадались по следам, перевязал его раны на Рио-Леоне. Одна пуля угодила старому вождю в плечо, другая — в бедро. Несмотря на перевязку, рана старика воспалилась от бешеной скачки, у него началась горячка, вокруг же сновали команчи, пытаюсь, словно ищейки, напасть на их след. Как Виннету сумел пройти незамеченным, остается тайной. Это

похоже на чудо, но ему действительно удалось привезти в «Эстансия-дель-Кабальеро» раненого старика. Инда-Нишо уже едва держался в седле от потери крови, к тому же и возраст у него преклонный, и хотя краснокожие не ведут счет прожитым годам, думаю, ему уже за семьдесят.

— Невероятно! Добраться сюда от форта Индж с двумя огнестрельными ранами! Они проделали путь более чем в сто шестьдесят миль, на такое способен только краснокожий. И что же произошло дальше? Говорите же!

— Виннету добрался до нас к вечеру и ударил в колокол. Я вышел к нему, он рассказал о случившемся и попросил укрыть старого вождя. Я обещал ему заботиться о раненом, пока апачи не пришлют за ним. Сам же Виннету очень торопился известить свои племена по ту сторону Рио-Гранде о войне и о приближении команчей. Я послал с ним двух лучших моих пастухов, чтобы знать наверняка, перебрался ли он через Рио-Гранде или нет.

— Ну и как? — полюбопытствовал Олд Дэт. — Что рассказали его провожатые?

— Он всех перехитрил. Команчи толпой ждали его у брода выше устья Рио-Моралес, а Виннету спустился вниз по течению и перебрался вплавь. Он умышленно выбрал место, где река бурлит и где никому и в голову не придет соваться в воду, но он и мои мальчишки сумели доплыть до берега. Мои пастухи — ребята тертые и не бросили Виннету, пока не убедились, что за ними нет погони. Так что я уверен, что апачи уже знают о нависшей над ними опасности и успеют подготовиться к встрече врага. А теперь, сеньоры, если, конечно, вы желаете, пойдём навестим старого вождя.

Мы встали, простились с дамами и спустились этажом ниже. Пройдя по длинному коридору, как две капли воды похожему на предыдущий, мы открыли крайнюю дверь и оказались в просторной прохладной комнате. Внутри на ложе из одеял лежал старик апач. Его глаза глубоко провалились в глазницы, щеки впали, лицо осунулось. О враче можно было только мечтать, но хозяин асиенды не тревожился за здоровье больного, так как Виннету, разбиравшийся в травах не хуже знахаря, сам наложил повязки и строго-настрого запретил трогать их, пока жар не спадет. Раненого вождя уже не лихорадило, а это означало, что его жизнь была теперь вне опасности.

Когда мы покинули убежище апача и подошли к лестнице, ведущей на верхний этаж, я вспомнил о своем желании искупаться в реке.

— Конечно, конечно, но вам не стоит подниматься вверх, — ответил мне кабальеро. — Я выпущу вас отсюда прямо во двор.

— Но как? Разве здесь есть выход?

— Тс-с-с. Я самолично прорубил в стене тайный проход, чтобы можно было бежать, если вдруг краснокожие захватят дом. Я вам полностью доверяю, поэтому покажу, как это делается.

Хозяин подошел к шкафу у стены, налег на него плечом, сдвинул в сторону и провел меня по подземному ходу во двор. Густой кустарник, посаженный во дворе, скрывал подземный ход от любопытных глаз. Указав на один из кустов, растущих прямо у стены крепости, кабальеро объяснил:

— Здесь начинается еще один ход, ведущий прямо в прерию. Его никто не знает и даже не догадывается о его существовании. Не хотите ли сократить путь и пройти к реке по нему? Да? Тогда подождите здесь минуточку, я пришлю вам удобную одежду.

В это мгновение ударил колокол, и хозяин поспешил к воротам. Я последовал за ним и увидел пятерых верховых, сильных и рослых мужчин, крепко, словно влитые, сидящих на прекрасных лошадях. Это были вакеро, посланные в погоню за конокрадами.

— Ну что? — строго спросил сеньор Атанасио. — Вы их догнали?

— Нет, — ответил потупившись один из пастухов. — Мы были уже совсем рядом. Еще четверть часа, и они оказались бы в наших руках. Но вдруг мы увидели по следам, что к ним присоединился большой конный отряд. Мы все же последовали за ними и вскоре воочию убедились, что негодяи встретились с команчами и прекрасно спелись. Только безумец рискнет встать на пути краснокожих, вышедших на охоту за скальпами, поэтому мы и вернулись ни с чем.

— Вы поступили правильно, и я вас не виню. Даже целый табун не стоит человеческой жизни. Так вы говорите, что команчи приняли их как друзей?

— Мы были слишком далеко и не все рассмотрели, но нам показалось, что они поладили.

— Куда ведут их следы?

— В сторону Рио-Гранде.

— Значит, к нам они не пожалуют, опасность миновала. Спасибо, парни, возвращайтесь к своим стадам.

И вакеро уехали. Как выяснилось позже, кабальеро серьезно ошибся в расчетах: опасность вовсе не миновала, так как Гибсон, чтобы втереться в доверие к команчам, сообщил им, что в асиенде сеньора Атанасио скрывается раненый вождь апачей. Поэтому один из отрядов воинственных команчей уже несся к «Эстансия-дель-Кабальеро», чтобы схватить Инда-Нишо и примерно наказать хозяина за его помощь апачам.

Кабальеро удалился и вскоре прислал ко мне слугу, который должен был провести меня к реке. Рядом с господским домом был брод, чуть ниже по течению — омут, возле которого слуга остановился, снял с плеча узелок с белой полотняной одеждой для меня и сказал:

— Лучшего места для купания не сыщешь по всей округе, сеньор. Вашу одежду я заберу с собой, а когда вылезете из воды, оденетесь во все чистое. Я буду ждать вас у ворот, позвоните в колокол, и я вам открою.

Он унес мою одежду. Я с разбегу нырнул в воду и долго с удовольствием плескался и плавал после изнурительной многочасовой скачки. Через полчаса я наконец выбрался на берег и принялся одеваться. Мой взгляд невзначай упал на противоположный берег, и я увидел над излучиной реки всадников, скакавших, по обыкновению индейцев, след в след. Я опрометью бросился к воротам и ударил в колокол.

— Скорее проводи меня к кабальеро, — приказал я слуге, ожидавшему меня у входа. — Вдоль того берега к асиенде движутся индейцы.

— Сколько их?

— Около пятидесяти.

Весть о приближении краснокожих поначалу испугала слугу, но, узнав, что их не так-то много, он успокоился.

— И только-то? — с бахвальством спросил он. — Нам нечего опасаться. Мы справимся с дикарями, даже если их будет вдвое больше, сеньор, нам это не впервой. Я сейчас же помчусь собирать всех вакеро, а вы поспешите к сеньору Атанасио. И не забудьте убрать за собой лестницу.

— А что будет с нашими лошадьми? Краснокожие до них не доберутся?

— Не беспокойтесь, сеньор, они пасутся в табуне под присмотром самого опытного из вакеро.

Он ушел. Я запер ворота, взобрался на галерею и убрал за собой лестницу.

На крыше я нос к носу столкнулся с вылезавшими из люка Олд Дэтом и сеньором Атанасио. Известие о приближении индейцев ничуть не смутило кабальеро, сохранявшего невозмутимое спокойствие.

— Индейцы? Какого племени? — спросил он без тени беспокойства.

— Не знаю. Они еще слишком далеко, чтобы по раскраске определить, кто они такие.

— Да это и не столь важно. Подождем, когда они подъедут поближе. Возможно, Виннету уже добрался в свое стойбище и выслал отряд за раненым вождем, а может быть, это команчи, выехавшие на разведку. Но даже в этом случае нам нечего опасаться, команчи ограничатся тем, что

спросят нас, не видели ли мы апачей, и немедленно уберутся восвояси, как только мы в один голос заверим их, что, разумеется, ни один краснокожий не появлялся в округе.

— Мне кажется, что они настроены не слишком мирно, — заметил Олд Дэт. — Мой вам совет поскорее подготовиться к обороне.

— Мы уже готовы. Каждый из моих людей знает, что ему делать в случае приближения краснокожих — Смотрите! Вон по полю бежит пеон. Сейчас он сядет на коня и помчится к пастухам. Не пройдет и десяти минут, как вакеро загонят стада в кораль. Двое из них будут стеречь лошадей, остальные — сражаться с индейцами. Мои люди в совершенстве владеют лассо, уверяю вас, это страшное оружие в их руках, да и ружья их бьют дальше и точнее, чем старые хлопушки краснокожих. Поэтому нам не страшны ни полсотни, ни сотня нападающих. К тому же мы можем укрыться в «Эстансия-дель-Кабальеро», чьи стены не сможет преодолеть ни один дикарь. В крайнем случае я рассчитываю на вашу помощь. Вас пятеро бывалых воинов, я тоже на кое-что гожусь, да еще восемь пеонов — всего нас будет четырнадцать готовых постоять за себя человек. Хотел бы я увидеть индейца, который осмелится высадить ворота! Нет, сеньоры, на штурм они не решатся. Краснокожие позвонят в колокол, расспросят об апачах и оставят нас в покое. Как только команчи встретят у ворот четырнадцать хорошо вооруженных мужчин, они сразу присмиреют. Никакой опасности нет!

По лицу Олд Дэта было заметно, что он не столь убежден в нашей безопасности, как его друг. Вестмен встряхнул головой и сказал:

— Мне все же кажется, что опасность есть, и немалая. Я совершенно уверен, что к нам пожаловали не апачи, а команчи. Что им здесь понадобилось? Зачем высылать на разведку целый отряд, да еще туда, где нет врага? Почему они не ищут следы апачей в прерии, а напрямик направляются сюда? Расспросить нас? Нет, у них другое на уме. Им нужен раненый вождь апачей, которого вы скрываете на асиенде.

— Откуда им знать, что Инда-Нишо здесь? Кто мог им выдать нашу тайну?

— Гибсон, тот самый негодяй, которого мы преследуем и которого вы так любезно приняли. Вы сами показали ему апача, а он, не задумываясь, рассказал все команчам, чтобы завоевать их расположение. Я нисколько не сомневаюсь, что вас предал именно он.

— Может быть, и так. Но в этом случае команчи попытаются принудить нас выдать им раненого.

— Так оно и будет. Команчи от своего не отступятся. Что вы намерены

предпринять?

— Никакие угрозы не заставят меня предать гостя! Мой друг Виннету доверил мне жизнь старого вождя, я дорожу его дружбой и доверием и никогда не пойду на подобную низость! Мы будем сражаться!

— Вы рискуете жизнью! Полсотни краснокожих нам действительно не страшны, но они приведут подмогу и тогда крепость не устоит.

— На все воля Божья. Как бы то ни было, я сдержу слово, данное Виннету.

Растроганный Олд Дэт торжественно пожал руку сеньору Атанасио и произнес:

— Вы человек чести, сеньор, и можете рассчитывать на нашу помощь. Вождь команчей — мой друг, и, может быть, благодаря этому обстоятельству мне еще удастся спасти жизнь и нам, и десятку-другому краснокожих. Надеюсь, вы не совершили двойную ошибку и не показали Гибсону потайную дверь?

— Я не спотыкаюсь дважды на одном месте, сеньор.

— Слава Богу. Пока краснокожие не пронюхали о потайном ходе, мы можем защищаться. Но довольно разговоров, пора браться за оружие.

Пока я плескался в реке, моим товарищам выделили комнаты и они уже успели отнести туда всю свою поклажу. Не теряя времени, мы спустились вниз. Снимая со стены мое старое ружье, я выглянул в узкое окно-бойницу. Отряд индейцев выезжал из-за рожицы, направляясь к броду. Минуту спустя они уже были на другом берегу и неслись вскачь к «Эстансия-дель-Кабальеро». Зрелище было устрашающее: расписанные боевыми красками команчи мчались в грозном молчании, вместо того чтобы выть и улюлюкать, как это обычно делают все краснокожие. Только у их предводителя, скакавшего впереди, в руках было ружье, остальные были вооружены копьями, луками и стрелами. Некоторые тащили за собой длинные жерди, которые я в первое мгновение принял за опоры для вигвамов. Но уже секунду спустя, догадавшись, что они замышляют, я опрометью выскочил за дверь. В коридоре я столкнулся с Олд Дэтом, выбегающим из своей комнаты.

— Скорее на крышу! — крикнул вестмен. — Хитрые каналы привезли с собой стволы деревьев с сучьями, чтобы по ним, как по лестницам, перебраться через стены! Все наверх! Быстро!

Однако быстро не получилось. Слуги находились этажом ниже, и собрать их оказалось делом не настолько простым, как казалось. Да и мы сами, бросившись наверх, столкнулись с сеньором Атанасио с двумя дамами, которые, узнав о нападении команчей, в панике выбежали из своих

комнат. Нам пришлось потратить добрых пару минут на то, чтобы хоть как-то успокоить перепуганных женщин, и когда мы наконец-то выбрались на крышу, индейцы уже карабкались на нее со всех сторон. Промедление погубило нас: мы стояли в окружении команчей, и остановить их можно было, только открыв огонь.

— Мы должны выиграть время! — тихо произнес Олд Дэт и приказал: — Цельтесь в них из ружей, но ни в коем случае не стреляйте! Не позволяйте им сделать ни шагу вперед!

Пока и мы и команчи в молчании рассматривали друг друга, я быстро пересчитал нападающих. Пятьдесят два мускулистых воина стояли неподвижно на краю крыши, сжимая в руках луки и стрелы. По-видимому, копья они оставили внизу, чтобы длинное древко не мешало карабкаться через стены. Краснокожие застали нас врасплох и, хотя и не решались броситься в атаку, чувствовали себя хозяевами положения.

Кабальеро собрался с духом, выступил вперед и заговорил на испано-англо-индейском наречии, употребительном в тех краях:

— Что понадобилось краснокожим воинам в моем доме? Почему они вошли, не спросив моего позволения?

Предводитель, который до сих пор держал ружье на плече, взял его в руку, сделал шаг вперед и вызывающе ответил:

— Бледнолицый — враг команчей. Мы пришли, чтобы сегодняшний день стал последним днем в его жизни.

— Ты ошибаешься. Я не враг команчам и живу в мире со всеми племенами краснокожих.

— Уста бледнолицего лгут. В его доме нашел приют вождь апачей, наших врагов, значит, и он сам наш враг. Бледнолицый умрет.

— В моем доме я решаю, кого принимать, а кого — нет. Мой краснокожий брат не в праве приказывать мне, здесь я хозяин.

— Воины команчей захватили дом, и теперь они в нем хозяева. Выдай нам апача. Я знаю, бледнолицый лжив, но сейчас ложь ему не поможет. Мне известно, что апач здесь!

— Только трус лжет, а я не боюсь ни команчей, ни дьявола! Я открыто говорю вам, что апач...

— Остановитесь, ради Бога! — перебил его Олд Дэт. — Не наделайте глупостей, сеньор!

— Неужели я должен унизиться до лжи дикарям? — удивился гордый кабальеро.

— Я и сам признаю, что ложь дело прескверное, но в нашем случае правда — сущее самоубийство.

— Самоубийство? Разве полсотни дикарей смогут устоять против наших четырнадцати ружей?

— Воины они умелые и не из робких, если судить хотя бы по тому, как ловко они взобрались на крышу. Вы правы, дюжину-другую мы пристрелим, но и нам не избежать их стрел и ножей. И даже если мы обратим их в бегство, уцелевшие в схватке приведут сюда пятьсот человек, и тогда нечет ждать пощады. Позвольте мне поговорить с ними.

И Олд Дэт обратился к предводителю индейцев:

— Слова моего брата удивили меня. Откуда команчам стало известно, что в этом доме скрывается апач?

— Сыновья команчей знают все, — хвастливо ответил тот.

— В таком случае они знают больше, чем мы. В доме нет никакого апача.

— Ты лжешь!

— Берегись! С твоих губ слетело слово, за которое ты заплатишь жизнью, если еще раз осмелишься произнести его! Я никому не позволю называть себя лжецом. Наши ружья смотрят на вас, и стоит мне дать знак — столько же твоих воинов, сколько нас здесь, окажется в Стране Вечной Охоты.

— Ружья не спасут бледнолицых. Сюда придут новые воины команчей, много больше, чем десять раз по пять, и не оставят от этого дома камня на камне.

— Мы уже знаем, что команчи стали нам врагами, и не позволим им перелезть через стены. Наши ружья бьют далеко и без промаха, ни один из пришедших не уйдет живым.

— Во рту бледнолицего очень много слов, но мне недосуг выслушивать его речи. Кто он такой, что говорит вместо хозяина дома? Как его имя? Почему он осмеливается угрожать славному воину и вождю команчей?

Олд Дэт скорчил пренебрежительную гримасу.

— Ты славный воин и вождь: команчей? Разве совет старейшин внимает твоим словам? Почему я не вижу в твоих волосах ни орлиного пера, ни даже пера ворона? Из какого дальнего стойбища прибыли сыновья команчей, спрашивающие имя вождя бледнолицых? Я Коша-Певе, и я курил трубку мира с Ойо-Колсой, верховным вождем команчей. Вчера я сидел у костра его сына, Ават-Вилы. Я друг команчей, но, если они назовут и меня лжецом, я отвечу им пулей.

Индейцы сразу же присмирели. Предводитель вернулся к своим воинам, и они, бросая полные уважения взгляды на Олд Дэта, устроили

совет. Пошептавшись несколько минут, команчи повернулись к нам, и их предводитель сказал:

— Воины команчей знают, что Коша-Певе великий воин и друг Ойо-Колсы, но сегодня его речь — речь врага. Почему он скрывает, что в доме прячется апач?

— Я ничего не скрываю от сыновей команчей. Апача в доме нет.

— Однако бледнолицый, просивший у команчей защиты, поклялся, что Инда-Нишо здесь.

— Как его имя?

— Язык команчей не в состоянии произнести его имя, но звучит оно как Га-пи-ла-но.

— Гавилан?

— Коша-Певе прав, он назвался так.

— Воины команчей мудры, но на этот раз они дали себя обмануть. Я знаю бледнолицего, носящего имя Гавилан. Он лжец и обманщик, его язык не умеет говорить правду. Мои краснокожие братья еще пожалеют, что взяли его под свою защиту.

— Мой брат ошибается. Бледнолицый сказал правду. Виннету привел сюда старого вождя, а сам переправился через Рио-Гранде, но мы настигнем его и поставим у столба пыток, чтобы насладиться смертью врага и испытать его мужество. Мы знаем, что Инда-Нишо прячется здесь, что он ранен в плечо и бедро, мы даже знаем, в какой из комнат он лежит.

— Команчи действительно знают больше меня. Пусть они расскажут все поподробнее.

— Бледнолицый сказал, что мы должны два раза спуститься по лестнице внутрь дома, пройти мимо множества дверей справа и слева, открыть последнюю дверь, и там мы увидим апача, лежащего на ложе, подняться с которого он не в силах.

— Бледнолицый обманул тебя. Там вы не увидите апача.

— Тогда разреши нам спуститься туда, чтобы наши глаза убедились, кто из вас говорит правду.

— Я не могу разрешить вам войти в дом. Вы пытались ворваться силой, поэтому никогда не переступите порог.

— Твои слова свидетельствуют о том, что апач здесь. Ойо-Колса велел нам поймать старого вождя, и мы его поймаем, чего бы это нам ни стоило.

— Ты снова ошибаешься. Я отказываюсь исполнить твоё желание не потому, что прячу в доме апача, а потому, что ты оскорбляешь меня недоверием. Если я утверждаю, что вас обманули, значит, так оно и есть, и если вы попытаетесь, несмотря на наш отказ, проникнуть в дом, что же,

пусть ваша кровь падет на ваши головы! Разве воины команчей слепые котята и не видят, что достаточно одного из нас, чтобы защитить вход в дом? Стоя на лестнице, один человек может держать под огнем всю крышу и всадить пулю в каждого, кто попытается проникнуть внутрь. Вы ворвались к нам и вели себя как наши враги, поэтому ваше желание не будет исполнено. Возвращайтесь за ворота, позвоните в колокол и попросите, чтобы мы вас впустили. Тогда, может быть, мы встретим вас как друзей.

— Коша-Певе дает нам совет, хороший для него, но не для нас. Если у него совесть чиста, он разрешит нам немедленно пройти в дом и удостовериться в его правдивости. Если он откажется исполнить нашу просьбу, мы останемся здесь и пошлем гонца за новым отрядом. И тогда мы сделаем то, что собирались сделать.

— Ты снова ошибаешься. Прибуди сюда хоть десять отрядов, вам все равно придется спускаться по одному, и вход в дом станет для вас входом в Страну Вечной Охоты. К тому же твой гонец не приведет подмогу: как только он ступит на землю, я убью его. Я не желаю зла команчам, но вы вынуждаете меня защищаться.

Все время, пока Олд Дэт пререкался с предводителем отряда команчей, мы держали нападающих на прицеле. Глядящие прямо на них стволы наших ружей охладили боевой пыл краснокожих, и они решили снова посоветоваться. Однако и наше положение было далеко не блестящим. Олд Дэт задумчиво почесал за ухом и сказал:

— Мы попали в чертовски сложный переплет. Команчи от своего не отступятся, а если мы окажем сопротивление, они приведут сюда еще несколько сотен головорезов, и тоща я ломаного centa не дам за наши скальпы. Ума не приложу, где бы спрятать апача, чтобы они его не обнаружили.

— Может быть, вынести его из дому? — предложил я.

— Вынести? — удивился Олд Дэт. — Уж не тронулись ли вы умом от впечатлений, сэръ? Команчи с нас глаз не спускают!

— Вы забыли про потайную дверь. Отсюда команчи ничего не заметят. Я вынесу апача и спрячу его в зарослях у реки.

— Мысль действительно неплохая, но боюсь, что краснокожие выставили часовых вокруг дома.

— Вряд ли. Их немногим больше пятидесяти человек, двоих, а то и троих они оставили с лошадьми, остальные здесь. Маловероятно, что им пришлось в голову оцепить здание.

— Ну что же, давайте попытаемся. Возьмите одного из слуг и

действуйте, а мы постараемся отвлечь команчей, чтобы они не заметили, что двое из нас отсутствуют. Да, пусть женщины не забудут поставить на место шкаф после того, как вы выйдете.

— А нельзя ли посадить дам в комнате, где лежал раненый? Когда команчи увидят женщин, они скорее поверят, что апача там нет и не было.

— Вы правы, — одобрил мой план сеньор Атанасио. — Достаточно будет перенести туда несколько одеял и повесить гамаки, пусть женщины лягут в них и отдыхают. А вы тем временем перетащите апача к реке и спрячьте чуть выше того места, где сегодня купались. Там у самой воды растут цветущие кусты, и в их ветвях спрятана лодка. Уложите в нее старого вождя, там его никто не найдет. Возьмите с собой Педро, он малый ловкий и не трус. А когда вы вернетесь, мы позволим индейцам обыскать дом.

Мы с Педро потихоньку, стараясь не привлекать внимания команчей, спустились вниз, где дамы в сильном волнении ждали дальнейших событий. Они с готовностью принялись помогать нам и в мгновение ока придали комнате вид женских покоев. Старый вождь, узнав, что за ним прибыли команчи, тихо сказал:

— Инда-Нишо видел много зим, а оставшиеся дни его жизни легко сосчитать. К чему бледнолицым братьям подвергать себя опасности ради старика? Пусть они предадут его смерти, а затем тело выдадут команчам. Инда-Нишо просит их об этом.

Я отрицательно покачал головой, завернул раненого в одеяло и с помощью слуги вынес его из комнаты. Через потайной ход мы незаметно выскользнули во двор, через густой кустарник, надежно скрывавший нас от посторонних глаз, пробрались к подземному лазу, прошли по нему под стеной и осторожно выглянули наружу. В нескольких шагах от нас сидел атлетического сложения краснокожий, вооруженный копьем и луком со стрелами.

— Придется вернуться, сеньор, — шепнул мне пеон. — Мы не можем убить его, иначе остальные не успокоятся, пока не отомстят нам.

— Надо отвлечь его внимание и заставить его покинуть пост.

— Вряд ли нам это удастся, сеньор. Он не уйдет, пока его не позовут.

— Погоди, я, кажется, придумал. Ты останешься здесь с раненым, а я покажусь часовому, сделаю вид, что испугался, и брошусь наутек. Он помчится за мной, и ты беспрепятственно вынесешь апача.

— Это безумие! А если он пустит в вас стрелу?

— Я буду готов к этому и уклонюсь.

— Команчи стреляют из луков так же метко, как мы из ружей. К тому

же, убегая, вы повернетесь к нему спиной и не сможете уклониться от стрелы.

— Я брошусь в воду и поплыву вниз по течению на спине. Как только он выпустит стрелу, я нырну, переберусь на тот берег, и ему придется последовать за мной. А там я его оглушу, и у нас будет достаточно времени, чтобы надежно спрятать апача.

Слуга попытался отговорить меня, но я уже решил и не слушал его доводов. Чтобы не привлекать внимание индейца к лазу, я осторожно прополз к углу стены и только там встал во весь рост. Команч сидел все так же, глядя вдаль, мне пришлось наступить на сухую ветку. Повернув голову на шум, часовой заметил меня и вскочил на ноги. Я бросился бежать, стараясь скрыть лицо, чтобы потом он не мог меня опознать. Огромными прыжками я неся к реке, и, пока опешивший краснокожий доставал из колчана стрелу и натягивал лук, я был уже в зарослях на берегу. Не теряя ни секунды, я прыгнул в воду и поплыл на спине на другую сторону реки. Через несколько мгновений мой преследователь с ошалелым видом вылетел из кустов, остановился и прицелился. Зазвенела тетива, стрела со зловещим свистом взвилась в воздух, и я поспешил нырнуть.

Вынырнув у противоположного берега, я оглянулся и увидел, что краснокожий, готовый к прыжку, стоит у самой воды. Второпях он оставил колчан у стены и теперь надеялся взять меня голыми руками. Увидев, что я не ранен, команч отбросил уже ненужный лук и прыгнул в воду. Именно этого я только и ждал. Притворившись, что плохо плаваю, я позволил ему приблизиться ко мне и снова нырнул и поплыл вниз по течению туда, где у самой реки росла дубовая роща. Там я выбрался на берег и запетлял среди деревьев. Наконец я увидел дуб, прекрасно подходивший для выполнения всего плана. Пробежав мимо него, я осторожно вернулся назад и спрятался за толстым, поросшим мохом стволом. Ждать пришлось недолго: минуту спустя появился команч, он громко сопел от усталости, вода потоками стекала с его мускулистого тела. Всматриваясь в мой след, он пробежал мимо, а я особым образом — на цыпочках и огромными прыжками — метнулся за ним и всей тяжестью тела ударил его в спину. Краснокожий упал ничком, я придавил его к земле и молниеносно ударил кулаком по голове. Он дернулся и затих.

Переведя дух и оглядевшись, я увидел рядом поваленное бурей дерево, чья крона нависла над водой, и решил воспользоваться счастливым случаем, чтобы замести следы. Пройдя по стволу, я прыгнул в реку, доплыл до спрятанной в зарослях лодки, о которой мне говорил сеньор Анатасио, сел на весла и поспешил за раненым апачем.

Мы с Педро уложили старого вождя на дно лодки, укрыли его одеялом, и пеон ушел охранять подземный лаз, а я спрятал апача за пологом из свисающих к воде цветущих веток. Выжав одежду и проверив по пути, не очнулся ли команч, я вернулся в дом. Мы отсутствовали не больше четверти часа, но все это время и женщины, и наши товарищи не находили себе места от волнения. Хозяйка дома, увидев меня, радостно вскрикнула и предложила сменить одежду, чтобы ни один команч не мог утверждать, что я выходил из дому, тем более плавал в реке.

На крыше и команчи и белые продолжали настаивать на своем. Когда я тихонько, не привлекая внимания индейцев, присоединился к друзьям, Олд Дэт громко утверждал, что обыск дома равнозначен пощечине хозяину. Не переставая краснобайствовать, он бросил на меня вопросительный взгляд, я в ответ едва заметно кивнул головой, и вестмен мало-помалу стал уступать настояниям команчей и наконец заявил, что пятеро из них могут пройти в дом и воочию убедиться, что никаких апачей, ни раненых, ни здоровых, там нет.

— Почему только пятеро? — спросил недоверчивый предводитель отряда. — Разве мы не равны? Что делает один из нас, то могут делать и все остальные. Команчи не воры и ничего не тронут.

— Ладно уж, пусть будет по-вашему. Вы все можете пройти в дом, и пусть каждый из вас убедится, что Олд Дэт не лжет. Однако я требую, чтобы вы оставили оружие здесь и дали мне право на месте наказать любого, кто без нашего разрешения прикоснется к чему-либо в комнатах.

Краснокожие снова устроили совет и в конце концов согласились на условия вестмена. Они оставили на крыше луки, ножи и колчаны со стрелами и нетерпеливо бросились к люку.

Тем временем оповещенные о появлении индейцев вакеро успели подъехать к «Эстансия-дель-Кабальеро». Теперь перевес был на нашей стороне — полтора десятка крепких, выдавших виды мужчин сидели в седлах у ворот, готовые по первому знаку хозяина пустить оружие в ход.

Двое из нас остались на крыше, остальные спустились вниз с команчами и открыли им двери в комнаты. Я встал на нижнем этаже возле бывшей комнаты апача, где сейчас сидели женщины, полный решимости вмешаться при малейшей непочтительности со стороны краснокожих.

Индейцы, не обращая внимания ни на что, направились напрямик туда, где надеялись увидеть старого вождя апачей. Совершенно убежденные в своей правоте, они без колебаний перешагнули порог и застыли в изумлении. В гамаках, погруженные в чтение, безмятежно лежали две женщины.

— Уфф! — не сдержал возглас удивления предводитель команчей. — Это комната белых скво!

— Да, — со смешком подтвердил Олд Дэт. — Но по словам бледнолицего лжеца здесь должен прятаться апач. Войдите же и поищите его.

Краснокожий окинул взглядом комнату и ответил:

— Воин не заходит в вигвам женщин. Если бы здесь был апач, мои глаза увидели бы его.

— Тогда проверьте другие комнаты.

Целый час индейцы обыскивали дом, заглядывали в спальни, гостиные, кладовые. Не найдя нигде следов пребывания Инда-Нишо, они вернулись к женщинам, которые, притворно надув губы, удалились, чтобы не мешать непрошеным гостям. Краснокожие переворошили одеяла и постели и даже попытались отодрать половицы, подозревая, что под ними может быть устроен тайник. Наконец они убедились, что в доме апача нет, и их предводитель, хотя и с неохотой, признал свою ошибку.

— Я сразу вам так и сказал, — торжествовал Олд Дэт, — но вы поверили не мне, старому другу команчей, а бледнолицему, чьи уста никогда не говорят правду. Как только я встречу Белого Бобра, я первым делом расскажу ему, как вы меня оскорбили.

— Если наш белый брат хочет видеть Ойо-Колсу, пусть едет с нами.

— Это невозможно. Мой конь устал и должен отдохнуть до утра, а воины команчей еще сегодня покинут эти места.

— Нет. Солнце уже идет отдыхать, а мы не ездим ночью. Поэтому мы останемся здесь и пустимся в путь только на рассвете. Наш белый брат поедет с нами.

— Хорошо. Но я не один, со мной четверо моих товарищей.

— Белый Бобр встретит их как друзей. Наши белые братья разрешат нам провести ночь возле стен их дома?

— Ну конечно, — согласился не помнящий зла кабальеро. — Я друг краснокожих воинов, если они приходят ко мне с миром. И в знак нашей дружбы я дарю вам быка. Зажарьте его на костре.

Подарок, королевский в глазах индейцев, мгновенно растопил лед враждебности. Команчи окончательно поверили в нашу искренность, их грозные до того лица приняли вполне дружелюбное выражение. Более того, они старались на каждом шагу оказывать нам знаки внимания в меру своих понятий, разумеется. Видимо, в их поведении не последнюю роль сыграло и то уважение, каким Олд Дэт пользовался среди индейцев. Они действительно ни к чему не прикоснулись и добровольно, без

напоминаний, покинули дом. Мы уже опустили вниз лестницы и распахнули настежь ворота, чтобы показать краснокожим, как мы им доверяем. И все же хозяин поставил на крыше двух вооруженных пеонов — береженого Бог бережет.

Вакеро пригнали обещанного быка, запылал костер. Все команчи собрались у огня, предвкушая пиршество, позвали даже часовых, охранявших лошадей, и того незадачливого краснокожего, с которым я состязался в плавании. Он уже пришел в себя и вернулся на свой пост, но еще не имел возможности доложить предводителю о случившемся. Теперь он первым делом приблизился к предводителю и принялся рассказывать, но так тихо, что мы, белые, не могли разобрать, как он излагает события. Внезапно его взгляд остановился на мне, и, хотя на его раскрашенном лице не дрогнул ни один мускул, я понял, что краснокожий узнал меня. Он взмахнул рукой, указывая на меня, и выкрикнул несколько гортанных, незнакомых мне слов, смысл которых был, однако, совершенно ясен. Предводитель команчей грозно нахмурился и направился ко мне.

— Правда ли, что бледнолицый, — с угрозой в голосе спросил он, — переправился через реку и напал на воина команчей?

Я скорчил недоуменную гримасу, а Олд Дэт поспешил вмешаться и строго спросил индейца, в чем он меня подозревает. Тот пересказал происшествие с часовым, что только развеселило старого вестмена.

— Для краснолицых все белые на одно лицо. Думаю, сын команчей встретил какого-нибудь бродягу.

— Это был он, — уверенно заявил часовой. — Я видел его лицо, когда он бросился в воду и поплыл на спине. Я запомнил его. На нем была та же одежда.

— Так он плыл в одежде? Но твоя рубаха все еще мокрая, а его — совершенно сухая. Ты что-то путаешь.

— Бледнолицый мог сменить одежду.

— Но как он мог выйти незаметно из дома, а потом вернуться? Разве вы не оставили воинов у ворот? Разве вы не стояли с нами на крыше и не видели, что проникнуть в дом можно только по лестнице? Разве воины команчей слепы, как старая скво?

Не согласиться с доводами вестмена было невозможно, и даже пострадавший от моего кулака часовой, поразмыслив, признал, что, верно, он обознался. Кабальеро, человек, как мы уже убедились, находчивый, тоже внес свою лепту и рассказал, что в окрестностях появилась шайка конокрадов и, скорее всего, «тот белый» из их компании. Казалось, команчи снова поверили нам. Однако оставалось загадкой, куда ушел тот человек и

почему нигде нет его следов. Несколько команчей во главе с предводителем переправились вброд через реку в надежде отыскать следы и поутру пуститься в погоню за нападавшим. К счастью, уже наступили сумерки, да к тому же и моя проделка с поваленным деревом удалась на славу: «конокрад» исчез бесследно.

Тем временем хитроумный Олд Дэт пригласил меня прогуляться вдоль реки. Поглядывая на команчей, сновавших по противоположному берегу, мы неспешно подошли к цветущему кусту, нависшему над водой, под ветвями которого скрывалась лодка с раненым вождем апачей. Остановившись с видом человека, любующегося цветами, вестмен тихонько произнес:

— К Инда-Нишо пришли Коша-Певе и молодой бледнолицый. Моему краснокожему брату придется всю ночь провести в лодке. По силам ли ему это?

— Да, — последовал еле слышный ответ.

— Команчи поверили, что вождя апачей здесь нет, а на рассвете они уйдут. Сможет ли мой брат продержаться до восхода солнца?

— Инда-Нишо хорошо себя чувствует у воды, жар спал, и воздух освежает его раны. Но вождь апачей хотел бы знать, как долго Коша-Певе и его друзья останутся в асиенде.

— Мы уезжаем завтра поутру вместе с команчами.

— Уфф! Почему мой белый брат собирается в путь вместе с нашими врагами?

— Потому что мы идем по следу врагов, которые нашли приют у команчей.

— Возможно, мои белые братья встретятся с воинами апачей, вышедшими на тропу войны. Коша-Певе стар, как сама смерть, но опытный воин и сумеет избежать опасности. А молодому воину, который спас меня от врагов, я хочу подарить тотем, чтобы апачи принимали его в своих вигвамах как брата. Коша-Певе умеет ходить бесшумно, как тень, поэтому я прошу его принести мне ночью нож и кусок белой кожи. На рассвете он заберет готовый тотем.

— Я выполню твое желание. Принести тебе еще что-нибудь?

— Нет. Инда-Нишо доволен. Да хранит тебя и молодого бледнолицего воина добрый Маниту.

Так же неспешно мы вернулись домой. Наша минутная задержка у куста осталась незамеченной.

— Исключительное везение для гринхорна, — удивился Олд Дэт. — Мыслимое ли дело, чтобы вождь краснокожих подарил белому тотем

племени! Вам очень повезло, сэр. Тотем Инда-Нишо еще сослужит вам службу.

— А вы действительно сумеете незаметно пронести нож и кожу? Если часовые команчей вас заметят, и вас и апача поставят к столбу пыток.

— Глупости! Я бывал в переделках и похуже.

Остаток дня и ночь прошли спокойно. На рассвете Олд Дэт разбудил меня и с торжествующей гримасой вручил прямоугольный кусок белой кожи. Я долго разглядывал его, но не заметил ничего особенного, кроме нескольких надрезов, сделанных в непонятном мне порядке.

— Это и есть тотем? — спросил я. — Не вижу в нем ничего особенного. Обыкновенный кусок кожи.

— Покажите этот обыкновенный кусок кожи первому встречному апачу, и он вам доходчиво объяснит, каким сокровищем вы обладаете. У Инда-Нишо не было краски, поэтому полностью рисунок еще не виден, но любой индеец из племени апачей знает, как надо раскрасить надрезы, чтобы изображение проступило. Только ради Бога, если вам дорог ваш скальп, спрячьте тотем подальше от глаз команчей. А теперь одевайтесь и спускайтесь вниз. Команчи уже собираются в дорогу.

Я последовал его совету. Индейцы сидели у стены и доедали остатки вчерашнего быка. Подкрепившись, они сняли путы с лошадей и повели их на водопой, к счастью, несколько выше того места, где скрывался в лодке раненый вождь. Кабальеро тоже был на ногах и вышел, сопровождаемый дамами, попрощаться с нами. Увидев, что мы седлаем лошадей, сеньор Атанасио сокрушенно покачал головой и обратился к Олд Дэту:

— Эти клячи не для вас, сеньоры. Вы слишком хорошо знаете, каким должен быть конь вестмена. Вы мой старый друг, вы полюбили этого молодого человека, мне он тоже пришелся по душе, поэтому позвольте подарить вам пару достойных вас лошадок.

И тут же по его приказу вакеро отбили от табуна и заарканили двух полудиких горячих коней. Мы с благодарностью приняли дар щедрого кабальеро и после короткого прощания тронулись в путь.

Солнце еще не встало над горизонтом, когда мы переправились через Элм-Крик и ровным галопом помчались на запад. Во главе кавалькады скакал предводитель команчей и мы; полсотни краснокожих неотступно следовали за нами. Восседающие на маленьких и косматых лошаденках индейцы вели себя беспокойно и не вызывали у меня доверия. Меня не покидала мысль, что мне в спину в любой момент может ударить копье или стрела. Однако Олд Дэт сумел рассеять эти опасения, объяснив, что команчи озабочены лишь тем, как найти следы своего главного отряда.

Ведь Белый Бобр, узнав от Гибсона, что Виннету удалось ускользнуть и переправиться через Рио-Гранде, решил не терять времени и напасть на апачей, пока те не успели подготовиться к войне. Отправив полсотни воинов в «Эстансия-дель-Кабальеро» с приказом захватить раненого вождя, сам он поспешил вторгнуться во владения апачей.

Через два часа пути индейца напали на след своих главных сил. Следы тянулись к югу, в обход Орлиного ущелья, к форту Дункан. Прошло еще два часа, и под копытами наших коней появилась трава — пустыня Нуэсес оставалась позади. А вскоре на горизонте показалась темная полоска леса — верный признак того, что мы приближались к Рио-Гранде-дель-Норте.

— Уфф! — с облегчением вздохнул предводитель отряда. — Великий Маниту хранит воинов команчей: мы не встретили бледнолицых из форта, и теперь никто не помешает нам переправиться через реку. Уже завтра собаки апачи взвоят от страха, когда увидят нас в своих стойбищах.

Белый Бобр был опытным вождем; прямой, как стрела, след его отряда привел нас к броду: широкая Рио-Гранде была в этом месте неглубока, кое-где виднелись песчаные отмели. Однако быстрое течение размывало их, и неосторожный путник рисковал угодить в глубокую яму.

Судя по следам, главный отряд команчей провел ночь на этом берегу реки, и только с рассветом, так же как и мы, тронулся в путь. Отпечатки человеческих ног на песке говорили о том, что несколько воинов шли впереди и отмечали переправу ветками. Мы воспользовались оставленными передовым отрядом команчей знаками и легко переправились на другой берег. Я надеялся, что мы нагоним Белого Бобра — по моим расчетам, он не мог двигаться так же быстро, как мы, из опасения угодить в засаду. Но время шло, а ничего не указывало на скорую встречу.

Зеленый оазис близ реки кончился, снова мы оказались среди песков, на широкой равнине с редкими кактусовыми зарослями. К полудню миновали цепь небольших холмов.

Я удивлялся выносливости индейских лошадей, бежавших все так же резво. Ланге с сыном и слуга негр на своих хваленых конях с трудом поспевали за отрядом, в то время как наши с Олд Дэтом лошади без усталости шли и шли ровным галопом, подтверждая тем самым ценность подарка сеньора Атанасио. Уже смеркалось, когда мы пересекли дорогу из Сан-Фернандо на Баию, за которой след повернул к юго-западу. Но уже через четверть часа обнаружилось, что главный отряд резко изменил направление. Почему? Олд Дэт и предводитель отряда команчей соскочили на землю, чтобы как следует рассмотреть следы.

— Здесь они останавливались, — объяснил мне Олд Дэт. — Прибыли два всадника, скорее всего разведчики, и принесли вести, которые заставили Белого Бобра пойти в обход.

Понукая измученных лошадей, мы повернули на юг по следу, покуда он еще был виден, стараясь покрыть за день как можно большее расстояние. Команчи торопились нагнать своих, я с нетерпением ожидал встречи с негодяем Гибсоном. Но когда окончательно стемнело, нам все же пришлось остановиться и подумать о ночлеге. Мы уже собирались спешиться и расположиться в неприятной пустыне прямо на песке, как вдруг мой конь фыркнул и, жадно втягивая ноздрями воздух, понес меня в темноту. Я догадался, что животное почуяло воду, и отпустил поводья; остальные без слов последовали моему примеру. Вскоре мы уже были на берегу небольшой реки.

Что может быть желаннее для путника и для изнуренного скачкой коня, чем глоток воды? Утолив жажду, краснокожие выставили часовых вокруг своего лагеря, а мы устроились несколько поодаль. Олд Дэт долго гадал, к какой реке мы вышли, и в конце концов пришел к выводу, что это Моралес, впадающая в Рио-Гранде у форта Дункан.

Едва забрезжил рассвет, мы переправились на другой берег, снова вышли на след и погнали лошадей. Около полудня впереди показались голые скалы.

— Не могу взять в толк, — ворчал Олд Дэт с озабоченным видом, — какого черта Белый Бобр повернул в эти края? Вы представляете, куда нас занесло?

— Нет, но я полагаюсь на вас.

— Вам приходилось слышать о пустыне Больсон де Мапими?

— Никогда.

— Испокон веков пустыня Мапими была пристанищем диких орд, откуда они совершали набеги на соседей. Но не думайте, что мы попадем в рай земной с плодородными пашнями и цветущими садами. История учит нас, что пустыни периодически становятся прибежищем воинственных племен. До разбойников и головорезов, населяющих это плоскогорье с его ущельями и перевалами, невозможно добраться, чтобы наказать их за грабеж. Я слышал от знающих людей, что здесь есть и стойбища апачей, и если команчам вздумается напасть на них, то вряд ли Белому Бобру удастся унести ноги — наверняка Виннету уже приготовил им мышеловку.

— О Боже! Но ведь в нее попадем и мы!

— Пусть вас это не пугает. Мы не ссорились с апачами, войну им не объявляли, и я надеюсь, что они отнесутся к нам как к друзьям. В крайнем

случае вы покажете им тотем Инда-Нишо.

— Может быть, стоит предупредить об опасности команчей?

— Попробуйте, сэр. Искренне желаю вам успеха. Вы можете сколько угодно твердить им, что они дураки, но команчи вам не поверят. Они всегда верят только себе. Я уже переговорил с предводителем отряда и высказал мои опасения, на что он мне ответил, что последует за Белым Бобром хоть в Страну Вечной Охоты, а бледнолицые трусы, то есть мы, могут катиться куда угодно.

— Какая наглость!

— Да уж, команчей не учили вежливости и хорошим манерам. Но отступить нам некуда, даже если там, в горах, нам готовят горячую встречу. Не вешайте нос, сэр. Мы покинули пределы Соединенных Штатов, но каким образом и когда сумеем вернуться обратно? Отнеситесь к будущему как к книге. Чтобы узнать, о чем она, надо прочесть ее до конца!

Глава IV. ЧЕРЕЗ ПУСТЫНЮ МАПИМИ

До сих пор я был совершенно уверен, что нам удастся нагнать Гибсона еще на территории Соединенных Штатов, но теперь становилось очевидным, что придется следовать за ним в Мексику, к тому же в самые глухие и опасные места. Путь в Чиуауа пролегает через северную окраину пустыни Мапими, нам же пришлось отклониться к югу, где ни одна страховая компания не даст за жизнь путешественника ни цента. К невеселым раздумьям прибавлялась усталость, противостоять которой не могли даже команчи, осунувшиеся и потерявшие свои бравый, воинственный вид. С тех пор как мы вместе с ними покинули асиенду сеньора Атанасио, мы мчались, не переставая понукать измученных лошадей. У индейцев кончился пеммикан, наши запасы продовольствия, подаренные нам щедрым кабальеро, также таяли на глазах. Дорога малопомалу шла в гору, и вскоре перед нами блеснули под полуденным солнцем скалы, лишенные растительности. Мы буквально протискивались в узкие проходы между глыб и утесов, пышущих зноем, словно раскаленные камни очага. Лошади перестали обращать внимание на шпоры и сбавили шаг. В небе прямо над нами кружили стервятники в надежде на обильную поживу. Наконец, миновав очередной поворот, мы заметили вдали темную полосу леса на горизонте. Кони, словно почувствовав, что пустыне скоро конец, побежали резвее.

Лицо Олд Дэта озарила улыбка, и он сказал:

— Вот теперь я догадываюсь, куда мы направляемся. Сдается мне, что мы вышли к Рио-Сабинас, берущей исток в Мапими. Если команчи пойдут по течению реки, наше путешествие превратится в загородную прогулку: где вода, там трава, жизнь и дичь для пропитания даже в этих забытых Богом местах.

Следы повернули к востоку, мы въехали в узкое ущелье и, миновав его, увидели расстилающуюся перед нами зеленую долину, по которой протекал ручей. Осатаневшие от жажды лошади закусили удила и бешеным аллюром понеслись к воде, даже команчи не могли справиться с обезумевшими животными и покорно тряслись в седлах, отпустив поводья.

Когда и люди и лошади утолили жажду, мы снова тронулись в путь. Доехав до впадения ручья в небольшую речушку, наш отряд повернул вверх по течению и вскоре оказался в тесном каньоне с отвесными стенами, из которых торчали там и сям кусты. Вдали виднелась прерия, чья зелень

ласкала наши до боли истерзанные слепящим солнцем глаза.

Стало смеркаться, пора было искать место для ночлега. Предводитель команчей облюбовал группу деревьев у склона и повел туда свой отряд, заставив и нас следовать за ним. Наши лошади спотыкались от усталости, и нам ничего не оставалось, как подчиниться. Уже почти в полной темноте мы подъехали к рощице, когда внезапно раздался грозный окрик на языке команчей. Предводитель что-то весело ответил, затем приказал нам остановиться и, взяв с собой Олд Дэта, поскакал на голос. Через несколько минут вестмен вернулся и сказал:

— Догнали наконец. Здесь неподалеку команчи разбили лагерь. По всем признакам мы должны были настичь их только завтра, но краснокожие, опасаясь встретить врага, решили остановиться и выслать разведчиков. Разведчики вернулись еще не все. Поезжайте за мной, сейчас мы увидим костры команчей.

— Странно. Я слышал от бывалых людей, что краснокожие не разжигают огонь в походе, — деланно удивился я.

— Стены ущелья скрывают огонь от чужих глаз, к тому же команчи послали вперед разведку, а потому совершенно уверены, что им нечего и некого опасаться.

Действительно, у выхода из каньона горело с десяток костров. Вокруг них беспечно сидели краснокожие воины, по-видимому, чувствовавшие себя в безопасности.

Здесь, у входа в каньон, команчи, сопроводившие, а вернее, препроводившие нас в лагерь, приказали нам остановиться и ждать, пока за нами не пришлют. Спустя какое-то время появился посланец и провел нас к костру, у которого восседал Белый Бобр в окружении самых прославленных воинов племени. В завязанных узлом волосах вождя торчали три орлиных пера, одет он был в мокасины, черные лоснящиеся штаны, жилет и куртку из некогда светлой ткани. Из-за пояса торчал старый кремневый пистолет, на земле рядом лежала двустволка. В воздухе витал запах жареной конины. В одной руке вождь держал кусок мяса, в другой — нож.

Завидев нас, Белый Бобр прервал ужин и поднялся. Мы торопливо спешили, и тут же нас плотным кольцом окружили воины, среди которых я заметил несколько белых лиц. Лошадей взяли под уздцы и увели, что крайне меня обеспокоило, но так как Олд Дэт ни словом, ни жестом не выразил негодования, я подумал, что подобные встречи в обычае у команчей и тревожиться нечего.

Вождь со свитой подошел к Олд Дэту, подал ему руку, как это принято

у белых, и серьезным, но дружелюбным тоном произнес:

— Коша-Певе обрадовал нас своим прибытием. Сыновья команчей не надеялись на скорую встречу. Мы приветствуем тебя и приглашаем принять участие в походе на собак апачей.

Он говорил на смеси английского и языка команчей, чтобы мы тоже поняли смысл его приветствия. Олд Дэт ответил:

— Мудрый Маниту знает, какими путями вести своих детей. Счастлив тот, кто на каждом из этих путей встречает друга, которому может довериться. Ойо-Колса выкурит трубку мира с моими друзьями?

— Друзья Коша-Певе — мои друзья. Кого любит он, того люблю и я. Пусть твои друзья сядут со мной и пьют дым мира из трубки вождя команчей.

Олд Дэт сел к огню, мы последовали его примеру. Краснокожие стояли вокруг нас молчаливые и недвижные, как изваяния. Я пытался разглядеть лица белых, но в неверном свете костра было невозможно различить их черты. Ойо-Колса снял с шеи трубку, набил ее кинникинником и закурил, начиная знакомый мне ритуал. Только сейчас я окончательно убедился, что опасность нам не угрожает.

Предводитель отряда, с которым мы прибыли в лагерь команчей, уже успел доложить Белому Бобру, при каких обстоятельствах он встретил нас в «Эстансия-дель-Кабальеро». Теперь старый вождь просил Олд Дэта, чтобы и он рассказал, как это произошло. Вестмен представил все так, что ни нас, ни сеньора Атанасио нельзя было ни в чем упрекнуть.

Белый Бобр внимательно выслушал рассказ, задумался, а затем произнес:

— Я верю моему брату, ибо не могу найти в его словах обмана. И все же у меня остались сомнения, так как у меня нет причин не верить и тому бледнолицему, сообщившему нам, где скрывается раненый апач. Он знал, что за ложь заплатит жизнью, а значит, ему не стоило обманывать сыновей команчей. Поэтому я думаю, что один из вас ошибается.

Белый Бобр оказался хитрецом, и Олд Дэту следовало соблюдать осторожность. Что, если вождю придет в голову еще раз послать отряд в «Эстансия-дель-Кабальеро»? Необходимо было немедленно изобрести мало-мальски убедительные доводы и склонить команча на нашу сторону.

— Да, один из нас ошибается, но не я, а тот белый, — почти не задумываясь, ответил Олд Дэт. — Мой краснокожий брат знает, что нет человека, способного обмануть Олд Дэта.

— Это действительно так. Говори, мой белый брат.

— Сначала я всего лишь скажу, что вождя команчей обманули.

— Кто? — кратко спросил Белый Бобр с грозным видом.

— Мне кажется, те белые, которых ты принял в свой отряд.

— То, что кажется тебе, еще не доказывает их вины. Если они солгали, их ждет смерть, несмотря на то, что я выкурил с ними трубку мира.

— Так ты не просто пожал им руки в знак мира, но и выкурил с ними трубку?! Вождь команчей поступил опрометчиво. Будь я тогда с тобой, я бы сумел тебя удержать от ложного шага. Но ты хочешь, чтобы я доказал их вину. Скажи мне, ты встал на сторону президента Хуареса?

Белый Бобр пренебрежительно махнул рукой.

— Хуарес забыл обычаи краснокожих, он живет в доме из камней и подражает бледнолицым. Я презираю его. Воины команчей выступили на стороне Наполеона¹, а взамен получили от него одеяла, ружья, лошадей и теперь могут отнять жизнь у собак апачей. Бледнолицые, с которыми я выкурил трубку мира, друзья Наполеона.

— Бледнолицые, с которыми ты выкурил трубку мира, — лжецы. Они прибыли в Мексику, чтобы служить Хуаресу, и мои товарищи могут подтвердить мои слова. Вспомни, кому помогает великий белый отец в Вашингтоне.

— Он помогает Хуаресу.

— Знаешь ли ты, что по ту сторону границы в отряды собираются белые воины, чтобы переправиться в Мексику и поддержать Хуареса? В Ла-Гранхе живет бледнолицый по имени Кортесио. Я побывал в его доме, и он сказал мне, что набирает армию для Хуареса. Это могут подтвердить мои спутники, они соседи Кортесио. Повторяю: люди, с которыми ты выкурил трубку мира, — лжецы, они добровольно пошли на службу к Хуаресу. Ты принял у себя друзей твоего врага...

Глаза вождя грозно сверкнули, лицо его словно окаменело. Он попытался что-то сказать, но Олд Дэт продолжал:

— Разреши мне закончить, а потом будешь решать, кто лжет, а кто говорит правду. Бледнолицые солдаты Хуареса остановились в асиенде сеньора Атанасио, друга Наполеона. В тот день он принимал у себя в доме известного вождя французов, человека пожилого и слабого здоровьем, и, чтобы спасти его от смерти, решил выдать его за Инда-Нишо. Старика уложили в постель и выкрасили ему лицо.

Брови вождя команчей дрогнули от удивления. Он уже верил в слова Олд Дэта, но из осторожности все же спросил:

— Почему вождя французов выдали за Инда-Нишо?

— Потому что апачи поддерживают Хуареса, а бледнолицые должны были поверить, что этот француз не враг им. Потому что он так же стар,

как и Инда-Нишо, и волосы у него так же белы от прожитых зим. Поэтому солдаты Хуареса поверили сеньору Атанасио и не тронули вождя французов.

— Уфф! Теперь я понимаю. Твой друг, как ты его называешь, А-та-на-си очень умен. Он сумел провести воинов Хуареса. Но где же скрывался вождь французов, когда сыновья команчей осматривали дом?

— Как только бледнолицые уехали, он тоже покинул дом. Мой друг сеньор Атанасио действительно очень ловкий человек, он обманул солдат Хуареса, сказав им, что Виннету оставил у него раненого вождя. Бледнолицые поверили, а затем встретили тебя и твоих воинов и, зная, что команчи в дружбе с Наполеоном, тоже представились друзьями французов.

— Я верю тебе, но хочу сам убедиться, что они на стороне Хуареса. Я выкурил с ними трубку мира и потому не могу предать их смерти.

— Кроме того, среди этих бледнолицых есть двое, которых я хочу поймать и поступить с ними как мне вздумается.

— Почему?

— Потому что они мои враги, и мы уже много дней идем по их следу.

Олд Дэт не мог дать лучшего ответа. Если бы он начал подробно рассказывать о Гибсоне и Уильяме Олерте, вся эта запутанная и нелепая в глазах индейца история не произвела бы на вождя такого впечатления, как три коротких слова: «Они мои враги».

— Если они твои враги, то и мои тоже, — немедленно согласился Белый Бобр. — Я дарю их тебе.

— Благодарю тебя. А теперь прикажи позвать сюда вождя бледнолицых. Я побеседую с ним, и ты сразу убедишься, что он солдат Хуареса.

Вождь послал одного из воинов к белым, и тот через несколько минут вернулся, ведя за собой громадного роста угрюмого мужчину с косматой бородой.

— Что вам от меня нужно? — спросил он, бросая на нас недобрый взгляд.

Вероятно, Гибсон узнал меня и предупредил своих спутников, что ничего хорошего от нашего появления ждать нельзя. Я с любопытством следил за Олд Дэтом в ожидании увидеть новый трюк старого хитреца. Вестмен дружелюбно посмотрел в лицо подошедшему белому и очень вежливо ответил:

— Привет от сеньора Кортесио из Ла-Гранхи, мистер.

— Вы с ним знакомы? — оживился тот, не догадываясь, что уже проглотил наживку.

— Ну конечно, — подтвердил Олд Дэт. — Мы с ним старые друзья. К сожалению, я опоздал и не смог встретиться с вами до вашего отъезда, но сеньор Кортесио сказал мне, где вас искать.

— В самом деле? Что же он вам сказал?

— Что вы переберетесь через Лас-Морас и Рио-Моралес, а затем направитесь через Баию и Табаль в Чиуауа. Но вы несколько отклонились от пути. Могу я знать, почему?

— Потому что встретили наших друзей команчей.

— Ваших друзей? Мне показалось, что они ваши враги.

Белый явно смутился, неопределенно пожал плечами и притворно закашлялся, пытаясь дать понять Олд Дэту, что говорить при всех небезопасно. Но вестмен сделал вид, будто не замечает его ужимок, и продолжал:

— Ведь вы встали на сторону Хуареса, а команчи сражаются за Наполеона!

Белый не торопился отвечать, казалось, он тщательно взвешивает свои слова.

— Вы заблуждаетесь, сеньор, мы тоже поддерживаем французов.

— И ведете в Мексику добровольцев из Соединенных Штатов?

— Да, но в армию Наполеона.

— Ах вот как! Значит, мой друг сеньор Кортесио занялся вербовкой солдат для французской армии?

— Ну конечно!

— А я-то, старый дурак, думал — в отряды Хуареса.

— Ну что вы, как можно!

— Благодарю вас за разъяснение. Вы свободны и можете вернуться к своим людям.

Лицо добровольца дрогнуло от гнева. Неужели он позволит неизвестному бродяге командовать собой?

— Сэр! — воскликнул он с ненавистью в голосе. — Какое право вы имеете приказывать мне?

— Разве вам не известно, — с достоинством ответил Олд Дэт, — что у этого костра могут сидеть только вожди?

— Мне наплевать на вождей! Я офицер!

— Хуареса? — быстро спросил Олд Дэт.

— Да! То есть нет, Наполеона.

— Ну вот вы и проговорились. Тем более что никакой вы не офицер, раз не умеете хранить тайну при любых обстоятельствах. Нам больше не о чем разговаривать. Возвращайтесь к своим людям.

Тот хотел было возразить, но вмешался Белый Бобр и взмахом руки приказал ему удалиться. Скрипнув зубами так, что мы услышали, офицер Хуареса подчинился.

— Что теперь скажет мой брат? — обратился вестмен к вождю команчей.

— Лицо бледнолицего выдало его, — ответил Белый Бобр. — Но я еще не до конца уверен, что они враги.

— Пусть мой краснокожий брат хорошенько подумает. Он уже знает, что бледнолицый побывал в Ла-Гранхе у некоего Кортесио и ведет отряд в Мексику?

— Да. Мои уши слышали это.

— Значит, он сторонник тех, для кого Кортесио вербует добровольцев.

— Да, так оно и есть на самом деле. Однако откуда Белому Бобру знать, для кого тот Кор-те-си собирает воинов, для Хуареса или Наполеона? — не хотел сдаваться вождь.

— Посмотри на это, — торжественно произнес Олд Дэт, доставая из кармана паспорт за подписью Хуареса и протягивая его Белому Бобру. — Я и мой молодой друг решили выяснить, кому служит Кортесио, а потому пришли к нему и заявили, что хотели бы воевать на стороне Хуареса. Тот принял нас как друзей и вручил нам эти бумаги. Мой друг может показать тебе такую же.

Вождь осторожно принял в свои узловатые руки лист бумаги, повертел ее перед глазами и с усмешкой отозвался:

— Белому Бобру незнакомо искусство бледнолицых, он не может заставить говорить бумагу. Но его глаза хорошо видят здесь тотем Хуареса, — и он ткнул грязным ногтем в то место, где стояла печать и подпись президента. — Среди моих врагов есть сын скво команчей и бледнолицего, он умеет говорить с бумагой. Я позову его.

На громкий зов из круга команчей выступил молодой воин лицом несколько светлее остальных, подошел к огню, взял из рук вождя паспорт и бегло перевел. Я не понял его слов, но лицо Белого Бобра по мере чтения прояснялось. Краснокожий дочитал до конца, вернул бумагу вождю и, гордый своим умением, удалился.

— Мой брат желает увидеть бумагу моего друга? — обратился Олд Дэт к вождю.

Тот отрицательно покачал головой.

— Теперь Белый Бобр убедился, что бледнолицые обманули его? Верит ли он, что я сказал правду?

— Да. Я сейчас же позову на совет вождей и лучших воинов, чтобы

решить, как поступить с лжецами.

— Ты позволишь мне принять участие в совете?

— Нет. Мой брат мудрее многих старейшин, а в бою отважнее многих молодых воинов, но сейчас он уже доказал то, что хотел доказать. Бледнолицые обманули команчей, и команчи сами решат, как наказать их.

— Позволь мне задать еще один вопрос. Мне очень важно услышать твой ответ. Почему мой краснокожий брат идет так далеко на юг? Почему он стремится углубиться в эти пустынные горы?

— Сначала воины команчей шли на север, но потом им стало известно, что Виннету собрал отряды в южных землях апачей и двинулся к Рио-Кончос, оставив свои стойбища без охраны. Поэтому мы поспешили повернуть к югу, чтобы напасть на них и взять большую добычу.

— Виннету двинулся с отрядами к Рио-Кончос? Но что ему там делать? И кто тебе сообщил об этом? Не те ли двое краснокожих, что встретились вам вчера?

— Уфф! Вы видели их следы?

— Да, в дне пути отсюда. Кто они?

— Воины из племени топи, отец и сын.

— Они еще в твоём лагере? Я хотел бы поговорить с ними.

— Мой брат волен поступать как ему вздумается.

— Могу ли поговорить и с теми двоими белыми, которых ты мне отдал?

— Мой белый брат свободный человек, а не пленник. Никто не может запретить ему это.

— Тогда, может быть, ты мне также разрешишь обойти лагерь? Мы в стране врагов, и я хочу убедиться, что проведу ночь в безопасности.

— Белый Бобр не мальчик и знает, как следует вести воинов по тропе войны, Он выставил часовых и выслал вперед разведчиков. Но ты волен поступать как знаешь.

Вождь команчей действительно считал старого вестмена своим большим другом и доверял ему, как себе самому, он даже не обиделся на просьбу позволить осмотреть лагерь. Тем временем гонцы побежали созывать старейшин и самых опытных воинов на совет, остальные команчи разошлись и принялись устраиваться на ночлег у своих костров. Обоих Ланге и Сэма тоже посадили к огню и дали им по куску жареной конины. Олд Дэт взял меня под руку и увлек к костру, у которого сидели белые люди. Навстречу нам вышел офицер, с которым недавно так нелюбезно обошелся Олд Дэт, и грубо спросил:

— Какого черта вам понадобилось устраивать мне экзамен, да еще в

присутствии краснокожих?

— Я воздержусь от объяснений, так как чуть позже команчи сами все растолкуют, и, клянусь Богом, очень доходчиво. И не советую вам разговаривать с Олд Дэтом таким тоном. Во-первых, потому что вы конокрады, во-вторых, потому что команчи доверяют мне, а не вам, в-третьих, потому что достаточно одного моего слова, чтобы с вас содрали скальпы.

И он с презрением отвернулся от офицера, но остался на месте, чтобы дать мне возможность заняться Гибсоном и Уильямом Олертом. Мошенник и его жертва сидели у того же костра. Олерт показался мне больным и до предела изнуренным: щеки провалились, глаза горели безумным огнем. Казалось, он не замечает, что происходит вокруг. Его пальцы судорожно сжимали карандаш, на коленях лежала мятая четвертушка бумаги. Я понял, что он все еще оставался безвольной игрушкой в руках Гибсона.

— Наконец-то мы с вами встретились, мистер Гибсон. Надеюсь, что мы продолжим наше путешествие вместе. Буду рад лично препроводить вас в Нью-Йорк.

— Это вы мне, сэр? Но мы с вами не знакомы, — издевательски улыбнулся мерзавец.

— Конечно, вам!

— Как странно! Вы, кажется, назвали фамилию Гибсон?

— Да, именно так я вас назвал.

— Но это не мое имя.

— Разве это не вы улизнули от меня в Новом Орлеане?

— Сэр, вы что-то путаете!

— Я знаю, что вы меняете имена, как щеголь перчатки, и мне известно, что в Новом Орлеане вы выдавали себя за Клинтон, а в Ла-Гранхе именовались сеньором Гавиланом.

— Меня действительно зовут Гавилан. Что вам угодно? Я повторяю, мы с вами не знакомы, а потому оставьте меня в покое.

— Неужели вы меня не узнаете? Даже если это так, я постараюсь, чтобы вы меня запомнили на всю жизнь. Теперь вам от меня не уйти. Представление окончено. Не для того я мчался за вами от самого Нью-Йорка, чтобы выслушивать ваши насмешки. Пойдете со мной туда, куда я вас поведу.

— Как бы не так!

— А если будете сопротивляться, я привяжу вас к хвосту моего коня. Надеюсь, тогда вы станете сговорчивее.

Гибсон вскочил на ноги и выхватил револьвер со словами:

— Так вы мне угрожаете? Да я...

Он не успел закончить и не успел выстрелить. За его спиной вырос Олд Дэт и прикладом ружья ударил по руке. Револьвер упал на землю.

— Поубавьте свою прыть, Гибсон, — негромко, но грозно произнес вестмен. — Вы забыли, что я здесь, а в моей колоде козыри старше.

Гибсон схватился за ушибленную руку, скорчился от боли и крикнул:

— Ну погоди, я еще посмотрю, какого цвета у тебя кишки. Ты думаешь, я испугался, потому что тебя зовут Олд Дэт?

— Ни в коем случае! Я не пугало, бояться меня не надо, меня надо слушаться. Еще одна глупость, и я всажу тебе пулю в живот. Ты вряд ли ее переваришь. Надеюсь, что джентльмены будут мне благодарны за то, что я освобожу их от общества мошенника и негодяя.

Гибсон понял, что коса нашла на камень, сник и заюлил:

— Я совершенно не понимаю, в чем дело, господа. Вы принимаете меня за кого-то другого.

— Ну уж нет! Чтобы я принял тебя за кого-то другого? Вот он будет главным свидетелем обвинения. — И Олд Дэт указал на Олерта.

— Он будет свидетелем обвинения? — переспросил Гибсон. — Ну-ну, попробуйте поговорить с ним.

Я тронул Уильяма за плечо и назвал его по имени. Он медленно, словно во сне, поднял голову, посмотрел на меня бессмысленным взглядом и ничего не ответил.

— Мистер Олерт, вы слышите меня? — повторил я. — Меня послал к вам ваш отец.

Он так же молчал и так же бессмысленно глядел на меня. Внезапно раздался окрик Гибсона:

— Эй, ты! Как тебя зовут? Отвечай сейчас же.

Дрожа всем телом, словно испуганный ребенок, Уильям Олерт повернулся к Гибсону и тихо ответил:

— Меня зовут Гильермо.

— Кто ты?

— Поэт.

Я снова вмешался в разговор, пытаясь вопросами пробудить в нем память.

— Твое имя Уильям Олерт? Ты из Нью-Йорка? Кто твой отец? Он банкир?

Уильям, не раздумывая, отвечал отрицательно. Очевидно, его хорошо подготовили к подобным вопросам. У меня не оставалось больше сомнений, что, с тех пор как он попал в руки к мошеннику, его болезнь

заметно усугубилась.

— Вот вам и свидетель! — рассмеялся мне прямо в лицо негодай. — А теперь будьте так любезны, оставьте нас в покое.

— Позвольте, я задам ему последний вопрос, возможно, его память сильнее лжи, внушенной вами.

Мне в голову пришла, может быть, и не блестящая, но очень удачная мысль. Я вытащил из бумажника газетную вырезку со стихотворением Олерта и прочел вслух первую строфу. Мне казалось, что от собственных стихов в помраченной душе поэта блеснет тонкий лучик света, но он так же безразлично продолжал рассматривать пустую четвертушку бумаги. Прочтя вторую строфу, я без особой надежды приступил к третьей:

Знакомо ли тебе, как средь ночи

Душа кипит от жажды воли?

Но яд обмана сердце точит,

И сердце корчится от боли?

Две последние строки я прочел с особым чувством, и вдруг Олерт поднял голову, встал и протянул ко мне руки. Я продолжал:

Ужасна эта ночь, она забвеньем манит,

И солнце для тебя уже не встанет.

Несчастный поэт подбежал ко мне и выхватил у меня из рук газетный клочок. Наклонившись ближе к огню, он громко, от начала до конца, перечитал стихотворение, затем выпрямился и воскликнул с торжеством в голосе:

— Это мои стихи, стихи Уильяма Олерта! Я — Уильям Олерт, а не он!

Только сейчас мне в голову пришла неожиданная и страшная догадка: Гибсон завладел документами Уильяма Олерта. Неужели он, несмотря на разницу в возрасте и во внешности, выдавал себя за него? А может?.. Но мои рассуждения прервало появление вождя команчей. Звонкий голос поэта прозвучал в ночной тишине внезапным воплем, и Белый Бобр, забыв о собственной гордости и бросив совет, подбежал к Уильяму и одним ударом сбил его с ног.

— Замолчи, собака! — прошипел вождь. — Если твой крик привлечет апачей, я собственными руками лишу тебя жизни.

Уильям Олерт приглушенно вскрикнул от боли и тупо уставился на индейца. Я поспешил забрать у него стихотворение в надежде, что в будущем оно снова поможет мне привести молодого человека в чувство.

— Не гневайся, — попросил Олд Дэт вождя, — у молодого бледнолицего помутился разум, но сейчас он успокоится и больше не нарушит тишину. Скажи мне, эти двое и есть те индейцы топи, о которых

ты мне говорил?

Вестмен указал на двух краснокожих, подсевших к костру белых.

— Да, это они, — ответил Белый Бобр. — Топи плохо понимают язык команчей, и с ними приходится говорить на смешанном языке. И всё же пусть этот бледнолицый, который потерял свою душу, больше не кричит, иначе я прикажу связать его и заткнуть ему рот.

Вождь команчей вернулся к прерванному совету, а Олд Дэт пристально посмотрел на воинов из племени топи и обратился к старшему из них:

— Мои краснокожие братья прибыли сюда с плоскогорья Топи? Я слышал, ваши воины живут в дружбе с команчами.

— Да, — ответил старший индеец, — наши томагавки помогают воинам команчей.

— Тогда почему ваши следы идут с севера, где живут льянеро и тараски, входящие в союз апачей?

Вопрос смутил индейцев настолько, что мы даже при свете костра заметили, как изменились их не покрытые боевой раскраской лица. Только после минутного молчания один из краснокожих нашелся что ответить:

— Мой бледнолицый брат умен и сам может догадаться. Воины топи выкопали топор войны и выступили против апачей. Мы ездили на север, чтобы разведать, куда пошли их отряды.

— И что же вы узнали?

— Мы напали на след верховного вождя апачей Виннету. Он повел своих воинов к Рио-Кончос, чтобы там встретить Белого Бобра и дать ему бой. Поэтому поспешили назад, чтобы поведать о том нашим вождям и напасть на незащищенные стойбища апачей. По пути нам встретились команчи, и мы отправили гонца к топи с вестью, а сами пошли с ними, чтобы не упустить добычу.

— Команчи, несомненно, сумеют отблагодарить вас. Но с каких это пор воины топи забыли, что они честные люди?

Олд Дэт говорил с краснокожими вызывающе, словно искал с ними ссоры. Казалось, он заподозрил неладное и пытается вывести индейцев из себя в надежде, что они проговорятся. Старый вестмен был большим мастером уловок и ухищрений, и его слова достигли цели: глаза младшего сверкнули от гнева, а старший долго молчал, обдумывая ответ, и наконец произнес:

— Пристало ли нашему брату сомневаться в честности топи? Не хочет ли он умышленно оскорбить нас?

— Нет, что вы, мое сердце открыто для топи. Но я удивлен, что вы сели к костру бледнолицых, а не остались среди своих краснокожих

братьев.

— Коша-Певе спрашивает больше, чем должен знать. Топи сидят там, где хотят.

— А мне показалось, что команчи пренебрегают обществом топи. Собаке, ведущей охотника по следу дичи, бросают объедки и не позволяют входить в вигвам.

— Не смей говорить так, — вскипел индеец, — не то я вызову тебя на поединок! Мы весь вечер сидели у костров команчей и только недавно подошли к бледнолицым, чтобы узнать, что происходит в их стойбищах с каменными вигвамами.

— И все же я бы на вашем месте вел себя осмотрительнее. Твои глаза видели снег многих зим, и ты должен был бы догадаться, о чем я говорю.

— Ты говоришь загадками, и мой разум не может понять твои речи. Если краснокожий глуп, пусть мудрый бледнолицый объяснит ему! — воскликнул, забыв осторожность, индеец.

Олд Дэт наклонился к нему и сурово спросил:

— Вы курили с команчами трубку мира?

— Да.

— Значит, вы не можете причинить им вреда.

— Неужели ты думаешь, что мы собираемся вредить нашим друзьям команчам?

Они оба смотрели друг другу в глаза. Казалось, между ними происходит немой, незримый поединок, суть которого не понимали окружающие. После долгого молчания Олд Дэт произнес:

— Ты понял меня и знаешь, что, выскажи я свои мысли вслух, вас ждет ужасная смерть.

— Уфф! — вскричал краснокожий, вскакивая на ноги и выхватывая нож.

Младший тоже вскочил и занес над головой томагавк, но Олд Дэт одним тяжелым, суровым взглядом сумел остановить готовых нанести удар краснокожих.

— Я уверен, что вы не станете злоупотреблять гостеприимством команчей и скоро вернетесь к тому, кто вас послал. Передайте ему, что мы друзья с ним. Скажите, что Олд Дэт живет в мире со всеми краснокожими воинами и не спрашивает, к какому племени они принадлежат.

Индеец в ярости оскалил зубы и прошипел:

— Ты не веришь, что мы из племени топи?

— Мой брат ведет себя неосмотрительно. Я не хочу стать твоим врагом и не высказывал вслух то, что у меня на уме. Почему ты сам

заговорил об этом? Разве ты не чувствуешь себя в безопасности среди пяти сотен команчей?

Рука краснокожего дрогнула, словно он собирался нанести удар.

— Прежде, чем я отвечу, скажи мне, за кого ты нас принимаешь? — потребовал он.

Олд Дэт ухватил краснокожего за руку, в которой тот сжимал нож, увлек его в сторону от костра и прошептал, но так, чтобы я тоже услышал:

— Вы оба апачи.

Индеец отпрянул, вырвал руку и занес ее для удара.

— Ты умрешь, лживый койот!

Но старый вестмен, вместо того чтобы прикрыться от готового вонзиться в него ножа, взглянул на противника в упор и шепнул:

— Ты хочешь убить друга Виннету? Или тебе показать тотем Инда-Нишо?

Трудно сказать, что остановило индейца: произнесенные ли слова или уверенный и гордый взгляд старика, но он опустил занесенную для удара руку и еле слышно прошептал:

— Молчи.

И в следующее мгновение краснокожий отвернулся от нас и возвратился к костру с каменным лицом, словно ничего не произошло. Он понял, что его хитрость разгадана, но не выказал и тени тревоги или недоверия к нам. Может быть, он знал, что знаменитый бледнолицый воин Коша-Певе не способен на предательство? Его сын с таким же невозмутимым видом заткнул за пояс томагавк и сел рядом с ним у огня. Я мысленно восхищался мужеством этих двух воинов, отважившихся пойти на верную смерть, чтобы завести врагов в западню.

Мы уже собирались идти устраиваться на ночлег, когда наше внимание привлекла необычная суэта среди команчей. Совет подошел к концу — его участники встали и направились к нам, а остальные краснокожие по приказу вождя покинули свои костры и плотным кольцом окружили нас. Белый Бобр вышел на середину круга и торжественно поднял руку, давая знак, что будет говорить. Воцарилась глубокая тишина. Белые наемники заподозрили неладное и тоже с тревогой вскочили, озираясь по сторонам. Только два индейца «топи» остались сидеть у огня, спокойно глядя перед собой, словно все происходящее их совершенно не касалось. Ни единым жестом они не выказали беспокойства. Уильям Олерт тоже не двинулся с места, вперив безумный взгляд в огрызок карандаша, судорожно зажатый в пальцах.

— Бледнолицые прибыли к воинам команчей, — медленно и глухо

начал вождь, — и заверили их в своей дружбе. Мы приняли их как братьев и выкурили с ними трубку мира. Однако теперь команчи узнали, что бледнолицые — лжецы. Белый Бобр тщательно взвесил все, что говорит в пользу бледнолицых и что говорит против них. Он посоветовался со старейшинами и лучшими воинами и убедился, что команчей обманули. Мы отказываем бледнолицым в дружбе, с этого момента они наши враги.

Он умолк, и офицер поспешил вмешаться, чтобы отвести нависшую опасность:

— Кто оговорил нас? Те четверо белых и негр, что прибыли сегодня к вечеру, черт бы их побрал?! Команчи знают нас и уже убедились, что мы их друзья. А кто они такие? Кто знает их настоящие имена? Если вы обвиняете меня во лжи, то дайте нам возможность защищаться. Я офицер и вождь моих людей, поэтому я требую допустить меня на совет, решающий нашу судьбу!

— Кто разрешил тебе говорить? — прервал его вождь. — Все слушают слова Белого Бобра и молчат, пока он не кончит. Мы уже слышали тебя, когда Коша-Певе беседовал с тобой. Вы — воины Хуареса, мы — друзья Наполеона, поэтому мы с вами враги. Ты спрашиваешь, кто знает настоящие имена этих четверых бледнолицых? Я узнал Коша-Певе за много зим до того, как увидел твое лицо, он честный и мужественный воин. Ты требуешь, чтобы тебя допустили на совет? Но даже Коша-Певе не сидел у костра совета. Воины команчей — мужчины, они умеют отличать мудрость от глупости, и им не нужна хитрость бледнолицых, чтобы решить, как поступить. Я пришел к вам не для того, чтобы слушать тебя, а для того, чтобы сказать вам...

— Мы выкурили с вами трубку мира, — взвизгнул офицер, перебивая вождя, — и если вы нападете на нас...

— Замолчи, трусливый койот! — воскликнул Белый Бобр. — Твой язык оскорбляет команчей, и если ты не замолчишь, я прикажу вырезать его! Не забывай, что вокруг стоят пять сотен воинов и каждый из них готов отомстить за обиду. Да, мы выкурили с вами трубку мира, однако причиной тому была ваша ложь и хитрость. Но мы не поступим с вами, как вы того заслуживаете, мы чтим волю Великого Духа и уважаем наши обычаи. Дым мира защищает вас. Красная глина, из которой делают трубку, священна, как красный свет солнца и пламя, от которого ее прикуривают. Поэтому, когда снова засияет солнце, наше перемирие кончится. Вы останетесь в лагере до утра, и никто не посмеет вас тронуть, но как только первый луч осветит небо, вам придется уехать туда, откуда вы прибыли. Мы дадим вам время, которое вы, белые, называете пятью минутами, а потом бросимся за

вами в погоню. Мы оставляем вам все ваши вещи, но когда воины команчей убьют вас, они станут нашими. Коша-Певе потребовал выдать ему двух бледнолицых, с которыми мы тоже выкурили трубку мира. Они останутся в лагере, и утром он может поступить с ними как ему вздумается — они его пленники. Мы так решили. Я все сказал!

Вождь умолк, отвернулся от нас и ушел.

— Что он несет? — возмутился Гибсон. — Я пленник этой старой обезьяны? Да я...

— Молчите! — вмешался офицер. — Сколько бы вы ни ругались, изменить ничего нельзя. Я хорошо знаю краснокожих. Но за клевету белым негодьям придется ответить, да и команчи попомнят нас. До утра еще далеко, за это время многое может перемениться. Часто помощь приходит оттуда, откуда мы ее не ждем.

Успокоенные туманными намеками на неожиданное спасение, белые устроились у огня, но команчи не разбрелись по лагерю, а улеглись прямо на землю вокруг солдат Хуареса, взяв их в многорядное живое кольцо, выскользнуть из которого не могла бы даже мышь. Однако Олд Дэт и я беспрепятственно покинули эту живую тюремную камеру.

— Вы уверены, что Гибсон в наших руках? — спросил я вестмена, пригласившего меня осмотреть лагерь.

— Ему от нас теперь не уйти... если только не случится что-нибудь непредвиденное.

— Значит, надо схватить его немедленно, связать и взять под стражу, — заволновался я при мысли, что негодяй снова ускользнет от меня.

— Увы, это невозможно. До рассвета команчи не позволят нам и прикоснуться к нему. А все из-за трубки мира, черт бы ее побрал! Зато потом вы можете зажарить его в сухарях и съесть, целиком или по частям, с ножом и вилкой или без них, им будет совершенно все равно.

— Вы сказали: если только не случится ничего непредвиденного. Что вы имели в виду?

— Что? Неужели вы не поняли, что те двое апачей привели команчей не к стойбищам с добычей, а в опасную ловушку?

— Так вы действительно считаете, что они апачи?

— Можете изрубить меня на мелкие куски, если окажется, что я ошибся. Мне сразу показалось подозрительным, что топи пришли с Рио-Кончос. Такого старого волка, как я, не так-то просто обвести вокруг пальца. А когда я увидел их, то не осталось никаких сомнений: топи принадлежат к полу цивилизованным индейцам, у них мягкие,

расплывшиеся лица. А вы поглядите на эти острые, резкие черты, и вы поймете, что эти дикари — апачи. А как они вели себя, когда я умышленно вызвал их на грубость, чтобы они проговорились? Да они выдали себя с головой.

— А если вы ошибаетесь?

— Ну уж нет. Старший из них называл Виннету верховным вождем апачей. Разве индеец топи отозвался бы о злейшем враге с таким уважением? Держу пари, что я прав.

— Я начинаю уважать этих людей. Заманить в ловушку пятьсот команчей — на такое способны только отчаянные смельчаки!

— Да, апачи готовы сложить головы, лишь бы доказать Виннету свою любовь и преданность.

— Вы думаете, это он послал их сюда?

— Он, и никто больше. Пораскиньте мозгами: сеньор Атанасио сказал нам, когда и где Виннету переправился через Рио-Гранде. Он никак не мог за это время собрать воинов и достичь Рио-Кончос. Насколько я его знаю, он должен был поступить именно так: подготовить засаду в самом удобном для нападения месте и заманить туда команчей. Какая прекрасная приманка — стойбища апачей остались без охраны! Поэтому я совершенно уверен, что он ждет их здесь.

— Тысяча чертей! Но тогда нам будет довольно трудно выпутаться из передраги. Лазутчики-апачи считают нас врагами.

— Совсем наоборот, они знают, что я разгадал уловку. Стоит мне хоть словом проговориться Белому Бобру, и их ждет смерть у столба пыток. Но поскольку я молчу, я друг им.

— Тогда позвольте еще один вопрос, сэр. Как вы считаете, должны ли мы предостеречь команчей?

— Гм! Вопрос очень деликатный. Команчи встали на сторону Наполеона, напали на стойбища апачей и убили многих из них. По законам как белых, так и краснокожих их следует наказать. Но мы выкурили с ними трубку мира, и теперь честь обязывает нас помочь им.

— Конечно, вы правы. Но я бы с большей охотой помог Виннету.

— Я тоже. Мы стоим перед трудным выбором: выдать лазутчиков или допустить избиение команчей. И в том и в другом случае прольется кровь. Что же делать? Вот если бы Гибсон и Олерт уже были в наших руках, мы бы преспокойно уехали, и пусть эти дикари сводят счеты без нас.

— Но апачи если и нападут, то только завтра, а с рассветом мы можем уехать.

— Кто знает? Может быть, завтра в это же время я, вы и наши друзья

краснокожие — неважно, кто они, команчи или апачи, — поймаем в Стране Вечной Охоты дюжину бобров или будем лакомиться вырезкой только что убитого бизона.

— Разве опасность так близка?

— Думаю, да. И у меня на то есть две причины: во-первых, до ближайших стойбищ апачей рукой подать, и Виннету не позволит команчам приблизиться к ним. Во-вторых, тот офицер Хуареса что-то говорил насчет возможной помощи.

— Вы правы. Но кто бы из них ни победил, мы можем довериться трубке мира команчей и тотему Инда-Нишо. К тому же Виннету знает вас, да и меня однажды видел с вами. И все же человек, попавший в жернова, не должен думать о каждом камне в отдельности. Что толку ему знать, какой из них сотрет его в порошок.

— Тогда постарайтесь, чтобы жернова не закрутились, а еще лучше — не попадайте между ними. Но мы заболтались. Пора идти осмотреться. Чем черт не шутит — вдруг, несмотря на темноту, я увижу что-нибудь такое, что поможет нам сохранить скальпы. Ступайте за мной. Сдается мне, я когда-то бывал в этой долине.

Мы действительно находились в небольшой, почти круглой долине, зажатой среди отвесных скал. Входом и выходом служили два узких ущелья, где команчи выставили часовых.

— Влипли так влипли, — ворчал старик, — лучшей мышеловки не придумаешь. Ума не приложу, как нам отсюда выбраться. Вы видели когда-нибудь, как лиса отгрызает себе лапу, чтобы уйти из капкана?

— А нельзя ли убедить Белого Бобра перенести лагерь в другое место?

— Сомневаюсь, что он согласится. Белый Бобр упрям, как бизон, хотя он и поверит в опасность, если мы выдадим ему апачей.

— Мне все же кажется, сэр, что вы сгущаете краски. Долина представляется неприступной. По скалам апачам в нее не спуститься, а у входа и выхода стоит охрана.

— Да, дюжина человек у входа и столько же у выхода могут защитить лагерь от кого угодно, но только не от Виннету. Я до сих пор не возьму в толк, почему Белому Бобру, всегда такому осторожному и предусмотрительному, вздумалось остановиться на ночь в этой долине. Те двое апачей сумели обвести его вокруг пальца. Попробую-ка я с ним поговорить. Если он заупрямится, а потом что-нибудь произойдет, мы будем держаться по возможности в стороне от схватки. Мы в дружбе с команчами, но не дай нам Бог сгоряча прихлопнуть хотя бы одного апача.

Беседуя, мы снова приблизились к лагерю. У костра, неподвижно,

словно статуя, стоял индеец, в котором по орлиным перьям без труда можно было узнать Белого Бобра. Мы направились к нему.

— Мой брат убедился, что мы в безопасности? — обратился вождь к Олд Дэту.

— Нет, — ответил тот. — Похоже, мы угодили в мышеловку и она вот-вот захлопнется.

— Мой брат ошибается. Долина, в которой мы остановились, похожа не на мышеловку, а на то сооружение, которое бледнолицые называют фортом. Врагу никак не удастся проникнуть внутрь.

— Да, через проходы он, может быть, в долину и не проникнет, они так узки, что десять воинов отразят нападение целой сотни. Но что будет, если апачи спустятся вниз по скалам?

— Скалы так круты и отвесны, что даже горному козлу не спуститься по ним.

— Почему мой краснокожий брат так уверен в этом?

— Потому что сыновья команчей прибыли сюда днем и попытались вскарабкаться по скалам наверх. Ни один из воинов не смог подняться по ним.

— Спускаться вниз легче, чем карабкаться наверх. И я знаю, что Виннету умеет лазить по скалам лучше, чем горный козел.

— Виннету здесь нет, он ушел к Рио-Кончос. Так утверждают топи.

— А если они ошибаются?

— Они так говорят. Они враги Виннету, и я верю им, — упорствовал Белый Бобр.

— Но если Виннету действительно был в форте Индж, он никак не успел бы собрать своих воинов и переправиться через Рио-Кончос. Пусть мой брат сосчитает, сколько дней прошло с тех пор, и вспомнит, как далек путь до Рио-Кончос.

Вождь в раздумье склонил голову. По-видимому, слова старого вестмена убедили его, так как он произнес:

— Мой брат прав: путь далек, а дни можно сосчитать по пальцам. Мы еще раз спросим топи.

Он направился к костру, оцепленному команчами, мы молча последовали за ним. Сбившиеся в кучу солдаты Хуареса угрюмо смотрели на нас, Уильям Олерт, глухой и слепой ко всему, что происходило вокруг, яростно царапал огрызком карандаша мятый лист бумаги. По другую сторону костра сидели отец и сын Ланге. Рядом с ними растянулся на траве Сэм. Застывшие как изваяния лжетопи подняли глаза, только когда Белый Бобр обратился к ним с вопросом:

— Мои братья точно знают, что...

Он не успел закончить. С вершины ближней скалы донесся тревожный писк птенца, а за ним послышался крик совы. Вождь и Олд Дэт насторожились. Гибсон машинально поворошил сухой веткой угли угасающего костра, и те на мгновение вспыхнули ярким пламенем. Глаза белых при этом одобрительно сверкнули, и Гибсон хотел было повторить свой маневр, но Олд Дэт поспешно выхватил у него из рук ветку и грозно приказал:

— Немедленно прекратите!

— Но почему? — оскалился Гибсон. — Кто может мне запретить подбросить дров в огонь?

— Не притворяйтесь невинной девушкой, Гибсон. Все слышали крик совы и видели, что вы ответили на него условным знаком.

— Условным знаком? Вы не в своем уме!

— В своем или не в своем, это не имеет значения. Предупреждаю: любой, кто вздумает раздуть огонь, получит пулю в лоб немедленно.

— С вами совершенно невозможно иметь дело, сэр. Вы ведете себя так, словно вы здесь хозяин, а мы — гости.

— Вы не гость, а мой пленник, и я легко найду на вас управу, если вы не прекратите ваши выходки. И запомните: меня провести не так-то легко.

— Неужели мы стерпим подобную наглость, сеньоры? — вскричал Гибсон, призывая остальных белых к отпору.

Однако Олд Дэт и я были начеку. Мы выхватили револьверы, секунду спустя рядом с нами встали отец и сын Ланге с Сэмом, готовые всадить пулю в любого, кто выхватит оружие, а Белый Бобр крикнул:

— Воины команчей! Приготовьте стрелы!

Краснокожие в мгновение ока вскочили на ноги, и сотня стрел нацелилась в горстку белых.

— Ну и что? — рассмеялся Олд Дэт. — Вы еще под защитой дыма мира, и вам даже оставили ваше оружие, но если кто-нибудь из вас посмеет выхватить револьвер или нож, мир кончится, а с ним и ваша безопасность.

Со скал вдруг снова донесся писк птенца и крик совы. Рука Гибсона непроизвольно дрогнула, словно он хотел подбросить хвороста в огонь, но не посмел. Вождь презрительно отвернулся от белых и повторил свой вопрос к топи:

— Мои братья уверены, что Виннету переправился через Рио-Кончос?

— Да, нам точно известно, что он уже по ту сторону реки, — невозмутимо ответил старший из них.

— Пусть мои братья подумают, прежде чем отвечать;

— Топи не ошибаются. Они лежали в кустах, когда мимо шли отряды апачей, и своими глазами видели Виннету.

Вождь задавал вопрос за вопросом, а «топи» отвечали на них без запинки и малейшего признака неуверенности. В конце концов Белый Бобр произнес:

— Твои слова удовлетворили вождя команчей. А теперь пусть мои белые братья следуют за мной.

Его приказ относился ко мне и к Олд Дэту, но вестмен кивнул в сторону наших спутников, приглашая их пойти с нами.

— Почему мой брат зовет с собой еще двух бледнолицых и человека с лицом цвета ночи? — встревожился Белый Бобр.

— Думаю, что вскоре мне понадобится их помощь. Мы хотим быть вместе в случае опасности.

— Никакой опасности нет и быть не может.

— Мне очень жаль, но мой краснокожий брат заблуждается. Сова на скалах кричала дважды, и это был голос человека, а не птицы.

— Белый Бобр не мальчик и знает голоса всех птиц и зверей. Кричала настоящая сова.

— Олд Дэт тоже не мальчик и знает, что Виннету подражает голосам птиц и зверей столь искусно, что ничье ухо не может отличить их от настоящих. Подумай, почему тот белый подбросил дров в огонь? Он подавал Виннету условный знак.

— Но тогда он должен был заранее договориться с апачами, а ведь он никогда не встречался с ними.

— А если кто-то другой договорился с апачами и передал бледнолицему приказ подать знак?

— Ты полагаешь, что среди команчей есть предатели? Уфф! Я не верю! Но нам нечего опасаться апачей, у проходов стоят смелые воины, а спуститься со скал невозможно.

— Кто знает... Со скал можно спустить лассо, потому что... Ты слышишь?

Снова раздался крик совы, но на этот раз не сверху, а из долины, словно птицы слетела со скал вниз.

— Кричала птица, — спокойно произнес вождь. — Мой брат зря беспокоится.

— Нет. Тысяча чертей! Апачи уже внизу...

Он не закончил. Со стороны одного из проходов донесся предсмертный крик, а за ним — леденящий душу боевой клич апачей, забыть который я не в силах до сих пор. Услышав вой нападающих

индейцев, солдаты Хуареса вскочили на ноги, как по команде.

— Вот они! — взревел офицер, указывая на нас. — Собаки! Взять их!

— Взять их! — вторил ему Гибсон. — Смерть им!

По-видимому, негодяи сговорились заранее и действовали уверенно и слаженно. Стрелять они не могли, так как мы стояли в темноте и попасть в нас было трудно, поэтому солдаты выхватили ножи и гурьбой бросились к нам. Нас разделяло не более тридцати шагов, но старый вестмен был спокоен, словно на нас неслись не вооруженные сильные мужчины, а расшалившиеся мальчишки.

— Как видите, я был прав, — успел заметить он. — Берите ружья, и встретим их как следует.

Прежде чем шесть стволов повернулись навстречу противнику и раздался залп, я успел заметить, что Гибсон не бросился на нас вместе со всеми, а остался у костра, схватив Олерта за руку, рывком пытаюсь поставить его на ноги. Больше я их не видел, так как апачи ударили на команчей и их борющиеся тела заслонили Гибсона и его безвольную жертву.

Свет костров освещал лишь малую часть долины, из-за чего апачи не могли знать истинное число своих противников. Команчи все еще стояли кругом, отражая яростный натиск нападавших, но затем под ударами апачей их строй распался на отдельные группы отчаянно сражающихся. Со всех сторон гремели выстрелы, со свистом летели копья и стрелы, и весь этот ад довершали сплетенные в смертельной схватке смуглые тела и жуткий вой, несущийся из нескольких сотен глоток.

Среди апачей выделялся их предводитель, метавшийся в самой гуще сражения с ружьем в одной руке и томагавком в другой. Его лицо не было раскрашено, и ничто не указывало на звание вождя, но мы сразу поняли, что это Виннету. Белый Бобр тоже узнал его.

— Виннету! — воскликнул он. — Наконец-то я встретил тебя! Твой скальп станет моим!

Вождь команчей бросился к своему смертельному врагу, борющиеся тени сомкнулись за его спиной, и мы потеряли его из виду.

— Что делать? — спросил я Олд Дэта. — Команчей много больше, и если апачи не отойдут, их перебьют до одного. Пора выручать Виннету!

С этими словами я было метнулся в гущу схватки, но Олд Дэт ухватил меня за руку и удержал.

— Вы с ума сошли, сэр! Вы курили с команчами трубку мира и не можете встать на сторону их врагов. Виннету слишком умен и опытен, чтобы нуждаться в помощи гринхорна! Вы слышите?

В то же мгновение я услышал громкий голос моего друга:

— Воины апачей отходят назад! Быстро!

В свете тускло тлеющих костров мы увидели, что апачи отступают. Команчи попытались преследовать врага, но град пуль заставил их остановиться. Особенно часто гремела двустволка Виннету, доставшаяся ему в наследство от отца. Разгоряченный боем Белый Бобр приблизился к нам и сказал:

— Апачи трусливы, как койоты. Сегодня они ушли, но завтра я настигну их, и сотня новых скальпов украсит пояса воинов команчей.

— Белый Бобр — мужественный воин, но боюсь, ему не удастся снять скальпы с апачей.

— Мой брат сомневается? Коша-Певе не верит, что команчи разделаются с койотами апачами? Он ошибается.

— Вспомни, когда я пришел к тебе и сказал, что мы в ловушке, ты ответил мне, что я ошибаюсь. Когда я сказал, что Виннету не ушел к Рио-Кончос, ты снова утверждал, что я ошибся. Теперь я говорю, что мы не сможем выйти из долины. Посмотрим, ошибаюсь ли я на этот раз.

— Апачи скрылись в темноте. Когда рассветет, мы увидим их и перебьем всех до одного.

— Тогда прикажи своим воинам остановиться, иначе они зря израсходуют все стрелы и завтра им нечем будет перебить апачей. В долине, правда, хватает деревьев, чтобы изготовить новые, но где вы возьмете наконечники?

— У сыновей команчей достаточно стрел, чтобы лишить жизни всех апачей, — хвастливо ответил Белый Бобр.

— А где воины, охранявшие проходы?

— Они прибежали сюда, чтобы участвовать в сражении.

— Немедленно отошли их обратно!

— Мой брат зря беспокоится. Апачи ушли и не вернутся.

— Тем не менее послушайся моего совета. Два десятка воинов ничего не решают, а там они необходимы. Если, конечно, еще не поздно.

Белый Бобр нехотя согласился с доводами старого вестмена и отправил воинов к проходам. Но Олд Дэт оказался прав: было уже поздно. Команчей встретили градом пуль и стрел, и из двух десятков посланных в лагерь воинов вернулись только двое...

— Ты по-прежнему считаешь, что я ошибаюсь? — спросил Олд Дэт вождя. — Мышеловку захлопнули, и нам из нее теперь не выбраться.

От самоуверенности Белого Бобра не осталось и следа, и он удрученно произнес:

— Уфф! Что же делать?

— Сейчас нельзя зря тратить силы. Поставь двадцать или тридцать воинов на безопасном расстоянии у проходов, чтобы апачи не застали вас врасплох, а остальные пусть отдохнут перед завтрашним сражением. Это мой единственный совет.

На этот раз вождь не спорил. Команчи прекратили стрельбу наугад, не причинявшую апачам никакого вреда, и принялись подсчитывать потери. Мы с Олд Дэтом пошли на поиски Гибсона и Олерта, но те бесследно исчезли вместе с солдатами Хуареса.

— Какое невезенье! — сокрушался я, расстроенный тем, что Гибсону снова удалось ускользнуть. — Негодяй перебежал к апачам, и нам теперь до него не добраться.

— Да, думаю, апачи приняли белых наемников с распростертыми объятиями — ведь это они вступили в сговор с лжетопи и всеми силами помогали им. Не зря же лазутчики сидели у костра белых.

— Да еще, чего доброго, беглецы настроят апачей против нас!

— Нам ничего не грозит. У нас есть тотем Инда-Нишо, он будет лучше любой охранной грамоты, а меня Виннету знает. Так что у Гибсона не получится поспорить нас с апачами. А потом уж я постараюсь, чтобы Виннету выдал его нам. Мы потеряем всего один день, не больше.

— А если Гибсон убежит вместе с Олертом?

— Не думаю, что они рискнут пуститься в путь через Мапими без сопровождения. Гибсон храбр, когда за его спиной стоит дюжина головорезов, готовых... Что это?

Его внимание привлек шум, доносившийся от одного из костров. Краснокожие обнаружили раненого белого, перенесли его к огню и, отчаянно жестикулируя, громко спорили, как с ним поступить. Олд Дэт прошел сквозь круг команчей, опустился на колени и осмотрел рану. Бедняге выстрелом в упор разворотило грудь.

— Сэр, — обратился он к раненому, — вам осталось недолго жить. В свой смертный час откажитесь от лжи. Вы помогли апачам?

— Да, — простонал в ответ раненый.

— И вы знали, что апачи нападут на нас этой ночью?

— Знали. Топи нарочно привели команчей в эту долину.

— А Гибсон подавал апачам условные знаки?

— Да, сэр. Он должен был разжечь яркое пламя столько раз, сколько сотен воинов насчитывает отряд команчей. Вы помешали Гибсону и тем самым ввели в заблуждение Виннету, иначе он не напал бы этой ночью и здесь. Сегодня у него только сотня воинов, остальные подойдут завтра.

— Я предвидел, что нас заманили в ловушку, но все же надеялся, что бой будет завтра. Но теперь поздно сожалеть: апачи заняли проходы, и нам отсюда не выбраться. Эта долина станет нашей могилой.

— Она станет могилой апачей! — злобно воскликнул Белый Бобр и в ярости раскроил томагавком голову несчастному белому. — Пусть предатель уходит в Страну Вечной Охоты! Воины команчей не станут ждать прихода апачей. Еще этой ночью мы перебьем всех, кто встал на нашем пути, а завтра снимем скальпы и с тех, кто спешит им на помощь.

Белый Бобр велел разжечь костер и послал за старейшинами племени. Олд Дэта тоже пригласили участвовать в совете. Я с остальными нашими спутниками уселся поодаль и с напряжением следил за старым вестменом. К сожалению, долгое время вожди и старейшины говорили вполголоса, и мы ничего не слышали. Однако по хмурому лицу и резким движениям Олд Дэта я понял, что он не разделяет мнения краснокожих и пытается убедить их дождаться рассвета. Увы, тщетно! Наконец взбешенный упрямством краснокожих, старик вскочил на ноги и, гневно сверкая глазами, вскричал:

— Тогда погибайте! Я много раз предупреждал вас, но вы не слушались моих советов, а я всегда оказывался прав. Вы свободные воины и можете поступать как вам вздумается, но я и мои товарищи останемся здесь.

— Коша-Певе испугался, поэтому не хочет идти в бой вместе с нами, — презрительно сказал один из вождей.

Олд Дэт вздрогнул, словно от пощечины, но сдержался и отдельно произнёс:

— Пусть мой брат сначала докажет свою храбрость. Меня зовут Коша-Певе, и этого имени вполне достаточно, чтобы враги боялись меня.

Старик вернулся к нам и сел, молча ожидая конца совета. Через несколько минут краснокожие поднялись и направились было к нам, как вдруг из темноты раздался громкий голос:

— Белый Бобр, посмотри сюда! Мое ружье готово отнять у тебя жизнь!

Мы все повернулись на голос и в полумраке увидели стоящего во весь рост Виннету с ружьем на изготовку. Стволы почти одновременно изрыгнули пламя, Белый Бобр пошатнулся и медленно опустился на землю. Рядом с ним как подкошенный рухнул еще один из вождей команчей.

— Так погибнут все лжецы и предатели! — донеслось из темноты, и в следующее мгновение вождь апачей исчез в ночи.

Все произошло так быстро, что команчи не успели даже схватиться за оружие, и только оправившись от потрясения и неожиданности, с криками

устремилась в погоню за дерзким противником. Мы подошли к костру. Олд Дэт наклонился к вождям команчей, неподвижно лежавшим на траве. Оба были мертвы.

— Невероятное мужество! — с восхищением воскликнул Ланге-отец. — Этот Виннету — сущий дьявол!

— То ли еще будет, — мрачно предрек Олд Дэт. — Бойня только начинается.

Не успел он закончить, как ночь огласилась диким воем.

— А вот и доказательство моей правоты, — произнес старик голосом, в котором не было и следа торжества. — Виннету не только убил двоих вождей в их же лагере, но и заманил в засаду тех, кто бросился за ним в погоню. Стрелы апачей остры и бьют точно в цель.

К крикам краснокожих присоединился сухой треск револьверных выстрелов.

— Это Виннету, — сказал Олд Дэт, по звукам рисуя картину боя. — Команчи пытаются взять его в кольцо, но ему удалось прорваться. Никто не может противостоять ему.

Старый вестмен был невозмутим и спокоен, словно театральный зритель, знающий чуть ли не наизусть содержание разыгрываемой на сцене драмы. Вскоре вернулись команчи — без Виннету, зато с убитыми и ранеными, которых они несли на наспех сделанных из копий носилках.

— Какое же решение приняли команчи на совете? — полюбопытствовал Ланге-отец.

— Не теряя времени, пробиваться на запад.

— Какая глупость! Ведь они непременно наткнутся на апачей, направляющихся на помощь Виннету!

— Вы ошибаетесь. Команчи не глупы, а безрассудны, хотя, может быть, это одно и то же. Ими движет жажда мести, и они надеются, что смогут пробиться, пока основные силы апачей не подошли, чтобы соединиться с отрядом, который ведет Ават-Вила, сын Белого Бобра. Но ночью, в кромешной тьме, им не удастся выбраться из ловушки. Следовало бы дожидаться рассвета, как я им предлагал, чтобы хотя бы оценить силы противника. Нас, конечно, их распри не касаются, мы не будем принимать участия в сражении.

— Команчам это не понравится.

— Мне совершенно безразлично, понравится им это или нет, я не собираюсь прошибать головой стену. Ну-ка, прислушайтесь, что они еще затеяли?

В ночи послышалось громкое заунывное пение краснокожих: команчи

оплакивали павших товарищей.

— А вот это уж действительно глупость! — не сдержался Олд Дэт. — Вы слышите шум у проходов? Виннету воспользовался тем, что воюющие команчи глухи, как токующие тетерева, и валит деревья, закрывая все выходы из долины. Готов поклясться, что теперь ни одному команчу не удастся уйти живым. Поделом вору и мука — они сами виновны в том, что в мирное время напали на стойбища апачей, а в форте Индж подло убили послов.

Наконец-то погребальные песнопения прекратились, и команчи собрались вокруг нового верховного вождя.

— Кажется, они все-таки собираются штурмовать проходы, — заметил Олд Дэт. — Мистер Ланге, возьмите вашего сына и Сэма и сходите за нашими лошадьми, как бы краснокожие сгоряча не увели их. А мы пока останемся здесь. Судя по всему, новоиспеченный вождь захочет поговорить с нами.

И на этот раз вестмен оказался прав: как только наши товарищи ушли, новый вождь команчей медленно и с видом превосходства приблизился к нам.

— Воины команчей садятся на коней, а бледнолицые не трогаются с места. Почему?

— Потому что мы не знаем, что решили команчи.

— Мы покидаем долину.

— Вам не удастся уйти.

— Коша-Певе похож не на воина, а на старого ворона, каркающего от страха. Кони команчей разнесут в пыль своими копытами любую преграду на их пути.

— Безрассудные команчи погубят и себя и своих коней. Мы остаемся здесь.

— Разве Коша-Певе не выкурил с нами трубку мира и не стал нашим другом и братом? Разве он не обязан сражаться на нашей стороне? Бледнолицые — отважные воины, они поедут впереди команчей.

В ответ Олд Дэт встал, подошел к вождю и рассмеялся ему в лицо:

— Мой брат хитрее старой лисы, но не хитрее Коша-Певе. Бледнолицые должны ехать впереди, чтобы ценой своей жизни проложить дорогу команчам? Да, мы выкурили с вами трубку мира, но от этого вождь команчей не стал нашим вождем, поэтому он не властен над нами. В одном брат прав: бледнолицые — отважные воины, но они помогают своим друзьям только тогда, когда те поступают мудро, а не идут очертя голову на верную смерть.

— Вы отказываетесь ехать с нами? Я ошибся: бледнолицые — трусы.

— Бледнолицые не трусы, они благоразумны. Мы были гостями команчей, но им вздумалось послать нас на верную смерть. И если ты смелый воин и вождь, то ты поедешь впереди отряда, так как там твое место.

Краснокожий отвел взгляд: Олд Дэт проник в его коварный замысел укрыться за нашими спинами. В ярости от того, что ему не удалось обмануть нас, вождь грозно спросил:

— А что сделают бледнолицые, когда команчи уйдут? Они предадут нас и присоединятся к апачам?

— Как сможем мы присоединиться к апачам, если мой брат растопчет их копытами своего коня?

— Но сюда придут другие. Команчи не позволят бледнолицым остаться здесь и вступить в сговор с нашими врагами. Вы должны пойти с нами.

— Мы не двинемся с места, — наотрез отказался Олд Дэт.

— Бледнолицые не боятся, что станут врагами команчей?

— Мы в дружбе со всеми краснокожими, но если кто-то из них объявляет нам войну, мы защищаемся.

— Мы не отдадим вам лошадей.

— Мы их уже взяли. Смотри!

Действительно, наши товарищи уже вели под уздцы наших коней. Разъяренный неудачей вождь вскричал:

— Теперь я уверен, что бледнолицые решили перебежать к апачам, и прикажу моим воинам схватить их!

Олд Дэт оставался спокоен, словно не понимал, чем нам грозит недоверие команчей, да еще в долине, окруженной со всех сторон апачами.

— Я уже говорил раньше Белому Бобру и теперь повторяю тебе, что мы решили остаться, — твердо сказал он. — Но мы не враги команчам, и у вас нет повода брать нас в плен.

— И все же если бледнолицые не пойдут с нами, мы схватим вас и силой вынудим ехать впереди отряда, — упорствовал мрачный вождь команчей.

Из-под полуприкрытых век Олд Дэт внимательно огляделся. Я сделал то же самое: мы втроем стояли у костра, наши товарищи держали лошадей в нескольких шагах за нашими спинами, команчей вблизи не было видно, очевидно, все они ушли седлать коней. На лице старого вестмена появилась легкая язвительная улыбка, верный признак того, что он собирался проучить зарвавшегося краснокожего.

— Мои братья сегодня много раз пренебрегали моими советами и не поумнели даже после того, как потеряли двух вождей и не один десяток воинов. Теперь вы хотите пойти на верную смерть, да еще вздумали прикрыться нашими телами. Но ты плохо знаешь Коша-Певе, он никогда и ничего не делает против своей воли. Я не боюсь ни тебя, ни твоих воинов. Как можешь ты поймать меня, если ты в моих руках? Взгляни сюда! Я застрелю тебя, как только ты попробуешь двинуться с места!

С этими словами Олд Дэт выхватил револьвер и направил его на индейца. Тот попытался вскинуть ружье, но старик был начеку, он молниеносно ткнул стволом новому вождю в грудь и с угрозой в голосе произнес:

— Я не шучу. Ты поступаешь, как мой враг, поэтому и я поступлю с тобой, как ты того заслуживаешь. Если ты сейчас же не сделаешь того, что я тебе прикажу, получишь пулю в лоб.

Раскрашенное лицо вождя дрогнуло. Он встревоженно озирался в надежде, что команчи придут к нему на помощь.

— Не ищи своих людей, они далеко. Но даже если они придут сюда, я успею пристрелить тебя. Отгадать твои мысли так же легко, как мысли старой скво, у которой от прожитых лет высохли мозги. Долина окружена апачами, они сильнее и хитрее тебя, а ты, вместо того чтобы искать союзников, делаешь все, чтобы нажить себе новых врагов, может быть, еще более опасных, чем апачи. Мы убьем сотню твоих воинов, прежде чем хоть одна ваша стрела заденет нас. Ты действительно хочешь послать своих людей на смерть? Ты вождь, и мы не можем тебе воспрепятствовать. Но нас твои приказы не касаются.

Индеец помолчал какое-то время, а затем примирительно и с опаской произнес:

— Мой брат знает, что я не хотел причинить ему вреда.

— Я принимаю твои слова так, как они звучат, и мне безразлично, что ты хотел этим сказать.

— Спрячь оружие, и мы расстанемся друзьями.

— Ничего не имею против, однако, прежде чем я спрячу револьвер, надо бы убедиться, что ты честно предлагаешь нам дружбу.

— Я так сказал, и в моих словах — мои мысли.

— Раньше твои слова звучали не так, как их следовало понимать. Поэтому мне трудно поверить в твои обещания. Отдай мне твою трубку мира и...

— Уфф! — не сдержался индеец. — Команч не отдаст свою трубку никому.

— Ты отдашь мне не только трубку, но и свои «лекарства».

— Уфф! Подарить «лекарства»?!

— Я не прошу их у тебя в подарок. Ты отдашь мне их на время, а когда мы расстанемся в мире, я все верну тебе в целостности и сохранности.

— Воин никогда не расстается с «лекарствами».

— И все же ты сделаешь, как я того требую. Я знаю ваши обычаи: отобрав твою трубку и «лекарства», я стану тобой, и если ты начнешь мне вредить, то никогда после смерти не попадешь в Страну Вечной Охоты.

— Коша-Певе не получит моих «лекарств».

— Тогда нам больше не о чем говорить. Готовься, сейчас ты получишь пулю в лоб, а потом я сниму с тебя скальп. Запомни, я три раза подниму и опущу левую руку. Опуская ее в третий раз, я разнесу тебе череп.

Олд Дэт прижал ствол к виску вождя, поднял и сразу же опустил левую руку, взмахнул ею второй раз, но когда рука поднялась в третий, краснокожий не выдержал.

— Остановись! — воскликнул он. — Коша-Певе обещает мне вернуть все обратно?

— Клянусь.

— Ты получишь их, но я... — Краснокожий поднял руки вверх, словно собираясь снять свою трубку и мешочек с «лекарствами».

— Стой! Опустит руки! — грозно одернул его Олд Дэт. — Я поверю тебе только тогда, когда все твои амулеты переключат ко мне. Мой товарищ сам снимет их с твоей шеи и повесит на мою.

Команч покорно опустил руки, я приблизился к нему, снял с его шеи трубку мира и замшевый мешочек и повесил их на Олд Дэта. Только теперь вестмен сделал шаг назад, спрятал револьвер, и на его лицо вернулось прежнее благодушное выражение.

— Вот так-то лучше, — сказал он. — Теперь мы снова друзья, и мой брат может поступать как ему угодно. Мы же останемся здесь и посмотрим, чем кончится схватка.

Команчу, видимо, еще никогда не приходилось испытывать такое унижение. Его рука непроизвольно потянулась к рукоятке ножа, но он не посмел достать его и только злобно прошипел:

— Пусть бледнолицые не обольщаются. Когда они вернут мне трубку и «лекарства», вернется и наша вражда, и тогда все они встанут у столба пыток, на радость сыновьям команчей.

Вождь круто повернулся и исчез в темноте.

— На какое-то время мы обезопасили себя, — сказал старый вестмен. — Однако осторожность не помешает. Лучше не оставаться у

костра на виду у команчей, а отойти поближе к скалам. Скорее, джентльмены! Коней уводим с собой!

В крошечной тьме, чуть ли не на ощупь, мы добрались до скал, стеной окружавших долину. Привязав к вбитым в землю кольям оседланных и взнузданных лошадей, мы расположились на траве в тревожном ожидании. Вокруг царила глубокая тишина.

— Ждать придется недолго, — заметил Олд Дэт. — Сейчас команчи с дикими криками бросятся вперед, но для многих из них этот крик станет предсмертным. Ну что, разве я был не прав?

По долине прокатился жуткий вой, словно стадо диких зверей вырвалось из клеток. Многократно отраженное эхо повторило боевой клич команчей. Апачи не издали в ответ ни единого звука, но когда лавина нападавших подкатилась к проходу, раздались два выстрела из знакомого нам ружья — Виннету подал знак к началу боя.

Если бы летящие копья и стрелы производили шум, вся долина наполнилась бы грохотом. Однако слышны были лишь крики команчей и выстрелы из двустволки Виннету. Так продолжалось несколько минут, а затем все покрыл леденящий душу победный клич: «И-их-иихх!»

— Это апачи! — радостно заявил Сэм. — Они победили!

Негр был прав. Крики стихли, и вскоре около полупогасших костров команчей появились всадники. Попытка вырваться из ловушки обернулась для команчей разгромом. Некоторое время в лагере царила неразбериха, команчи собирали убитых и раненых товарищей и укладывали их у огня, опять заунывно зазвучали траурные песнопения. Олд Дэт не мог спокойно смотреть на беспорядочные действия команчей и ругал их последними словами, похвалив только за то, что они догадались выставить часовых.

Так прошло полчаса, команчи оплакали павших и вновь созвали военный совет. Десять воинов покинули лагерь и рассыпались по долине.

— Они ищут нас, — сказал Олд Дэт. — После хорошей трепки спеси у команчей поубавилось. Теперь они поняли, что мы были правы, и готовы прислушаться к нашему совету.

Не замечая нас в темноте, появился один из команчей, рыскавший наудачу по долине. Олд Дэт окликнул его.

— Бледнолицые братья здесь? — спросил индеец. — Пусть они поспешат к костру.

— Кто тебя послал?

— Вождь.

— Что ему понадобилось от нас?

— Сейчас начнется совет. На этот раз бледнолицые могут

присутствовать на нем.

— Могут? Вы слышите, джентльмены? Мудрые воины команчей снизошли к бледнолицым и согласны нас выслушать. Но эта честь не про нас, мы уже устроились на ночлег и никуда не пойдём. Так и передай вождю. Ваши распри с апачами нас не касаются, мы не собираемся сражаться ни с вами, ни с ними.

По-видимому, воин был предупрежден об упрямстве старика, так как стал упрашивать, и это смягчило Олд Дэта.

— Ладно уж, раз без нашей помощи вам не обойтись, мы подскажем вам, что делать. Но мы не допустим, чтобы ваш вождь приказывал нам. Передай ему, что если он хочет разговаривать с нами, то пусть приходит сюда.

— Он никогда не сделает этого. Он — вождь!

— Я тоже вождь — известнее и значительнее его. Мы даже не знаем его имени. Так и передай ему слово в слово.

— Он не сможет прийти, даже если захочет: вождь ранен в руку.

— С каких пор сыновья команчей ходят на руках? Мы не нуждаемся ни в нем, ни во всех вас, и если он не захочет прийти к нам, то пусть катится ко всем чертям.

Ответ старика прозвучал столь решительно, что краснокожему не оставалось ничего другого, как согласиться.

— Я передам вождю желание Коша-Певе.

— И скажи ему, чтобы приходил один, без болтливых стариков, только и умеющих вспоминать былое. Ступай!

Индеец скрылся в темноте. Прошло немало времени, и мы увидели приближающуюся к нам фигуру нового вождя с орлиными перьями. Его левая рука действительно была перехвачена кожаной повязкой.

— Вы только посмотрите на него! — презрительным шепотом произнес Олд Дэт. — Он уже успел снять с убитого Белого Бобра отличие верховного вождя команчей и теперь преисполнен чувством собственного достоинства.

Вождь подошел и остановился, молча ожидая, что мы заговорим первыми. Но мы тоже хранили молчание.

— Мой белый брат просил меня прийти к нему, — не выдержал наконец краснокожий.

— Коша-Певе не нуждается ни в тебе, ни в твоих советах. Это ты должен просить меня. Но сначала назови свое имя, так как воинам не пристало беседовать, не узнав друг друга.

— Мое имя знают в прерии. Меня зовут Быстрый Олень.

— Я побывал во всех прериях, но ни разу мне не довелось слышать твое имя. Может быть, в прерии его и знают, но вслух не произносят. Как бы то ни было, теперь мы знакомы, и я разрешаю тебе сесть вместе с нами.

Вождь отступил на шаг, словно желая показать, что не нуждается ни в чем разрешении, но все же вынужден был сдаться. Он медленно опустился на траву напротив нас и застыл изваянием. Однако он ошибался, полагая, что Олд Дэт первым начнет разговор. Старик совершенно не обращал внимания на краснокожего, и тому пришлось заговорить самому:

— Воины команчей собираются провести большой совет. Бледнолицые должны принять в нем участие.

— Думаю, это ни к чему. За одну только ночь я дал вам четыре дельных совета, но вы ни разу не прислушались к моим словам. Теперь я даже не хочу говорить с вами.

— Пусть мой брат знает, что мы нуждаемся в его опыте.

— Ах вот оно что! Не апачи ли подсказали вам, что Коша-Певе один мудрее всех воинов команчей, вместе взятых? Может быть, мой краснокожий брат поведает мне, удалось ли его воинам вырваться из долины?

— Проход завален огромными камнями и деревьями. Мы не смогли пробиться.

— Так я и думал. Вы очень громко оплакивали своих покойников и не слышали, как апачи валили деревья. Почему вы вовремя не погасили костры?

— Воины команчей теперь поступят умнее. Они поступят так, как скажет Коша-Певе.

— Что же, я готов дать вам совет.

— Тогда пойдем со мной. Воины и старейшины ждут тебя.

— Ну уж нет. Вы развели костры, и апачи видят, что происходит у вас в лагере. У меня нет желания подставлять свою старую шкуру под стрелы апачей. Я скажу тебе, как следует поступить, а ты сделаешь, как считаешь нужным.

— Я жду твоего совета.

— Апачи не только заняли оба прохода, но и проникли уже в долину, вам отсюда не уйти.

— Но нас больше, и мы сильнее!

— Скольких воинов вы уже потеряли?

— Великий Дух взял к себе многих сыновей команчей, может быть, десять раз по десять.

— Именно поэтому надо отложить сражение до утра. Но когда

рассветет, апачи будут видеть долину как на ладони и так расставят своих воинов, что вы нигде не укроетесь от их стрел. А потом к Виннету придет подмога, и апачей станет больше, чем команчей. Вас ждет смерть.

— Твои слова правдивы, хотя предвещают команчам беду. Если совет Коша-Певе спасет нам жизнь, мы расстанемся братьями.

— Я вижу, Быстрый Олень поумнел и понял, почему я называл эту долину ловушкой. Вы можете попробовать вскарабкаться наверх по скалам, однако сделать это можно будет только днем: в темноте воины свернут себе шеи. Но при свете солнца вам не удастся уйти незаметно — апачи догонят вас и перебьют, потому что вы останетесь без лошадей. Лучшее, что вы можете сделать для спасения жизни, — просить апачей о мире.

— Никогда! Апачи потребуют нашей смерти!

— Тебя это удивляет? Вы сами виноваты. Команчи напали на стойбища апачей в мирное время, убили их воинов, а жен и дочерей увели в свои вигвамы. Команчи вероломно убили послов апачей. Неудивительно, что апачи жаждут мести, и вам трудно рассчитывать на милость победителей. Вы сами заварили кашу — сами и расхлебывайте ее до конца.

Потрясенный горькими упреками вестмена, вождь молчал. Не знаю, доступно ли раскаяние душам краснокожих, но, когда он заговорил, голос команча звучал глухо и сдавленно.

Уфф! И ты говоришь это мне, вождю команчей?

— Даже будь ты Великий Маниту, и тогда я сказал бы тебе, что вы подло поступили с апачами. В чем была вина их послов? Разве они напали на вас первыми?

— Апачи наши враги, — упрямо воскликнул индеец с горящими от гнева глазами.

— Нет! Они жили с вами в согласии и мире, а вы выкопали топор войны и даже не уведомили их об этом! Вы знаете, что вся вина лежит на вас и что пощады вам не будет, поэтому попробуйте склонить их к миру. Ваше счастье, что здесь Виннету, а он никогда не был кровожадным. Может быть, он согласится выслушать вас и пойдет на уступки. Посылайте к нему вождей и немедленно начинайте переговоры. Если хотите, я сам пойду к апачам, чтобы замолвить за вас слово.

— Команчи скорее умрут, чем станут просить апачей сохранить им жизнь.

— Я дал вам совет, а воспользуетесь вы им или нет, — не мое дело.

— Разве у моего брата нет другого совета? Его слова говорят в пользу апачей, значит, он их друг.

— Я друг всем краснокожим воинам, пока они в дружбе со мной. До

сих пор апачи не причинили мне вреда, почему же я должен быть их врагом? Это ты замышлял послать нас на верную смерть, ты хотел схватить нас и силой вынудить сражаться с апачами. Так скажи, кто нам друг — ты или Виннету?

— Пока у тебя на шее висит моя трубка и мои «лекарства», ты — это я, твои слова — это мои слова, поэтому я не могу возразить тебе, тем более не могу наказать тебя за дерзость. Твой совет ничего не стоит. Ты хотел отдать нас в руки апачей, но мы сами решим, как нам быть.

— Мне больше нечего сказать тебе, наш разговор окончен.

— Помни, — перешел к угрозам команч, — что, хотя тебя охраняют талисманы, ты — враг мне. И как только ты возвратишь их мне, я рассчитаюсь с тобой сполна за оскорбления и предательство.

— Ты угрожаешь мне, Коша-Певе? Я повторяю, наш разговор окончен, ступай.

— Уфф! — взорвался было вождь, но тут же отвернулся и медленно удалился в сторону костров.

— Команчи просто помешались на вражде с апачами! — негодовал Олд Дэт, глядя вслед краснокожему. — У них нет другого выхода, кроме как просить о мире, иначе я и ломаного гроша не дам за их жизни. Безумцы, они все еще надеются победить только потому, что их больше! Можете мне не верить, ведь вы новичок на Диком Западе, но здесь смелый человек стоит десятка головорезов. Они вздумали тягаться с самим Виннету! Да он один справится с сотней команчей! Если бы вы знали, какие подвиги совершал вождь апачей со своим белым другом Олд Шеттерхэндом! Я не рассказывал вам?

— Нет, — ответил я, не желая открывать свое настоящее имя. — Кто он такой?

— Такой же молодой человек, как и вы, но совсем иной закваски. Ударом кулака он валит с ног любого верзилу. Равного ему нет во всей прерии.

Вдруг позади нас послышался шорох, Олд Дэт стремительно повернулся на звук, и в его руке сверкнул нож.

— Кто здесь? Кто бы ты ни был, ты раскаешься, что осмелился подслушивать Коша-Певе!

— Пусть мой старый белый брат спрячет нож и не нападает на Виннету, — прозвучало в ответ на угрозу.

— Виннету? Тысяча чертей! Как же я, старый дуралей, сразу не догадался, что только Виннету способен незаметно подкрасться к Олд Дэту.

Вождь апачей приблизился, окинул нас быстрым взором и, ни словом,

ни жестом не показав, что мы знакомы, почтительно обратился к вестмену:

— Виннету не предполагал, что Олд Дэт тоже находится в долине вместе с команчами, а то давно нашел бы способ встретиться с ним и побеседовать.

— Мой краснокожий брат подвергает себя опасности. Он пробрался к нам через густую цепь часовых, а ведь ему еще нужно вернуться назад.

— Я знаю, что бледнолицые — мои друзья, и могу им довериться. Скалы не столь неприступны, как кажется на первый взгляд. Апачи вырубил в камне узкую тропинку, на которую легко взобраться по лассо и уйти целым и невредимым. Уже давно Виннету готовил эту долину для встречи незваных гостей. Теперь команчи попали в западню и погибли.

— Ты решил перебить команчей?

— Да, Виннету слышал твой разговор с их вождем и убедился, что ты на нашей стороне. Ты сам сказал, что команчи виновны и что мы должны отомстить за пролитую кровь.

— И пролить еще больше крови!

— Ты слышал, что тебе ответил вождь команчей, и если они не захотят сдаться, пусть их кровь падет на их головы. Они сами избрали свою судьбу. Только возмездие может прервать цепь убийств. Через три часа сюда придут шестьсот апачей, у многих из них есть ружья, и на долину обрушится град пуль. Оставаться здесь опасно. Приходите в лагерь апачей, и мы встретим вас как друзей.

— Не так-то просто это сделать, — ответил Олд Дэт, — я связан трубкой и «лекарствами» вождя команчей.

— Уфф! Как они к тебе попали?

Вестмен рассказал вождю апачей историю с трубкой и «лекарствами», а когда закончил, тот произнес:

— Ты должен сдержать слово. Отдай их ему немедленно и приходи к нам.

— Но как мы проберемся сквозь завалы?

— Мы вас встретим. Подождите десять минут после моего ухода, а затем скачите к западному проходу.

И Виннету растворился в темноте.

— Что вы скажете? — спросил Олд Дэт.

— Необыкновенный человек, — ответил за всех нас Ланге-старший.

— Что верно, то верно. Будь он белым, его ждала бы блестящая карьера военачальника. А если ему придет в голову объединить всех краснокожих и силой оружия отстаивать их права... Да смилуется тогда Господь над всеми белыми поселенцами! Но он миролюбив и в глубине

души с болью понимает, что индейцы, несмотря на сопротивление, приговорены к вымиранию.

Так прошли десять минут. В долине было тихо, команчи продолжали совещаться у пылающего костра. Олд Дэт встал и легко впрыгнул в седло.

— Держитесь за мной, — приказал он нам. — Кто отстанет хотя бы на корпус, может не успеть даже прочесть заупокойную молитву.

Мы шагом приблизились к костру, вокруг которого сидел совет команчей. Круг воинов расступился, пропуская нас на середину, и не будь их лица покрыты толстым слоем краски, на них явно читалось бы изумление.

— Почему бледнолицые осмелились явиться на совет на лошадях? — спросил вождь, вскакивая на ноги.

— Чтобы оказать мужественным и мудрым воинам команчей должное уважение. Какое решение вы приняли?

— Совет еще не кончился. Пусть бледнолицые спешатся, команчи не позволят, чтобы их враги сидели перед ними на конях. Не хочешь ли ты вернуть мне мои «лекарства»?

— Разве ты не обещал мне смерть у столба пыток, как только твои талисманы окажутся у тебя?

— Я сказал это и сдержу слово. Гнев команчей погубит вас.

— Мне надоели твои угрозы. Пусть наша вражда начнется немедленно.

Олд Дэт рванул с шеи трубку мира и мешочек с «лекарствами» и отшвырнул их далеко от себя. В то же мгновение он дал шпоры коню, пролетел над костром совета, разметал остолбеневших краснокожих и умчался в ночь. Мы ринулись за ним. За нашей спиной выли взбешенные бывшие друзья, а мы мчались в темноте, сминая копытами не успевших спрятаться часовых.

— Уфф! — раздался в темноте голос Виннету. — Я жду вас.

Мы натянули поводья, с трудом останавливая разгоряченных скачкой коней, спешили, и тотчас же несколько апачей подхватили их под уздцы. Виннету провел нас сквозь узкое и мрачное ущелье, где апачи уже успели расчистить проход для нас.

Миновав завал и выйдя на равнину, мы направились к небольшому костру, у которого сидели двое индейцев, вращавших примитивный вертел с огромным куском мяса. Завидев нас, краснокожие удалились из уважения к вождю. Мы осмотрелись: лагерь апачей мало чем отличался от лагеря команчей, который мы только что покинули. Поодаль паслись лошади, сновали гонцы.

— Пусть мои братья сядут у огня, — пригласил нас Виннету. — Я приказал приготовить вам ужин, чтобы вы подкрепили свои силы. Я же должен вернуться к проходу. Ваш побег взбесил команчей, и они могут очертя голову броситься на штурм. Мое место там.

И он ушел. Олд Дэт устроился поудобнее у костра, достал из-за пояса нож, отхватил кусок мяса, попробовал и заявил, что нет ничего лучше бизоньей вырезки. После долгого вынужденного поста мы набросились на полусырое, честно говоря, мясо. Пока мы утоляли голод, вернулся Виннету и вопросительно взглянул на меня. Я сразу же понял: он хотел сказать, что больше нет необходимости скрывать нашу дружбу. Я встал, протянул ему обе руки и воскликнул:

— Я рад, что мне не придется проделать долгий путь на Рио-Пекос, чтобы увидеться с моим братом. Я счастлив, что снова вижу Виннету!

Мы сердечно обнялись. Олд Дэт изумленно уставился на нас.

— Что это значит? — старый вестмен явно ничего не понимал. — Разве вы знакомы?

— Коша-Певе удивлен, что я радуюсь встрече с моим братом Олд Шеттерхэндом? — спросил Виннету.

— Олд Шеттерхэнд? — воскликнул вестмен. — Этот гринхорн — Олд Шеттерхэнд?

Старик обхватил голову руками и забормотал:

— Старый дуралей! Я же собственными глазами видел, как он расправился с собакой в пивной! А куклуксклановцы?! Он в мгновение ока скрутил их главаря, а я ни о чем и не догадался! А кто спас Инда-Нишо и перехитрил команчей? И он скрывал от меня свое имя и позволял называть себя гринхорном!

Олд Дэт все еще сокрушался и бранился, а мы с Виннету отошли от костра, чтобы побеседовать наедине.

— Мой брат слышал, что я побывал в форте Индж и там узнал... — начал Виннету, но я прервал его:

— Да, я слышал. Когда у нас будет больше времени, я расскажу тебе, что я делал, пока мы были в разлуке. А сейчас ответь мне: где те десять бледнолицых, которые сидели у костра в лагере команчей и которые во время схватки перешли на вашу сторону вместе с твоими лазутчиками?

— Они уже уехали.

— Уехали? Куда?

— В Чиуауа, к Хуаресу. Они потеряли много времени с команчами и теперь спешат наверстать упущенное.

— Какое невезение! С ними сбежали и те, за кем я уже месяц гоняюсь

по всем Соединенным Штатам.

— Уфф! Я не думал, что они вместе с солдатами Хуареса. Апачи поддерживают Хуареса, поэтому я дал им хороших лошадей и проводников и помог поскорее отправиться в путь. Бледнолицые не хотели терять ни минуты.

— Теперь у них хорошие лошади и проводники, и мне нипочем не догнать Гибсона!

Виннету на мгновение задумался.

— Я совершил непростительную ошибку, но надеюсь, что мне удастся ее исправить. Мы поймаем человека, которого ты называешь Гибсоном. Я закончил свои дела в городах белых и, когда отомщу команчам за вероломство, буду свободен и смогу поехать с тобой. Виннету даст вам лучших лошадей, и завтра к полудню мы настигнем беглецов.

Нашу беседу прервал гонец, примчавшийся из долины и сообщивший, что команчи погасили костры и покинули лагерь.

— Они попытаются еще раз вырваться из ловушки, но их снова ждет неудача, — спокойно ответил Виннету. — Если мои белые братья желают, я покажу им место, откуда они по звукам смогут следить за боем.

Виннету провел нас к завалу, указал на конец свисающего со скалы лассо и объяснил:

— На высоте в два роста человека вы найдете колючие кусты, за ними в скалах начинается тропинка, по которой можно обойти вокруг долины. Я должен быть с моими воинами, поэтому не могу идти с вами.

— Мда, — ворчал Олд Дэт, — ремешок тоненький, а во мне одних костей фунтов сто пятьдесят. Ну да ладно, где наше не пропадало.

Как ни странно, ремешок выдержал. Я последовал за стариком, а затем и остальные не без труда вскарабкались наверх. Лассо было привязано к стволу дерева, растущего на отвесной скале. Рядом, за кустами колючего терновника, мы обнаружили узкую тропинку, по которой из-за темноты пришлось продвигаться на ощупь. Найдя место, где можно было стоять без риска скатиться вниз и свернуть себе шею, мы остановились. В долине стояла гробовая тишина, и, как я ни напрягал слух, мне ничего не удалось расслышать, кроме тихого посапывания старика.

— Я чувствую запах лошадей, — прошептал мне на ухо вестмен. — Вы можете мне не поверить, однако я могу по запаху определить, стоят лошади или движутся. Мои старые уши меня еще не подводят: я слышу, как конь поскользнулся на траве. Сейчас команчи бросятся на штурм.

Ночную тишину разорвал крик: «Нтса-хо!» На языке команчей это слово означает: «Вперед!» В то же мгновение в ответ прозвучали два

выстрела из ружья Виннету, и долина огласилась неопишным воем. Трещали револьверные выстрелы, свистели стрелы и копья, томагавки с хрустом раскаивали черепа. Однако так продолжалось недолго, и вскоре шум боя и ржание лошадей покрыло победное «И-их-иихх!» апачей.

— Как видите, я был прав, — шепнул Олд Дэт. — Нет никакой необходимости вступать в бой, апачи справятся и без нас. К тому же у них хватает ума не преследовать убегающих команчей в темноте.

Вой прекратился, команчи отошли. Теперь они, наученные горьким опытом, соблюдали тишину, но это была тишина поражения.

— Мои белые братья могут спуститься, — долетел к нам снизу голос Виннету. — Сражение окончилось.

— Команчи атаковали сразу два прохода, — объяснил он нам пять минут спустя, сидя у костра. — Но мы были готовы к нападению, и у них ничего не получилось. Воины апачей проникли в долину, и теперь ни одно движение команчей не укроется от нас.

Виннету склонил голову, словно прислушиваясь, и в следующее мгновение вскочил на ноги. Пламя костра ярко осветило могучую фигуру молодого вождя.

— Что случилось? — встревоженно спросил я.

— Уши Виннету услышали, как на каменной тропе споткнулась лошадь. Ко мне скачет гонец, и ему придется спешиться, чтобы проверить, кто сидит у костра. Поэтому я встал, чтобы он издали увидел меня.

Невероятно чуткий слух Виннету не подвел его. Вскоре к нам действительно подъехал всадник, остановил коня и спрыгнул на землю перед вождем. Тот встретил его строго: выговорил ему за то, что воин не сумел приблизиться бесшумно. Апач с уважением выслушал неприятные слова вождя, ничем не выказав своего недовольства или раздражения. Это был свободный воин, признающий волю и приказ начальника.

— Они приближаются, — лаконично сказал он.

— Сколько их?

— Все. На зов Виннету откликнулись все воины. С женщинами никто не остался.

— Как далеко они отсюда?

— Они будут здесь на рассвете.

— Хорошо. Пусти лошадь в табун и иди отдыхать.

Оставшееся до рассвета время мы коротали за рассказами о событиях в Ла-Гранхе и приключениях в «Эстансия-дель-Кабальеро». А когда на востоке начала разгораться заря, Виннету встал и молча вытянул руку. Мы посмотрели в указанном направлении. Туман лежал в прерии огромным

бесконечным морем, и из него один за другим выезжали конные воины. Ехавший во главе отряда всадник узнал Виннету и пустил коня рысью. В его волосах белели два орлиных пера — знак вождя. За ним, выстраиваясь на ходу в шеренги, скакали остальные. Меня поразило то, что, хотя апачи не пользуются седлами и шпорами, действовали они удивительно слаженно и управляли лошадьми не хуже, а может быть, и лучше, чем солдаты европейской кавалерии. У большинства из них за спинами висели ружья, и только немногие были вооружены луками и стрелами.

Виннету жестом приказал конникам спешиться, отдал распоряжения их предводителю, и апачи, оставив лошадей под охраной тех, у кого не было ружей, двинулись в проход. Один за другим воины карабкались по лассо на скалы и исчезали на тропе, опоясывающей долину. Виннету наблюдал за своими людьми и, когда последний из них скрылся из виду, обратился к нам:

— Команчи погибнут.

— Они погибнут, если ты того захочешь, — ответил Олд Дэт. — Но разве Виннету нравится убивать?

— Нет, но они не заслуживают пощады. Что делают белые, когда один из них убьет другого? Разве они не ловят убийцу и не собирают совет, чтобы решить, как его казнить? Вы не вправе осуждать апачей за то, что они поступают так же.

— Но мы лишаем жизни только убийцу, а ты собираешься умертвить всех команчей, и даже тех, кто не принимал участия в набеге на ваши стойбища!

— Они виновны, ибо согласились идти в поход на нас, согласились жечь и убивать. Это они радовались мукам апачей, умерших у столбов пыток. Бледнолицые казнят даже конокрадов, а если у них похищают жену или дочь, они убивают всех, замешанных в деле. Там, в долине, скрываются похитители наших жен и дочерей, они ограбили нас! Или ты считаешь, что мы должны отпустить их с дарами?

— Но вы можете вернуть себе ваших жен и дочерей, не убивая всех.

— Мой брат говорит как христианин, который всегда требует от нас того, чего сам никогда не сделает. Как поступят белые с человеком, который перенесет между или убьет зверя в чужом лесу? Его посадят в дом с решетками, который вы называете тюрьмой. Но что вы сделали с нами? Где наши прерии? Где табуны лошадей и стада скота, которые раньше принадлежали нам? Вы пришли незвано и с оружием отняли у вас кров и пищу. Вы отобрали у нас земли, а когда краснокожие противились, их убивали. Теперь ты требуешь от меня простить врагов, которым мы не

причинили зла. Но разве вы не сказали: «Око за око, зуб за зуб»? Почему мы не можем поступать так же, как и вы? Но вы обзываете нас дикарями и присылаете к нам священников, чтобы обмануть нас и завладеть нашими землями. А ведь мы не причинили вам вреда! Так могу ли я пощадить команчей, если никто не щадит апачей? Хуг! Я все сказал.

Виннету умолк, отошел от нас в сторону и в сильном волнении уставился вдаль. Справившись с обуревавшими его чувствами, он вернулся к нам и уже без гнева обратился к Олд Дэту:

— Я долго говорил, но мой брат — человек справедливый и признает, что я был прав. Однако сердце мое не жаждет крови, а душа моя милосерднее моих слов. Я надеялся, что команчи начнут переговоры о мире, но они не сделали этого, и я буду беспощаден. И все же я отправлю к ним человека, чтобы склонить их сдаться.

— Я очень рад! — воскликнул Олд Дэт. — Так как и я виноват в том, что они угодили в ловушку.

— Ты не должен укорять себя, я перебил бы их и без твоей помощи.

— Знаешь ли ты, что еще один отряд команчей направляется сюда?

— Виннету пришлось пробираться между их отрядами, и он сосчитал команчей. Я уничтожу их так же, как и воинов Белого Бобра, если они не попросят пощады.

— Тогда тебе следует торопиться, пока к команчам не подошла подмога.

— Виннету ничего не боится, но он не станет медлить. Он прямо сейчас пошлет человека к команчам. Не согласится ли мой брат пойти к ним и склонить их к миру?

— Я согласен. Скажи свои условия.

— За каждого убитого апача они дадут пять лошадей, за каждого умершего у столба пыток — десять.

— Это немного, но, с тех пор как в прерии появились белые, табуны мустангов встречаются все реже и реже.

— Мы требуем вернуть нам наших женщин и детей и все, что они украли в наших вигвамах. Пусть команчи также назначат место, где встретятся вожди апачей и команчей, чтобы договориться о мире. Пока не будут выполнены все условия, команчи, которые должны были сегодня погибнуть, останутся нашими пленниками.

— Мой брат добр и великодушен. Я согласен немедленно идти к команчам и передать его условия.

Олд Дэт вскинул на плечо ружье, срезал с куста зеленую ветку — знак парламентаря у индейцев — и исчез в узком проходе вместе с Виннету.

Миссия его была небезопасной, но старый вестмен не испытывал страха.

Через десять минут вождь апачей вернулся: переговоры начались, и ему оставалось только ждать, чем они закончатся. Он тем временем повел нас к табуну, где выбрал для нас по коню в подарок. Признаться честно, я до сих пор не видывал таких скакунов. Кузнецы долго ходили вокруг своих лошадей, похлопывали их, разглядывали и не могли налюбоваться. Негр радовался как ребенок рождественскому подарку и приговаривал:

— Ох! Какой конь получить Сэм! Он черный, как Сэм! Мы очень подходить друг другу! Ох!

Наконец через три четверти часа вернулся Олд Дэт, хмурый и озабоченный. Против моих ожиданий, команчи, по-видимому, не согласились принять условия Виннету.

— Мой брат хочет мне поведать то, что я и так предвидел, — произнес Виннету при его появлении. — Команчи предпочитают умереть, но не просить о мире.

— К сожалению, ты прав, — сокрушенно покачал головой вестмен.

— Великий Дух не хочет спасения команчей и лишил их рассудка за то, что они напали на наши стойбища. По какой причине они отказались?

— Команчи надеются победить вас в утренней схватке.

— Ты сказал им, что сюда прибыли еще пятьсот воинов апачей? Знают ли они, что мы оцепили всю долину?

— Они не поверили и смеялись мне в лицо.

— Их ждет смерть. Никто не сумеет им помочь.

— У меня кровь стынет в жилах, когда я думаю о том, что за считанные минуты погибнет пять сотен молодых краснокожих воинов!

— Мой брат мудр и справедлив. Виннету не знакомы ни страх, ни тревога, но когда он думает, что стоит ему подать рукой знак и раздастся залп из всех ружей, рука его начинает дрожать и наливается свинцом. Я попытаюсь сам уговорить их. Пусть Великий Маниту поможет мне открыть им глаза и просветить их умы!

Я и Олд Дэт проводили Виннету к завалу, где вождь вскарабкался по лассо на тропинку и двинулся по ней в полный рост, не прячась, чтобы команчи могли видеть его. Не успел он сделать и двух шагов, как вокруг него стали свистеть стрелы, из которых, к счастью, ни одна не задела вождя апачей. Прогредел выстрел из ружья Белого Бобра, теперь принадлежавшего новоиспеченному вождю команчей, но Виннету спокойно шагал дальше, словно не заметив пули, расплющившейся о скалы рядом с его головой. Он остановился у огромного валуна и заговорил громко и внятно, затем поднял руку и обвел ею долину — по его знаку

апачи, прятаящиеся в скалах, встали во весь рост, и мы увидели, как их много. На месте команчей даже безумец понял бы всю отчаянность своего положения, и это свидетельствовало в пользу Виннету, открывшего свои карты, чтобы дать врагам последний шанс на спасение.

Внезапно Виннету умолк и бросился на землю. Мгновение спустя раздался гром выстрела.

— Вождь команчей снова выстрелил в Виннету. Он пулей ответил на предложение сдаться, — с горечью заметил Олд Дэт. — Апач увидел, что в него целятся, и успел увернуться. Теперь очередь за ним. Смотрите!

Так же внезапно Виннету вскочил на ноги, мгновенно вскинул свое серебряное ружье и выстрелил, почти не целясь. В ответ по долине прокатился вой команчей.

— Виннету не промахнулся! Команчи снова остались без вождя, — сказал Олд Дэт.

Тем временем Виннету снова выпрямился, поднял руку вверх и опустил ее. Апачи подняли ружья, и свыше четырехсот стволов выплюнули горячий свинец в долину.

— Пойдемте отсюда, джентльмены, — попросил со страдальческим лицом Олд Дэт. — Лучше не смотреть на это избиение. Даже мне, старику, становится не по себе, хотя я признаю, что команчи вполне заслуживают смерти. Вы сами видели: Виннету делал все, чтобы предотвратить кровопролитие.

Мы вернулись к лошадям, и старик, забыв, что дареному коню в зубы не смотрят, долго и придирчиво осматривал своего нового скакуна. Знаток лошадей, обладающий «конским чутьем», он не нашел в нем изъянов, но и не выказал радости — по-видимому, его мысли были в долине, где гремели залп за залпом и раздавался победный клич апачей. Пять минут спустя все стихло, и Виннету вернулся к нам.

— Великий плач пройдет по всем стойбищам и вигвамам команчей, — серьезно и без торжества произнес он. — Ни один из воинов не вернется домой. Великий Дух пожелал, чтобы мы отомстили за смерть наших братьев, и я не мог поступить иначе, потому что враги не захотели сдаться в плен. Но нет радости в сердце Виннету, и никогда больше глаза его не взглянут на эту долину. Мои воины завершат начатое мной дело, а я немедленно уезжаю с белыми братьями.

Полчаса спустя мы мчались прочь в сопровождении Виннету и десяти хорошо вооруженных апачей.

Мапими есть не что иное, как обширное плоскогорье, расположенное на высоте тысяча сто метров над уровнем моря и охватывающее две

мексиканские провинции — Чиуауа и Чоауила. Со всех сторон, кроме северной, Мапими окружают отвесные известковые скалы, изрезанные многочисленными ущельями. Невысокие, пологие холмы покрыты песком или редкой травой, иногда встречаются одинокие деревья и чахлый кустарник. То тут, то там по пустынной равнине разбросаны скалы, а землю калечат глубокие трещины, что заставляет путешественника пускаться в объезд и давать крюк в милю, а то и более. Я ошибался, считая Мапими совершенно безводной пустыней: там есть озера, которые, хотя и пересыхают в жаркое время года, оставляют в почве столько влаги, что на их берегах хватает корма для лошадей.

Мы направлялись к озеру, которое читатель вряд ли встретит на карте и которое называется Лагуна-де-Санта-Мария. Дорога петляла между скал, мы выбирались из одного ущелья, чтобы сразу же углубиться в другое, солнце появлялось из-за каменных стен только на короткие мгновения, иногда казалось, что мы повернули назад, и в конце концов я потерял направление. Уму непостижимо, как наши проводники находили верный путь в нагромождении скал.

Уже под вечер мы добрались до Лагуны-де-Санта-Мария, хотя от долины, где произошла бойня, ее отделяет расстояние в десять миль. После бессонной ночи долгое путешествие показалось особенно утомительным. Деревьев в окрестностях не было, и нам пришлось разбить лагерь в зарослях неизвестного мне кустарника, колючего и чахлого. Озеро наполовину высохло, и его неподвижная поверхность выглядела неожиданно грустно. Впереди простиралась холмистая равнина, на западе солнце садилось в горы, казавшиеся красными в его лучах. Земля еще дышала дневным зноем, но ночью подул ветер, похолодало, и нам пришлось кутаться в одеяла.

Ранним утром, все еще дрожа от холода, мы пустились в дальнейший путь. Достигнув края плоскогорья, мы снова долго петляли по ущельям, спускаясь все ниже и ниже по головокружительным уступам, похожим на гигантские ступени.

Опасность подстерегала нас на каждом шагу. Часто дорога превращалась в тропу, над которой видна была лишь узкая полоска раскаленного неба, а внизу зияла бездна с обломками скал, словно нагроможденными руками исполина. В небе кружили грифы, не оставлявшие нас ни днем, ни ночью. Если мы останавливались на ночлег, зловещие птицы садились рядом, чтобы утром взмыть в небо и сопровождать нас дальше, пронзительными криками напоминая о своем присутствии. Иногда в скальной расщелине мелькал силуэт шакала,

ожидавшего, как и грифы, когда путешественник упадет без сил от истощения или свалится в пропасть.

К полудню мы миновали опасный каменный лабиринт, выехали на травянистую равнину и вскоре обнаружили нужные нам следы: там проскакали десять подкованных и две неподкованные лошади. Однако, судя по отпечаткам копыт, этот отряд, чувствуя погоню, мчался без отдыха всю ночь и опережал нас на шесть часов.

Солнце уже начинало скатываться с небосклона к горизонту, когда скакавший впереди Олд Дэт остановил коня и показал нам новые следы: отряд неизвестных нам индейцев на неподкованных лошадях двигался вслед за беглецами. Определить число краснокожих, преследующих солдат Хуареса, было невозможно, так как ехали они гуськом, один за другим.

— Не нравится мне этот след, — проворчал Олд Дэт. — Встреча с краснокожими в Мапими не сулит нам ничего хорошего.

— Мой белый брат прав, — подтвердил Виннету. — Все апачи ушли из Мапими, чтобы принять участие в сражении, и сейчас здесь могут бродить шайки враждебных нам племен.

Поехав дальше, мы вскоре обнаружили место, где индейцы догнали белых. Судя по следам, оба отряда какое-то время вели переговоры, а затем, найдя общий язык, отпустили проводников-апачей и продолжили путь вместе.

К вечеру равнина сменилась холмами, поросшими низким кустарником, среди которых вился небольшой ручей. Мы остановились на его берегу и напоили лошадей, а Олд Дэт, прикрыв ладонью глаза от солнца, долго осматривался.

— Там, ниже по течению, я вижу две темные точки. Похоже, это койоты. Но почему эти бестии спокойно сидят и не убегают? Койоты — трусливые животные и при появлении человека спешат пуститься наутек.

— Пусть мои братья помолчат, — перебил нас Виннету. — Я слышу чей-то голос.

В тишине со стороны койотов до нас долетели слабые крики.

— Человек! — воскликнул Олд Дэт, вскочил в седло и помчался на зов.

Койоты при нашем приближении поджали хвосты и затрусил прочь. Посередине ручья из воды торчала человеческая голова, над которой висела туча комаров.

— Ради всего святого, сеньоры, помогите! — раздался полустон-полумольба. — Я больше не вынесу этой пытки...

— Что с вами? — спросил Олд Дэт по-испански, спрыгивая с коня. —

Как вы оказались в воде? Что вы там делаете?

— Меня закопали.

— Тысяча чертей! Кто посмел закопать живого человека?

— Индейцы и белые.

Мы осмотрелись и действительно заметили следы тех, за кем гнались.

— Джентльмены, за дело, — приказал нам вестмен. — Лопаты у нас нет, поэтому придется лезть в воду и откапывать беднягу руками.

— Вы найдете лопату в ручье у меня за спиной. Негодяи бросили ее в воду и присыпали песком.

— У вас есть лопата? — несказанно удивился Олд Дэт. — Впервые вижу, чтобы человек отправлялся в прерию и брал с собой лопату!

— Я гамбусино, старатель. У золотоискателей всегда при себе лопата и кирка.

Мы нашли его лопату и принялись за работу. Дно ручья было песчаное, мягкое, и копать его было нетрудно. Негодяи вбили за спиной незнакомца кол и привязали к нему его голову так, что бедняга не мог наклониться. Солнце пекло немилосердно, жажда мучила его, но напиться он не мог. Связанный по рукам и ногам, освободиться он тоже был не в состоянии. Как только мы откопали гамбусино и сняли с него ремни, он потерял сознание.

Когда золотоискатель пришел в себя, мы отнесли его в наш лагерь на берегу ручья. Переодевшись в сухую одежду и подкрепив свои силы куском жареного мяса, незнакомец рассказал нам о своих злоключениях:

— Последнее время я работал старателем на приисках в горах, примерно в дне пуста отсюда. Бонанса (Так горняки называют богатый рудный карман. В США это слово (американское произношение «бонанзе») приобрело специфическое значение: «выгодное предложение», «золотое дно».) там богатая, народу работает на ней много, и я подружился с одним человеком по имени Хартон...

— Хартон? — неожиданно перебил Олд Дэт. — А как его полное имя?

— Фред Хартон, он из Нью-Йорка, и ему уже под шестьдесят.

— Он что-нибудь рассказывал вам о себе?

— Он вдовец, жена давно умерла, а сын работает в Фриско. Вы знакомы с Фредом?

Непонятное волнение охватило старика, глаза сверкали, на впалых щеках проступил багровый румянец. Усилием воли он взял себя в руки и продолжил расспросы, но уже обыденным, ровным тоном.

— Я встречался с ним, но это было очень давно. Тогда фортуна улыбалась ему, он пустился в торговлю и разбогател. Вы что-нибудь

слышали об этом?

— Кое-что он мне рассказывал. Он выходец из порядочной и обеспеченной семьи, получил образование, со временем нажил капитал и открыл большой магазин, но его родной брат присосался к нему, как пиявка, и промотал его состояние.

— А как звали этого негодного брата?

— Генри.

— Все сходится, ошибки быть не может. Очень надеюсь вскоре увидеть вашего товарища.

— Боюсь, что вам больше никогда не свидеться. Негодяи, закопавшие меня здесь, увели его с собой, и жить ему осталось недолго.

— Как все произошло?

— Да я ведь и начал было рассказывать все по порядку, но вы меня перебили. Итак, непутевый брат пустил на ветер все состояние Хартона, но, как мне кажется, Хартон любит его и называет не иначе, как «бессовестный мальчишка». Знаете, как бывает: уж не повезет, так не повезет. Так случилось и с Хартоном: разорившись, он брался за любую работу, был рабочим, вакеро, гамбусино, но несчастья преследовали его, и он влачил нищенское существование.

— Ему нельзя было браться за то, что он не умеет делать!

— Легко сказать, сеньор. Тысячи людей занимаются тем, к чему меньше всего пригодны. А может быть, его брат тоже был когда-то золотоискателем, и он надеялся, что встретит его на одном из приисков?

— Вряд ли. Если бы его брат был удачливым гамбусино, зачем бы ему понадобилось разорять Хартона? У него и так хватало бы денег!

— Деньги быстро кончаются, особенно, если швырять их направо и налево, а негодяй был известный мот. Возможно, Хартон думал, что брат взял у него деньги на время и отправился снова попытать счастья на приисках. Как бы то ни было, Хартон в конце концов попал в Чиуауа и нанялся к моему хозяину. Там я с ним и познакомился. Золотоискатели — народ завистливый и недружелюбный, но он мне понравился, и мы с ним больше не расставались.

— Как зовут вашего хозяина?

— Дэвис. Мистер Дэвис, — сразу же поправился гамбусино.

— Тысяча чертей! Сеньор, не говорите ли вы по-английски?

— Так же хорошо, как и по-испански.

— Будьте так любезны, перейдите на английский язык. Среди нас есть два джентльмена, не владеющих испанским, а ваш рассказ будет им очень интересен, — и Олд Дэт кивнул в сторону отца и сына Ланге.

— Почему? Кто они такие? — спросил изумленный гамбусино.

— Сейчас узнаете. Мистер Ланге, позвольте вам объяснить: этот человек старатель и работает на некоего мистера Дэвиса из Чиуауа.

— Что вы сказали? Мистера Дэвиса? — воскликнул Ланге. — Да ведь это хозяин моего зятя!

— Да вы не волнуйтесь так, сэр. Дэвисов и в Штатах и в Мексике пруд пруди, может быть, это другой человек.

— Если вы говорите о Дэвисе-золотодобытчике, то здесь ошибки быть не может. В наших краях такой Дэвис один, — сказал гамбусино.

— Да, это он! — не мог успокоиться Ланге. — Вы его знаете?

— Мне ли его не знать? Я на него работаю.

— Может быть, вы знаете и моего зятя?

— Может быть, и знаю, да только сначала скажите, как его зовут.

— Ульман.

— Знаю, как не знать?! Он управляющий на рудниках, а скоро станет компаньоном хозяина. И дочку вашу знаю. Так вы, значит, решили ее навестить? Ну тогда вам лучше ехать напрямиком на прииски в горах, а не в Чиуауа. Ваш зять сам случайно наткнулся на жилу, и сейчас он там с семьей и с рабочими.

— Что вы говорите! Ты слышишь, Билл?

Но Ланге-сын онемел от радости и только кивал головой. Мы тоже радовались удаче наших друзей, один Олд Дэт хмурился и что-то ворчал себе под нос. Выждав, когда поутихли восторженные возгласы, гамбусино продолжил:

— Мы с Хартоном помогли им обустроиться на бонансе, а сами подались в Мапими, в надежде, что нам тоже повезет. Три дня мы бродили по тем местам, но не нашли и следов золота. Наконец мы решили попытаться счастья на ручье. Вот тут-то они нас и обступили. Человек сорок краснокожих из племени чимарико и десять белых.

— Чимарра? Они очень воинственны, но предпочитают не нападать на белых. Странно. Что им от вас понадобилось?

— Чимарра не друзья и не враги белых, поэтому никогда не знаешь, чего от них ожидать. Они немногочисленны и не решаются открыто выступить против поселенцев, но доверять им нельзя.

— Тем более я не понимаю, почему на этот раз они решили напасть на вас. Вы чем-то их обидели?

— Ни единым словом. Но у нас были хорошие лошади, оружие, провиант, инструменты и все необходимое для длительного пребывания в пустыне.

— Понимаю, разбойники решили поживиться.

— Они окружили нас и спросили, что мы здесь делаем. Мы не стали скрывать правду, индейцы обозвали нас ворами. Это их земля, сказали они, и все, что лежит на поверхности или спрятано в глубине, принадлежит им. Поэтому они потребовали, чтобы мы отдали им наше имущество.

— И вы отдали?

— Хартон отдал без спору, а я схватился за ружье, но краснокожие набросили на меня лассо и связали, а белые и не подумали вступить за нас. Наоборот, они принялись расспрашивать нас о бонансе и как туда проехать. Я отказался говорить, и тогда они избili меня и закопали в ручье, а Хартона секли плетьюми, пока он все не рассказал. Но все же бандиты не поверили ему до конца и взяли с собой как проводника, угрожая ему пытками, если он не приведет их к бонансе к завтрашнему вечеру.

Я поражался: Олд Дэт, нестигаемый старый вестмен, никогда не терявший присутствия духа, пребывал в смятении! Голос его дрожал, а на лице застыла гримаса беспощадной решительности.

— Вы уверены, что они направились к бонансе?

— Я слышал, как они сговаривались напасть на лагерь старателей, перебить всех и забрать золото. Да и индейцам там будет чем поживиться: боеприпасы, оружие и многое другое.

— Тысяча чертей! Лакомый кусочек для негодяев! Как далеко отсюда бонанса?

— Они будут там завтра к вечеру, если Хартон не догадается провести их окольными путями. Я надеялся, что кто-нибудь освободит меня и я смогу уговорить моего спасителя помчаться к бонансе и предупредить о нападении. Сам я, увы, остался без коня.

Старый вестмен молча смотрел вдаль, погруженный в раздумья. Мы не вмешивались в беседу, понимая, что все происшедшее имеет для него какое-то особенное, чуть ли не роковое значение.

— Я бы предпочел тронуться в путь немедленно. Можете ли вы описать мне дорогу так, чтобы не заплутать ночью?

Гамбусино отрицательно покачал головой.

— Ночью, в темноте, вы обязательно собьетесь с пути и только зря потеряете время. Тем более, что найти бонансу трудно даже днем.

— Так и быть. Подождем до утра. Насколько я знаю, золотоносные жилы выходят на поверхность в ущельях возле рек и ручьев. Опишите мне, где находится ваша бонанса.

— Представьте себе ущелье среди высоких известковых скал —

именно в их недрах заключены несметные богатства. Вокруг раскинулся густой высокий лес, деревья растут даже на скалах, из-под которых вытекает ручей. В длину ущелье более двух миль, но попасть в него можно лишь в том месте, где из него вытекает ручей, да и то проход там так узок, что в него едва-едва протиснутся два человека.

— В таком случае два-три смельчака могут удерживать ущелье хоть месяц!

— Скорее всего, да. Но есть еще один путь в долину. Мистер Ульман, чтобы сократить дорогу, велел вырубить ступени в скале, поднимающейся уступами, и прикрыть их от чужих глаз поваленными деревьями. Таким образом, мы спускаемся вниз под пологом из стволов вековых деревьев, а сверху все выглядит так, словно на скалах лежит бурелом.

— Он поступил опрометчиво. Любой увидевший ваш «бурелом» поймет, что его свалила рука человека. Пни и щепки сразу же выдадут вашу тайну.

— Вы не найдете там ни одного пня и ни одной щепки. Мы подкапывали деревья и валили их вместе с корнями, а затем спускали на веревках на скальные уступы.

— Неужели у Ульмана хватило людей для такой работы?

— Сейчас у него работает сорок человек.

— Но тогда ему нечего опасаться нападения. В такой крепости и с таким войском он устоит против тысячи разбойников. Есть ли у него связь с внешним миром?

— Раз в две недели к нему приходит караван вьючных мулов. Он привозит все необходимое и увозит под охраной намытое золотое.

— Есть ли охрана у прохода?

— Только ночью, а днем в окрестностях бродит нанятый хозяином охотник. Он поставляет в лагерь дичь. Уж он-то никого чужого не пропустит.

— Вы уже успели построить что-нибудь в долине?

— Пока еще нет. Мистер Ульман с семейством устроился в большой палатке. В палатке поменьше устроен склад продовольствия, а вокруг стоят шалаши, где живут рабочие. Оружия хватает: у каждого имеется двустволка и револьвер.

— Добро пожаловать на бонансу, господа разбойники! — развеселился вдруг Олд Дэт. — Вам там готовят горячий прием! Но все же нам надо опередить их. Поэтому пора на боковую, иначе нам не выдержать завтрашней скачки.

Несмотря на предыдущую бессонную ночь, я не мог сомкнуть глаз.

Все мои мысли крутились вокруг Гибсона, которого, как я надеялся, поймаю на следующий день. Олд Дэт, против обыкновения, тоже не мог уснуть. Старик ворочался, вздыхал и что-то невнятно бормотал — видно, его растревожила встреча с гамбусино и его рассказ о Хартоне.

Час спустя он встал, прислушался к ровному дыханию спутников и, убедившись, что все крепко спят, зашагал вдоль ручья. Индеец-часовой узнал его и не стал окликать. Прошло пятнадцать минут, полчаса. Старик не возвращался, и я, встревожившись, отправился за ним.

Он стоял в десяти минутах ходьбы от лагеря и смотрел на луну. Густая, мягкая трава заглушала мои шаги, хотя я и не старался приблизиться незаметно. Видно, старик был погружен в глубокие раздумья, потому что только когда я подошел к нему, он резко повернулся и направил на меня револьвер.

— Тысяча чертей! Кому и зачем понадобилось красться за мной? Хотите получить пулю?

Судя по тому, что Олд Дэт не сразу узнал меня, его мысли были слишком далеко.

— Ах, это вы! — воскликнул он наконец, словно с трудом очнувшись от тяжелого сна. — Еще немного, и вы получили бы пулю в живот. Я ведь на самом деле принял вас за лазутчика. Почему вы не спите?

— Мне не дают покоя мысли о Гибсоне и Олерте.

— Не тревожьтесь по пустякам. Завтра они будут в ваших руках. Но больше я вам ничем не смогу помочь. Мне придется остаться на бонансе.

— Нам придется расстаться? Но почему? Это тайна?

— Да.

— Ну что же, я уважаю ваши чувства и не хочу надоедать вам. Я слышал ваши вздохи и подумал, что смогу чем-то облегчить ваши страдания, сэр. Простите меня, ради Бога. Спокойной ночи.

И я повернулся, чтобы уйти. Но не успел я сделать и трех шагов, как услышал голос Олд Дэта:

— Не уходите! Вы правы, я страдаю, глубоко и искренне. Я знаю, вы умеете молчать и не станете судить меня слишком строго, поэтому я расскажу вам, что меня гнетет.

Он взял меня под руку и медленно повел вдоль ручья.

— Что вы вообще думаете обо мне? — неожиданно спросил он. — Что вы думаете о человеке, которого зовут Олд Дэт?

— Вы человек чести, за что я вас люблю и глубоко уважаю.

— А случилось ли вам когда-нибудь совершить преступление? Я говорю не о непослушании или яблоках, украденных в чужом саду, а о

настоящем преступлении, за которое надо отвечать перед судом?

— Слава Богу, пока нет, и надеюсь, что и в будущем совесть моя будет чиста перед людьми.

— Я вам завидую, сэр, вы счастливый человек. Совесть, ежедневно грызущая душу, — вот самое страшное и суровое наказание.

Его слова и тон, которым он их произнес, тронули меня до глубины души. Безусловно, этот человек страдал, неизвестное мне преступление тяжелым камнем лежало на его сердце, иначе он не стал бы говорить с такой скорбью. Я молчал, зная, что никакие мои утешения не смягчат его боль. Прошло несколько долгих минут, пока он не заговорил опять:

— Я доподлинно убедился, что высшая справедливость существует и что страшнее суда присяжных — суд, творящийся в душе человека и напоминающий днем и ночью о содеянном. Может быть, если я расскажу вам все, мне станет легче. Но почему именно вам? Несмотря на вашу молодость, вы снискали мое доверие и уважение, кроме того, я предчувствую, что завтра случится что-то, что помешает мне покаяться.

— Что с вами, сэр? Неужели вы думаете о смерти?

— Мне в самом деле кажется, что скоро я умру. Но меня пугает не это. Я должен успеть вернуть долги... Вы слышали, что гамбусино рассказал о некоем Фреде Хартоне? Что вы скажете о его брате?

— Ветренный и беспечный молодой человек.

— И только-то? Вы слишком снисходительны. Уверяю вас, беспечность хуже любого порока, так как злодея видно издалека, и все его избегают, а беспечные люди, как правило, приятны и благовоспитанны, и никто их, на свою беду, не сторонится. Поэтому беспечные люди опаснее. Вот и я никогда не был отъявленным злодеем, нет, я был лишь беспечным молодым человеком. Генри Хартон, разоривший своего брата, это... я!

— Но ведь вы носите другое имя!

— Конечно! Я опозорил свое имя, и мне пришлось взять другое. Еще при первой нашей с вами встрече я сказал, что матушка моя указала мне путь к счастью. Увы я поддался легкомыслию. Мне хотелось быстро и без трудов заработать миллионы, и я пустился в авантюры и вскоре потерял и наследство, и доверие компаньонов. Тогда я стал золотоискателем. В Калифорнии вспыхнула золотая лихорадка, я помчался туда, полгода рыскал по всем расщелинам, и удача улыбнулась мне. Но я уже стал страстным игроком и в считанные дни спустил в карты все: я поставил сто тысяч в надежде сорвать банк и удвоить состояние, и проиграл. Тогда я уехал в Мексику, где стал гамбусино. Мне снова повезло, и снова я все потерял за карточным столом. Я стал курить опий и превратился в живой

скелет, хотя до этого у меня было телосложение не хуже вашего. Дальше так продолжаться не могло, люди сторонились меня, а собаки лаяли, стоило мне выйти на улицу. И тогда я случайно встретился с братом. Он узнал меня и взял к себе в дом. Лучше бы он отвернулся от меня и оставил подыхать в опиумном чаду! Он уберег бы себя от несчастья, а меня — от угрызений совести!

Олд Дэт умолк. Мне стало жаль его.

— Первое время я вел себя как подобает, — с горечью продолжил старик. — Брат поверил в мое исправление и предложил место в своем магазине. Но страсть к игре лишь притаилась во мне, чтобы в один несчастный день вспыхнуть с новой силой. Я взял деньги из кассы, хотел заставить удачу послужить мне! Я подделывал векселя, а деньги проигрывал в карты, и когда я понял, что мне никогда не отыграться и не вернуть брату деньги, трусливо сбежал. Фред оплатил поддельные векселя и стал нищим. Его жена не вынесла позора и умерла, а сам он забрал маленького сынишку и покинул Сан-Франциско. А я снова подался на поиски золота, напал на жилу, разбогател и вернулся, чтобы отблагодарить брата и помочь ему в беде, в которую сам же его и вверг. Но брата в городе уже не было. Страшное известие и запоздалое раскаяние заставили меня начать новую жизнь. Я забросил игру в карты, опий больше не курю, разве что изредка позволяю себе пожевать его с табаком. С тех пор я ищу брата по всем Соединенным Штатам, но безрезультатно, и только сегодня для меня блеснул луч надежды... Вот и все, что я хотел вам рассказать. Можете отвернуться от меня, я заслуживаю самого строгого осуждения.

Он отпустил мою руку, сел в траву и закрыл ладонями лицо. Я стоял рядом, терзаемый самыми противоречивыми чувствами. В конце концов он вскочил на ноги, пристально посмотрел на меня и спросил:

— Вы все еще здесь? Разве я вам не омерзителен?

— Омерзителен? Нет, мне искренне вас жаль. Вы много грешили, но и наказаны были по заслугам и в полной мере. Я не вправе осуждать вас, тем более, что вы чистосердечно раскаялись, а я и сам грешен, как все смертные, и не знаю, какие искушения готовит мне жизнь.

— Вы правы, жизнь наказала меня в полной мере. Бог мой, разве существует что-либо громче голоса совести человека, осознающего всю тяжесть собственной вины? Я обязан вернуть долг чести и исправить зло, насколько это теперь возможно. Я наконец-то увижу брата, но у меня такое чувство, словно солнце для меня взойдет завтра уже не на этой земле... Однако я хотел просить вас об одной услуге.

— Я готов на все, что будет в моих силах.

— Вы знаете, что я повсюду таскаю за собой седло, даже тогда, когда у меня нет лошади. Поверьте, я делаю это не из чудачества, а потому, что я зашил в него бумаги, предназначенные для моего брата, и больше ни для кого. Если я умру до встречи с Фредом Хартоном, передайте ему мое седло и откройте ему секрет.

— И это все?

— Когда-нибудь вы обязательно поймете, как безгранично я вам доверяю. Не забудьте же о моей просьбе! А теперь ступайте. Я хочу побыть один и еще раз перечитать книгу моих преступлений. Завтра, возможно, будет уже поздно. Спокойной ночи.

Я побрел в лагерь и улегся, но смог уснуть только перед рассветом. Когда мы утром проснулись, Олд Дэт уже сидел в седле и поторапливал нас. Гамбусино чувствовал себя вполне сносно и согласился сопровождать нас. Один из апачей посадил его на коня у себя за спиной, и мы помчались по следу разбойников.

После двухчасового опасного кружения по каменному лабиринту каньонов и горных тропинок мы выбрались на равнину. Еще через час гамбусино вдруг попросил нас остановиться, присмотрелся к следу и сказал:

— Дальше ехать по следу бессмысленно. — В его голосе звучала радость. — Хартон увел шайку в сторону от прямой дороги. Пусть они кружат по прерии, а я поведу вас напрямик.

Мы следовали на северо-запад. На горизонте виднелась темно-синяя полоса гор. Лошади скакали ровным галопом, без усталости отмахивая мило за милей, и я не переставал изумляться их выносливости. К вечеру нам стали попадаться кусты и деревья, а вскоре мы въехали в лес. Долины перемежались с крутыми холмами и скалами. Огибая глубокий овраг, мы заметили узкую полоску вытоптанной травы.

— След! — воскликнул гамбусино и спешил, чтобы внимательно разглядеть его. — Кто проезжал здесь?

— Незачем слезать с лошади, чтобы увидеть, что здесь проехало полсотни всадников, — угрюмо заметил Олд Дэт. — Мы опоздали.

— Вы считаете, что чимарра опередили нас?

Виннету тоже спрыгнул с седла, прошелся по следу и сообщил:

— Десять бледнолицых и сорок краснокожих. Они проехали здесь час тому назад.

— Что вы скажете на это? — спросил Олд Дэт гамбусино.

— У нас есть еще шанс проникнуть первыми в долину, — ответил тот. — Негодяям придется потратить уйму времени на то, чтобы разведать

местность.

— Не считайте их дураками. Они просто-напросто силой заставят Хартона провести их в ущелье.

— Но ведь индейцы нападают только ночью!

— Не тешьте себя надеждами. Какого черта белым разбойникам дожидаться ночи? Плевали они на обычаи краснокожих. Готов держать пари, что к ночи лагерь на бонансе будет уже разграблен. Поэтому постарайтесь привести нас туда как можно скорее.

Мы пришпорили лошадей и помчались бешеным галопом за гамбусино. Хартон, как мы поняли, повел разбойников к скрытым под искусственным буреломом ступеням, вырубленным в скалах, мы же торопились к естественному входу в ущелье. Мы пробирались в сгущающихся сумерках по лесу, рискуя сломать себе шею или налететь на острые, словно копья, сучья деревьев. Я отпустил поводья, полагаясь на чутье коня и указывающего нам путь гамбусино. Ветви хлестали меня по лицу, раздирая в кровь кожу и грозя выколоть глаза. Когда окончательно стемнело, нам пришлось спешиться и вести коней в поводу, держа револьверы на боевом взводе. И наконец мы услышали журчание ручья.

— Мы уже у входа, — шепнул наш проводник. — Двигайтесь вдоль скалы, оставляя ручей справа.

— Разве здесь нет часовых? — удивился Олд Дэт.

— Охрану выставляют только после того, как лагерь уснет, а в это время проход еще свободен.

— Какая беспечность! — возмутился вестмен. — К тому же на прииске, где есть чем поживиться! Где этот проход? Темно, хоть глаз выколи!

— Идите прямо, тропинка приведет вас к палатке.

Мы двинулись вперед в кромешной тьме. Слева чернели высокие отвесные скалы, справа билась о камни вода. Пройдя самое узкое место, Олд Дэт, я и гамбусино встали во главе отряда. Вдруг мне показалось, что я увидел тень, мелькнувшую среди камней. Я молча остановил моих товарищей, но даже чуткое ухо Олд Дэта не услышало ничего подозрительного.

— Мало ли что может померещиться в темноте, — шепнул гамбусино. — Правда, где-то рядом находятся ступени в скалах, но ночью вряд ли кто рискнет спускаться по ним. Или это был кто-то из рабочих, или вам просто померещилось.

И мы тронулись дальше, не подозревая, какие страшные последствия будет иметь это маленькое и вроде бы малозначительное происшествие.

Через несколько минут впереди забрезжил свет, пробивающийся сквозь полотняные стены палатки, послышались приглушенные голоса.

— Подождите здесь остальных, — приказал проводнику привыкший повелевать Олд Дэт. — Пусть ждут нас у входа в палатку, а мы тем временем предупредим мистера Ульмана об опасности.

В палатке, без сомнения, слышали топот копыт лошадей и наши голоса, но никто не вышел нам навстречу и даже не откинул полог.

— Пойдемте со мной, сэр, — позвал меня старик. — Нас встретят с радостью, а я, грешный, люблю, когда меня принимают, как желанного гостя.

Олд Дэт без колебаний и опасений распахнул полог палатки и вошел первым.

— Это они! — раздался вдруг чей-то голос. — Смерть им!

Прогремел выстрел. Старый вестмен ухватился обеими руками за грудь и медленно сполз на землю.

— Мои предчувствия... Брат, прости... Олд Шеттерхэнд, помни — седло... — простонал он.

— Ради Бога, сеньор Ульман, не стреляйте! — воскликнул я, бросаясь к вестмену. Но было уже поздно: пуля пронзила его сердце. — Да остановитесь же! Мы ваши друзья, с нами ваш тесть и шурин! Мы только хотели предупредить вас о нападении.

Нацеленные на меня ружья дрогнули, но не опустились. В свете трех ламп, свисающих с потолка, я увидел десятка полтора решительного вида мужчин, во главе которых стоял молодой человек с открытым лицом.

— Хартон, он из их шайки? — спросил он исхудалого оборванного гамбусино.

— Он не из разбойников, мистер Ульман.

— Да прекратите же! — воскликнул я, возмущенный недоверием. — Оставьте расспросы на потом. Мы друзья, но вот-вот сюда нагрянут враги. Вы Фред Хартон? Это вас захватила шайка белых разбойников и индейцев чимарра?

— Да, но ему удалось бежать, — ответил за него мистер Ульман. — Он вошел сюда две минуты назад.

— Значит, это вы проскользнули в проход перед нами? Я заметил вашу тень, но мои товарищи не поверили мне. Кто из вас стрелял? — спросил я, содрогаясь от мысли, что брат мог убить брата.

— Я, — вызывающе ответил один из рабочих. — И пока не вижу, почему я должен сожалеть об этом.

— Вы убили человека, спешившего спасти ваши жизни.

Воцарилось молчание. Олд Дэт, мой товарищ, которого я успел полюбить, опытнейший вестмен, выбиравшийся из любых передряг, лежал пораженный в сердце совершенно нелепым выстрелом. Негр Сэм взял его на руки и, громко причитая, внес в палатку. За ним вошли отец и сын Ланге и сгорающий от нетерпения гамбусино. Зазвучали радостные окрики, в палатку заглянула молодая женщина с ребенком на руках и бросилась обнимать кузнецов из Ла-Гранхи.

Как легкомысленно относимся мы к смерти ближнего! Пока все присутствующие радостно переговаривались, я успел спросить Хартона, каким образом ему удалось уйти от разбойников.

— Я провел их к ступеням, вырубленным в скале, где они разбили лагерь. Разбойники связали меня и пошли на разведку, но, когда стемнело, мне удалось освободиться и бежать. Я видел вас, но принял за врагов и поспешил предупредить всех о нападении. Именно поэтому ваш товарищ, вошедший в палатку первым, и получил пулю.

— Лучше бы чимарра покрепче затянули узлы. Останься вы в плену, страшное несчастье не произошло бы. Но, судя по вашим словам, негодяи могут появиться здесь с минуты на минуту. Неужели вы предполагаете отсидеться в палатке?

Мистер Ульман мгновенно понял, что ему грозит, и охотно передал мне бразды правления. Я распорядился отвести наших лошадей в глубь долины, апачи заняли места за палаткой, рядом с ними залегли старатели, люди тертые и не робкого десятка. К ручью подкатили бочку керосина и вышибли дно, чтобы в любой момент можно было зажечь горючее и осветить всю округу.

Пятьдесят честных людей готовились встретить полсотни разбойников. Силы были равны, мы были лишь несколько лучше вооружены. Несколько старателей направились в сторону прохода, чтобы заранее уведомить нас о приближении неприятеля. Женщин отвели в безопасное место, и в палатке остались только я, Виннету, оба Ланге и Ульман. Прошло полчаса напряженного ожидания, и вот один из старателей, посланных в разведку, вернулся и сообщил, что к нам идут двое белых, желающих говорить с мистером Ульманом. Я и Виннету немедленно спрятались за пологом.

Каково же было мое изумление, когда в палатку вошли Гибсон и Олерт. Гибсон представился географом по имени Гавилан. Он якобы исследовал с товарищем местность, надеясь в будущем составить карту, но товарищ заболел, и им потребовалась помощь. К счастью, они встретили гамбусино, некоего Хартона, и узнали, что в ущелье есть люди. Поэтому

они просят мистера Ульмана позаботиться о больном.

Не задумываясь, насколько правдоподобно лжет Гибсон, я вышел из-за полога.

— А чем больны индейцы, с которыми вы сговорились напасть на лагерь? — спросил я.

В первое мгновение Гибсон оцепенел от неожиданности, но быстро пришел в себя.

— Негодяй! — воскликнул он. — Я отучу тебя охотиться на честных людей!

Он схватил ружье и хотел было ударить меня прикладом, но я толкнул его, и потерявший равновесие Гибсон промахнулся. Удар пришелся по голове Олерта, и тот замертво рухнул на землю. На шум прибежали вооруженные старатели.

— Не стреляйте! — крикнул я, желая взять Гибсона живым. Но было поздно: грянул выстрел, и Гибсон с пулей в голове упал к моим ногам.

По-видимому, выстрел был условным знаком, так как вдруг раздался вой индейцев, атакующих лагерь. Ульман и старатели бросились наружу, а я наклонился к Олерту, без движения распростертому на земле. Прижав ухо к его груди, я услышал, что сердце поэта бьется.

Оставив лежащего без сознания Олерта, я выбежал из палатки, чтобы принять участие в сражении, но моя помощь уже не понадобилась. Неожиданно «горячий» прием обескуражил разбойников, и они метались среди шалашей старателей в поисках укрытия. Кто-то из нападавших еще пытался сопротивляться, но уже было ясно, на чьей стороне победа.

Спустя десять минут все было кончено. Вместе со старателями вернулся и Хартон. Он еще и не подозревал, что потерял брата, так и не успев его найти. Я взял его под руку и отвел в сторону, где мы могли поговорить без помех.

Хартон рыдал, как ребенок, не стыдясь слез. Он просил меня еще и еще рассказывать о брате, которого горячо любил и которому давно простил все его прегрешения. Затем мы встали у тела Олд Дэта и до утра читали заупокойные молитвы.

Ранним утром мы взяли седло Олд Дэта, уединились в палатке и вспороли его по швам. Внутри лежал тонкий и невзрачный бумажник, в котором мы нашли ценные бумаги. Умерший оставил брату значительную сумму денег на счетах в банке, но, самое главное, среди бумаг мы обнаружили карту с планом месторождения золота в Соноре. С той минуты Фред Хартон снова стал состоятельным человеком.

Олерт был жив, но никак не мог прийти в себя после удара прикладом,

из-за чего нам пришлось остаться в лагере старателей. Мы с почестями предали тело Олд Дэта земле и поставили на его могиле большой, высеченный из камня крест. Хартон сердечно попрощался с нами и отправился на север. Виннету тоже решил вернуться домой со своими воинами, а негр Сэм уехал в Чиуауа выполнять поручение сеньора Кортесио.

Через неделю и я сумел доставить Олерта в Чиуауа и поручил его заботам брата преподобного Бенито, монаха, слывающего лучшим врачом в северных провинциях Мексики. Как я и надеялся, ему полностью удалось излечить Уильяма, как тело, так и душу. Тем временем я известил отца, и тот сообщил мне, что лично приедет за сыном.

С каждым днем состояние Уильяма Олерта улучшалось. Он теперь и слышать не мог слова «поэт», а самое главное — вспомнил всю свою жизнь до того момента, как Гибсон его похитил. В один прекрасный день, когда я, брат Бенито и Уильям беседовали и строили планы на будущее, в комнату вошел мужчина преклонного возраста. С радостным криком Уильям бросился на шею отцу.

Понадобилась неделя на то, чтобы я сумел во всех подробностях рассказать Олерту-старшему историю погони за Гибсоном. Сидя в удобном кресле, я живописал наши приключения. Увы, нам так не хватало Олд Дэта — мужественного и честного вестмена...

Глава V. ОЛД ФАЙЕРХЭНД

Приведя свои дела в порядок, Фред Хартон попросил меня сопровождать его в поисках месторождения, отмеченного на карте Олд Дэта. Я без колебаний согласился. Можно было бы очень долго рассказывать о том, что мы пережили, но эта книга посвящена Виннету, а его с нами не было, поэтому я ограничусь лишь сообщением, что после длительных поисков, скитаний по пустыням и прериям, частых сражений и опасных приключений нам удалось найти бонансу. В благодарность за помощь Фред взял меня в долю, но я не собирался постоянно пользоваться его щедростью, поэтому продал свой золотоносный участок и с лихвой вернул все, что потерял во время кораблекрушения. Простившись с Хартоном, я отправился на Рио-Пекос в пуэбло апачей, где меня приняли как вождя и брата, но Виннету, к моему сожалению, был в отъезде. Индейцы просили меня подождать, но так как Виннету объезжал подвластные ему племена и должен был возвратиться не раньше, чем через полгода, я решил не терять времени и отправился в Сент-Луис через Колорадо и Канзас. По пути ко мне присоединился англичанин по имени Эмери Ботуэлл, с которым впоследствии, как узнает со временем читатель, судьба сведет в меня в песках Сахары.

Все, что мне довелось пережить раньше с Виннету, потом с Фредом Хартоном, а теперь с Ботуэллом, стало достоянием гласности, и когда я наконец-то добрался до Сент-Луиса, меня поразило, насколько там было известно имя Олд Шеттерхэнд. Старый добрый мистер Генри ворчливым тоном нахваливал меня:

— Вы только полюбуйтесь на него! За один месяц с ним случается больше приключений, чем с другими за двадцать лет жизни. Выйти невредимым из любой передряги ему так же легко, как выпить стакан воды; он утер нос самым знаменитым вестменам, нарушает писанные и неписанные законы Дикого Запада, щадит и прощает врагов, а потом удивляется, что все только о нем и говорят. Даю вам честное слово: рядом с вами меркнет даже слава самого Олд Файерхэнда, а ведь он раза в два старше вас. Я рад вашим успехам, дорогой мой гринхорн, потому что именно я направил вас по этому пути. Пойдите, сейчас я вам кое-что покажу.

Мистер Генри открыл шкаф с ружьями, достал оттуда первый собственного изготовления многозарядный штуцер и попросил меня опробовать его. Я был в восторге от скорострельности и точности боя, но

снова заметил, что распространение столь совершенного оружия не принесет добра ни людям, ни животным:

— Нельзя выпускать джинна из бутылки. Вы представляете, сколько жизней может унести ваш штуцер, попади он в преступные руки?

— Знаю, знаю, — проворчал в ответ старик. — Вы мне уже все уши прожужжали. Я не собираюсь наводнять моими штуцерами весь Дикий Запад. Пока я изготовил только один и дарю его вам. Надеюсь, он не попал в плохие руки? Вы уже прославили мой «старый флинт», теперь сделайте то же самое и с этим куском железа. Надеюсь, что он вам послужит в прериях по ту сторону Миссисипи.

— Безусловно, дорогой мистер Генри! Но я пока не могу принять ваш дар.

— Это еще почему?

— Потому что я еду не на Дикий Запад.

— А куда?

— Сначала домой, а потом в Африку.

— Вы сказали, в Африку? — воскликнул он, забыв закрыть рот от изумления. — Да вы совсем рехнулись! Уж не хотите ли вы стать негром или готтентотом?

— Нет ни малейшего желания, — ответил я, посмеиваясь над запальчивостью мистера Генри. — Я обещал мистеру Ботуэллу, что мы встретимся с ним в Алжире, где живут его родные. А оттуда рукой подать до Сахары, куда я хочу вернуться.

— Чтобы стать жертвой львов и гиппопотамов?

— Полноте, гиппопотамы не питаются мясом и не живут в пустыне.

— А львы?

— Их тоже в Сахаре нет. Животным для жизни необходима вода.

— Я и без вас знаю, что, в отличие от человека, пива они не пьют. Но есть еще одна загвоздка. Это правда, что в Алжире говорят по-французски?

— Да.

— А вы говорите по-французски?

— А как говорят в пустыне?

— По-арабски.

— Вот вам и причина не ехать в Сахару. В арабском-то вы ничего не смыслите.

— Профессор, учивший меня, считается лучшим знатоком арабского в своей стране.

— У вас на все готов ответ! Однако, думаю, есть одно препятствие, которое вам так просто не преодолеть.

— Какое же?

— Деньги. Вы бедны, как церковная мышь.

— Вы ошибаетесь. Золотоносный участок принес мне хороший доход, банкир Олерт тоже не поскупился, да и у мистера Тейлора я заработал неплохо. Так что деньги у меня есть.

— Тогда бегите в вашу Сахару! — вскричал разгневанный мистер Генри. — Я, наверное, никогда не смогу понять человека, которого тянет в пески. Вокруг песок, один песок и миллионы песчаных блох. Разве вы верблюд, что вам так хочется в пустыню? Чем вам здесь не нравится? А вдруг вы не сможете вернуться и мы больше никогда не увидимся?

Старый оружейник бегал по мастерской, что-то с возмущением бормоча и размахивая руками. Однако вскоре его врожденная доброта взяла верх над негодованием, и, встав передо мной, он спросил:

— А в пустыне вам понадобится флинт?

— Да.

— А штуцер?

— Еще больше.

— Тогда берите то и другое и убирайтесь с глаз моих долой. Уходите подобру, не то я выгоню вас взащей. Вы... вы упрямый африканский осел!

Он сунул мне в руки оба ружья, вытолкал за порог и захлопнул за мной дверь. И пока я растерянно оглядывался по сторонам, не зная, что делать, он выглянул в окошко и миролюбиво спросил:

— Вы придете ко мне вечером?

— Если вы меня пригласите.

— Вот и хорошо. Я приготовлю вашу любимую пивную похлебку. А теперь — марш отсюда.

Когда несколько дней спустя мы с ним прощались, он взял с меня клятву, что я вернусь не позже, чем через шесть месяцев, несмотря ни на какие непредвиденные обстоятельства. Мне удалось сдержать слово, и через полгода я снова был в Сент-Луисе. Мистер Генри очень обрадовался, когда узнал, что оба ружья сослужили мне службу в сражении со знаменитой шайкой разбойников, наводившей ужас на жителей оазисов и грабившей караваны в самом сердце Сахары. Он сообщил мне, что во время моего отсутствия его навестил Виннету, который просил меня приехать в охотничьи угодья апачей в Сьерра-Бланка.

Горя нетерпением, я отправился в путь и через три недели отыскал лагерь апачей. Виннету пришел в восторг от штуцера мистера Генри, но, считая оружие своеобразным амулетом хозяина, наотрез отказался опробовать его на охоте.

Апачи устроились в Сьерра-Бланка основательно, чтобы охотой обеспечить себя мясом на зиму. На сочных травах в предгорьях паслись подменные лошади, среди которых выделялся вороной жеребец, при виде которого я буквально открыл рот от изумления. Оказалось, что Виннету специально привел его сюда, чтобы сделать мне подарок. Объезженный и выученный на индейский манер конь быстро привык ко мне. Я назвал его Сволоу, то есть Ласточка. Действительно, прекрасное, благородное животное мчалось по прерии как птица.

По окончании охоты Виннету собрался к племени навахо, чтобы уговорить их заключить мир с индейцами ниеро⁴. Я решил было ехать вместе с ним, но судьба распорядилась иначе: за два дня до нашего отъезда мы повстречали людей, перевозивших калифорнийское золото. Испугавшись поначалу при виде не одной сотни краснокожих, они мгновенно успокоились, услышав имена Виннету и Олд Шеттерхэнда, хорошо известные даже в этих местах, и обратились ко мне с просьбой проводить их за хорошее вознаграждение до форта Скотт. Мне не хотелось разлучаться с Виннету, но он, гордый за меня и мою добрую славу, настоял на том, чтобы я все-таки оказал доверившимся мне людям эту маленькую услугу. Потом из форта Скотт я мог напрямик проехать до прерии Гревел, к западу от Миссури, и отыскать там Виннету.

Путешествовать по прерии всегда небезопасно, а с караваном мулов, груженных золотым песком, — втройне. Скажу только, что меня неизменно выручали из беды Сволоу и штуцер мистера Генри. В конце концов нам удалось благополучно добраться до форта Скотт, а оттуда я уже один двинулся в путь через Канзас и Небраску, где хозяйничали индейцы сиу³, от которых мне не один раз пришлось удирать. Именно там я по-настоящему оценил подарок Виннету.

Мой путь пролегал через земли, где недавно нашли нефть и где, как грибы после дождя, росли поселки белых. Поэтому я отклонился немного в сторону, чтобы заехать в одно из таких поселений, приобрести в магазине необходимые мне вещи и пополнить огневой запас, изрядно истощившийся за время моего путешествия. Ближе всех ко мне был Нью-Венанго, расположенный, как я знал, в одном из многочисленных оврагов, которые местные жители называют bluff — то ли потому, что склоны там очень крутые, то ли потому, что там собрались сплошные обманщики^б. Я долго рыскал по равнине, усеянной желтыми цветами, до боли в глазах вглядывался в даль, но не встречал даже намека на овраг.

Я уже почти потерял надежду попасть в поселок к ночи, когда вдруг Сволоу фыркнул, предупреждая меня о приближении людей. Натянув

поводья, я остановил коня и оглянулся: два всадника мчались ко мне слева. Один из них был мальчик, что для прерии было крайне редким и удивительным.

Может, это были поселенцы, на свой страх и риск захватившие пустующие земли и вынужденные постоянно сражаться с индейцами, на чьи земли они посягали? Или богатые северяне, пустившиеся на поиски приключений в стремлении любым путем удовлетворить собственное тщеславие? А может... Мне внезапно вспомнились предания краснокожих о «духе прерий», который принимает облик людей и зверей, чтобы заманить бледнолицых в гиблые места.

Недоумевая и не зная, чего мне ожидать от встречи с удивительными незнакомцами, я осмотрел себя и убедился, что внешне я больше похож на бродягу, чем на джентльмена. Мокасины просили каши, брюки лоснились от толстого слоя жира, так как я перенял обычай охотников использовать их за едой вместо салфетки. Потертая кожаная куртка висела на мне мешком и, хотя прекрасно защищала от дождя и ветра, придавала вид пугала. На голове была некогда роскошная бобровая шапка, но со временем шкурки растянулись и вытерлись так, словно их топтало копытами стадо бизонов.

К счастью, я находился между Блэк-Хилс и Скалистыми горами, а не в ложе театра, поэтому смущаться и переживать из-за моего внешнего вида не имело смысла. Я еще оглядывал себя, когда всадники приблизились ко мне. Мальчик приветственно взмахнул рукояткой хлыста и воскликнул тонким, звонким голосом:

— Добрый день, сэр! Что вы так тщательно ищете на себе?

— Здравствуйте, молодой человек! Эта куртка давно уже заменяет мне латы, вот я и пытаюсь привести ее в порядок, чтобы ваш внимательный взгляд ненароком не ранил меня.

— Разве на вас нельзя смотреть?

— Почему же, конечно, можно. Но тогда и я отвечу вам тем же.

— Рыцарь в бобровом шлеме и кожаных латах достоин уважения. Можете поднять свое жуткое забрало и смотреть на меня сколько угодно.

— Премного благодарен. Но в вас я не вижу ничего примечательного: вы чистые и опрятные джентльмены и добропорядочные граждане, в то время как я... — не закончив, я поднял мустанга на дыбы и заставил его развернуться на задних ногах. — Рассмотрите меня со всех сторон. Как я вам нравлюсь на лошади и в натуральную величину?

— А это моя визитная карточка, — рассмеялся мальчик и тоже вздыбил коня. — Вот мы и представились друг другу. А теперь скажите, нравлюсь ли я вам?

— Очень. Должен признаться, что в прерии и на коне вы выглядите недурно. А как вам показался я?

— Вы были бы вполне в моем вкусе, если бы сменили костюм, а пока вы в таком виде, к вам даже страшно приближаться.

— Удивительно, такой неряха — и прекрасный наездник, — пробормотал спутник мальчика с явным расчетом, что я услышу. Он не отводил жадного взгляда от моего коня.

Я пропустил мимо ушей явное оскорбление и ответил мальчику, который показался мне более воспитанным.

— Ваши опасения справедливы, сэр. В оправдание я могу сказать только то, что прибыл из мест далеких и диких.

— Диких? Значит, вы здесь чужой?

— Настолько чужой, что весь день безрезультатно ищу номер нужного мне дома.

— Тогда следуйте за нами, и вы убедитесь, что эти места не столь уж и дики.

Он пустил лошадь сначала рысью, а потом галопом. Сволоу, несмотря на то, что ему пришлось скакать с рассвета, мчался следом с необыкновенной легкостью. А когда мальчик принялся нахлестывать своего коня, умное животное поняло, что его вызывают на состязание, и полетело, как ветер. Отставший от нас маленький наездник остановился и воскликнул:

— У вас великолепная лошадь, сэр! Может, продадите ее?

— Ни за какие деньги, — ответил я, разворачивая Сволоу. — Этот мустанг так часто спасал мне жизнь, что я не расстанусь с ним и за мешок долларов.

— Я вижу, его объезжали индейцы, — заметил мальчик, со знанием дела разглядывая скакуна. — Откуда он у вас?

— От Виннету. Если вы слышали, это вождь апачей. Я с ним встретился на Рио-Суаве.

Мальчик с изумлением перевел глаза на меня.

— От Виннету? Слышал ли я о нем? Да это самый знаменитый индеец от Соноры до округа Колумбия. Глядя на вас, не скажешь, что вы знакомы с такими людьми.

— Почему же?

— Я принял вас за геодезиста или кого-то в этом же роде. Правда, среди них бывают смелые и находчивые люди, но чтобы идти к индейцам, этих качеств недостаточно. Судя по вашему красивому оружию и по тому, как вы сидите на коне, вы не траппер.

— Я и не скрываю, что выезжаю на охоту только по выходным и праздникам. А оружие у меня действительно неплохое. Его смастерили на главной улице в Сент-Луисе. Там, если у вас есть деньги, можно купить хорошее ружье или пистолет.

— Хорошее у вас оружие или плохое, можно проверить только в деле. Что вы скажете об этом пистолете?

Мальчик наклонился и выхватил из седельной кобуры что-то старое и ржавое. Приглядевшись, я понял, что из этой железки когда-то действительно стреляли, но теперь положиться на нее мог бы только сумасшедший.

— Безусловно, вещь историческая. Он достался вам от прадедушки? Но хороший стрелок и сегодня может попасть из него в цель. Мне приходилось видеть индейцев, которые прекрасно стреляли даже из кремневых ружей.

— А они смогли бы сделать вот так?

Он дал шпоры коню, отъехал от меня на десяток шагов и выстрелил. Пуля свистнула у моего уха, и я, ошеломленный неожиданностью, увидел, как падает на землю желтый цветок, которым я украсил мой потертый головной убор. Дерзкий мальчик, по-видимому, устроил мне экзамен, чтобы составить себе мнение о странном незнакомце, приехавшем из прерии.

— Попасть в цветок с десяти шагов смогут многие, — хладнокровно ответил я, сдерживая вскипающее во мне раздражение. — Вы же должны помнить, что под шапкой у человека находится голова, и, прежде чем использовать ее в качестве мишени, следовало спросить разрешения у владельца. Если вы не избавитесь от привычки хвастаться своей меткостью и палить в незнакомых вам людей, в один прекрасный день вам придется горько раскаяться.

— Почему же? — раздался голос за моей спиной. Спутник мальчика, сидевший на крупной, тяжелой лошади, отстал от нас во время скачки и только сейчас подъехал. В его речи чувствовалось желание унижить собеседника. — Невелика беда, если в один прекрасный день он продырявит потрепанную шапку, а заодно и пустую голову чужака.

Я бросил на него быстрый взгляд: худой, с длинной и тонкой шеей, на лице застыло злое выражение. Не желая, чтобы ребенок присутствовал при ссоре двух мужчин, я снова не обратил внимания на наглость янки. Однако мальчик неправильно истолковал мое молчание, и на его лице промелькнула пренебрежительная гримаса.

Встреча с взрослым и ребенком в прерии показалась мне весьма

странной, и, если бы мне довелось прочесть об этом в романе, я бы заподозрил автора в неискренности и желании напустить романтического туману. Тем не менее все произошло именно так, как я описываю. Вероятно, где-то поблизости находилось крупное поселение белых, и воинственные племена индейцев давно не показывались в этих местах, поэтому, как я себе объяснил, двое бледнолицых осмелились углубиться в прерию. И все же мальчик оставался для меня загадкой, решить которую я был не в состоянии. Чувствовалось, что он знает Запад не понаслышке, что он не играет в вестмена, а действительно вырос в необыкновенных условиях и с детства впитал обычаи и дух прерии.

Он скакал на полкорпуса впереди меня, и заходящее солнце озаряло его фигуру золотистыми лучами. Смуглое лицо с юношески мягкими и округлыми чертами излучало волю и энергию, а в каждом его движении угадывались самостоятельность и уверенность в себе, хотя на вид ему можно было дать не более пятнадцати лет. Я с любопытством поглядывал на него, вспоминая прочитанные в молодости рассказы и повести о мужестве и силе духа жителей Дикого Запада. В той литературе, не имеющей ничего общего с реальностью, даже дети выглядели титанами стойкости и бесстрашно выступали навстречу опасности. И все же я был убежден, что самоуверенность юноши шла не столько от его характера, сколько от туго набитого кошелька, иначе он не стал бы спрашивать у меня с таким пренебрежением, за сколько я готов уступить Сволоу.

Внезапно он натянул поводья, чтобы я поравнялся с ним, и спросил:

— Вы направляетесь в Нью-Венанго?

— Да.

— И конечно же, вы путешествовали по прерии?

— Разве по мне это незаметно?

— Но вы не вестмен.

— Вы настолько проникательны, что смеее судить о человеке по его внешности?

— Вы европеец.

— Вы хотите сказать, что мой английский выдает во мне иностранца?

— Да. Но не расстраивайтесь, — в его голосе зазвучало снисхождение, — я сам не чистокровный англосакс. Моя мать была индеанкой из племени ассинибойнов.

Так вот чем объяснялись своеобразные черты его лица и смуглый оттенок кожи! Судя по его словам, мать умерла, но отец, должно быть, еще жив. Не всякий вестмен решится связать свою судьбу с судьбой индеанки, на подобный шаг отваживались только исключительные личности, а если

еще учесть, что мальчик воспитывался среди белых и ни в чем не нуждался, то я заключил, что его рождению предшествовали необычайные и драматические события. Теперь я чувствовал к мальчику не просто праздное любопытство.

— Посмотрите туда! — прервал он мои размышления, поднимая вверх руку. — Видите дым, идущий словно из-под земли?

Ах вот оно что! Мы наконец-то добрались до оврага, в котором раскинулся знаменитый город Нью-Венанго и который я тщетно искал весь день!

— Знаете ли вы Эмери Форстера, нефтяного короля здешнего нефтяного королевства?

— Немного. Мой брат женат на его дочери. Я как раз возвращаюсь из Омахи, где безвылазно живет мой братец, и по пути заглянул сюда. У вас есть дело к Форстеру, сэр?

— Да нет, у меня скорее есть дело к лавочнику. Как видите, я пообносился, да и припасы мои подошли к концу. А спросил о Форстере я потому, что уж больно хочется мне хоть одним глазом взглянуть на нефтяного короля.

— Неужели вы его никогда не видели? — вмешался в нашу беседу долговязый янки.

— Не приходилось.

— Перестаньте врать, вы его видите даже сейчас, потому что он едет рядом с вами на моей лошади. Мы не представились друг другу, но в этом нет никакой необходимости. Салонные церемонии в прерии излишни.

— Не могу с вами согласиться, — ответил я, даже не взглянув на наглеца. — По-моему, в прерии введен строгий этикет, по правилам которого положение человека измеряется не туго набитым кошельком, а его личными достоинствами. Ваш юный спутник прекрасно стреляет из допотопной железки, которую он называет пистолетом, но даже самое современное оружие не спасет нефтяного короля на Диком Западе, тем более не спасут его миллионы долларов, лежащие в банковских сейфах. Спросите у первого встречного вестмена из тех, что прежде хватаются за ружье, а потом спрашивают визитную карточку, сколько у него денег на счете, и он поднимет вас на смех. Прерия не Уолл-Стрит, здесь по-другому определяют, чего стоит человек, поэтому, может быть, моя потертая шапка перевесит полдюжины нефтяных скважин. Здесь свои законы вежливости, и тот, кто не уважает других, сам не достоин уважения. Здесь не рынок, и цену человеку назначает не покупатель, а он сам определяет ее с оружием в руке.

Глаза мальчика зажглись любопытством, когда он перевел взгляд с Форстера на меня. По-видимому, ему пришлись по душе мои слова.

— Вы правы, но только отчасти, сэр, — счел нужным поправить меня юноша. — Наверняка среди вестменов есть люди, обладающие огромным состоянием. Вам приходилось когда-нибудь слышать имя Олд Файерхэнда?

— Мы с ним еще не встречались, — уклончиво ответил я. — Я сам мог бы назваться каким-нибудь «хэндом».

— Назваться может каждый, но слава приходит не ко всем. Виннету, с которым вам посчастливилось познакомиться, и Олд Файерхэнд принадлежат именно к тем людям, о ком я говорю. Они знают все ущелья в горах и могли бы провести вас к месторождениям золота и серебра, стоимость которых трудно оценить. Я глубоко сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из них согласился поменяться местами с нефтяным королем.

— Прекрати, Гарри, — перебил его Форстер. — Надеюсь, что ты сравниваешь их не со мной.

Мальчик ничего не ответил, а я произнес, упрямо не глядя на янки:

— В том, что из-под земли брызнула нефть, нет заслуги дельца, он никогда не рискнет жизнью ради своих сокровищ. Настоящий вестмен, найдя золотую жилу, никогда не променяет ее на свободу, и вы сами, молодой человек, только что подтвердили мою правоту. А вот мы и у оврага. Ведите же меня дальше.

Внизу, в огромном овраге, раскинулся поселок нефтяников. К отвесным склонам прижимались бараки, склады и выстроенные с претензией на роскошь дома хозяев. Тут и там торчали уродливые вышки над скважинами. Рабочие, словно муравьи, суетились вокруг буровых, а рядом горами громоздились налитые нефтью бочки.

— Добро пожаловать, сэр, — сказал Гарри. — Там по другую сторону реки вы найдете магазины, харчевню и постоялый двор. Где-то здесь начинается спуск. Он довольно крутой, и вам придется спешиться, но можете не беспокоиться — шею вы не свернете.

Он легко соскочил с седла, я последовал его примеру.

— Лучше возьмите лошадь под уздцы, — посоветовал мальчик тоном человека, привыкшего к тому, что к его словам прислушиваются.

— Сволоу спустится сам, — ответил я. — Показывайте дорогу.

Гарри вел свою лошадь впереди, успокаивая ее голосом, в то время как мой мустанг следовал за мной без понуканий. Форстер медленно шагал позади нас, выверяя каждое движение, разительно отличаясь этим от мальчика, — он то осторожно перебирался с камня на камень, то чуть ли не повисал на узде коня. Спустившись, мы снова впрыгнули в седла, и я хотел

было распрощаться, предполагая, что Форстер и Гарри направятся домой.

— Если вы позволите, — подозрительно любезно вдруг произнес Форстер, — мы проводим вас к магазину. Нам будет о чем потолковать.

Хотя мне не о чем было толковать с Форстером, я не стал отказываться от их общества, потому что мальчик мне понравился и хотелось подольше побыть с ним. Не подозревая подвоха, я спрыгнул у входа в барак с вывеской «Все для всех. Номера и товары» и направился к двери, но тут же остановился: Форстер уже держал Сволоу под уздцы.

— Я покупаю у вас эту лошадь. Сколько вы за нее хотите? — спросил янки с ухмылкой.

— Она не продается.

— Даю вам двести долларов.

Я засмеялся ему в ответ.

— Двести пятьдесят, — прибавил он, уверенный, что деньги покупают все.

— Не трудитесь понапрасну, сэр.

— Триста, — не унимался Форстер.

— Сэр, я вам уже сказал: лошадь не продается.

— Триста! А еще я оплачу все, что вы купите в этом магазине.

— Неужели вы считаете, что человек, путешествующий по прерии, продаст коня, без которого ему грозит верная смерть?

— Я дам вам в придачу и мою лошадь. Соглашайтесь!

— Да кому нужна ваша кляча? Она не стоит даже потертой шапки на моей пустой голове.

— Мне нравится ваш конь, и он должен стать моим! — Форстер явно терял терпение.

— Охотно верю, что он вам нравится, но вашим он не станет. У вас не хватит денег, чтобы заплатить за него.

— У меня не хватит денег?! — он бросил на меня уничтожающий взгляд. — Вы что, оглохли? Меня зовут Эмери Форстер! Да здесь любой человек подтвердит, что я могу заплатить за тысячу таких мустангов.

— Мне наплевать, богаты вы, как Крез, или бедны, как церковная мышь. Обратитесь к барышнику и приобретите у него лошадь по средствам, моего вам все равно не купить.

— Вы нахал и негодяй! Оборванец, у которого ноги выглядывают из дыр в сапогах, должен радоваться, что ему не придется воровать или грабить, чтобы купить новую обувь!

— Плевать мне, что вас зовут Эмери Форстер! Попридержите язык! Вы сказали, что невелика будет потеря, если вдруг пулей продырявят мою

шапку, да заодно и голову. Если я вам сделаю дырку в голове, потеря будет не больше.

— Поубавьте прыти! Здесь вам не прерия, где любой бродяга или грабитель чувствует себя вольготно и безнаказанно. В Нью-Венанго единственный хозяин я, а кто меня не слушается подобру-поздорову, послушается по принуждению. Я назвал последнюю цену. Отдаешь коня или нет?

Любой уважающий себя вестмен давно бы ответил выстрелом на притязания Форстера, но я, будучи человеком незлобивым, лишь забавлялся, глядя на то, как он выходит из себя. Кроме того, я, щадя ребенка, воздерживался от применения силы. Будь Форстер один, я бы с ним разговаривал по-другому.

— Нет, — ответил я спокойно и уверенно. — Отпустите коня!

С этими словами я протянул руку к поводьям, которые судорожно сжимал в руке Форстер, но он, с неожиданной для меня силой, выбросил вперед левую руку и толкнул меня так, что я еле устоял на ногах. Вслед за этим уверенный в своей безнаказанности нефтяной король вскочил в седло и крикнул:

— Эмери Форстер может купить коня даже тогда, когда его не продают. Я мог бы взять твою лошадь даром, но я благородный человек, поэтому садись на моего коня, он твой. В магазине можешь взять, что хочешь, я оплачу любой счет, а триста долларов ждут тебя в любое время. Поехали, Гарри, с ним больше не о чем толковать.

Не оглядываясь, Форстер отправился прочь, а мальчик остался на месте, пристально разглядывая меня. Убедившись, что я не бросился силой отбивать свою собственность, как, по его мнению, сделал бы любой вестмен, он с презрением процедил сквозь зубы:

— Знаете ли вы, что такое койот?

— Да, — ответил я совершенно спокойно, хотя и догадывался, почему он задает такой нелепый вопрос.

— И что вы о нем думаете?

— Трусливое животное, убегающее от лая собаки.

— Вы так легко ответили на мой вопрос, потому что вы... и есть койот!

Желая выразить свое презрение ко мне, он поднял лошадь на дыбы, повернулся ко мне спиной и поскакал вслед за «единственным» хозяином Нью-Венанго.

Я молчал, так как заранее знал, что Сволоу не останется в руках наглеца. Втайне я надеялся на то, что, пока мустанг будет у Форстера, я

смогу еще раз повидать Гарри и, может быть, проникнуть в его тайну. Произнесенные сгоряча слова мальчика нельзя было расценивать как окончательный приговор.

Стоявшие у входа в магазин и прислушивавшиеся к нашей перебранке мужчины оживились. Один из них, рыжий ирландец с лицом пропойцы, подхватил под уздцы лошадь Форстера, привязал ее к коновязи и подошел ко мне с наглой улыбкой.

— Не жалеете о своем скакуне, сэр, — сказал он. — Вы на нем хорошо заработаете. Вы к нам надолго?

— Я не собираюсь здесь задерживаться. А вы случайно не владелец «Номеров и товаров»?

— Он самый, к вашим услугам. Остановитесь в моих номерах и получите все, что только ваша душа пожелает. Можете хлестать бренди, покуда у вас остаются денежки, а как только они кончатся, я помогу вам поправить дела.

— Это как же?

— Сейчас все объясню, сэр. Вы можете остаться у меня не только сегодня, завтра и послезавтра, но в навсегда. Я как раз ищу слугу, который, получив пинка под зад, не торопится отвечать тем же обидчику. Если ты торговец или кабатчик, то честь не всегда приносит выгоду, скорее даже вредит. Я только что видел, что смолчать вам не трудно. Поработайте у меня, пинки будете получать не каждый день, а на чаевых заработаете.

Конечно, следовало бы ответить хорошим ударом на подобную наглость, но его предложение не разозлило, а рассмешило меня. Я молча зашел в магазин и так же молча отобрал необходимые мне вещи. Когда я спросил о цене, торговец с изумлением воззрился на меня и воскликнул:

— Неужели вы не слышали, что Эмери Форстер обещал за все заплатить? Поверьте, он сдержит слово, и вы можете взять все, что у меня есть, даже если у вас нет ни цента.

— Премного благодарен, но мне придется отказаться. Я привык за все покупки платить сам. Тем более, что я не собираюсь пользоваться деньгами конокрада.

Лавочник попытался что-то возразить, но, увидев горсть золотых монет, которую я достал из-за пояса, поглядел на меня с внезапным уважением. И все-таки по обыкновению заломил несусветную цену. Начался торг, где выигрывает тот, у кого больше хитрости и напористости. В конце концов мы сговорились, и за немалые деньги я стал обладателем нового трапперского костюма, запаса бекона, кофе, бобов и увесистого мешочка с порохом и пулями.

Тем временем стало смеркаться, на долину опустилась кромешная тьма, и, поскольку мне не хотелось оставаться в душной комнате, которую мне предложили, я забросил за спину мешок со всеми моими припасами и пожитками и вышел во двор в намерении навестить Форстера и преподать ему урок «права прерии».

Проходя мимо речки, змеившейся между отвесных стен оврага, я обратил внимание на резкий запах нефти. Чем ближе я подходил к реке, тем сильнее пахло: по-видимому, вода несла огромное количество опасного горючего. Хотя я впервые попал на нефтяные разработки, мне сразу показалось, что нефтяной король так же беспечен, как и невоспитан.

Я прошел через черную шеренгу бараков и повернул к дому Форстера, где с веранды лился свет. Там, удобно расположившись в плетеных креслах, изысканное местное общество предавалось беззаботной беседе. Подойдя к забору у дома, я услышал тихое фырканье. Я знал, что никто чужой не сможет ввести Сволоу в конюшню, поэтому конюхам Форстера пришлось оставить его во дворе и привязать к деревянной решетке веранды. Перепрыгнув через ограду, я ужом прополз между стеной дома и кустами, подкрался к лошади и осмотрелся: в двух шагах от меня в гамаке лежал Гарри, рядом с ним в кресле развалился Форстер. Не спуская с них глаз, я приторочил мешок с пожитками к седлу и прислушался.

— Мне кажется, ты ошибаешься, дядя. То, что ты хочешь сделать, бессмысленно, мало того, это — преступление...

— Ты собираешься учить меня, как вести дела? — перебил его Форстер. — Суди сам: цены на нефть упали так низко только потому, что ее добывают с избытком. А если кто-то из нас позволит нефти в течение месяца вытекать свободно, цены резко повысятся, и мы сделаем, поверь мне, очень хороший бизнес. Члены нашего картеля уже приняли решение, остается выполнить его и сорвать куш. Я выпущу нефть прямо в речку, а за то время, пока цены будут расти, мы набурим новых скважин в верховьях реки. Бочек у меня хватает, и я смогу отправить на Восток такое количество нефти, что мы заработаем не одну тысячу долларов.

— Но это нечестно! А конкуренты? В их руках богатые месторождения, и они немедленно затопят рынок нефтью. Вы разбудите спящего медведя, справиться с ним потом будет трудно. К тому же запасов, накопленных в Соединенных Штатах, хватит на целый год.

— Ты преувеличиваешь, Гарри, спрос на нефть велик и станет еще больше. Тебе трудно понять, насколько я прав, потому что ты еще слишком молод и часто ошибаешься в суждениях.

— Ты так считаешь, дядя?

— А разве ты сам не признал, что ошибся в том вестмене, или кто он там? Никогда бы не подумал, что тебе может нравиться такое общество.

Даже в неярком свете свечей было видно, как вспыхнул Гарри. Помолчав, он сдержанно ответил:

— Я вырос именно в таком обществе, и тебе это прекрасно известно. До сих пор я жил в глуши, в лесах и прериях, и мне пришлось бы презирать собственного отца, если бы я гордо отвернулся от «такого общества» только потому, что там не принято носить фраки и цилиндры. Согласен, внешний вид у них не из лучших, но среди них встречаются люди, которым многие ваши джентльмены и промышленные короли и в подметки не годятся. И сегодня я не ошибся, я ведь сказал, что мне только показалось вначале, что он настоящий вестмен.

Форстер открыл было рот, чтобы ответить ему, но не успел вымолвить ни слова. Раздался страшный гул, земля задрожала под ногами. Я посмотрел в сторону и с ужасом увидел, что в верхней части долины, там, где рабочие бурили скважины, в небо поднялся огромный огненный факел. Пылающая нефть падала на землю и растекалась во все стороны с невероятной скоростью. В нос ударил резкий запах гари.

Мне уже приходилось наблюдать это жуткое зрелище, когда огненная река пожирает все на своем пути, а раскаленный, словно пылающий, воздух испепеляет легкие. Огромным прыжком я преодолел расстояние, отделявшее меня от веранды, и крикнул оцепеневшим от страха людям:

— Тушите лампы и свечи! Немедленно! Из скважины ударила нефть, а вы не запретили разводить огонь. С нефтью идет газ, поэтому тушите свечи, иначе через минуту вспыхнет вся долина.

Я метался от одного канделябра к другому, но свечей было так много, что я все равно не успел бы их погасить. К тому же и в других домах ярко горели окна. На раздумье не оставалось времени.

— Люди, спасайтесь, бегите отсюда! Постарайтесь выбраться из долины! — кричал я.

Не думая больше ни о ком, я схватил Гарри и прыгнул с ним в седло. Не понимая, что происходит, мальчик не мог оценить размеры опасности и яростно брыкался и извивался всем телом, пытаясь освободиться, но я держал его железной хваткой, и вскоре он утих. Сволоу птицей мчался вдоль реки, подгоняемый не столько шпорами, сколько инстинктом. Я рассчитывал повернуть на тропу, по которой мы спустились в долину, но стена огня уже преграждала нам путь.

— Где выход из долины? — спросил я мальчика.

— Пустите меня, — простонал он в ответ. — Мне не нужна ваша

помощь, я сам справлюсь.

Он снова попытался освободиться, но я только крепче сжал его и продолжал вглядываться в отвесные скалы впереди нас в надежде найти путь к спасению. Тщетно. Скалы смыкались, между ними бурлила река, с трудом прокладывая себе дорогу среди камней, не оставляя даже узкой щели. Внезапно я почувствовал, что мальчик прекратил сопротивление, и услышал его слова:

— Что вы собираетесь сделать со мной? Немедленно отпустите меня, иначе я убью вас!

В его небольшой, еще полудетской руке блеснул мой нож, который он исхитрился выхватить из-за моего пояса. В следующее мгновение острое, как бритва, лезвие уперлось мне в живот. Уговаривать и переубеждать мальчика не было времени, одним движением я перехватил руку Гарри и сжал ее так, что хрустнули кости.

Опасность нарастала с каждой минутой. Огненный поток достиг складов, с оглушительным грохотом начали взрываться бочки с нефтью, превращая все вокруг в море огня, разливающееся с огромной скоростью и затапливающее всю долину. Воздух стал горяч и удушлив, дыхание перехватило. Мне казалось, что нас бросили на гигантскую раскаленную сковородку, в легкие при каждом вдохе впивались тысячи игл. Голова шла кругом, и я не потерял сознания только потому, что ответственность за жизнь мальчика неожиданно придала мне силы.

— Вперед, Сволоу! — хриплым, еще слышным шепотом понукал я коня.

Жар обжигал губы. К счастью, конь и без понуканий несся сломя голову и без труда вынес бы нас в безопасное место, если бы на нашем пути не встали непреодолимые скалы. «В реку!» — пронеслось у меня в мозгу, и я, пришпорив и без того обезумевшую лошадь, направил ее в пенившийся рядом поток. Вода сомкнулась над нами, освежила наши опаленные тела и придала новых сил. Спина Сволоу выскользнула из-под меня, но это было уже неважно — река несла горящую нефть и огонь нагонял нас. Никогда в жизни мне не приходилось плыть так быстро. Я даже не плыл, а, работая одной рукой и ногами, выбрасывал тело из воды, чтобы тут же снова погрузиться в нее. Второй рукой я придерживал мальчика, потерявшего сознание и судорожной хваткой тонущего человека вцепившегося в мою одежду.

Отблески огня просвечивали реку до дна, и по нему шли дьявольски красивые отблески, при виде которых ужас охватил меня. Вдруг рядом послышалось фырканье. «Сволоу, мой верный мужественный товарищ, ты

не бросил нас! А вот и берег... Там я опять сяду в седло...»

Выбравшись из воды, я взгромоздил бесчувственное тело Гарри на спину Сволоу, но вспрыгнуть в седло мне не достало сил. Лишь с третьей попытки, призывая на помощь Бога и всех святых, я сумел даже не сесть, а вползти на коня.

Мне уже было все равно, куда мы скачем, я полностью положился на инстинкт животного. Мои глубоко запавшие глаза, казалось, плавались, а свет прожигал мозг. Язык вывалился из почерневших губ, тело превратилось в уголья, еще немного, и я стану пеплом, который развеется по миру с малейшим дуновением ветра. Конь хрипел и стонал подо мной почти по-человечески. Он мчался вверх по камням, перепрыгивая через расщелины, валун и обрывы, чудом удерживаясь на краю пропасти, а я лежал на нем, обхватив его правой рукой за шею, а левой поддерживая мальчика. Последним, невероятно большим прыжком конь вынес нас на равнину и остановился. Я медленно сполз на траву и замер, жадно глотая свежий воздух, не в силах пошевелиться.

Отдышавшись, я встал на ноги, преодолевая боль в обожженном теле, и обнял верного Сволоу за шею. Я целовал его, как жених целует невесту в минуту счастья.

— Спасибо тебе, спасибо! — бормотал я коню, дрожавшему всем телом от усталости. — Ты спас нас обоих!

Небо горело кровавыми отблесками, сплошной стеной стояли над долиной густые черные, с пурпурным отливом клубы дыма. Гарри, бледный как полотно, лежал на траве передо мной, все еще сжимая в руке мой нож. «Он мертв, — с ужасом подумал я. — Он захлебнулся в воде, когда я пытался спасти его от огня!»

Мокрая одежда прилипла к худому телу. Я склонился над ним, откинул волосы с холодного, как мрамор, лба, растер виски и прижался ртом к его губам, чтобы вдохнуть в бездыханную грудь собственную жизнь.

Наконец мальчик вздрогнул, чихнул и задышал. Сердце билось в груди часто и неровно, но все же билось! Он медленно открыл глаза и посмотрел на меня взором выходца с того света. Но через минуту-другую его мертвый взгляд ожил, и он вскочил на ноги, дико озираясь по сторонам.

— Где? Что случилось? Зачем вы меня сюда притащили? — вскричал он.

— В долине пожар, но вам ничто не угрожает. Мы вне опасности.

Звуки моего голоса и вид дыма и пламени, вырывающихся из долины, привели его в чувство.

— Пожар в долине? Боже мой, там горит! Где же Форстеры?

Вспомнив о том, что его родственникам угрожает смертельная опасность, он накинулся на меня с упреками и оскорблениями:

— Вы подлый трус! Вы койот, бегущий от лая собак! Почему вы не спасли всех? Вы цените только собственную шкуру, поэтому я презираю вас и возвращаюсь к ним.

Он отвернулся от меня и зашагал прочь, но я ухватил его за руку.

— Остановитесь! Вы идете навстречу собственной гибели. Им уже никто и ничто не поможет.

— Отпустите меня! Я не могу иметь ничего общего с трусливым койотом.

Он вырвал руку и бросился бежать, оставив в моей ладони какой-то небольшой предмет. Я поднес его к глазам. Это был перстень, соскользнувший с его пальца. Я побежал за ним, но мальчик уже исчез среди крутых скал. Я не обижался на него, он был еще очень молод, и страшная картина разгула стихии выбила его из колеи, лишила покоя и способности здраво рассуждать, поэтому мне не оставалось ничего другого, как устроиться на траве и дожидаться рассвета, чтобы не сломать себе шею, спускаясь в темноте по скалам.

От усталости и пережитого меня била мелкая дрожь. Долина, где все еще бушевал нефтяной пожар, казалась мне преисподней, одежда, прихваченная огнем, расплзалась на клочья при малейшем движении. Вытащив из притороченного к седлу мешка новый костюм, я натянул его.

Сволоу лежал рядом, тяжело дыша и не притрагиваясь к траве, которой там было сколько угодно. Но что случилось с жителями долины? Хотя я заранее знал ответ, я не мог уснуть, несмотря на то, что сон и отдых были так необходимы перед дальней дорогой.

Я всю ночь не сомкнул глаз, время от времени вставал и подходил к краю обрыва. Огонь немного утих, но от этого открывавшаяся передо мною картина не перестала напоминать Страшный суд. Из скважины бил фонтан огня высотой в тридцать футов, наверху он рассыпался на отдельные струи и на тысячи искр, пылающим водопадом устремлялся вниз, прямо в реку, превращая ее в поток пламени.

Так продолжалось до утра. Напор нефти несколько уменьшился, и уже можно было без особой опасности для жизни спуститься в долину, где земля и скалы были чернее ночи, огромная, покрытая сажей сковородка, содержимое которой обуглилось по вине невнимательного повара. Из всех барачков, складов и других строений уцелел только один небольшой домик, выстроенный на высоком скальном уступе.

Я направился к нему. У дверей стояло несколько человек, среди них я

узнал Гарри. Отважный мальчик не побоялся спуститься туда ночью. Вдруг он взмахнул рукой, показывая на меня, и сразу же один из мужчин скрылся в доме, чтобы с ружьем в руке выйти мне навстречу.

— Стойте! — приказал он угрожающе. — Что вам еще здесь понадобилось? Убирайтесь отсюда, не то получите пулю в лоб.

— Я пришел предложить вам мою помощь, — миролюбиво ответил я.

— Знаем мы вашу помощь, — засмеялся он. Его голос не обещал ничего хорошего.

— Позвольте мне сказать несколько слов Гарри.

— Он не хочет вас видеть, поэтому я не пушу вас к нему.

— Но я хочу кое-что отдать ему.

— Не лгите! Какой подарок можете сделать вы Гарри? Вы трус и подонок, это вы подожгли нефть!

У меня перехватило дух от такого неожиданного и несправедливого обвинения. В замешательстве я не смог произнести ни слова в свое оправдание, и, по-видимому, мое молчание приняли за признание вины, потому что человек на берегу добавил:

— Вы испугались расплаты? Убирайтесь!

Он вскинул ружье, и я наконец обрел дар речи.

— Вы с ума сошли! Газ взорвался от ваших свечей. Несчастье случилось из-за вашей же беспечности.

— Не пытайтесь оправдаться! Вон отсюда!

— Разве стал бы я с риском для жизни спасать мальчишку, если бы поджег нефть сам?

— Если бы вы на самом деле хотели нам помочь и не сбежали, как последний трус, уцелели бы все. Идите и полюбуйтесь на обгорелые трупы. Это дело ваших рук! Примите же нашу благодарность.

Он выстрелил в меня. Возмущенный до глубины души несправедливым обвинением, я стоял как вкопанный и даже не дрогнул. Именно это обстоятельство и спасло мне жизнь, так как мужчина промахнулся, а пытаясь уклониться, я бы наверняка попал под пулю. Моя рука потянулась к револьверу, чтобы ответить обидчику верным выстрелом, но я сумел сдержаться. Повернувшись к нему спиной, я медленно побрел вверх по тропинке, вскочил на коня и уехал, унося в душе чувство обиды. Когда человека, рискующего жизнью ради спасения ближнего, обвиняют в преступлении, ему не остается ничего другого, как молча удалиться.

Несколько дней спустя я добрался до прерии Гревел, где мне целую неделю пришлось ждать Виннету. Я не испытывал недостатка в продовольствии, так как дичь там встречалась на каждом шагу, да и скучать

было некогда: вокруг рыскали шайки индейцев сиу, и мне время от времени нужно было спасаться бегством, путать следы и скрываться. Когда мы наконец встретились с Виннету, он, услышав о том, что в прерии хозяйничают краснокожие враждебного племени, предложил мне покинуть негостеприимные края и навестить Олд Файерхэнда.

Я охотно принял приглашение, так как давно мечтал познакомиться с легендарным вестменом. Но путь к нему был небезопасным, в чем мы убедились на следующий же день, увидев следы индейца. Я внимательно осмотрел их. Конь краснокожего, по-видимому, был привязан к кольшку, вбитому в землю, и выщипал вокруг всю траву. Его хозяин лежал рядом и играл колчаном со стрелами. Одна из стрел сломалась у него в руке, но он, вопреки обычаям краснокожих, не удосужился собрать обломки. Я поднял их и рассмотрел: стрела предназначалась не для охоты, а для войны.

— Краснокожий вышел на тропу войны, — сказал я, — но он молод и неопытен, иначе он позаботился бы о том, чтобы собрать все щепки и вытащить из земли кольшек. К тому же следы его ног меньше следов взрослого мужчины.

Мы еще раз осмотрели отпечатки его ног. Они были четкие, с твердыми, еще не осыпавшимися краями, а примятая трава еще не успела распрямиться.

Мы шли по следу, пока тени не удлинились и не стало смеркаться. Въехав на один из холмов, я вытащил подзорную трубу и глянул в нее. Мне повезло — я сразу же увидел длинную прямую линию, тянущуюся с востока до самой отдаленной точки на западе. Обрадовавшись, я передал трубу Виннету и показал, куда надо смотреть.

— Мой брат знает, что это такое? Это похоже на тропу, но никакое стадо бизонов и ни один отряд краснокожих не оставит в прерии такой след.

Виннету оторвался от подзорной трубы и удивленно посмотрел на меня.

— Знаю, — ответил я. — Это тропа для огненного коня. Еще сегодня мы будем там.

Он снова поднес трубу к глазу, рассматривая приближенные оптикой рельсы. Внезапно он резко спрыгнул с лошади и быстро спустился вместе с конем с холма. Зная, что Виннету не делает ничего без серьезной на то причины, я, не задумываясь, последовал за ним в лощину.

— Там, у дороги, по которой бежит огненный конь, лежат краснокожие воины, — объяснил он мне, когда мы остановились. — Они укрылись за холмом, но я заметил их лошадей.

— Как думает мой брат: что хотят сделать краснокожие? — спросил я.

— Они собираются разрушить дорогу огненного коня.

Мы пришпорили лошадей и поскакали к ним, стараясь держаться в лощинах и не показываться на открытой местности. Предосторожность была явно нелишней: у краснокожих очень зоркий глаз, а кроме того, во время моих путешествий я не раз видел у индейцев подзорные трубы. Цивилизация наступала на примитивный быт коренных жителей Америки, оттесняла их в глушь, но и давала им более совершенные средства для борьбы с белыми. Ружья и револьверы уже не были редкостью, да и другие дьявольские выдумки белого человека все чаще попадали в руки краснокожих.

Приблизившись незамеченными к индейцам на достаточное расстояние, я попросил Виннету подождать меня, а сам, скрываясь в густой высокой траве, пополз на разведку. Мне удалось подобраться к ним так близко, что я смог сосчитать их: тридцать краснокожих в боевой раскраске притаились за холмом у самой железной дороги. Лошадей у них было значительно больше, из чего не составляло труда сделать вывод, что они собирались напасть на поезд и взять богатую добычу.

Внезапно за моей спиной послышалось чье-то тихое дыхание. Выхватив нож, я молниеносно повернулся, готовый схватить противника за горло и всадить клинок ему в сердце. За мной лежал Виннету — он не выносил бездействия и решил прийти мне на помощь.

— Уфф! — еле слышно прошептал он. — Мой брат осмелился подобраться очень близко, но зато он своими глазами увидел индейцев понка из племени суиксов, с их белым вождем Паранохом.

Я с неподдельным удивлением уставился на Виннету.

— Белый вождь?

— Разве мой брат никогда не слышал о Паранохе, жестоком вожде атабасков? Никто не знает, откуда он прибыл к ним, но он был отважным воином, и совет старейшин решил принять его в племя атабасков. А когда поседевшие вожди ушли в Страну Вечной Охоты, ему отдали трубку мира племени. Он снял скальпы с многих врагов, но затем потерял рассудок, стал обращаться с воинами атабасков, как белые люди обращаются с черными, и вынужден был спасать свою жизнь бегством. Теперь он сидит у костра старейшин индейцев понка и водит их отряды за добычей.

— Мой брат видел его лицо?

— Виннету бился с Паранохом на томагавках, но вероломный бледнолицый сражается нечестно и сумел избежать смерти.

— Я сразу понял, что он предатель. Ведь он собирается остановить

огненного коня, чтобы ограбить и убить моих белых братьев.

— Убить и ограбить белых людей? — удивился Виннету. — Но ведь он из их племени! Что сделает мой брат Сэки-Лата?

— Мы подождем и посмотрим, разрушит ли он дорогу огненного коня, а потом поедем навстречу моим братьям, чтобы предупредить их об опасности.

Виннету кивнул в знак согласия. Тогда нередко случалось, что краснокожие и белые грабители пускали под откос поезд, чтобы потом обобрать до нитки их пассажиров. Темнело, и наблюдать за индейцами становилось все труднее. Я попросил Виннету вернуться к лошадям и ждать меня там, он согласился.

— В случае опасности позови меня криком лисицы, и я сразу же приду на помощь.

Он ушел, а я решил воспользоваться темнотой и подкрасться к краснокожим поближе. Медленно и осторожно, прислушиваясь к каждому шороху, я пополз к насыпи, пересек железнодорожное полотно и вскоре увидел тени индейцев. Они тащили к железной дороге большие камни, до меня долетали глухие удары каменных глыб по рельсам и сопение краснокожих.

Не оставалось никаких сомнений, что шайка готовит нападение на поезд. Нельзя было терять ни минуты. Я отполз подальше, вскочил на ноги и помчался к Виннету, на ходу пытаюсь определить, откуда появится поезд. К сожалению, я не знал, где мы находимся и когда можно ждать его появления здесь, а чтобы предостеречь машиниста и пассажиров, надо было удалиться на безопасное расстояние.

В волнении я забыл подать Виннету условный знак, и он, не ожидая меня, в последний момент опустил руку с ножом. Мы поняли друг друга с полуслова и мгновение спустя уже сидели в седлах и ровным галопом мчались на восток. Луна еще не взошла, и только бледно мерцающие звезды освещали нам путь.

Следовало отъехать подальше, чтобы грабители не увидели огни приближающегося поезда и не поняли, что их замысел раскрыт. Наконец мне показалось, что мы достаточно удалились от места засады. Спешившись и стреножив лошадей, мы из пука сухой травы приготовили фитиль, посыпали его порохом и, расположившись на одеялах, принялись ждать, напряженно всматриваясь в темноту.

Вдруг вдали показался отблеск огня, вскоре превратившийся в яркий свет, и мы услышали стук колес на стыках. Я вытащил револьвер и выстрелом зажег порох на фитиле. Размахивая горящим факелом, я встал у

самых рельсов, пытаюсь привлечь внимание машиниста.

Поезд несколько раз пронзительно свистнул, заскрежетали тормоза, цепь вагонов, теряя скорость, остановилась. Я сделал Виннету знак следовать за собой и, не обращая внимания на кондукторов и пассажиров, выглядывающих в окна и двери, побежал к паровозу и громко сказал:

— Немедленно погасите свет!

Служащие железнодорожной компании «Пасифик» — люди сообразительные и наделенные здравым смыслом, они сначала выполняют то, что от них требуют, и только потом задают вопросы. Огни погасли, а из окошка локомотива спросили:

— Какого черта вы нас остановили, сэр? Мы не берем пассажиров в прерии!

— Может быть, когда-нибудь мне и захочется прокатиться с вами, но только не сейчас, когда впереди вас поджидает шайка краснокожих, готовых пустить поезд под откос.

— Что? Тысяча чертей! Если это правда, то лучше парня, чем вы, не найти во всей стране! — воскликнул машинист и спрыгнул на землю. Это был огромный, звероподобного вида усатый мужчина, который, выражая свою благодарность, пожал мне руку так крепко, что я едва не вскрикнул от боли.

Вокруг нас собрались пассажиры.

— Что случилось? Почему стоим? Кто вы? — сыпались со всех сторон вопросы.

Я вкратце рассказал им, что впереди их ждет засада.

— Прекрасно! — рокотал басом машинист. — Мы, правда, выйдем из графика, а может быть, нарушим движение на целые сутки, но зато проучим как следует краснокожих негодяев. Нас не так уж много, но все не робкого десятка и с шайкой справимся. Сколько там краснокожих?

— Тридцать индейцев понка9.

— Хорошо! Мы с ними расправимся в один момент. — Он победно огляделся вокруг и вдруг увидел Виннету. — Боже мой, да ведь это краснокожий!

И машинист, пытаясь на ходу достать револьвер, бросился к Виннету, с гордым видом стоявшему в полный рост поодаль.

— Остановитесь! Это мой друг, который с удовольствием познакомится со смелыми всадниками огненного коня.

— Это другое дело! Позовите его сюда. Как его имя?

— Виннету.

— Виннету? — воскликнул кто-то из толпы, и какой-то мужчина,

расталкивая зевая, протиснулся вперед. — Разве Виннету, великий вождь апачей, здесь?

Перед нами встал высокого роста человек, крепкого телосложения, одетый, в отличие от остальных, не как джентльмен и не в форму железнодорожного служащего, а в охотничий костюм. В темноте я не смог разглядеть его лица.

— Виннету не помнит своего друга? — радостно спросил он.

— Уфф! — ответил вождь с такой же радостью в голосе. — Разве Виннету может забыть Олд Файерхэнда, лучшего из охотников прерии? Я много месяцев не видел моего брата, но не забыл его.

— Олд Файерхэнд? Неужели? Он самый! — посыпались со всех сторон восклицания.

С его именем было связано столько легенд, столько подвигов он совершил, что не было на Западе человека, не слышавшего об Олд Файерхэнде.

— Почему же, садясь в поезд, вы не назвали нам свое имя? Уж мы бы устроили вас получше, чем тех, кого мы только из вежливости и за их деньги согласились везти на Запад, — воскликнул машинист.

— Премного благодарен, сэр, но я вполне доволен своим местом. Пора подумать, что делать с сидящими в засаде индейцами.

Все сразу же столпились вокруг него, будто само собой подразумевалось, что его план окажется лучше любого другого. Я еще раз подробно рассказал о том, что видел.

— Значит, вы друг Виннету? — спросил Олд Файерхэнд, внимательно выслушав меня. — Я трудно схожусь с людьми, но тот, кого уважает Виннету, может всегда рассчитывать и на меня. Вот вам моя рука.

— Он мой брат, — объяснил Виннету. — Мы пили кровь братства.

— Так вы и есть... — произнес Олд Файерхэнд, подходя ко мне вплотную, чтобы лучше разглядеть меня, — тот самый...

— Ты прав, он и есть Олд Шеттерхэнд, чей кулак валит с ног любого, — закончил за него Виннету.

— Олд Шеттерхэнд! Он тоже здесь! — послышались вокруг возгласы.

— Вы Олд Шеттерхэнд? — воззрился на меня машинист. — Виннету, Олд Файерхэнд и Олд Шеттерхэнд собрались здесь. Трос известнейших воинов Запада! Краснокожим грабителям не уйти от расплаты. Приказывайте, джентльмены, мы беспрекословно подчинимся вам.

— Вот и прекрасно, — сказал Олд Файерхэнд. — Нас достаточно, чтобы перестрелять краснокожих негодяев, вздумавших напасть на нас.

— Прочитать их следует, сэр, но зачем же убивать? — возразил я.

— Они ведут себя как дикие звери, — ответил он. — Я слышал, что вы, даже когда вам наносят удар в спину, пытаетесь оправдать врага. Однако я сделан из другого теста. Если бы вам довелось пережить то, что пережил я, вы бы не щадили негодяев. Во главе шайки стоит Паранох, изменник и убийца, а у меня с ним свои кровавые счета.

— Хуг! Ты сказал правду, — подтвердил обычно мягкий в суждениях Виннету. По-видимому, у него были свои причины, не считаясь с моими доводами, требовать столь сурового наказания.

— Щадить их нельзя, вы правы, — вмешался машинист. — Что же мы предпримем?

— Вам придется остаться у поезда, — сказал Олд Файерхэнд, — иначе, если вас ранят, некому будет вести поезд, но все остальные джентльмены могут и должны принять участие в сражении, чтобы показать негодьям, где раки зимуют, и навсегда отучить их грабить поезд. Мы подкрадемся к ним в темноте и бросимся на них сзади. Главное — сделать все неожиданно, чтобы они не успели даже взяться за оружие. Как только мы покончим с ними, подадим знак огнем, и поезд подойдет, а тем временем мы разберем завалы из камней на рельсах. Кто идет с нами, джентльмены?

— Я! Я! Я! — чуть ли не хором отозвались мужчины. Никто не хотел упустить редкую возможность сразиться с индейцами, чтобы затем рассказывать о своих подвигах друзьям и знакомым.

— Тогда к оружию. Вперед! У нас мало времени. Если мы задержимся, Паранох может заподозрить неладное.

Мы с Виннету встали во главе отряда и повели его в нужном направлении. Мы продвигались бесшумно, ничем не нарушая царившую в прерии тишину. Через час пути пришлось лечь на землю и пробираться вдоль железнодорожной насыпи ползком. Тем временем взошла луна и озарила все вокруг ровным бледным светом. В воздухе, казалось, были разлиты мир и покой, и ничто не предвещало бойни.

Лунный свет был нам на руку, так как уменьшал опасность столкнуться нос к носу со скрывающимися в темноте индейцами. В то же время увеличивалась вероятность, что нас обнаружат. Я чуть ли не на каждом шагу осторожно приподнимался и осматривался, и, как выяснилось, не зря: на вершине ближайшего холма стоял часовой и, не всматриваясь он с напряжением в сторону, откуда должен был появиться поезд, непременно заметил бы нас.

Через минуту мы увидели и остальных индейцев, укрывшихся за насыпью. На железнодорожном полотне напротив них высилась гора из

огромных валунов, при столкновении с которой поезд непременно сошел бы с рельсов. Позади лежащих в засаде краснокожих стояли их лошади, что лишало нас возможности подкрасться к шайке с тыла: животные непременно учуяли бы нас и предупредили хозяев фырканием. Поэтому нам пришлось отказаться от первоначального замысла и залечь за насыпью с противоположной стороны дороги.

Однако, прежде чем броситься на негодьяв, надо было снять часового — задача исключительно трудная, если учесть, что стоящий на холме краснокожий видел в свете луны малейшую тень и слышал в глубокой тишине любой шорох. Сделать это мог только Виннету, и никто другой. С полуслова поняв, что от него требуется, апач уполз в темноту, а я остался с белыми, напряженно вглядываясь в фигуру часового, истуканом застывшего на вершине. Вдруг я увидел, как часовой взмахнул руками и беззвучно свалился на землю, но через мгновение вскочил на ноги и снова занял свой пост: Виннету прикончил его и, зная, что исчезновение часового вызовет подозрение у индейцев, занял его место.

Я уже собрался было подать знак к нападению, как за моей спиной раздался выстрел: кто-то из пассажиров поезда, непривычный к схваткам, не сумел справиться с волнением и нечаянно нажал курок. Тотчас же мы вскочили на ноги и бросились через полотно на краснокожих, которые, несмотря на неожиданность, не потеряли хладнокровия и метнулись к лошадям, чтобы вырваться из западни, в которой оказались, а затем уж решить, пускаться в бегство или принимать бой.

— Стреляйте по лошадям, — приказал Олд Файерхэнд.

Прогремел залп, индейцы смешались, в небольшой лощине в панике заметались кони и люди. Олд Файерхэнд и Виннету, размахивая томагавками, ринулись на врагов. Как я и ожидал, от остальных белых толку было мало, они палили издали, совершенно не попадая в цель, и сразу же бросились бежать, как только несколько индейцев понка с диким воем атаковали их с фланга.

Я расстрелял все патроны из штуцера, отложил его в сторону и поспешил на помощь Олд Файерхэнду и Виннету, оставшимся наедине с разъяренной шайкой.

Зная хорошо Виннету, я был уверен, что он сумеет справиться со своими противниками, поэтому решил поддержать Олд Файерхэнда, окруженного десятком неприятелей. Знаменитый вестмен напомнил мне старинного рубаку, о каких приходилось читать в юности: он яростно размахивал томагавком, отражая многочисленные удары, сыпавшиеся на него со всех сторон, грива волос развевалась вокруг его непокрытой

головы, а на лице, ярко освещенном луной, застыло жесткое выражение, в котором читалась уверенность в победе.

Продираясь сквозь толпу мечущихся краснокожих, я увидел Параноха и попытался пробиться к нему, но он бросился бежать от меня и столкнулся нос к носу с Виннету. Увидев перед собой смертельного врага, апач воскликнул:

— Паранох! Теперь ты не уйдешь от меня! Уста земли жаждут твоей крови, стервятники разорвут твоё тело на части, а твой скальп украсит мой пояс.

Он отбросил томагавк, выхватил из-за пояса нож, но ему помешали нанести смертельный удар. И помешал не кто иной, как Олд Файерхэнд. Отбиваясь от напирających противников, он мельком увидел Параноха и узнал в нем человека, которого ненавидел всеми фибрами души. Встречи с Паранохом он искал долгие годы, и вот теперь судьба неожиданно отдавала врага прямо в его руки. Разбросав, как снопы, наседавших на него индейцев, он встал между Виннету и предводителем шайки и удержал занесенную для удара руку апача.

— Остановись, брат мой! Этот человек принадлежит мне! — воскликнул он. — Ты узнаешь меня, Тим Финетти?

Услышав свое настоящее имя, Паранох застыл на месте. Но, стоило ему бросить взгляд на лицо Олд Файерхэнда, как он мгновенно выскользнул из рук Виннету и, словно стрела, пущенная из лука, помчался в прерию. У меня не было личных счетов с Паранохом, если бы даже он не заслуживал сурового наказания за нападение на поезд, для меня было достаточно того, что белый оборотень является смертельным врагом Виннету. Не раздумывая, я пустился вдогонку.

Волки никогда не гонят свою жертву по прямой. Так и я огромными прыжками мчался наперерез Параноху. Виннету и Олд Файерхэнд тоже кинулись было в погоню, но вождь апачей всегда уступал мне в беге, а знаменитый вестмен уже достиг того возраста, когда состязаний в скорости, где ставкой является жизнь беглеца, лучше избегать. К тому же Паранох оказался чрезвычайно прыток, и расстояние между нами упорно не сокращалось, несмотря на то, что я напрягал все силы.

Какое-то время я слышал за спиной тяжелое дыхание Виннету и Олд Файерхэнда; они отставали все больше, пока не прозвучал наконец голос Виннету:

— Пусть мой брат Олд Файерхэнд остановится. Подлый койот Паранох не уйдет от Сэки-Латы. Еще никто не сумел опередить его, как никто не сумел устоять на ногах после его удара.

Признаюсь честно, хотя я и не падок на лесть, похвала Виннету придала мне сил. Я прибавил ходу, ни на минуту не спуская глаз с Параноха из опасения, что он выкинет один из своих трюков и сумеет скрыться. Со стороны, должно быть, мы представляли жуткое зрелище: два бледнолицых, мчащиеся в неверном лунном свете, один с длинной развевающейся скальповой прядью, второй — преисполненный желания снять ее.

Когда я уже почти догнал Параноха, он бросился в сторону и резко остановился, пропуская меня вперед, чтобы нанести удар в спину, но я разгадал его хитрость и рванулся в его сторону. Мы столкнулись, и нож, который во время бега я судорожно сжимал в руке, вонзился Параноху между ребер по самую рукоятку. Он тяжело рухнул на землю, я, споткнувшись о неподвижное тело, упал рядом, но тотчас же вскочил, готовый к любой неожиданности.

Паранох не шевелился. Уверенный, что убил противника, я со вздохом вырвал нож из раны. Мне не раз доводилось сражаться врукопашную с ловкими и опытными краснокожими обитателями американских прерий, и на моем теле остались многочисленные следы от поединков, но это был первый белый, павший от моей руки. Я никак не мог избавиться от беспокойного, щемящего чувства вины, хотя разумом понимал, что дело не в цвете кожи и что негодяй вполне заслужил такой бесславный конец.

Я все еще раздумывал и переживал, когда за моей спиной послышался шорох чьих-то шагов. Бросившись на землю, я поспешил отползти от тела врага, но выяснилось, что причин для тревоги нет: ко мне приближался Виннету, беспокоившийся за мою судьбу и искавший меня в ночи.

— Мой брат быстр, как стрела апача, а его нож всегда разит врага в сердце, — произнес он, глядя на распростертого на земле Параноха.

— Где Олд Файерхэнд? — спросил я, тревожась за вестмена, оставшегося наедине с прерией, в которой еще бродили остатки рассеянной нами шайки краснокожих.

— Олд Файерхэнд силен, как медведь, но на его ногах путы прожитых лет. Мой брат не хочет украсить себя скальпом койота из племени атабасков?

— Я дарю его моему брату Виннету.

Тремя надрезами апач очертил скальповую прядь на выбритом черепе Параноха и резким движением сорвал с головы столь желанный для краснокожего боевой трофей.

Тем временем в бледно-молочном свете луны я заметил темное пятно, движущееся в нашу сторону, и сделал Виннету предостерегающий знак.

Прячась в густой траве, мы спешно отползли в сторону.

Нас не покидала надежда, что это все же Олд Файерхэнд, ищущий нас. Но вот пятно распалось на несколько точек, и вскоре стало ясно, что это шесть индейцев понка, крадущихся в темноте и ведущих в поводу своих лошадей. Краснокожие продвигались вперед осторожно, готовые в любую минуту, в зависимости от обстоятельств, схватиться за оружие или пуститься в бегство.

Пока мы со всеми предосторожностями заходили к ним в тыл, краснокожие обнаружили тело вождя. И когда раздались исполненные ужаса восклицания «Уфф!», я и апач, не давая врагам опомниться, вспрыгнули на двух ближних к нам коней, а перерезать повод и дать им шпоры было делом секунды. Воздух за нашими спинами огласился бешеным воем, но все же испуганные смертью вождя краснокожие не решились пуститься в погоню за нами. Мы тоже не жаждали продолжать сражение — предводитель грабителей был убит, его скальп украшал пояс Виннету, к тому же мы уводили с собой двух лошадей. Я представил себе, что сейчас чувствуют индейцы понка, пошедшие по шерсть, а вернувшиеся стрижеными, и улыбнулся. По-видимому, подобные же чувства испытывал Виннету, потому что он не смог удержаться от победного залихватского клича. Однако, несмотря на радость, нас не покидала тревога за Олд Файерхэнда, и наши опасения подтвердились — на месте недавнего сражения вестмена не оказалось.

Победа была полной. Белые пассажиры, пустившиеся было наутек после первых выстрелов, теперь разожгли у завалов костры и в их свете откатывали за насыпь валуны, преграждавшие путь поезду. Сюда же перенесли и тела убитых индейцев, и кое-кто с геройским видом поглядывал на них, словно это было делом его рук. Вдали показались огни локомотива.

Поезд медленно приблизился и остановился перед преградой, из вагонов высыпали не принимавшие участия в сражении железнодорожные служащие и дамы, все бросились расспрашивать нас о засаде, индейцах, потерях, стрелах, томагавках и прочей ерунде. Я вкратце рассказал о событиях, и все дружно рассыпались в ничего не значащих изъявлениях благодарности, а начальник состава пообещал упомянуть нас в отчете и сообщить наши имена в газеты.

— Это совершенно лишнее, сэр, — ответил я. — Мы простые вестмены и не ищем славы, а Виннету и так достаточно известен своими подвигами. Но если уж вам так хочется кого-то отблагодарить и восславить, вы можете разнести по всей Америке имена храбрых джентльменов,

поддержавших нас в схватке с врагами. За пять минут они сожгли такую уйму пороха, что его хватило бы, чтобы перестрелять половину индейцев от Канады до Мексики. Они заслужили, чтобы об их подвиге трубили газеты.

— Вы действительно так думаете, сэр? — спросил начальник состава, не понявший иронии.

— Ну конечно.

— Так вы считаете, что они вели себя храбро?

— Выше всяких похвал.

— Я очень рад, сэр. Непременно запишу их имена и передам в газету. А где знаменитый Олд Файерхэнд? Надеюсь, он жив?

— Мой брат Олд Файерхэнд потерял след Параноха, — озабоченно вмешался Виннету. — Что, если он встретил новых врагов и нуждается в нашей помощи? Я и Олд Шеттерхэнд пойдем на его поиски.

— И немедленно, — подтвердил я. — А к вам просьба, обратился я к начальнику поезда. — Прошу вас не уезжать и дожидаться нашего возвращения.

Я подобрал свой штуцер, брошенный в самом начале рукопашной, зарядил его, и мы пошли к тому месту, с которого я бросился в погоню за Паранохом. Свет луны был слишком слаб и неверен, чтобы полагаться на зрение, и нам пришлось напрягать слух. Однако шум локомотива заглушал все звуки, и только когда мы отошли от него на значительное расстояние, стало возможным различать ночные шорохи.

Мы безуспешно сделали несколько кругов по прерии, все расширяя и расширяя их, и я уже подумывал о возвращении к поезду в надежде, что Олд Файерхэнд успел за время нашего отсутствия вернуться к нему, как вдруг откуда-то издали до нас долетел приглушенный вскрик.

— Это Олд Файерхэнд! Индейцы стараются никогда не выдавать себя криком, — сказал Виннету.

— Я тоже думаю, что это он, — ответил я, встревоженный и обрадованный одновременно. — Скорее туда!

Мы бросились бежать, но тут же остановились и удивленно посмотрели друг на друга: Виннету собирался бежать на север, а я отправлялся на восток.

— Почему мой брат бежит в ту сторону? Крик донесся с севера, — недоуменно произнес Виннету.

— Нет, с востока, — не согласился я. — Слушай!

Крик снова повторился, и снова мы не смогли прийти к общему мнению.

— Как видишь, ты ошибся, нам надо бежать на восток.

— Ошибается мой брат, — упорствовал Виннету.

— У нас нет времени на споры. Олд Файерхэнду грозит опасность, поэтому пусть мой брат идет на север, а я пойду на восток, — предложил я. — Один из нас непременно найдет его и выручит из беды.

— Пусть будет так! — согласился Виннету.

Вождь апачей побежал в свою сторону, я в свою. Зная, что Виннету никогда не ошибается, я на бегу терзался сомнениями, но вскоре убедился, что на этот раз прав все-таки я. Чем дальше, тем все громче и явственнее звучал голос, зовущий на помощь. Наконец я увидел индейцев, размахивающих томагавками, и Олд Файерхэнда, стоящего на коленях и с трудом отражающего удары.

— Держитесь, я здесь! — воскликнул я, насколько это было возможно.

Когда расстояние между нами сократилось до пятидесяти шагов, положение Олд Файерхэнда стало совсем незавидным: увидев, что я спешу вестмену на помощь, индейцы усилили натиск, томагавки так и сверкали над его головой. Медлить было нельзя, еще минута — и вестмену раскроили бы череп. Поэтому я остановился и вскинул штуцер. После долгого бега я тяжело дышал, сердце колотилось в груди, руки подрагивали. Стрелять было опасно, тем более в таком неверном свете луны: я мог случайно попасть в того, кого хотел спасти. Но иного выхода не было; задерживая дыхание, я три раза нажал курок и с радостью увидел, что все три индейца один за другим рухнули на землю.

— Слава Богу! — воскликнул Олд Файерхэнд, когда я подбежал к нему. — Вы успели вовремя! И я, черт побери, обязан вам жизнью. Надеюсь, что когда-нибудь смогу отплатить вам той же монетой.

— Вы ранены? Позвольте мне осмотреть раны. Вы, наверное, потеряли много крови.

— Канальи исполосовали мне томагавками все ноги. Когда вы бросились в погоню за Тимом Финетти, у меня в бедре уже торчала одна стрела, вот почему я не мог поспеть за вами. Я отстал и, пока искал ваши следы, немного поплутал. Тут-то меня и подкараулили индейцы. Мерзавцы прятались в густой траве, и когда я подошел к ним, нанесли мне несколько ударов по ногам. Бежать после этого я уже не мог, из оружия у меня оставался только нож и собственные кулаки, так что не приди вы мне на помощь, мой скальп украсил бы пояс одного из этих бандитов. Так что вы подоспели весьма вовремя... Должен признаться, я сам неплохо стреляю, но вам и в подметки не гожусь — попасть в темноте сразу в троих... Такое под силу только Олд Шеттерхэнду!

Пока вестмен говорил, я осмотрел его раны: они были болезненны и многочисленны, но, к счастью, не опасны для жизни. А немного спустя появился и Виннету и помог мне перевязать Олд Файерхэнда. Оставив убитых индейцев на съедение зверям и птицам, мы медленно побрели к железной дороге, однако поезда там, несмотря на мою просьбу подождать нас, уже не оказалось. И хотя я прекрасно понимал, что расписание следует соблюдать, поступок машиниста трудно было расценить иначе, чем неблагодарность.

Лошади, которых мы отбили у индейцев, стояли рядом с нашими, и мы могли бы немедленно тронуться в путь, но, поразмыслив, решили сделать привал на несколько дней и подождать, пока раненый Олд Файерхэнд не наберется сил. В шести часах езды мы нашли ручей, по берегам которого росла рошица, где мы и остановились.

Глава VI. В «КРЕПОСТИ»

Прошли долгие две недели, пока мы смогли пуститься в путь. Раны Олд Файерхэнда заживали медленно, и все это время мы жили в напряжении и в постоянном ожидании нападения индейцев сиу, на чьей территории мы находились. Наши ружья молчали, чтобы не привлекать внимания краснокожих, но мы не голодали, ставили силки, и добыча была обильной.

Когда наконец Олд Файерхэнд окреп и смог сесть на коня, мы решили отправиться в ущелье, мне до тех пор не знакомое и служившее убежищем для белых вестменов. По дороге в одну из ночей я сидел с Олд Файерхэндом у костра, а Виннету ходил вокруг дозором.

— Может, мой брат присядет с нами, — обратился к нему Олд Файерхэнд, когда тот молчаливой тенью проходил мимо нас. — Мы достаточно удалились от тропы индейцев сиу, и здесь нам, пожалуй, опасность не грозит.

— Глаза апача всегда открыты. Он не доверяет ночи, ибо она изменчива, как женщина, — ответил Виннету, растворяясь в темноте.

— Он ненавидит женщин, — заметил я, полагая, что начинаю одну из тех легких бесед, что ведутся в спокойствии и тишине под мерцающими звездами и потом вспоминаются много лет. Однако разговор принял неожиданное направление.

Олд Файерхэнд открыл футляр, висевший у него на шее, вынул бережно хранимую трубку, медленно, словно священнодействуя, набил ее табаком и закурил.

— Вы так думаете? По-моему, вы ошибаетесь.

— Но я почувствовал это по его словам, — заупрямился я.

— Я, однако, думаю, что это не так, — проворчал в ответ Олд Файерхэнд. — Была одна женщина, за которую он готов был сражаться и с человеком, и с сатаной, и со всем светом. Правда, похоже, что с тех пор он забыл слово «скво».

— Почему же он не привел ее в свой вигвам?

— Потому что она любила другого.

— Разве краснокожие спрашивают об этом женщину?

— Это был особый случай, она любила его друга.

— И как же звали его друга?

— Сегодня он носит имя Олд Файерхэнд.

Я поднял глаза, удивленный тем, что услышал; вновь я невольно прикоснулся к какой-то полной трагизма истории, какие на каждом шагу случаются на Западе. Только непосвященный может думать, что здесь люди счастливо пребывают в романтических обстоятельствах и все их начинания кончаются удачно. Наоборот, здесь жизнь ломает и калечит судьбы, я уж не говорю о выбеленных солнцем и ветром костях, разбросанных по прерии.

Я не собирался да и не имел права расспрашивать вестмена о подробностях этой истории, но, как видно, любопытство проступило у меня на лице, потому что Олд Файерхэнд произнес:

— Давайте не будем ворошить прошлое, сэр. Поверьте мне, я просто не могу об этом говорить. Если бы мне захотелось кому-то рассказать об этом, излить душу, вы, несмотря на вашу молодость, были бы единственным человеком, которому я бы доверился. Я по-настоящему расположился к вам за то время, что мы провели вместе.

— Спасибо на добром слове, сэр. Не скрою, я тоже к вам привязался: вы мне по душе.

— Догадываюсь хотя бы потому, что в ту ночь вы пришли мне на помощь. Тогда я попал в чертовски сложный переплет и истекал кровью, как утыканный стрелами бизон. Жаль только, что не я сам разделался с Тимом Финетти. Право, я дал бы себе отрубить руку, лишь бы насладиться мезью.

Обычно спокойное и открытое лицо вестмена исказилось гримасой ненависти. Он лежал рядом со мной с горящими глазами и сжатыми кулаками. Какой же сильной должна была быть вражда между ними, если даже после смерти Параноха Олд Файерхэнд пылал жаждой мести!

Признаюсь, что мое любопытство росло с каждой минутой, думаю, каждый человек на моем месте испытывал бы то же самое. Я снова столкнулся с загадочной историей любви, которую Виннету скрывал даже от меня, своего лучшего друга и брата...

Раны Олд Файерхэнда все еще давали о себе знать, поэтому мы продвигались не так быстро, как хотелось бы; но уже несколько дней спустя мы ехали по землям индейцев пауни, и до реки Манкисити, на которой находилась «крепость» вестменов, было рукой подать. Оттуда трапперы во главе с Олд Файерхэндом собирались двинуться через Дакоту к озерам. Как-то вечером на привале мы молча сидели у костра, приподнимаясь только для того, чтобы подбросить хворост в огонь. Вдруг на моем пальце блеснул перстень. Олд Файерхэнд опытным глазом заметил его и неожиданно вскочил на ноги.

— Что это за кольцо у вас на пальце, сэр? — спросил он, не скрывая

волнения.

— Оно мне досталось на память о самом страшном дне моей жизни.

— Вы мне позволите посмотреть на него?

Я подал ему перстень, он долго рассматривал его со всех сторон и наконец спросил, почему-то глядя в сторону:

— Как он к вам попал?

— Оно досталось мне от одного мальчика из Нью-Венанго.

— Из Нью-Венанго? — вскричал Олд Файерхэнд. — Вы были у Форстера? Видели Гарри? Что это вы там говорили о самом страшном дне вашей жизни?

— В тот день мне и моему верному Сволоу грозила опасность быть зажаренными живьем, — ответил я, протягивая руку за перстнем.

— Оставьте его пока у меня! — глухо произнес Олд Файерхэнд, сжимая перстень в кулаке. — Я должен знать, как кольцо попало к вам. У меня на это есть право.

— Успокойтесь, сэр, я не собираюсь оспаривать ваши права. Поверьте, если бы кто-то другой посмел не вернуть мне кольцо, я заставил бы его раскаяться. Вам же я расскажу все в подробностях, а вы, в свою очередь, представите мне доказательства на свои права.

— Говорите же! Если бы я увидел это кольцо в руках человека, которому не доверяю, оно стало бы ему смертным приговором.

Итак, загадка громоздилась на загадку, и все они сплетались в один узел. Олд Файерхэнд был знаком с Гарри и с Форстером, а волнение, охватившее его, свидетельствовало о том, что эти люди были ему близки. Любопытство жгло меня, я с трудом подавил желание порасспросить вестмена и принялся сам рассказывать о встрече с мальчиком.

Олд Файерхэнд лежал у костра напротив меня, на его странно напряженном лице плясали отблески огня, с возрастающим вниманием он ловил каждое мое слово, а когда я дошел до описания пожара и рассказал, как схватил Гарри и помчался с ним вниз по реке, он не выдержал, вскочил на ноги и воскликнул:

— Боже мой, это был единственный путь к спасению! Продолжайте же!

Я тоже поднялся, взволнованный страшными воспоминаниями, и продолжил рассказ. Олд Файерхэнд стоял напротив меня с широко раскрытыми глазами, впившись взглядом в мои губы, словно боялся пропустить хоть слово, а его тело дрожало от напряжения, как будто это он, а не я сидел с мальчиком на спине мчащегося сквозь пламя коня, прыгал в бурлящий поток реки и, одолеваемый страхом смерти, пытался добраться

до отвесной, изрезанной трещинами скалы. Не помня себя, он ухватил меня за плечо и сжал с такой силой, что мне пришлось стиснуть зубы, чтобы не закричать от боли. Хриплое дыхание, напоминающее стон, вырвалось у него из груди.

— Боже! — вскричал он со слезами на глазах, когда услышал, что я вместе с мальчиком благополучно добрался до края оврага, где огонь не мог достать нас. — Это ужасно! Мне казалось, будто я сам горю в пламени, хотя заранее знал, что вы спасли его, иначе он не подарил бы вам кольцо.

— Он мне его и не подарил. Перстень соскользнул с его пальца, а он не заметил потери.

— Тогда вы были обязаны вернуть чужую вещь владельцу.

— Что я и хотел сделать, но Гарри убежал от меня. Мне удалось увидеть его только на следующий день, в кругу какой-то семьи, избежавшей смерти, потому что их дом стоял на высоком уступе.

— Но вы сказали ему про кольцо?

— Нет. Меня не подпустили к нему и даже пальнули для острастки.

— Узнаю Гарри. Он больше всего ненавидит трусость и принял вашу выдержку за робость. А что случилось с Форстером?

— Я слышал, что уцелела лишь одна семья, остальные погибли в море огня.

— Какое ужасное наказание за глупое и преступное решение слить нефть в реку, чтобы вздуть на нее цены.

— Вы знали его?

— Мне довелось несколько раз бывать в его доме в Нью-Венанго. Этот человек безмерно гордился своим богатством и всех остальных и в грош не ставил, хотя ему следовало бы вести себя со мной повежливее.

— Там вы и познакомились с Гарри?

— С Гарри? — переспросил он со странной улыбкой. — Я давно с ним знаком. Встречались с ним и в Нью-Венанго, и в Омахе, где у него живет брат, да и в других местах.

— Расскажите мне о нем. Мальчик заинтересовал меня.

— Только не сейчас. Ваш рассказ так разволновал меня, что мне не останется сил на такой разговор. Потом я расскажу вам все, что знаю. Он не сообщил вам, что ему нужно было в Нью-Венанго?

— Нет, он сказал только, что заехал туда по пути.

— Все сходится! Но вы уверены, что ему удалось избежать опасности?

— Совершенно уверен.

— А видели вы, как он стреляет?

— Я ведь уже говорил, что он пулей сшиб цветок на моей шапке.

Необыкновенный мальчик!

— Да-да, вы правы. Необыкновенный! Его отец — старый опытный траппер, он сам льет пули, и они всегда попадают в цель. От него Гарри и научился стрелять. И не думайте, что он стреляет, только чтобы покуражиться. Когда в том будет необходимость, он не даст промаха.

— А где же его отец?

— То тут, то там... Он старый бродяга, но я вас обязательно с ним познакомлю.

— Мне было бы очень приятно, сэр.

— Вы заслужили его благодарность.

— Что вы, не стоит говорить о таких пустяках.

— Не скромничайте. Я уже успел узнать вас и понял, что вы не из породы хвастунов. Вот вам кольцо. Когда-нибудь вы поймете, как я вам доверяю, и оцените мой поступок. — Он с непонятной мне многозначительностью посмотрел на меня. — Пойду-ка я сменю Виннету на часах. А вы ложитесь спать и наберитесь сил для завтрашнего перехода. Завтра и нам и лошадям придется несладко — за один день придется покрыть расстояние до Манкисити.

— Но ведь вы собирались завтра добраться только до Грин-Парка. К чему такая спешка?

— На то есть свои причины. Спокойной ночи.

— Удачи вам, и не забудьте разбудить меня, когда придет время менять вас в карауле.

— Спице. Позвольте и мне сделать хоть что-то для вас. Я у вас в долгу.

Мной овладели странные и противоречивые чувства. Я ворочался с боку на бок и не мог уснуть, пытаюсь найти хоть какое-то объяснение поведению вестмена, но догадки сменяли одна другую, и все они казались нелепыми или неубедительными. Воспоминания страшного вечера, когда я чуть было не изжарился живьем, когда в пламени сгорели десятки людей, вывели меня из состояния душевного равновесия, а подробности трагедии, разыгравшейся в овраге, стояли у меня перед глазами. Кошмарные картины перемежались наплывавшим на них лицом Олд Файерхэнда, на котором застыла странная гримаса напряжения и муки, а в ушах звучали его слова: «Я у вас в долгу».

Проснувшись на рассвете, я увидел, что у костра никого нет. Оба моих товарища должны были находиться где-то поблизости, так как над огнем висел котелок с водой, рядом лежало нарезанное ломтями мясо, оставшееся от ужина, и стоял развязанный мешок с мукой для лепешек.

Откинув одеяло и вздрагивая от утренней прохлады, я направился к

ручью, чтобы умыться, и увидел Виннету и Олд Файерхэнда сидящими на берегу. Заметив мое приближение, они умолкли, из чего можно было заключить, что они говорили обо мне.

Через полчаса мы уже скакали в направлении долины Манкисити, лежавшей в двадцати милях от Миссури. Отдохнувшие за ночь лошади резво бежали в утренней прохладе. Оба моих друга время от времени поглядывали на меня, и мне показалось, что оба они стали относиться ко мне по-другому, с большим уважением и любовью.

В полдень мы сделали привал, и Олд Файерхэнд ушел на разведку, а я достал из мешка наши припасы. Виннету растянулся на траве рядом, наблюдая за мной, и вдруг неожиданно сказал:

— Мой брат отважен, как сокол, и нем, как скала.

Я ничего не ответил на это необычное вступление.

— Он умчался сквозь пламя горячей нефти и ни одним словом не обмолвился об этом своему брату Виннету, — продолжил вождь апачей.

— Язык мужчины, — ответил я, — как нож в ножнах. Он слишком остр для игры.

— Мой брат мудр, и его уста говорят правду, но Виннету грустит, потому что сердце его любимого брата закрыто перед ним, как скала, внутри которой хранятся золотые самородки.

— Но разве сердце Виннету всегда было открыто для меня?

— Кто как не Виннету открыл моему брату тайны лесов и прерий? Кто как не Виннету научил его читать следы, убивать врага, снимать скальп и всему тому, что должен уметь великий воин?

— Все это сделал Виннету, но разве он поведал мне об Олд Файерхэнде, который властвует в его сердце, и о женщине, память которой Виннету хранит до сих пор?

— Виннету любил ее, а любовь не живет на губах. Почему мой брат не рассказал мне о мальчике, которого он вынес из огня?

— Я не люблю хвастовства. Ты знаешь этого мальчика?

— Я носил его на руках, показывал ему цветы на полях и деревья в лесу, рыб в воде и звезды на небе. Я научил его пускать стрелу из лука и усмирять дикого мустанга. Я подарил ему язык краснокожих мужей, и я же подарил ему пистолет, пуля из которого убила Рибанну, дочь ассинибойнов.

Застыв от удивления, я глядел на него. Во мне просыпалось чувство, которое я не осмелился высказать словами. Может быть, я бы и решился сделать это, но возвратился Олд Файерхэнд, и мы занялись приготовлением обеда. Мои мысли витали вокруг того, что сообщил мне Виннету, я вспомнил слова Гарри и пришел к заключению, что отцом мальчика был не

кто иной, как Олд Файерхэнд. Его вчерашнее поведение только подтверждало правильность моей догадки.

Отдохнув, мы опять тронулись в путь. Кони, словно предчувствуя скорый отдых, ожидающий их в конце пути, бежали легко и быстро, и, когда уже смеркалось, перед нами показалась горная цепь, за которой простиралась долина Манкисити. Спустя несколько часов мы въехали в глубокий овраг, ведущий, как мне показалось, прямо к реке.

— Стой! — раздалось неожиданно из кустов, и мы увидели нацеленное на нас ружье. — Пароль!

— Мужество.

— И?

— Молчание, — ответил Файерхэнд, пытаясь за колючими ветками разглядеть лицо спрашивающего.

Наконец из кустарника вышел человек, увидев которого я обомлел. Изпод печально обвисших полей фетровой шляпы, чей возраст и цвет привели бы в изумление даже видавшего виды вестмена, выглядывала обросшая густой поседевшей щетиной физиономия, украшенная носом размером с добрый флюгер. Маленькие плутовские глазки, словно ощупывая нас, перебегали с одного лица на другое. Небольшое тело скрывала невероятного покроя куртка, сшитая из грубо выделанной кожи, болтавшаяся на нем как на вешалке. У человека был вид ребенка, для забавы надевшего куртку деда. Он крепко стоял на земле, опираясь на пару тощих и кривых ног в обтрепанных охотничьих штанах, из которых хозяин, казалось, вырос лет десять назад. Сапоги ему были явно велики, и казалось странным, что он не выпрыгивает из них прямо на ходу. Словом, это был Сэм Хокенс собственной персоной!

В руке он держал старое ружье, к которому я не отважился бы прикоснуться из опасения, что оно выстрелит в меня, но вид у него был гордый и независимый.

— Сэм Хокенс! — обратился к нему с упреком Олд Файерхэнд. — Неужели твои глазки настолько ослепли, что ты спрашиваешь пароль у меня?

— Никак нет, сэр. Просто я считаю необходимым напоминать проезжим об обязанности помнить пароль и соблюдать наши правила. Сердечно приветствую вас, джентльмены. Ну и радости же будет в лагере! Я вне себя от счастья, что снова вижу моего гринхорна, которого теперь все зовут Олд Шеттерхэндом, и великого вождя апачей Виннету, чтоб мне лопнуть!

Он протянул ко мне обе руки, я спрыгнул с коня, и мы обнялись, от

чего его куртка заскрипела, словно пустой деревянный короб. Я заметил, что вестмен сдал. На его дубленом лице появились новые морщины, а доселе черные усы и борода поседели.

— Я снова вижу вас, дорогой Сэм, — сказал я, искренне радуясь встрече. — Признайтесь честно, вы говорили Олд Файерхэнду, что давно знаете меня, что мы друзья и что вы были моим наставником?

— Был грех, хвастался, и не раз.

— А он ни словом не обмолвился, что я встречу здесь вас!

Олд Файерхэнд улыбнулся моему упреку и произнес:

— Мне хотелось порадовать вас приятной неожиданностью. Как вы уже убедились, я много слышал о вас из первых рук. Мы часто говорили о вас. Вы встретите здесь еще двух ваших старых знакомых.

— Дика Стоуна и Билла Паркера? Неразлучных друзей Сэма?

— Ну, конечно. Представляю, как они обрадуются вашему неожиданному появлению. Сэм, кто сегодня дома?

— Все, кроме Билла Балчера, Дика Стоуна и Гарриса, которые отправились за мясом. Наш маленький сэр тоже здесь.

— Я уже знаю об этом. Как вам здесь жилось? Краснокожие не беспокоили?

— Спасибо, сэр, как у Христа за пазухой. А что касается краснокожих, никак не вспомню, когда последний раз видел их. Моя старушка Лидди, — тут он ткнул пальцем в свое допотопное ружье, — очень по ним соскучилась.

— Как наши капканы?

— Принесли неплохой урожай, чтоб мне лопнуть! Сами увидите, сэр. Путь свободен, можете ехать, джентльмены.

Он повернулся к нам спиной, продрался сквозь колючие заросли и снова занял свой пост в гуще кустарника, а мы поехали дальше. Сэм Хокенс наверняка сторожил вход в «крепость», и я стал внимательно смотреть по сторонам, чтобы увидеть ворота.

Внезапно перед нами открылся проход, но такой узкий, что приходилось остерегаться, как бы не задеть коленями за его скальные выступы. Сверху нависали кусты ежевики, по проходу тек ручей, в каменистом русле которого не оставалось следов. Через полсотни метров стены стали сдвигаться над нами; казалось, что дальше пути нет, однако Олд Файерхэнд упрямо ехал вперед и вдруг словно растворился в стене. Вслед за ним исчез Виннету, а я, подъехав поближе, увидел разгадку тайны: естественный полог из плетей дикого вьюнка скрывал вход в настоящий тоннель, где царила крошечная тьма.

Мы еще долго пробирались по узкому каменному лабиринту; наконец впереди забрезжил свет, и мы снова въехали в скальную расщелину, как две капли воды похожую на ту, что привела нас к тоннелю. Через пять минут мы миновали ее, и я чуть не вскрикнул от удивления.

Перед нами простиралась широкая долина, вокруг которой высились отвесные скалы. Табун лошадей и мулов мирно щипал травку. Около них лениво бродили псы, внешне напоминавшие волков, из той особой породы, которую индейцы используют для охраны своих табунов. В стороне от них, высунув языки, на траве лежала стая других собак — маленьких и быстро толстеющих пимо, чье мясо, как и мясо пумы, считалось изысканным лакомством.

— Вот это и есть моя крепость, — произнес Олд Файерхэнд. — Здесь нам не грозит никакая опасность.

— Можно ли проникнуть сюда другим путем? — спросил я.

— Нет. С другой стороны сюда не заберется даже мышь. Индейцы и не догадываются о существовании этой долины.

— Как же вы ее открыли?

— Как-то на охоте я погнался за енотом, и он привел меня сюда. Я, конечно, сделал долину своим владением.

— Один?

— Поначалу один. Я не раз спасался здесь от индейцев, а потом собрал моих товарищей, мы сообща охотимся и боремся с зимой.

Раздался пронзительный свист, и из кустов начали выходить люди, в которых даже неискушенный человек с первого взгляда узнал бы свободных граждан Дикого Запада. С радостными восклицаниями они окружили нас, приветственно хлопали по плечам, радостно пожимали руки.

Привыкший к сдержанному поведению индейцев, Виннету чувствовал себя не в своей тарелке среди шумной компании. Он потихоньку выскользнул из толпы, расседлал коня, потрепал его по шее, давая понять, что тот должен сам позаботиться о своем ужине, и удалился.

Я решил последовать его примеру, пустил Сволоу пасть, а сам отправился осматривать долину. Видимо, когда-то в доисторические времена раскаленные каменные массы вздулись от внутреннего напряжения, словно мыльный пузырь, и лопнули. Солнце, ветер и дожди за тысячу лет разрушили каменную твердыню и превратили гигантскую воронку в долину, а ручей, бьющий из-под земли, проложил в скалах тоннель, по которому мы и проникли сюда.

Я шел по краю долины вдоль отвесных скал. То тут, то там я видел

пещеры, занавешенные шкурами диких животных. На высоком уступе стоял шалаш, к которому вела узкая тропинка с вырубленными в каменной стене ступенями. Я решил подняться туда, чтобы осмотреть долину сверху.

Когда я уже был наверху, из шалаша вышел мальчик, не замечая меня, встал у самого обрыва и, прикрыв ладонью глаза от солнца, устремил взгляд в долину. Одет он был в пеструю охотничью рубаху из грубой ткани, потрепанные штаны и маленькие мокасины, вышитые бисером и украшенные иглами дикобраза. На голове был повязан красный платок, и такого же цвета шарф опоясывал его тонкую фигуру.

Услышав шум шагов, мальчик оглянулся, и я, к моей радости, узнал Гарри.

— Возможно ли это? — воскликнул я.

Глаза мальчика смотрели на меня холодно и неприязненно.

— К сожалению, возможно. Хотя я предпочел бы не встречаться с вами, — ответил он. — По какому праву вы нарушаете покой нашего лагеря?

«Неужели я заслужил такой прием?» — мысленно спросил я себя, но вслух произнес совершенно другое. В моем голосе не было угрозы, только холодное предостережение:

— Я полагаю, вы еще пожалеете об этих словах.

Отвернувшись, я стал осторожно спускаться в долину. Как я уже догадался, Гарри был сыном Олд Файерхэнда, хотя сама история его рождения оставалась для меня тайной. Он был еще слишком молод, и следовало делать скидку на его возраст, но я почувствовал себя уязвленным, не понимая, почему он считал меня трусом.

К вечеру посреди долины разожгли большой костер, вокруг которого собрались все жители крепости. К Гарри, как я уже убедился, они относились как к равному, он сидел среди взрослых и вел с ними мужские беседы, избегая смотреть на меня.

Выслушав рассказ о последнем происшествии в окрестностях, я встал и пошел к лошади. Уже в нескольких шагах от костра темнота сомкнулась вокруг меня. Над головой мерцало небо, усеянное тысячами тысяч звезд, даривших свой свет иным, более счастливым, чем Земля, мирам, где люди не нападают друг на друга с оружием в руках.

Сволоу встретил меня радостным ржанием и принялся тереться головой о мое плечо, а я рукой трепал его гриву: с тех пор как он вынес меня из моря пламени, я еще сильнее полюбил его.

Внезапно конь фыркнул и я оглянулся. От костра кто-то приближался ко мне. Это был Гарри.

— Извините, если я помешал вам, — произнес он с неожиданным смущением в голосе. — Мне хотелось поблагодарить Сволоу за то, что он спас меня. Я обязан ему жизнью.

— В самом деле? Мой конь к вашим услугам. Но мне не хотелось бы смущать вас своим присутствием, поэтому — спокойной ночи.

Но не успел я сделать несколько шагов, как Гарри позвал меня:

— Остановитесь, сэр!

Он подошел ко мне и с дрожью в голосе, не скрывая волнения, сказал:

— Я обидел вас, простите меня.

— Вы не можете меня обидеть, — ответил я холодно. — Чтобы обидеться, мне придется стать с вами на одну доску. Самое большее, на что вы можете рассчитывать, — снисхождение.

Прошла целая минута, прежде чем он нашелся что ответить.

— Простите мне мою ошибку, — выдавил он.

— Людям свойственно ошибаться, поэтому мне нечего прощать вам.

— Я постараюсь больше не пользоваться вашей снисходительностью.

— Однако я, несмотря ни на что, готов предоставить ее вам в любую минуту.

Я снова попытался уйти, но Гарри остановил меня, положив руку на плечо.

— Вы дважды за одну ночь спасли жизнь моему отцу. Я хотел поблагодарить вас за это и сказать, что вы имеете право на самые резкие слова. Я узнал ваше имя, и мне рассказали о ваших заслугах.

— Любой вестмен сделал бы на моем месте то же самое. А что касается заслуг, то есть люди, у которых их несравненно больше, чем у меня. Не смотрите на случившееся сквозь призму сыновней любви.

— Раньше я был несправедлив к вам, теперь вы несправедливы к самому себе. Неужели вы так же относитесь и ко мне?

— Ну уж к вам-то я никогда не относился несправедливо.

— Тогда разрешите обратиться к вам с просьбой.

— Сколько угодно.

— Если я совершу что-то плохое или недостойное, браните меня, но не говорите о снисхождении. Прошу вас.

— Согласен.

— Спасибо, сэр. А теперь давайте вернемся к костру, пожелаем всем спокойной ночи, и я провожу вас в отведенные для вас покои. Лучше лечь пораньше, завтра надо встать с рассветом.

— Зачем?

— Я поставил капканы на бобров у Бифока и приглашаю вас пойти со

мною за добычей.

Он провел меня к пещере, приподнял полог из шкур, пропуская меня внутрь, и зажег свечу из оленьего жира.

— Здесь вы можете спать, не опасаясь, что проснетесь с ревматизмом или насморком, — сказал он.

— Вы считаете, что я настолько изнежен, что на свежем воздухе начинаю чихать и кашлять?

— Что вы, сэръ! Но дело в том, что ночи в долине холодные и сырые, а мне хотелось бы, чтобы вам у нас было удобно. Располагайтесь, почувствуйте себя как дома. Спокойной ночи!

Он подал мне руку и вышел, дружелюбно улыбнувшись на прощание. Оставшись один, я внимательно осмотрел мое пристанище, напомиравшее скорее монашескую келью. Это была не естественная пещера, как мне вначале показалось, а вырубленный в скале человеческой рукой грот. Каменный пол был устлан шкурами, у стены стоял сколоченный из толстых бревен топчан с ворохом шерстяных одеял. На кольшках, вбитых в трещины гранитных скал, висели охотничьи принадлежности. Судя по всему, Гарри уступил мне собственное жилище.

Огромная усталость, внезапно навалившаяся на меня, была главной причиной того, что я остался в тесной келье: тот, кто привык к бесконечному простору прерии, с трудом переносит тюрьму, которую люди гордо именуют домом.

В пещере было тихо, поэтому я спал как убитый и проснулся позже, чем обычно, да и то меня разбудил чей-то голос:

— Сэр, я готов подумать, что подушка и одеяло вам милее доброй охоты. Но учтите, что дичью, съеденной во сне, сыт не будешь.

Я вскочил на ноги и, еще не отойдя от сна, с недоумением уставился на человека у входа в пещеру. Это был Сэм Хокенс в полном трапперском снаряжении.

— Через минуту я буду готов, дорогой Сэм.

— Поторопитесь, маленький сэръ уже давно ждет нас и горит нетерпением показать вам свои уголья.

— Вы идете с нами?

— Придется, чтоб мне лопнуть. Мальчику не по силам тащить на себе все снаряжение, а Олд Шеттерхэнд не вьючное животное.

Гарри ждал нас у выхода из долины. Сэм забросил на спину полдюжины капканов и поспешил к мальчику.

— Мы идем пешком? — спросил я.

— Разве ваш конь умеет ставить силки или ловить бобров на дне реки?

Надо поторапливаться, чтобы успеть вернуться до обеда, иначе нам придется поститься до вечера, — ответил Сэм. Он был все такой же неунывающий шутник.

— Но мне надо напоить лошадь!

— Не беспокойтесь, Гарри уже все сделал.

Его слова обрадовали меня: Гарри позаботился о моем коне, а тем самым и о его хозяине. Да, Олд Файерхэнд сумел объяснить сыну, какого обращения я заслуживаю.

Когда мы уже направились к выходу, к нам подошел Виннету.

— Сын Рибанны силен, как взрослый воин, от его глаз не ускользнет ни один бобр, а рука не сможет унести все шкурки, какие он сумеет добыть, — проговорил он в своей обычной сдержанной манере. Заметив, что я оглядываюсь и ищу взглядом Сволоу, Виннету добавил: — Мой брат может не беспокоиться, я позабочусь о его коне.

Миновав узкий овражек, отделявший нашу «крепость» от равнины, мы пошли вдоль ручья, пока не добрались до того места, где он впадал в небольшую речушку, змеившуюся по Манкисити. По ее берегам росли деревья, дикий виноград опутывал стволы, переплетаясь с ветками, свисал вниз, живой паутиной покрывая землю.

Сэм Хокенс шел впереди, и я, глядя на его сгорбленную фигуру с капканами на спине, вспоминал, как по улицам моего родного города ходили бродячие торговцы мышеловками. Сходство было поразительное, с той лишь разницей, что Сэм не кричал, нахваливая свой товар, а шел совершенно бесшумно. Его ноги сами обходили те места, где мог бы остаться след, маленькие глазки буравили густые заросли. Стояла уже поздняя осень, но растительность еще не пожухла.

Внезапно Сэм остановился, приподнял вверх ветку, осторожно выглянул из-за нее и, убедившись, что все спокойно, зашагал дальше. Гарри последовал за ним.

— Здесь у нас протоптана тропинка к бобровой плотине, сэр, — шепнул он мне.

Действительно, за зеленым занавесом начиналась тропинка, петляющая по густым зарослям. Еще какое-то время мы шли вдоль реки, скрытые в гуще кустов, пока Сэм не остановился и не приложил палец к губам в знак молчания. С реки доносилось тихое посвистывание.

— Пришли, — еле слышно, одними губами, произнес Гарри. — Часовые бобров уже насторожились.

Мы застыли как вкопанные и стояли без малейшего движения, пока свист не смолк, и только тогда осторожно двинулись дальше. Подойдя к

самому берегу, мы выглянули из-за кустов, и перед нами открылся необыкновенный вид на небольшую колонию бобров.

Реку пересекала широкая плотина, по которой даже человек мог бы перебраться на противоположный берег. Четвероногие строители работали споро и слаженно. Одни подгрызали деревья и валили их в воду, другие доставляли их к плотине, третьи, орудуя хвостом, словно мастерком, обмазывали сооружение глиной.

На берегу восседал большой бобр, внимательно поглядывавший по сторонам. Вдруг толстяк-часовой наострил уши, издал уже знакомый нам свист и скрылся под водой. Остальные зверьки мгновенно последовали за ним, забавно шлепая плоскими хвостами по воде и разбрызгивая ее во все стороны.

Но кто мог испугать безобидных зверьков? Самым большим и опасным их врагом остается человек. Не успел последний бобр скрыться под водой, как мы уже лежали под низко свисающими ветками пинии, с оружием в руках ожидая появления непрошенных гостей.

Вскоре верхушки трав заколыхались, и на берег справа от нас вышли двое индейцев. У одного из них на плече висели капканы, второй нес бобровые шкурки. Он были вооружены и вели себя так, словно ожидали на каждом шагу встретить неприятеля.

— Тысяча чертей, — прошипел сквозь зубы Сэм, — негодяи нашли наши капканы и собрали урожай, который не сеяли. Ну погодите! Старушка Лидди сейчас объяснит вам, кто хозяин капканов и шкурки, чтоб мне лопнуть!

Он прицелился, но я, считая, что надо действовать без шума, схватил его за плечо и удержал. С первого взгляда было ясно, что к нам пожаловали индейцы понка, а боевая раскраска на их лицах говорила о том, что они вышли на тропу войны. Возможно, поблизости была не одна сотня кровожадных головорезов, готовых примчаться на звук выстрелов и расквитаться с нами за смерть товарищей.

— Не стреляйте, Сэм! — прошептал я. — Возьмите с собой только нож. Наверняка они здесь не одни.

Сэм Хокенс согласился со мной, хотя у него и чесались руки всадить в краснокожих по пуле.

— Я, конечно, понимаю, что лучше убрать их потихоньку, но я человек старый, а мой нож притупился, и мне с двумя такими молодцами не справиться.

— Я подсоблю вам.

— Черт бы их побрал! Четыре капкана, по три с половиной доллара

каждый! А за украденные бобровые шкуры они заплатят своими.

— Вперед, Сэм, иначе будет поздно.

Индейцы стояли к нам спиной, занятые поиском следов на берегу. Отложив ружье и достав нож, я медленно пополз к ним, как вдруг у самого уха раздался встревоженный шепот Гарри:

— Сэр, позвольте мне сделать это за вас.

— Не надо, Гарри. Убийство, пусть даже врага, не забава.

Подкравшись к индейцам поближе, я прыжком вскочил на ноги, обвил левой рукой шею того, что стоял ближе ко мне, и ударил его между лопаток. Нож с хрустом вонзился в тело, и краснокожий без стопа упал на землю. Читатель должен меня понять: я не люблю убивать, но индейцы могли по нашим следам найти вход в «крепость», а я не имел права подвергать смертельной опасности жизнь остальных членов общины трапперов.

Не теряя ни секунды, я выхватил нож из раны, чтобы помочь Сэму, но тот уже стоял над поверженным врагом и даже успел снять с него скальп.

— Теперь ты можешь ставить силки и капканы в Стране Вечной Охоты, — говорил он, деловито разглядывая скальп. — И хотя мне твоя шкурка без надобности, я все же оставлю ее на память. Вы возьмете себе второй скальп?

— Нет, — отказался я. — Вы же знаете, Сэм, как я отношусь к этому варварскому обычаю. Удивительно, что вы к этому пристрастились.

— У меня есть на то свои причины, сэр. Мне пришлось воевать с такими краснокожими, что у меня не осталось ни капли жалости к ним, да и они меня не жалели. Смотрите!

Он сорвал с головы свою потрепанную временем шляпу, а вместе с ней и длинноволосый парик, под которым скрывался багровый, ужасного вида скальпированный череп. Однако это зрелище было для меня не новым, поэтому и не произвело должного впечатления.

— Что вы скажете на это, сэр? — продолжал оправдываться Сэм. — Я носил собственную шевелюру с раннего детства, привык к ней и имел на нее полное право, чтоб мне лопнуть! И вдруг появляется дюжина индейцев пауни и отнимает у меня мое естественное украшение. Пришлось идти в город, выкладывать три связки бобровых шкур и приобретать накладные волосы. Не спорю, парик — штука удобная, особенно летом, его можно снять, если вспотеешь; за него поплатился жизнью не один краснокожий, так что теперь содрать скальп — для меня большее удовольствие, чем поймать бобра.

Он водрузил на прежнее место парик и шляпу и хотел было

продолжить свои рассуждения о пользе накладных волос и необходимости снимать скальпы с индейцев, но мне пришлось остановить поток его красноречия. В любое мгновение следовало ждать нападения, к тому же надо было торопиться предупредить об опасности жителей «крепости».

— Сэм, помогите мне спрятать трупы. Я с удовольствием выслушаю вас на досуге, а сейчас нам надо спешить.

— Вы правы, сэр. Готов держать пари, что краснокожие скоро будут здесь. Пусть наш маленький сэр пока спрячется в кустах и следит, чтобы к нам никто не подобрался.

Гарри подчинился, а мы утопили тела убитых нами индейцев в прибрежных камышах.

— Вот и все, — подытожил Сэм. — Теперь их и с собаками не сыщешь. Возвращайтесь с мальчиком в «крепость» и предупредите остальных, а я пойду по их следу и разнюхаю, что к чему.

— Сэм, может быть, вы сходите к отцу? — обратился к нему с просьбой Гарри. — В силках и капканах вам равных нет, но в разведке две пары молодых глаз видят лучше.

— Так уж и быть, раз вы настаиваете, но если с вами что-нибудь случится, моей вины в том не будет.

— Не волнуйтесь, Сэм. Вы ведь знаете, что со мной не так-то просто справиться. Вы сегодня уже сняли скальп, надо же и мне разжиться одним-другим трофеем.

С этими словами Гарри скрылся в кустах. Я последовал за ним, и, хотя обстоятельства требовали напряженного внимания, я не мог оторвать глаз от складной фигуры мальчика, не мог не любоваться им. С ловкостью опытного вестмена он бесшумно продвигался сквозь густые заросли, каждое его движение было расчетливым, осторожным и уверенным одновременно. Его повадки говорили о том, что он с раннего детства жил в прерии и прошел через суровые испытания, обострившие его чувства и закалившие характер.

Почти полчаса ушло у нас на то, чтобы продраться через заросли к следующей колонии бобров. Ни на плотине, ни на берегу не было видно ни одного зверька — верный признак того, что их потревожил человек.

— Здесь стояли наши капканы, те самые, что украли у нас индейцы. Мы без труда найдем здесь их следы и пойдем по ним дальше. Смотрите, они пришли из лесу.

Мальчик решительно направился в сторону леса, но я удержал его.

— Гарри! — мягко, но с нажимом сказал я.

Он остановился, вопросительно глядя на меня.

— Мне кажется, было бы лучше, если бы вы вернулись, предоставив мне выяснить, откуда здесь взялись индейцы понка.

— Лучше для кого, сэр?

— Для всех нас. Вы представляете, как это опасно?

— Не хуже, чем вы, сэр! Я побывал не в одной переделке, и никто не может сказать, что я вел себя недостойно перед лицом опасности. Может быть, вы думаете, что я испугаюсь, увидев разрисованные физиономии?

Я сдался. Теперь мы шли среди стройных деревьев, под густой сенью их крон. Влажный, мягкий мох, ковром устилавший землю, хорошо сохранил отпечатки ног, обутых в мокасины.

Внезапно Гарри, шедший впереди меня, остановился. Я взглянул на след и сразу понял, что на разведку вышли четверо краснокожих и именно в этом месте они разделились на пары. Такое количество разведчиков, да еще в полном боевом снаряжении, говорило о том, что поблизости находится большой отряд и что, скорее всего, индейцы пришли мстить нам за своего вождя, убитого в схватке у железной дороги.

— Что будем делать? — спросил Гарри. — Эти двое пошли к нашему лагерю. Нельзя допустить, чтобы они разведали подход к «крепости». Пойдем по следу или вернемся напрямик?

— Ни то ни другое. Мы пойдем по следу, но не за ними, а в противоположном направлении и выясним, где укрылся их отряд, пересчитаем их и попробуем узнать, что они задумали. У входа в нашу «крепость» стоит часовой, поэтому не стоит беспокоиться.

— Вы правы. Пойдемте.

Склон горы, у подножия которой струилась река, порос лесом, тянувшимся по равнине до самого горизонта. Время от времени нам встречались глубокие крутые овраги, сплошь покрытые папоротником и колючим кустарником. Осторожно подбираясь к одному из таких оврагов, я почувствовал легкий запах дыма. Осматриваясь и пригнувшись, я шел на запах индейского костра, как собака идет на запах дичи. Учуть запах костра краснокожих намного труднее, чем запах костра белых, которые не жалеют дров, в то время как коренные жители прерии лишь едва-едва поддерживают огонь. Виннету не раз говорил мне, что костер бледнолицых можно учуть за милю и что у них нельзя согреться, не поджарив пятки.

— Прячьтесь в кустах, — шепнул я Гарри, — а я тем временем взгляну, кому понадобилось разводиться огонь в наших владениях.

— Почему бы нам не взглянуть вместе?

— Чем больше глаз, тем больше опасность, что нас обнаружат, — не допуская пререканий тоном ответил я на его просьбу.

Судя по тому, что мальчик немедленно повиновался и, умело заметая следы, скрылся в зарослях, легенды о подвигах Олд Шеттерхэнда произвели на него впечатление.

Прячась за деревьями, я подкрался к краю оврага, осторожно заглянул вниз, и от увиденного у меня перехватило дыхание. Медным изваянием у входа стоял длинноволосый индеец племени понка, вдоль обрыва пристроились еще с полдюжины часовых, к счастью, не заметивших меня, а на самом дне расположились не менее сотни воинов. Пытаясь пересчитать их, переводя взгляд с одного краснокожего на другого, я вдруг застыл от изумления: у костра сидел не кто иной, как белый вождь Паранох, он же Тим Финетти! Возможно ли? Ведь я всадил свой нож в его грудь по самую рукоятку! Я помнил его лицо, искаженное гримасой боли и призрачным светом луны! Я сам видел, как Виннету, введомый жаждой мести, снял с него скальп!

Пораженный «воскрешением» покойника, я взирал на Параноха, с чьей головы свисала пышная скальповая прядь, достойная украсить голову известнейшего воина. Неужели рана его была не опасной? Или тут сказалось чудо знаменитой индейской медицины? Как бы то ни было, но Паранох, живой и невредимый, сидел сейчас у костра...

Вертевший головой часовой повернулся в мою сторону, и мне пришлось укрыться. Не ожидая, пока нас обнаружат, я уполз назад и, знаками приказав Гарри двигаться за мной, снова пошел по следу краснокожих разведчиков. Добравшись до места, где следы раздваивались, я, ничего не объясняя Гарри, ставшему послушным и беспрекословно подчинявшемуся малейшему моему знаку, пошел за двумя оставшимися в живых разведчиками.

Теперь я был совершенно уверен в том, что индейцы понка, потерпев неудачу возле железной дороги, собрали многочисленный отряд и пошли за мной, Олд Файерхэндом и Виннету, чтобы отомстить. Пока Олд Файерхэнд зализывал раны, им удалось собрать сотню воинов, готовых рискнуть своей шкурой ради наживы. Но почему Параноху, чудом выжившему после схватки со мной, понадобилось столько воинов, чтобы сразиться с нами? И почему они не напали на нас в пути, но дали нам возможность достигнуть «крепости»? Скорее всего, Тим Финетти пронюхал об охотничьем поселении и теперь собирался завладеть им, уничтожив всех его жителей.

Мы быстро шли по следу краснокожих разведчиков, когда вдруг из-за развесистого дерева послышалось бряцание металла. Велев Гарри спрятаться, я выхватил нож, прижался к земле и, огибая заросли, пополз в направлении странного звука. Через два десятка метров я увидел в траве

сваленные в кучу капканы и пару кривых ног, обутых в огромные, не по размеру, мокасины, над которыми возвышалась охотничья куртка и потрепанная фетровая шляпа.

Сэм Хокенс! Я увидел его обросшую седой щетиной физиономию, маленькие глазки и выдающийся нос. Но что он делает здесь, если, по моим расчетам, уже давно должен был находиться в «крепости»?

В метре от вестмена лежала его допотопная Лидди. Я дотянулся до нее, подтащил ее к себе и с опаской взвел проржавевший курок. Раздался громкий щелчок, Сэм повернулся на звук так быстро, что густые ветви дерева, среди которых колыхалась его голова, вцепились в шляпу и сдернули ее вместе с париком. Увидев направленную на него его же Лидди, вестмен оцепенел, но, разобравшись, что к чему, растянул рот в широкой улыбке.

— Сэм Хокенс, — шепнул я, — если вы немедленно не закроете рот, я запихну в него все ваши капканы.

— Ну и напугали же вы меня, сэр, чтоб мне лопнуть! — тоже шепотом ответил вестмен, не издавший, несмотря на испуг, ни единого неосторожного звука. Водрузив на место парик и шляпу, он добавил: — Чтоб мне провалиться! У меня до сих пор мурашки бегут по коже! А если бы на вашем месте был краснокожий...

— То вы, кроме скальпа, потеряли бы и парик, — прервал я его. — Получайте назад свое ружье и рассказывайте, почему это вам вздумалось здесь уснуть.

— Уснуть? Конечно, вы сумели подкрасться ко мне незаметно, но я не спал. Здесь поблизости бродят два индейца, которых я собирался поймать и привести в наш лагерь. Но, ради Бога, не говорите никому, что застали меня врасплох. Прошу вас, молчите о том, что вы посрамили старого Сэма Хокенса.

— Не беспокойтесь, сэр, я буду нем, как рыба.

— Но где же маленький сэр?

— Он здесь, рядом. Я услышал, как вы на весь лес гремите капканами, и решил проверить, откуда идет этот колокольный звон.

— Колокольный звон? Неужели я так расшумелся? Старый, глупый енот! Собрался за скальпами, а его слышно в Канаде, чтоб мне лопнуть! — сокрушался Сэм. — А как вы здесь оказались? Напали на след краснокожих?

Выслушав мой рассказ, он согласился с моими догадками.

— Мда, — сказал он, — нам придется несладко. А я преспокойно шел назад в лагерь, как вдруг увидел двух краснокожих, крадущихся по

зарослям шагах в восьми от меня. Какая неожиданная встреча, чтоб мне лопнуть. Пришлось мне спрятаться в кустах и понаблюдать за ними... Один из них пошел вниз по течению, а второй отправился разнюхивать, что делается в долине. Однако я уверен, что эта прогулка не пойдём им на пользу, чтоб мне лопнуть. Я буду ждать их здесь, чтобы расспросить о впечатлениях.

— Вы думаете, они вернутся сюда?

— Ну конечно, краснокожие лазутчики договорились встретиться там, где расстались. Если хотите помочь мне, засядьте вон в тех кустах, чтобы они оказались между двух огней. И приглядите за мальчиком, а то он от нетерпения Бог весть что натворит.

Я охотно согласился помочь Сэму, и мы с Гарри укрылись в кустах. Ждать пришлось долго, только несколько часов спустя мы услышали тихие, крадущиеся шаги, и на поляну вышел высокий поседевший воин. У его пояса уже не хватало места для новых скальпов, и он украсил своими боевыми трофеями швы на куртке и штанах.

Как только он оказался между нами, мы бросились на него и покончили с ним. Та же участь ожидала и второго разведчика. Теперь мы могли вернуться в «крепость» тем же путем, которым утром покинули ее. У входа в кустах ежевики лежал Билл Паркер, который сообщил, что один из лазутчиков бродил в окрестностях нашего лагеря.

— Ты был, есть и будешь гринхорном, Билл, пока краснокожие не снимут с тебя твою пышную шевелюру. Ты, наверное, подумал, что индеец пришел сюда подышать воздухом, и только поэтому не пристрелил его, чтоб мне лопнуть!

— Попридержи язык, Сэм Хокенс! С каких это пор Билл Паркер стал для тебя гринхорном? Думай, что говоришь, старый енот. Не знаю, сколько сыновей было у твоей матери, но ты не самый умный из них, если еще не понял, что разведчиков не убивают, чтобы не привлекать внимания врага.

— Может быть, и так, но его скальп уже у меня.

И Сэм Хокенс зашлепал по ручью и, прежде чем скрыться в каменном тоннеле, повернулся и предостерегающе произнес:

— Смотри в оба, Билл. Этих краснокожих здесь чертова уйма, и они готовы сунуть нос, куда их не просят.

На пронзительный свист старого траппера сбежались все жители «крепости» и молча, с напряженным вниманием выслушали наш рассказ. Только Олд Файерхэнд, когда я упомянул белого вождя Параноха, не смог сдержать крика радости:

— Неужели? Теперь он от меня не уйдет, я выполню свою клятву. Я

столько лет ждал!

— Но как случилось, что у него снова отросли волосы?

— Да так же, как и у Сэма Хокенса. В ту ночь вы его только ранили, и, пока я приходил в себя после схватки, он успел зализать раны и пустился за нами в погоню.

— Тогда почему же он не напал на нас в пути?

— По-видимому, он хочет разделаться не только с нами, но и со всей колонией трапперов. Мы ему как кость в горле. Вы очень устали, сэр?

— Нет.

— Я должен увидеть его. Проведите меня к их лагерю.

— Если вам это действительно необходимо. Хочу обратить ваше внимание на то, что вылазка небезопасна. Лазутчики индейцев не вернутся, и остальные пойдут на их поиски. Если мы столкнемся с ними в лесу, обратный путь нам будет отрезан.

— Не могу сказать, что вы не правы, но и сидеть здесь и дожидаться, пока они до нас доберутся, выше моих сил. Дик Стоун!

Из толпы вышел Дик Стоун, который провел вчерашний день на охоте и потому не видел меня. Мы обнялись.

— Ты слышал, куда мы собрались? — спросил его Олд Файерхэнд. — Бери ружье, сходим полюбуемся на краснокожих.

— Я готов, сэр. Мы идем пешком?

— Да, тот, кто остается в лагере, пусть спрячет бобровые шкуры в тайники. Может так случиться, что краснокожие не мытьем, так катаньем добьются своего и проникнут в «крепость». Гарри, ты с двумя Биллами, Паркером и Балчером, следите за порядком в лагере.

— Отец, позволь мне пойти с тобой, — в голосе мальчика послышалась мольба.

— Ты не сможешь помочь мне, дитя мое, отдохни, тебя ждет еще не один поход.

Гарри никак не хотел согласиться с решением отца, но тот был неумолим, и вскоре Олд Файерхэнд, я и Дик Стоун шагали вдоль ручья к выходу. Я сожалел, что с нами не было Виннету, ушедшего из лагеря несколько часов назад и до сих пор не вернувшегося. С одной стороны, апач с его дьявольски тонким чутьем был незаменим в наших условиях, когда, продираясь сквозь заросли, мы могли на каждом шагу нос к носу столкнуться с индейцами, посланными на поиски пропавших лазутчиков, с другой стороны, я беспокоился за него.

Внезапно заросли перед нами заколыхались, и Виннету предстал перед нами. Наши руки, метнувшиеся было к оружию, опустились.

— Виннету пойдет с белыми мужами, — произнес он, — чтобы провести их к Параноху и его воинам.

Мы с удивлением воззрились на него, не понимая, откуда он узнал о присутствии индейцев понка.

— Мой брат видел наших врагов? — спросил я.

— Виннету хотел уберечь от опасности сына Рибанны и своего брата Олд Шеттерхэнда и пошел за ними. Он видел, как их ножи отняли жизнь у краснокожих, и он видел Параноха. Белый вождь украсил голову скальпом индейца из племени оседжо, но его волосы лживы и обманчивы, как и его язык. Виннету убьет его.

— Прошу тебя, отдай его мне! Я, и только я, должен убить Параноха! — с горячностью воскликнул Олд Файерхэнд.

— Виннету уже уступил его однажды своему другу. Теперь моя очередь...

Я уже не слышал, что ответил Виннету и что ему на этот раз возразил Олд Файерхэнд, так как в ветках одного из кустов блеснули чьи-то глаза. Рванувшись туда и одним огромным прыжком преодолев разделяющее нас расстояние, ломая ветки и сучья, раздирающие мне в кровь лицо, я всем телом обрушился на лазутчика.

Помяни черта, и он тут как тут. Это оказался именно Паранох, о котором мы говорили. Не успел я вцепиться ему в горло, как со всех сторон послышались вопли краснокожих, бросившихся на помощь своему вождю.

Опешившие от неожиданности друзья быстро пришли в себя и ринулись в бой. Тем временем я уже прижимал коленями своего противника к земле, пальцами левой руки сдавливал ему горло, а правой с хрустом выворачивал его запястье, пытаясь заставить выронить нож. Паранох извивался ужом, яростно скалил зубы, накладной скальп соскользнул с головы, обнажая голый череп, глаза налились кровью, на губах выступила пена. Мне казалось, что подо мной беснуется дикое животное. Изо всех сил я сжимал его горло, пока Паранох не вздрогнул всем телом и не закрыл глаза. Голова его откинулась назад, он вытянулся и затих.

Только после того как мой противник потерял сознание, я смог встать на ноги и осмотреться. То, что происходило вокруг меня, не поддается описанию словами. Ни мы, ни индейцы понка не решались пустить в ход огнестрельное оружие из опасения, что к противнику на звук выстрелов примчится помощь, а в рукопашной схватке, когда в ход идут только ножи и томагавки, краснокожим нет равных. В молчании переплетенные тела бойцов катались по земле.

Виннету уже занес нож для удара в сердце поверженному противнику и не нуждался в моей помощи. Положение Олд Файерхэнда было более сложным: он лежал на одном индейце, а правой рукой, по которой струилась кровь, пытался прикрыться от наседавшего на него сзади второго краснокожего. Я поспешил к нему на выручку и успел в последнее мгновение отвести от вестмена смертельный удар и раскроить череп его противнику.

Теперь можно было помочь и Дику Стоуну. Рядом с ним уже лежали два мертвых индейца, но третий, настоящий меднокожий гигант, теснил его, размахивая томагавком. Дик Стоун отступал, пошатываясь то ли от усталости, то ли от ран, и было видно, что его силы на исходе. Я бросился к нему, через мгновение индеец рухнул к моим ногам.

Дик Стоун медленно опустился на землю и прерывающимся от напряжения голосом произнес:

— Господи! Трое на одного — это уж слишком. Не успеёте вы вовремя, мне бы несдобровать. Спасибо.

Олд Файерхэнд подошел к нам, протягивая мне руку, но вдруг его взгляд остановился на лежащем без движения Паранохе.

— Тим Финетти? Возможно ли? Кто с ним сражался?

— Моего белого брата не зря называют Олд Шеттерхэндом. Он снова победил Параноха в честном бою, — ответил за меня Виннету. — Великий Дух одарил его силой бизона, роющего рогом землю.

— Боже мой! — воскликнул Олд Файерхэнд. — Я еще никогда не встречал человека, подобного вам! Но как могло случиться, что Паранох устроил нам здесь засаду?

— Он заметил следы белых охотников и пошел по ним, надеясь, что они приведут его в наш лагерь, — объяснил апач. — Его воины скоро будут здесь, поэтому нам следует немедленно вернуться в свои вигвамы.

— Виннету прав, — поддержал его Дик Стоун. — Надо возвращаться.

— Согласен, — отозвался Олд Файерхэнд. — Но сначала надо замести следы и перевязать раны. Сэр, вы, кажется, один не пострадали, — обратился он ко мне, зажимая рану на руке, из которой хлестала кровь. — Пройдите вперед и встаньте на часах, чтобы индейцы не застали нас врасплох.

Он оторвал подол рубахи и наложил повязку на руку, и затем занялся ранами Дика Стоуна, у которого был вспорот бок. К счастью, раны обоих были неглубоки и неопасны для могучих тел бывалых вестменов.

В несколько минут Виннету умело уничтожил следы сражения. Оставалось решить, что делать с Паранохом, лежащим на земле без

сознания.

— Придется его нести на себе, — предложил я.

— Я с удовольствием помогу вам донести его, чтобы потом судить негодя и вздернуть. Я сам выберу для него самый удобный в окрестностях сук. А пока потрудимся на его благо, — произнес Дик Стоун и принялся срезать толстые ветки и распускать на полосы одеяло Параноха, чтобы соорудить из них носилки...

Когда я проснулся и вышел из моей кельи следующим утром, солнечные лучи еще не прикоснулись к вершинам скал. Внизу, в долине, клубился туман, а на каменном уступе, где размещалась моя пещера, воздух был чист и прозрачен. Снизу доносились бравурные арии неизвестных мне птиц. Однако этот дивный утренний концерт не мог отвлечь меня от вчерашних событий.

Один из наших охотников, бродивший накануне по лесам в поисках дичи, сообщил, что видел еще один отряд индейцев понка, а значит, краснокожих, объявивших нам войну, было больше, чем мы предполагали, и наше положение становилось еще более затруднительным. Все говорило о том, что понка вторглись в чужие владения с единственной целью — уничтожить колонию трапперов.

Остаток вчерашнего дня и весь вечер мы провели в тревоге и в приготовлениях к возможной атаке неприятеля. Пленник, пришедший в себя уже в «крепости», лежал в одной из пещер, надежно связанный кожаными ремнями по рукам и ногам и тщательно оберегаемый стражей от любых случайностей.

И все же, ломая голову над тем, как избежать печальной судьбы, уготованной нам индейцами, я пошел проверить, не случилось ли чего с пленником. Неожиданно звук шагов отвлек меня от раздумий. Передо мной стоял Гарри.

— Доброе утро, сэр. Я вижу, вам, как и мне, не спится этой ночью.

— Доброе утро, Гарри, — ответил я на его приветствие. — Просто я решил проверить, как охраняют Параноха. Положение у нас незавидное, поэтому бдительность нам не помешает.

— Вы испугались краснокожих? — улыбнулся Гарри.

— Надеюсь, вы уже убедились, что я человек не робкого десятка. Однако нас всего тринадцать человек, а против выступит больше сотни, поэтому в открытом бою никак не выстоять. В «крепости» нам тоже не отсидеться.

— Не так страшен краснокожий, как его малюют, сэр! Нас тринадцать человек, но мы чего-нибудь да стоим. А наша крепость не по зубам даже

тысяче дикарей.

— Я не столь самонадеян, Гарри, как вы. За один день индейцы потеряли десять воинов, да еще и вождя в придачу. Среди убитых Параноха нет, понка уже догадалась, что он в наших руках. Теперь они горят жаждой мщения, а такая большая шайка сумеет добиться своего.

— Я знаю этих людей и считаю, что у нас нет оснований для опасений, — продолжал самоуверенный мальчик, не желавший видеть собравшихся над ним туч. — Краснокожие — трусы, они нападают только исподтишка и на тех, кто не может дать им отпор. Мы с отцом пересекли их владения от Миссисипи до Тихого океана и от Мексики до Великих озер, и всегда они бежали от нас. Иногда, правда, и нам приходилось уносить ноги, но только в том случае, если их было слишком много, но, в конце концов, победа всегда оставалась за нами.

Я глядел на разгоряченное лицо мальчика. Не знаю, что он прочел в моем взгляде, но после короткой паузы Гарри продолжил:

— Я знаю, что вы придерживаетесь несколько иных взглядов, однако иногда в человеческом сердце поселяются чувства, не повиноваться которым не может ни один мужчина. Если бы нам вчера удалось добраться до устья реки, я показал бы вам могилу, в которой покоятся два существа, самых дорогих моему сердцу. Их убили краснокожие, и с тех пор моя рука сама тянется к оружию, как только я вижу развевающуюся на ветру скальповую прядь. Не один индеец упал с коня, сраженный пулей из этого пистолета.

Он достал пистолет из-за пояса и протянул его мне, продолжая:

— Из этого ствола вылетела пуля, пронзившая сердце моей матери. — Он на мгновение умолк. По его лицу пробежала тень печали, а голос зазвучал глухо. — Вы хороший стрелок, сэр, и мало кто может сравниться с вами в этом искусстве, но, уверяю вас, из этой старой пушки вам не попасть с пятнадцати шагов даже в слона. Можете себе представить, сколько мне пришлось упражняться, чтобы стрелять так, как я вам показал в Нью-Венанго. Я умею обращаться с любым оружием, но, если мне надо прикончить индейца, я всегда беру в руки только этот пистолет, потому что я поклялся: за каждое зернышко пороха, вытолкнувшего смертоносную пулю, взять жизнь одного краснокожего. Мне кажется, я уже близок к выполнению клятвы, и оружие, убившее мою мать, сегодня отомстит за нее.

— Вы получили пистолет от Виннету?

— Да. Что он вам рассказывал об этом?

— Ничего.

— Тогда присядьте, сэр. Эта история стоит того, чтобы ее выслушать.

Мы присели на камни, мальчик окинул изучающим взглядом долину и начал рассказ:

— Мой отец был старшим лесничим в Старом Свете и счастливо жил с женой и маленьким сынишкой. Неважно, в какой стране это было, ибо теперь наша родина здесь. Разразилась политическая буря, покалечила судьбы многих людей и унесла их за океан. Жена не вынесла испытаний и неизвестности и скончалась на судне еще до того, как изгои высадились на берег. Оставшись без средств к существованию в совершенно чужой ему стране, отец оставил сына на попечение одной зажиточной, но бездетной семьи, принявшей того как родного, а сам занялся тем, что умел делать, — уехал на Запад и стал охотником. Он много лет провел среди опасностей, но благодаря своим исключительным качествам сумел выйти невредимым из многочисленных схваток, чем снискал уважение белых и внушал страх краснокожим. Как-то во время одного из охотничьих походов он углубился в земли ассинибойнов, где впервые встретился с Виннету, прибывшим с берегов Колорадо в верховья Миссисипи за священной глиной для трубки мира племени апачей. Оба они были гостями вождя Та-Ша-Тунги, прониклись уважением друг к другу и поклялись в дружбе. Там же они познакомились с дочерью вождя Рибанной, прекрасной, как летнее утро, девушкой. Ни одна из дочерей племени ассинибойнов не умела так хорошо выделывать шкуры и так красиво вышивать одежду, как она. Когда Рибанна шла за хворостом для костра, она шагала с величием королевы, волна волос ниспадала до земли. Она была любимицей Великого Духа Маниту и гордостью своего племени, а все молодые воины горели жаждой бросить к ее ногам скальпы врагов. Виннету был моложе всех ее поклонников, отец самым старым из них.

В душе белого охотника проснулись чувства, он ходил за Рибанной, разговаривал с ней, как с дочерью бледнолицых. Как-то вечером Виннету подошел к нему и сказал: «Белый человек не похож на детей своего народа, он никогда не произносит лживых слов, а всегда говорит правду своему брату Виннету».

Отец чистосердечно ответил молодому апачу: «Мой краснокожий брат наделен силой воина и разумом, с которым не могут сравниться старики, занимавшие место в совете старейшин. Он никогда не жаждал крови невинного, и я протянул ему руку дружбы. Говори, брат мой».

«Мой брат любит Рибанну, дочь Та-Ша-Тунги?»

«Она милее мне всех стад бизонов и всех скальпов краснокожих врагов».

«Будет ли мой брат добр к Рибанне? Не оскорбит ли он ее ушей грубым словом? Подарит ли он ей свое сердце?»

«Я буду носить ее на руках и не покину до конца дней — и в радости, и в горе».

«Виннету знакомы язык и названия звезд, но его звезда погасла, а в сердце наступает ночь. Он страстно желал привести Рибанну в свой вигвам, чтобы отдыхать на ее груди после трудной охоты или опасного похода. Но глаза дочери ассинибойнов смотрят только на моего белого брата, а губы ее произносят только имя Олд Файерхэнда. Апач покинет страну счастья и отправится в одиночестве к берегам Рио-Пекос. Его рука никогда не прикоснется к женщине, и он никогда не услышит голос сына. Но он вернется к ассинибойнам, когда стада лосей начнут уходить на север. Горе тебе, если он увидит, что дочь Та-Ша-Тунги несчастна».

На следующий день Виннету ушел из селения, а когда весной вернулся, блестящие глаза Рибанны сказали ему больше, чем слова. Мне было всего несколько дней от роду, и апач принял меня из ее рук, поцеловал в губы и сказал: «Виннету будет над тобой как дерево, в ветвях которого засыпают птицы, а звери ищут защиту от дождей. Его жизнь — твоя жизнь, его кровь — твоя кровь. У него всегда хватит сил, чтобы защитить сына Рибанны. Пусть утренняя роса омывает твой путь, а солнечный свет согревает твои дороги».

Проходили годы, я подрастал, играл с краснокожими мальчишками и мечтал о сражениях. Тем временем отец затосковал по старшему сыну, собрался на восток и взял меня с собой. Знакомство с братом и новым миром поразило меня. Я не хотел расставаться с новыми людьми, с городом, с иной жизнью. Отец оставил меня у опекунов и уехал один. Через год он вернулся за мной и повез на родину.

На стойбище нас ждало пепелище. После длительных поисков мы нашли оставленный для нас Та-Ша-Тунгой вампум, особую нить с раковинами, с известием о том, что произошло.

Тим Финетти, белый охотник, часто навещался к ассинибойнам и тоже желал взять в жены прекрасную Рибанну. Но, будучи негодяем по натуре, он был знаменит тем, что даже у своих друзей воровал шкурки. Ему отказали. Узнав, что Рибанна стала женой отца, он пошел к племени черноногих и уговорил их выступить в поход против ассинибойнов.

Черноногие выкопали топор войны и напали на стойбище, когда все воины были на охоте. Они сожгли вигвамы, убили стариков и детей, а девушек и женщин увели в плен. Воины ассинибойнов, вернувшись в разоренное стойбище, в тот же день пустились по следу врага. Все

произошло лишь несколько дней тому назад, и мы надеялись нагнать их.

По пути мы встретили Виннету, который шел к нам через горы. Узнав от отца о происшедшем, он молча повернул коня и присоединился к нам. Мне никогда не забыть этих двух мужей, скакавших рядом друг с другом, чтобы отогнать неприятеля и отомстить. Соединившись с отрядом ассинибойнов, мы обнаружили черноногих неподалеку отсюда. Наши воины ждали темноты, чтобы напасть на их лагерь. Мне приказали сторожить лошадей, но я не выдержал и прокрался на опушку леса. Не успел я устроиться в кустах, как прозвучал первый выстрел.

Это была страшная ночь. Неприятель превосходил нас численностью, и, несмотря на ярость и жажду мести, мы потерпели поражение. Звуки боя утихли только на рассвете. Я видел переплетенные в смертельном объятии тела, слышал стоны и хрипы раненых и умирающих. Я лежал на траве, мокрый от росы и слез. Потом вернулся к лошадям, но там никого не было, и меня охватил ужас, когда я услышал победный клич черноногих.

До вечера я просидел в укрытии и только в темноте отважился выйти на поле боя. В ужасе бродил я среди освещенных луной мертвых тел, пока не наткнулся на мать. Несчастливая лежала с простреленной грудью, сжимая в объятиях мою сестренку, которой размозжили голову. От жуткого зрелища я лишился чувств и упал на бездыханные тела моих близких.

Не знаю, сколько времени я пролежал так. Я пришел в себя от звука чьих-то шагов, приподнялся и — о какое счастье! — увидел отца и Виннету — с кровоточащими ранами, в одежде, превратившейся в лохмотья. Черноногие сумели схватить их, связать и увести в плен, но им удалось перетереть веревки и убежать.

Глубоко вздохнув, Гарри умолк и невидящим взором посмотрел вдаль. Спустя какое-то время он неожиданно повернулся ко мне и спросил:

— У вас есть мать, сэр?

— Да, она еще жива.

— Что бы вы сделали с человеком, который убил ее?

— Я отдал бы убийцу в руки правосудия.

— Но здесь, на Западе, руки у правосудия слишком слабые и короткие, и мужчинам приходится самим быть судьями и палачами.

— Между мезтью и наказанием есть существенная разница, Гарри. Мезть лишает человека тех качеств, которые и отличают его от животного.

— Вам легко говорить так, потому что в ваших жилах нет ни капли индейской крови. Но если человек добровольно отрекается от разума и жалости к ближнему и становится диким зверем, то с ним и надо обращаться как с диким зверем и преследовать до тех пор, пока

смертоносная пуля не убьет его. Когда мы похоронили наших дорогих, чтобы уберечь их тела от стервятников, в наших сердцах осталось одно лишь чувство: ненависть к убийцам. И клятва, принесенная тогда Виннету, стала нашей общей клятвой: «Вождь апачей нашел стрелу мести. Его глаза зорки, ноги легки, его рука сжимает быстрый, как молния, томагавк. Он будет искать и найдет Параноха, убийцу Рибанны, прекрасной дочери ассинибойнов, и возьмет его скальп за жизнь горной розы».

— Ее убил Тим Финетти?

— Да. В начале боя, когда казалось, что черноногие не выстоят под нашим натиском, он застрелил ее, чтобы она не досталась никому. Все произошло на глазах у Виннету; апач в ярости бросился на Параноха и наверняка убил бы его, если бы негодяю не пришли на помощь полторы дюжины краснокожих. Виннету сражался как лев, но, когда на его теле не осталось живого места от ран, его сумели схватить и связать. В насмешку ему оставили незаряженный пистолет, который он потом подарил мне и с которым я никогда не расстаюсь ни в прерии, ни в городах белых.

— Я все же должен заметить вам, что...

Он остановил меня нетерпеливым движением руки:

— Я знаю, что вы хотите сказать, поскольку я сам говорил себе то же самое тысячу раз. Вы слышали легенду о привидениях, которые ураганом мчатся по равнине, уничтожая все, что стоит у них на пути? Вам не кажется, что это и есть символ прерии, где ничем не обузданная воля человека захлестывает все, и что так и будет до тех пор, пока сюда не придет цивилизация и не принесет с собой закон? В моих жилах катятся волны неограниченной свободы. Я пытаюсь устоять перед их натиском, но часто боюсь, что они поглотят меня.

В его словах звучало горькое предчувствие. Он замолчал, а я долго не решался нарушить тишину. Мальчик рассуждал и действовал как взрослый, я понимал, что не имею права осуждать его поступки, но все же попытался убедить его, что человек должен оставаться человеком в любых обстоятельствах. Он кивал головой, но я чувствовал, что мои слова не могут пробить панцирь, выкованный из жажды мести.

Внезапно снизу раздался громкий свист.

— Отец зовет нас, — произнес Гарри. — Пойдемте, для пленника настал смертный час.

Я встал и, взяв его за руку, попытался заглянуть в его глаза.

— Гарри, можете ли вы выполнить мою просьбу?

— С удовольствием, если вы не потребуете у меня невыполнимого.

— Оставьте пленника взрослым мужчинам.

— Вы просите меня о невозможном. Я всю жизнь мечтал о том, как окажусь лицом к лицу с Паранохом, как уничтожу его. Я рисовал себе час мести всеми возможными красками, это мгновение было целью моей жизни, той ценой, которая могла бы оплатить все труды и лишения. И теперь, когда я так близок к мечте, я должен от нее отказаться? Нет, нет и еще раз нет!

— Я знаю, что Паранох достоин самого сурового наказания, но вам не обязательно лично принимать участие в казни. Человек должен стремиться к более высоким целям, чем ваши, а человеческое сердце не может быть всецело отдано мести.

— Ваши слова хороши, сэр, но я имею право остаться при своем мнении и никак не могу выполнить вашу просьбу. Пойдемте вниз.

У мальчика была необычайная, изломанная судьба. В глубине души я понимал, что у него более чем веские причины быть суровым, но я жалел его, думая о том, как легко в его возрасте перешагнуть границу справедливой беспощадности и войти во вкус пролитой крови... Все еще взволнованный, размышляя о нашей беседе, я медленно двинулся за ним.

Спустившись вниз, я первым делом подошел к верному коню, потрепал по шее, угостил кусочком лепешки и только потом направился к охотникам, собравшимся вокруг Параноха и обсуждавшим, как лучше его казнить.

— Смерть ему, негодяю, — говорил Сэм Хокенс. — Но я слишком забочусь о чести моей старушки Лидди, чтобы позволить ей выстрелить в такого мерзавца.

— Нечего тратить на него пули, — соглашался с ним Дик Стоун. — Вздернуть его на суку, ничего другого он не заслуживает. А что вы скажете, сэр? — обратился он к 'Олд Файерхэнду.

— Боюсь, что смерть мерзавца опозорит нашу прекрасную долину. Он убил моих родных на берегу Бифока, там он и понесет заслуженную кару. Место, некогда слышавшее мою клятву, будет свидетелем ее исполнения.

— Тогда зачем я тащил сюда этого лысого негодяя? — вмешался Дик Стоун. — Зачем зря рисковать? Мне совсем не хочется расставаться с моей шевелюрой. Весь лес снаружи «крепости» кишмя кишит краснокожими дьяволами.

— Что думает об этом вождь апачей Виннету? — спросил Олд Файерхэнд, понимая, что Дик Стоун прав.

— Виннету не боится стрел индейцев понка. У его пояса уже висит скальп Параноха, и он дарит этого койота своему белому брату.

— А как считаете вы? — обратился ко мне Олд Файерхэнд.

— Казните его, как хотите, но только поскорее. Никто из нас не боится индейцев, но к чему зря подвергать себя опасности? Этот человек не стоит того.

— Оставайтесь здесь, сэр, и сторожите свою спальню, — вмешался Гарри в разговор взрослых, бросив на меня странный взгляд. — Я требую привести приговор в исполнение только там, где лежат жертвы убийц. Сама судьба отдала его в наши руки именно здесь. Я вижу в том знак провидения и требую выполнить клятву на могиле, где я ее принес.

Пленник стоял, привязанный к стволу толстого дерева. Кожаные ремни глубоко врезались в его тело, но, несмотря на боль и на то, что здесь решали его судьбу, лицо, изборожденное следами былых страстей, не дрогнуло. В его пугающих чертах, казалось, отражалась вся его жизнь, полная дьявольских преступлений, а вид багрового, едва зажившего голого черепа только усиливал жуткое впечатление.

Совет затянулся, но я уже не принимал в нем участия. Наконец все разошлись и стали готовиться в дорогу. Я удивлялся воле мальчика, заставившего взрослых подчиниться, и в то же время никак не мог избавиться от предчувствия несчастья. Олд Файерхэнд подошел ко мне, положил руку на плечо и произнес:

— Пусть свершится судьба. Не судите нас по своим законам, сэр.

— Я не смею осуждать вас. Преступление должно быть наказано. Но позвольте мне уклониться от личного участия в казни. Вы все-таки решили идти на Бифок?

— Да. А вас я попрошу позаботиться об охране лагеря.

— Когда вы вернетесь?

— Трудно сказать. Все зависит от того, насколько быстро сумели прийти в себя индейцы. Прощайте и глядите в оба.

Параноха отвязали от дерева, сунули ему в рот кляп, притянули его ремнями к носилкам, маленький отряд зашагал к выходу из долины. Виннету, прежде чем присоединиться к уходящим вестменам, подошел ко мне:

— Мой белый брат остается в «крепости»?

— Вождь апачей знает мои мысли, поэтому мои губы могут молчать.

— Мой брат осторожен, он проверяет глубину, прежде чем войти в воду, но Виннету должен идти с сыном Рибанны, павшей от руки Параноха.

После их ухода в «крепости» остались только трое вестменов, среди них и Дик Стоун. Я собрал их и сказал, что собираюсь выйти на разведку и осмотреть окрестности «крепости».

— Не стоит, сэр, — сказал Дик. — У входа в долину стоит часовой, а

нам лучше отдохнуть перед трудной работой. Чует мое сердце, что нам сегодня придется попотеть.

— Что вы имеете в виду?

— У краснокожих хорошие глаза и чуткие уши, конечно, они что-нибудь да пронюхают и вполне могут нагрянуть сюда.

— Ваше сердце правильно чует, Дик. Именно поэтому я и схожу посмотрю, что делается вокруг «крепости». Ждите меня здесь, я скоро вернусь.

Я набил магазин штуцера патронами до отказа и вышел. Часовой, укрывшийся в кустах ежевики, заверил меня, что ничего подозрительного не происходило, но я давно знал, как иногда беспечно ведут себя даже бывалые охотники, и научился доверять только собственным глазам. Не ошибся я и на этот раз. Продравшись сквозь колючие заросли, почти у самого входа в долину я обнаружил одну свежесломанную веточку и принялся пядь за пядью осматривать землю. Еще недавно там лежал человек, который, уходя, тщательно разровнял опавшие листья, чтобы на них не осталось никаких следов.

Краснокожие обнаружили вход в долину и видели, как мои друзья вышли из «крепости» с Паранохом! Но прежде всего они постараются выручить своего вождя и только после этого пойдут на штурм лагеря. Нельзя было терять ни минуты, и, отдав распоряжение оставшимся троем вестменам вооружиться и быть начеку, я поспешил за отрядом.

Вскоре я уже добрался до места вчерашней схватки: трава на поляне была вытоптана, трупы убитых нами индейцев исчезли. Сбывались мои худшие предположения, тем более что вдоль следов белых потянулись отпечатки не одной пары ног в мокасинах. За ними следили, и число индейцев, идущих по пятам отряда, увеличивалось по мере удаления от «крепости». Я прибавил шагу и удвоил осторожность: по моим расчетам, где-то здесь краснокожие должны были напасть из засады на вестменов.

Так я дошел до места слияния рек Бифок и Манкисити. Судя по рассказу Гарри, здесь и произошло печальное сражение, положившее начало смертельной вражде и ненависти между его отцом и Паранохом, и здесь же похоронили его сестру и мать. Кустарник уступил место высокой густой траве, деревья расступились, образуя большую поляну, на которой я увидел оживленно беседующих охотников. Паранох с кляпом во рту стоял, привязанный к огромной пинии.

К сожалению, я был не единственным зрителем: впереди меня, не спуская глаз с бледнолицых, крались трое индейцев. Остальные, должно быть, обходили поляну со всех сторон, чтобы отрезать моим товарищам все

пути к отступлению. Медлить было нельзя, и я, вскинув штуцер, нажал на курок.

Мой выстрел прозвучал как гром с ясного неба как для белых, так и для краснокожих. Но не успело умолкнуть его эхо в лесу, как на поляну полетела туча стрел, затем раздался боевой клич, и из кустов высыпало полсотни воющих раскрашенных индейцев.

Расстреляв все патроны, я тоже бросился на поляну вслед за краснокожими и увидел, что Гарри, не обращая внимания на опасность, целится из пистолета в Параноха. Какой же сильной была его ненависть, если думал он не о спасении собственной жизни, а о казни мерзавца! Однако выстрелить ему помешал огромного роста индеец, одним ударом сваливший мальчика с ног и уже занесший томагавк над его головой. Орудяя штуцером, как дубиной, я, не теряя времени, размозжил череп великану, и он рухнул прямо на Гарри, обагрив его своей кровью.

Охотники, люди бывалые, не растерялись. Кто-то встал спиной друг к другу, кто-то прислонился к дереву — все они яростно защищались от нападавших со всех сторон индейцев, но многие уж были ранены, а силы слишком неравны.

Виннету и Олд Файерхэнд бросились к Параноху, но перед ними выросла стена из краснокожих, пробиться сквозь которую не смог бы даже герой из легенд. Освобожденный от пут Тим взмахнул руками, выхватил у кого-то томагавк и, скрежеща зубами, набросился на Виннету.

— Иди сюда, собака пимо! Ты жизнью заплатишь мне за мой скальп!

«Пимо»! Что может быть оскорбительнее для апача, чем услышать из уст врага это слово? Виннету, несмотря на раны, в бешенстве ринулся к смертельному врагу, но о каком честном поединке могла идти речь, если Паранох был отъявленным мерзавцем? Вождя апачей окружили со всех сторон, а друзья трапперы защищали свою жизнь и не могли прийти на помощь.

Понимая, что нам не продержаться даже десяти минут, я взвалил на плечо Гарри, размахивая штуцером, пробился сквозь толпу краснокожих и громко крикнул, перекрывая шум боя:

— В воду! Скорее в воду!

Я прыгнул с обрыва и почувствовал, как над моей головой сомкнулась волна. Река была глубокая, но узкая, и в несколько взмахов я добрался до противоположного берега. Мальчик пришел в себя. Однако и тут было небезопасно. Я оглянулся и увидел, что те из моих товарищей, кто смог прорвать кольцо врагов, последовали моему примеру. За ними с воем неслись индейцы, а это значило, что битва еще не кончена и будет

продолжена на этом берегу. Решив перебраться через излучину и снова переплыть наа противоположный берег, чтоб обмануть индейцев, я потащил мальчика с собой, но тот вдруг стал упираться.

— Отец! — воскликнул он в тревоге. — Я должен быть с ним, я не могу оставить его!

Мимо нас, шлепая мокрыми мокасинами, быстро проковылял Сэм Хокенс.

— Мы не сможем помочь отцу! — торопил я Гарри, чуть ли не силком таща его за собой. — Твой отец выберется сам.

Продравшись сквозь прибрежные заросли, мы снова пересекли реку. Старый Сэм Хокенс ждал нас на том берегу, отряхиваясь, словно собака после купания. Теперь можно было возвращаться в «крепость», но глазки Сэма вдруг хитро блеснули.

— Сэр, давайте вернемся на ту злополучную поляну. Насколько я знаю краснокожих, они не умеют плавать с оружием.

— Ну и что, Сэм? В любом случае возвращаться опасно.

— Опасно? Мы только заглянем туда на минутку и посмотрим, не оставили ли они для нас свои пушки.

Петляя между кустами и подпрыгивая, словно кенгуру. Сэм помчался к поляне. Не раздумывая, я побежал за ним. Действительно, в траве на берегу валялись луки, колчаны со стрелами и ружья. Пока Сэм Хокенс собирал ружья, я рубил томагавком луки.

— Какие прекрасные ружья! — восклицал Сэм, глядя на ворох древних мушкетов. — В их стволах поселятся раки, хоть малая, а все-таки будет от них польза, — и он без сожаления швырнул их в воду. — Пойдемте отсюда, а то мне здесь как-то не по себе, чтоб мне лопнуть.

И мы кратчайшим путем помчались к «крепости». Наверняка основные силы краснокожих уже подтягивались к нашему лагерю, чтобы окружить его и не дать нам соединиться с оставшимися там трапперами.

Не прошли мы и полпути, как услышали выстрел.

— Вперед, сэр! Я узнаю звук карабина Билла Балчера! — воскликнул Сэм Хокенс, ускоряя шаг.

Гарри молча, с выражением тревоги на лице шел за мною. Чувствовалось, что он уже раскаивается в том, что настоял на казни у могилы матери, но у меня не было ни времени, ни желания упрекать его в этом.

Выстрелы повторились, и мы уже не сомневались, что индейцы начали осаду «крепости». Наши товарищи нуждались в помощи. Перейдя с шага на бег, мы вскоре добрались до опушки леса, где начинался каменный

тоннель и где я сегодня утром нашел следы лазутчика, наблюдавшего за отрядом Олд Файерхэнда. Здесь же поблизости должны были засесть краснокожие и перекрыть вход и выход.

Внезапно послышался шорох, словно кто-то, позабыв об осторожности, продирался сквозь кусты, и, к нашей радости, через минуту перед нами предстали Олд Файерхэнд, Виннету и еще два траппера. Лицо Гарри вспыхнуло от счастья, когда он увидел, что отцу удалось уйти от погони.

— Вы слышали выстрелы? — спросил возбужденно Олд Файерхэнд.

— Да, — ответил я сурово. — Думаю, что, пока мы прогуливались, индейцы подобрались к «крепости».

— Поспешим туда! Я знаю, что виноват, но сейчас не время для упреков! Вход в долину узок, и один человек там сдержит сотню нападающих, но сначала надо разведать, что там случилось.

— Ничего не случилось, сэр, — отозвался язвительный Сэм Хокенс, — если не считать того, что краснокожие дьяволы уселись у нашего гнездышка и, как кошка, ожидают, когда птенец сам упадет вниз. На часах там стоит Билл Балчер, он человек вспыльчивый и, видимо, решил угостить гостей пулей.

— Как бы там ни было, мы должны пробиться в «крепость». Учтите, что наши преследователи присоединятся к осаждающим, и тогда индейцев будет вдвое больше, а значит, и нам будет вдвое труднее проскользнуть мимо них.

— А что будет с остальными охотниками, которых вы вывели утром из крепости? — поинтересовался я.

— Вы правы. Нельзя оставлять их вне лагеря, поодиночке им не пробиться.

— Мои белые братья останутся здесь, — вмешался Виннету, — а я схожу посмотрю, как далеко расположились воины понка.

И не успели мы его остановить, как он уже скрылся в кустах. За то время, пока мы ждали его возвращения, к нам присоединились еще двое вестменов, удачно избежавших погони. И хотя среди нас один я не был ранен, наш маленький отряд снова был готов к бою.

Виннету возвратился через полчаса. У его пояса висел свежий скальп, а это значило, что индейцы скоро догадаются о том, что у них в тылу появился неприятель. Растянувшись цепью, мы двинулись вперед и, приблизившись к залегшим на опушке леса краснокожим, дали залп, затем второй. Бросив на месте раненых и убитых, индейцы бросились врассыпную, но, даже отступая, они избегали открытых мест, чтобы не

стать легкой мишенью для наших ружей.

Теперь можно было беспрепятственно войти в «крепость», что мы и сделали. Как выяснилось, Билл Балчер вовремя заметил подкрадывающихся краснокожих и успел скрыться в тоннеле. Те бросились за ним, но хватило всего лишь нескольких выстрелов, чтобы остановить их.

Мы еще стояли в тоннеле, рассказывая прибежавшим остальным вестменам о наших приключениях, когда снаружи донесся гул, словно на нас неслось стадо бизонов. Снова схватившись за оружие, мы выбежали из «крепости», готовые отразить новую атаку, но, к своему удивлению, увидели не краснокожих, а табун лошадей, который вел человек в трапперской одежде с залитым кровью лицом. Остановив лошадей у того места, где обычно стоял часовой, он осмотрелся, никого не заметив, осуждающе покачал головой и направился к тоннелю.

— Да это же Билл Паркер, чтоб мне лопнуть! — раздался над моим ухом голос Сэма Хокенса. — Никто, кроме него, не сидит так неловко на лошади!

— Ты прав, старый енот, это действительно я. Билл Паркер — гринхорн, говорил ты. Что ты скажешь теперь? — Тут он увидел всех нас и воскликнул: — Слава тебе, Господи! Поздравляю вас, джентльмены, в состязаниях по бегу вы оставили позади всех краснокожих. Но не обижайтесь, единственный сын моей матери тоже пустился наутек, потому что лучше бежать, чем замертво лежать.

— Ты прав, Билл, но скажи, откуда у тебя эти лошади? — удивленно спросил Олд Файерхэнд.

— Как вам сказать. Просто мне пришла в голову дурацкая мысль, что краснокожие дьяволы будут искать старого Паркера везде, только не в своем собственном лагере. Поэтому я и направился туда, но там было пусто. Тогда я, как настоящий гринхорн — должен же я оправдать почетное звание, которое дал мне Сэм Хокенс, — так вот я, как гринхорн, порыскал по лесу и нашел то место, где индейцы спрятали лошадей. При них было всего два стражника, пришлось с ними потолковать, что, поверьте, здоровья мне не прибавило, но зато я уговорил их подарить мне весь табун. Старых кляч я отпустил в прерию, а этих привел сюда.

— Ай да Билл! — нахваливал друга Дик Стоун. — Котелок у тебя что надо.

— Конечно, что надо, — скромно согласился Билл Паркер. — Теперь без лошадей краснокожим крышка. Ба, что я вижу! — воскликнул он, заметив трупы индейцев. — Так они уже приходили к нам в гости! И отдали Богу душу после угощения. Добро пожаловать! Остальных ждет тот

же прием. Но вы только посмотрите на лошадей! Как вам этот гнедой? Наверное, это конь вождя.

— Которого мы отпустили погулять. Где же это видано, чтобы мыши поймали кота, а потом дали ему удрать! — проворчал Сэм Хокенс.

Но Олд Файерхэнд не слышал ворчания Сэма. Как зачарованный, он смотрел на гнедого скакуна.

— Великолепная лошадь! — в восторге обратился он ко мне. — Если бы я мог выбирать — он или Сволоу, я скорее бы выбрал его.

— Виннету разговаривает с душой коня и слышит, как бьется его сердце, — как всегда веско и вовремя, вмешался в наш разговор Виннету.

Вдруг раздался пронзительный свист, и в плечо Сэма Хокенса ударила стрела, но наконечник из обсидиана не сумел пробить кожаный панцирь. В то же мгновение послышалось оглушительное «Хо-хо-хи!», но ни один краснокожий так и не посмел предстать перед нами. По-видимому, они только пытались напугать нас. Сэм Хокенс поднял стрелу, презрительно посмотрел на нее и сказал:

— Я тридцать лет нашивал заплату на заплату! Неужели они думают, что смогут дротиком пробить мою куртку! Да она теперь тверже железных доспехов, чтоб мне лопнуть!

Куртка Сэма действительно заслуживала похвалы, но любоваться ею было не время. Судя по тому, что индейцы не перешли в нападение, их было еще немного, остальные, по-видимому, искали утопленное в реке оружие, чинили луки и изготавливали новые стрелы. Следовало прежде всего отогнать их подальше от «крепости», чтобы, не подставляясь под их пули и стрелы, провести сквозь узкий проход лошадей, поэтому мы, схватив оружие, кинулись в лес, чтобы ответить на приветствие краснокожих. Однако, как мы их ни искали, индейцев и след простыл: скорее всего, они отступили назад, чтобы на безопасном расстоянии дожидаться подкрепления.

Солнце уже клонилось к закату, вестмены, не получившие ран в схватке, стали на часах, остальные собрались у костра.

К счастью, ни один из охотников не пострадал серьезно в сражении. Почувствовав себя в безопасности, утолив голод и жажду и немного отдохнув, они оживились. Всем хотелось рассказать о своих подвигах и высказаться о том, как лучше защитить лагерь от индейцев. Дюжина снятых в бою скальпов придала вестменам самоуверенности, и уже никто не сомневался, что нам удастся устоять против ярости краснокожих. В пещерах хранились запасы продовольствия, которых хватило бы не на одну неделю осады, боеприпасов тоже было в избытке, так что враги могли

сколько угодно стеречь выход или расшибать от нетерпения лбы об острые скалы, надежной стражей окружавшие долину.

Даже опытный Олд Файерхэнд недооценивал опасность, и только Виннету, не принимая участия в ликовании по поводу временной удачи, лежал рядом со мной с отсутствующим видом.

— Взгляд моего краснокожего брата мрачен, а лоб нахмурен. Какие мысли тревожат сердце апача? — спросил я.

— Виннету разговаривает с Великим Духом. Он видит смерть, врывающуюся через проход и спускающуюся с гор. В долине бушует пламя, а вода покраснела от крови. Разум белых помутился от жажды мести, а глаза ослепли от ненависти. Паранох придет за скальпами охотников, но Виннету сразится с ним и споет песню смерти над телом врага.

— Но как могут индейцы ворваться в «крепость»? Им не проникнуть сюда через проход.

— Мой брат произносит слова, в которые не верит сам. Разве может одно ружье остановить сотни врагов?

Виннету был прав. Он повторил вслух мои мысли. Один человек не в состоянии защитить узкий проход от многочисленных врагов, он может поразить первых, но остальные растопчут его и прорвутся. Я поделился нашими сомнениями с Олд Файерхэндом, но он ответил:

— Тогда мы встретим их залпом у выхода из тоннеля.

Его довод меня не убедил, но и спорить не имело смысла. С наступлением темноты мы удвоили стражу. Я должен был встать на часах только на рассвете, когда индейцы предпочитают нападать на врага, чтобы застать его врасплох, но тягостное чувство беспокойства овладело моей душой, и внутренне я был готов вступить в бой в любое мгновение.

Чтобы как-то занять себя, я пошел искать Сволоу. Он щипал траву в дальнем конце долины у подножия взмывавшей вверх скальной стены. Похлопав его по шее и угостив лепешкой, я уже собрался было уходить, когда мое внимание привлек легкий шорох, донесшийся сверху.

Конь поднял голову, готовый предупредить меня об опасности громким фырканием. Я быстро схватил его за узду и прикрыл ладонью раздутые ноздри, чтобы Сволоу не выдал наше присутствие. Я с напряжением вглядывался в ночное небо, надеясь различить на его фоне темные силуэты. Прошла минута, другая. Может быть, со скалы сорвался случайный камень? Или он был сброшен чьим-то неосторожным движением, а теперь неизвестные выжидают?

Наконец на скалах появились тени осторожно спускающихся вниз

индейцев. Шедший впереди проводник двигался уверенно, словно бывал здесь уже не раз и хорошо знал тайную тропу. Еще немного, и враги ступят на дно долины.

Я мысленно бранил себя: если бы я не поддался общему легкомыслию и захватил с собой штуцер, достаточно было одного выстрела, чтоб убить проводника, без которого остальные не смогли бы сделать и шагу. При мне же были только револьверы, совершенно непригодные для прицельной стрельбы на таком расстоянии. Поднимать же пустую пальбу лишь для того, чтобы предупредить товарищей, тоже было нельзя: прежде чем ко мне подоспеет помощь, индейцы успеют до меня добраться, тем более что, убегая, я попаду на открытое пространство, где даже плохой стрелок может всадить в меня пулю. И я решил прибегнуть к хитрости.

Проводник приближался к скальному уступу, что находился как раз на полпути между нами. «Если я успею туда до него, — подумал я, — мне ничего не будет стоит убить и его, и еще дюжину идущих за ним краснокожих».

Цепляясь руками за валуны, я полез вверх, но тут со стороны входа донеслись выстрелы. Дьявольски хитрый Паранох, видимо, оставил снаружи десяток-другой индейцев, чтобы разыграть нападение и отвлечь наше внимание от истинной опасности. Я изо всех сил карабкался вверх, мои пальцы уже цеплялись за край уступа, к которому я так стремился, как вдруг камень выскользнул из-под моей ноги, и, не удержавшись, я полетел вниз, пересчитывая ребрами все острые и тупые углы скалы. От удара о землю я потерял сознание...

Когда я пришел в себя и вспомнил, что со мной произошло, индейцы находились от меня уже на расстоянии нескольких шагов. Тело пронзала острая боль, но я, превозмогая себя, вскочил на ноги, выстрелил несколько раз по темным силуэтам и, взобравшись на спину Сволоу, помчался прочь.

Поняв, что их обнаружили, индейцы с диким воем побежали за мной.

Увы, у костра никого не было. Охотники попались на хитрость Параноха и сгрудились у выхода, ожидая нападения оттуда, и только теперь обратили внимание на мои выстрелы.

— В чем дело? — крикнул мне Олд Файерхэнд. — Где вас черти носят? Индейцы атакуют вход!

— Они уже в долине! — ответил я. — Скорее в пещеры!

Индейцев было намного больше нас, и единственной возможностью спастись от неминуемой гибели был отход к пещерам, где, скрываясь за камнями, можно было отстреливаться от наседавших воинов. Но, к сожалению, было уже поздно,

Вопреки своим обычаям краснокожие не стали дожидаться, пока соберутся все, а бросились на охотников, настолько ошеломленных неожиданным появлением врага, что, только увидев занесенные над головами томагавки, они очнулись и стали отбиваться.

Может быть, я и успел бы добраться до моей кельи, но Гарри, Олд Файерхэнд и Виннету нуждались в моей помощи.

— Уходите под скалу! — кричал я, нанося удары озверевшим краснокожим.

На мгновение враги потеряли уверенность, отступили перед моей яростью и открыли нам путь к отвесной скале, где мы, по крайней мере, могли не опасаться удара в спину.

— Почему такое должно было случиться именно со мной, чтоб мне лопнуть! — донесся из скалы знакомый голос. Из узкой расщелины, куда с трудом мог протиснуться человек, высывалась голова Сэма Хокенса. — Какого черта вам понадобилось показывать краснокожим, где скрывается старый енот Сэм Хокенс?!

Маленький хитрый человечек был единственным, кто не потерял самообладания и мгновенно сообразил, где искать спасения. Несмотря на то, что мы привели к нему беснующихся от ярости краснокожих, он без колебаний схватил Гарри за руку и потащил к себе в расщелину.

— Полезайте сюда, мой маленький сэр, для вас места хватит.

В рукопашном бою, когда вокруг мелькают тени, когда невозможно прицелиться и часто даже не успеваешь нажать на курок, карабины, ружья и штуцеры бесполезны. К счастью, трапперы готовились встретить индейцев у входа в долину, и ножей, и топоров у них хватало. Только Хокенс и Гарри, укрытые в скале, могли воспользоваться огнестрельным оружием. Хокенс заряжал, а мальчишка стрелял. Пороховое пламя вырывалось из расщелины, с одной стороны которой стоял я, а с другой — Олд Файерхэнд.

Костер отбрасывал мерцающие кровавые блики на мечущиеся темные фигуры индейцев и трапперов, звенела сталь, слышались короткие вскрики белых и истошный вой краснокожих.

У нас не оставалось сомнений, что участь наша предрешена — нас было слишком мало, чтобы выстоять, а помощи ждать было неоткуда. Но никому не хотелось покорно принимать смерть, каждый стремился продать свою жизнь подороже. В такие минуты к белому человеку приходят спокойствие и хладнокровие, что удваивает его силы и дает преимущество над краснокожими жителями американской прерии.

Туманным, смутным видением в моем мозгу пронесли образы

родителей, оставшихся за океаном, которые больше никогда не получат весточки от сына... Видение исчезло, и пришла холодная ясность ума.

Я не мог простить себе, что оставил штуцер в келье, куда сейчас никоим образом нельзя было добраться. Два дня я только и делал, что предвидел, предостерегал, советовал, но в конце концов вынужден был собственной кровью расплачиваться за чужие ошибки. От злости и горечи я с такой яростью стал размахивать томагавком, что Сэм Хокенс подал голос из своего укрытия.

— Славно, сэр! Вот это работа, любо-дорого посмотреть! — нахваливал он меня. — Я видел такое лишь однажды в жизни — когда мне пришлось пожить среди канадских дровосеков. Мы с вами прекрасная пара. Как жаль, что нас укокошат, а то бы мы с вами отняли еще не одну шкурку и у бобров, и у краснокожих.

Голос маленького вестмена прозвучал неожиданно громко, и его слова услышал даже Билл Паркер, несмотря на вчерашнее ранение разивший индейцев прикладом.

— Сэм Хокенс, — отозвался он. — Если уж тебе так приспичило поглазеть на что-нибудь забавное, то вылезай из своей норы и смотри сюда! Старый енот, ты назвал меня гринхорном! Ха-ха-ха! Скажи, разве гринхорн ничему не научился?

В двух шагах от меня, упираясь спиной в скалу, стоял Олд Файерхэнд. В одной руке он сжимал нож, в другой — томагавк, но казалось, что у него не две руки, а четыре — так ловко он справлялся с бросавшимися на него противниками. Забрызганный с ног до головы своей и чужой кровью, он твердо стоял на широко расставленных, словно вросших в землю ногах, седые волосы длинными прядями свисали с его головы, богатырская фигура привлекала индейцев, как пламя свечи манит ночных мотыльков. Он получил больше ран, чем я, но ни одна из них не свалила его с ног.

Неожиданно из гущи схватки вынырнул Паранох и с криком бросился к Олд Файерхэнду:

— Наконец-то я добрался до тебя! Вспомни Рибанну и погибай!

Когда он пробежал мимо меня, я ухватил его за плечо и замахнулся томагавком. Он узнал меня, чудом успел уклониться от удара, и мое оружие со свистом разрезало воздух возле его уха.

— Ты тоже здесь? — взвыл он. — Тебя я возьму живым!

Он промчался мимо меня и выстрелил прежде, чем я успел занести руку для следующего удара. Олд Файерхэнд покачнулся и рухнул в толпу врагов, подминая их своей тяжестью под себя.

Мне показалось, что пуля попала в мою собственную грудь.

Отшвырнув индейца, выросшего передо мной, я оторвался от спасительной скалы, ринулся за Паранохом и вдруг увидел, как темная гибкая фигура ловко проскользнула между сражающимися, чтобы внезапно предстать перед убийцей.

— Стой! Перед тобой вождь апачей Виннету. Он отомстит за смерть своего белого брата!

— Отправляйся в ад, собака пимо!

Я больше ничего не видел и не слышал. Забыв о собственной безопасности, я рвался к Параноху, когда вдруг вокруг моей шеи обвилась петля, на мою голову обрушился страшный удар, и я потерял сознание.

Когда я пришел в себя, вокруг было темно и тихо. Жгучая боль в голове напоминала об ударе, перед глазами плыли черные круги, перемежавшиеся ужасающе ясными подробностями сражения. Ременные путы впились в тело. Индейцы связали меня с изощренной дикарской жестокостью, так что я не мог шевельнуть и пальцем.

Внезапно рядом послышалось тяжелое сопение.

— Есть тут кто-нибудь? — спросил я, с трудом шевеля языком.

— Не кто-нибудь, а я собственной персоной, чтоб мне лопнуть! Я всегда считал, что я лучше, чем кто-нибудь.

— Это вы, Сэм? Скажите, ради Бога, где мы?

— В сравнительно безопасном месте, сэр. Они бросили нас в пещеру, где мы хранили шкуры. Что меня утешает, так это то, что мы успели спрятать все наши меха и краснокожим не удастся поживиться.

— Что с остальными, Сэм?

— Ничего особенного, сэр. Их просто уколошили. Дика Стоуна, Билла Паркера, но ведь он был гринхорн, хотя и не хотел верить мне. Гарри Корнера и Билла Балчера тоже уколошили, всех уколошили. Только вы еще живы. Апач и маленький сэр тоже еще живы, хотя и не очень... Про себя я уже не говорю, хи-хи-хи-хи.

— Вы уверены, что Гарри жив? — обрадовался я.

— Неужели вы думаете, что старый охотник за скальпами не помнит того, что видел собственными глазами? Он с апачем со всеми удобствами устроился в соседнем каменном мешке. Я хотел тоже попасть в их компанию, но нынешние хозяева не пожелали меня выслушать.

— А что с Виннету?

— Тоже ничего особенного. Ему продырявили шкуру. Если он выберется отсюда, будет выглядеть как старая куртка Сэма Хокенса — заплатка на заплате.

— Легко сказать — выбраться отсюда... Но как случилось, что его

взяли живым?

— Точно так же, как нас с вами. Он защищался как черт, чтоб мне лопнуть. По всему было видно, что он предпочитает умереть в бою, а не жариться на медленном огне у столба пыток. Да только ничего у него не вышло: заарканили, сбили с ног, едва не разорвали на клочки. Насколько я понял, вы не собираетесь уходить отсюда? А старый енот Сэм Хокенс только об этом и мечтает.

— Что пользы мечтать? Боюсь, что выбраться отсюда невозможно.

— Невозможно? Я словно снова слышу голос Билла Паркера! Краснокожие — исключительно честные люди. Они отняли у старого Сэма все: пистолет, трубку, хи-хи-хи! То-то они обрадуются, когда понюхают ее, — благоухает она не хуже скунса. Лидди тоже пропала, и шляпа, и парик. Как бы они не передрались из-за моего скальпа, а он, как вы знаете, обошелся мне в три больших связки бобровых шкурок. Но вот нож они Сэму Хокенсу оставили. Он у меня в рукаве. Как только старый енот понял, что отдых в расщелине кончается и что охотники вот-вот доберутся до него, он припрятал ножик.

— У вас есть нож? Но вы не сможете его достать.

— И я так думаю. Вам придется изловчиться и помочь единственному сыну моей матери.

— Одну минуточку, посмотрим, что тут можно сделать.

Я хотел было подкатиться к нему, но полог, заменявший дверь, распахнулся, и в пещеру вошел Паранох в сопровождении нескольких свирепого вида индейцев. В руке он держал горящий факел. Я не стал притворяться, изображая человека, лежащего без чувств, но и не посмотрел на Параноха.

— Наконец-то и ты попался! — голосом, не предвещающим ничего хорошего, произнес он. — Никаких платежей в рассрочку, сполна и собственной шкурой. Ты узнаешь это? — И он поднес к моему лицу скальп, до сих пор висевший у пояса Виннету.

Итак, Тим Финетти знал, что именно я нанес ему роковой удар ножом, из-за которого ему пришлось расстаться со скальпом. Я не сомневался, что Виннету не мог ему сообщить об этом, и на все вопросы отвечал гордым молчанием. Значит, он запомнил меня еще во время той схватки при луне вблизи железной дороги.

— Вы все узнаете, что чувствует человек, когда у него с головы снимают кожу, придется только подождать до рассвета.

— Ну уж от меня особенного удовольствия вам не видать, — не удержался Сэм Хокенс. — Хотелось бы только узнать, что вы сделаете с

моей головой? Снять с нее скальп вам уже не удастся, он и так в ваших руках. Как вам понравилась работа великого мастера? Я выложил за нее три связки бобровых шкур!

— Можешь смеяться, но только до рассвета. Мы найдем, откуда спустить тебе кожу, — ответил Паранох, проверяя ремни у нас на ногах и руках. — Вам небось и в голову не пришло, что Тиму Финетти известно про вашу «крепость»? Но я бывал в этих краях еще до того, как Олд Файерхэнд — чтоб он вечно горел в аду! — поселился здесь. Кроме того, у меня был проводник, знающий все тропинки.

Он вытащил из-за пояса нож и поднес костяную рукоятку к глазам Сэма, который, увидев вырезанные там буквы, воскликнул:

— Фред Овинс? Он всегда был негодяем, и я от души желаю ему испробовать на себе лезвие этого ножа.

— Поздно ругаться и поздно желать! Он наивно думал, что, если выдаст нам тайну, мы оставим ему жизнь, ха-ха-ха! Как он ошибался! Мы отняли у него и жизнь и скальп, но с вами поступим иначе: сначала скальп, потом жизнь.

— Воля ваша, завещание Сэма Хокенса давно готово. Лично вам я оставляю в наследство парик, может быть, он вам пригодится, хи-хи-хи!

Паранох в ярости пнул Сэма ногой и вышел вместе со свитой краснокожих.

Какое-то время мы молчали, ничего не предпринимая, боясь, что он вернется. Затем осмелели и, поворачиваясь с боку на бок, покатались навстречу друг другу. Хотя мои руки были стянуты до боли ремнем в запястьях, мне удалось вытащить из рукава Сэма нож и освободить его от пут. Спустя несколько минут мы оба растерали онемевшие конечности.

— Ты еще не совсем выжил из ума, Сэм Хокенс, мозги у тебя пока не высохли, — расхваливал сам себя хитрый маленький вестмен. — Ты бывал в разных переделках, но так близко к тому свету тебя еще не заносило. Любопытно, чем кончится вся эта история?

— Прежде всего надо посмотреть, что происходит снаружи, — бесцеремонно прервал его я, так как пора было действовать.

— Не спорю, сэр, посмотреть надо.

— Кроме того, необходимо раздобыть оружие. У вас есть нож, а у меня — голые руки.

— Не беспокойтесь, что-нибудь придумаем.

Мы осторожно выглянули из-за кожного полога, закрывавшего вход в пещеру. Светало. Индейцы сидели у костра — одни зализывали раны, другие заунывно оплакивали смерть товарищей, третьи вкапывали в землю

столбы пыток. У входа из долины Сволоу ссорился с гнедым скакуном, украденным Биллом Паркером у самого Параноха. Рядом щипал траву высокий мосластый жеребец Виннету, внешне ничем не примечательный, но в выносливости не уступавший моему красавцу. Если бы нам посчастливилось добыть оружие и добраться до лошадей, побег наверняка удался бы.

— Вы только посмотрите, сэр! — взволнованно зашептал мне в ухо Сэм Хокенс. — Взгляните вот на того старого дуралея, растянувшегося на траве! Видите?

— Вижу.

— А что это он прислонил к скале? Видите?

— Тоже вижу.

— Хи-хи-хи! Сама судьба возвращает старику его Лидди! Ущипните меня, не сплю ли я? Если я действительно Сэм Хокенс, то передо мной лежит Лидди, а у краснокожего болвана небось у пояса и мешочек с пулями висит. Хи-хи-хи!

Внезапно Сэм умолк: из соседней пещеры вышел Паранох, за ним два краснокожих гиганта тащили связанных пленников. С искаженным злобой лицом он обратился к Виннету:

— Готовься, пимо! Столб уже вкопали в землю. А ты, — он повернулся к Гарри, — ты будешь жариться на медленном огне рядом с ним!

Он подал своим людям знак, чтобы те оттащили Виннету и Гарри в лагерь, а сам быстро зашагал к ярко горевшему костру, где краснокожие уже занимали места, чтобы насладиться страданиями пленников.

Теперь наша жизнь висела на волоске. В любое мгновение Паранох мог послать воинов за мною и Сэмом, а если Гарри и Виннету привяжут к столбам, освободить их будет не под силу никому. Надо было действовать, не теряя ни минуты.

— Могу я на вас положиться, Сэм? — спросил я.

— Откуда мне знать, можете или нет, если вы сами того не знаете? — не удержался от шутки старый балагур. — Попробуйте, другого выхода у вас все равно нет.

— Возьмите на себя того, что справа, а я возьму того, что слева. И сразу же режем ремни.

— А потом бежим выручать мою Лидди?

— Боюсь, что времени на Лидди у нас не останется. Вы готовы?

Он кивнул мне головой с выражением озорной радости на лице, словно собирался посмеяться удачной шутке.

Краснокожие, тащившие на спине пленников, двигались медленно и тяжело, поэтому нам удалось быстро и незаметно приблизиться к ним. Сэм ловко вонзил свой нож в сердце индейцу, мне же пришлось потрудиться: сначала выхватить у моей жертвы томагавк, торчавший у нее за поясом, а затем нанести удар. Через мгновение разрезанные путы упали на землю, наши друзья были свободны. Сидящие у костра краснокожие, к счастью, ничего не заметили.

В минуты смертельной опасности, когда надо не рассуждать, а действовать, тело опережает мысль. Ноги сами понесли нас не к выходу из долины, а напрямик к костру, вокруг которого восседали враги, хотя мы и не сговаривались. Инстинктивно мы все увидели единственный путь к спасению.

Выхватив у застигнутых врасплох индейцев оружие, мы устремились дальше.

— Сволоу! — позвал я коня, и мой верный друг помчался мне навстречу. Вскакивая на него, я краем глаза заметил, что Виннету уже сидит на спине своего скакуна, а Сэм Хокенс ловит первую попавшуюся индейскую лошадь.

— Ко мне, Гарри! — позвал я мальчика, который тщетно пытался вскарабкаться на отчаянно брыкающегося гнедого коня Тима Финетти.

Раздался дикий вой индейцев, прогремели первые выстрелы, засвистели стрелы, и я, дав шпоры Сволоу, подскакал к мальчику, ухватил его за руку, вскинул на коня перед собой и помчался вслед за Виннету и Сэмом Хокенсом, уже скрывавшимися в узком тоннеле.

Мне трудно объяснить, почему в бешеной скачке по каменному коридору мы не расшиблись насмерть, почему краснокожие не догнали нас и почему ни одна стрела или пуля не задела меня, последним покидавшего долину, которая из «крепости» превратилась в тюрьму.

Сволоу галопом вынес нас из ущелья. Сэма Хокенса уже и след простыл, а Виннету скакал направо, в сторону прерии, по которой мы несколько дней назад ехали сюда. Апач уже приближался к скалам, за которыми пули индейцев были бы нам не страшны, и оглядывался назад, готовый прийти к нам на помощь.

Прогремел выстрел, пуля просвистела рядом со мной, и я почувствовал, как вздрогнул Гарри.

— Скорее, Сволоу, скорее, — умолял я коня, а он, словно догадываясь, что нам грозит смертельная опасность, неся точно так же, как и во время пожара в Нью-Венанго.

Оглянувшись, я увидел всего в нескольких шагах от нас Параноха. Его

глаза горели яростным, безумным огнем хищника, у которого из-под носа ускользает добыча, чью кровь он уже чувствовал на языке. Он безжалостно хлестал своего гнедого, готовый скорее загнать коня, чем упустить нас, и я понял, что теперь наша жизнь зависела только от Сволоу. Я не страшился поединка с этим диким, необузданным человеком, я уже дважды одолел его, но мне мешал Гарри, сковывавший мои движения.

Свернув за скалы, мы со скоростью урагана понеслись вдоль реки. Бурый жеребец Виннету высекал копытами искры из камней, Сволоу, несмотря на то что нес на себе двоих всадников, не отставал от него. Паранох неотвязно мчался за нами, и топот копыт его гнедого я все время слышал за своей спиной.

— Вы ранены? — спросил я Гарри.

— Да.

— Опасно?

Он не ответил. Теплая кровь тоненькой струйкой текла по моей руке. Я прижимал его к себе и думал о том, что успел полюбить мальчика и что после гибели Олд Файерхэнда не могу допустить гибели его сына.

— Вы перенесете эту скачку?

— Надеюсь.

Я еще раз пришпорил Сволоу, и он, оправдывая свое имя, чуть ли не полетел. Казалось, он не касается копытами земли.

— Держитесь, Гарри, мы почти спасены.

— Отпустите меня, позвольте мне спрыгнуть. Я ведь вижу, что мешаю вам.

— Вы непременно должны жить, Гарри.

— К чему? Отец умер, и я предпочитаю умереть вместе с ним.

Тем временем цокот копыт гнедого стал постепенно удаляться. Сволоу выигрывал скачку, где ставкой была наша жизнь.

— Это я виноват в его гибели! — корил себя Гарри. — Если бы я послушался вас, мы казнили бы Параноха в «крепости», и отец остался бы жив.

— Сейчас не время думать об этом.

— Отпустите меня! Паранох отстал от нас, дайте лошади перевести дух.

Я снова оглянулся и увидел, что Паранох отстал. За ним по двое, по трое неслись индейцы, не желавшие отказаться от погони и удовольствия видеть нас привязанными к столбу пыток.

Виннету спрыгнул с лошади, зарядил захваченное во время бегства ружье и приготовился к сражению. Я остановился рядом с ним, уложил

раненого мальчика на траву, а когда выпрямился, у меня уже не оставалось времени зарядить ружье.

Паранох был рядом, и я схватился за томагавк.

Обезумевший от ярости белый вождь бросился на меня, но прозвучал выстрел, и в то же самое мгновение я нанес сокрушительный удар томагавком. Паранох покачнулся и упал с лошади с пулей в груди и рассеченным черепом.

Виннету подошел к телу, перевернул его ногой и, глядя в лицо, с которого даже смерть не сумела стереть гримасу ненависти, сказал:

— Белый койот никогда больше не назовет вождя апачей именем пимо. Пусть мой брат заберет у него свое оружие.

Только сейчас я заметил, что Паранох присвоил мои револьверы, штуцер, нож и топор.

Тем временем Виннету поймал гнедого жеребца и подвел его к Гарри, чтоб усадить мальчика в седло. Неожиданно слева от нас что-то блеснуло, я посмотрел туда и увидел отряд всадников, выезжающий из леса как раз на полпути между нами и преследующими нас индейцами.

Это были драгуны из форта Рондэйл. Увидев неожиданную помощь, Виннету стрелой помчался на индейцев понка, у которых хватило времени лишь на то, чтобы развернуть лошадей и пуститься наутек. Я занялся Гарри, осмотрел его рану, отрезал ножом полосу от рубахи и остановил кровь.

— Вы сможете ехать верхом? — спросил я.

В ответ мальчик только улыбнулся, вскочил на гнедого жеребца и, дернув поводья, заставил его встать на дыбы, как во время нашего знакомства в Нью-Венанго.

— Краснокожие бегут! Бей их! — крикнул он и бросился в погоню.

Без вождя, который мог бы руководить боем, краснокожие растерялись, и мы поменялись с ними ролями. Судя по всему, понка намеревались укрыться в «крепости», и тогда выкурить их оттуда было бы не так-то просто.

Следовало опередить их и занять оборону у тоннеля, чтобы воспрепятствовать краснокожим проникнуть в долину. Наши кони были значительно резвее, мы постепенно нагоняли драгунов, затем оставили их позади и уже приближались к бегущим в ужасе краснокожим, когда из тоннеля раздался выстрел и скачущий первым индеец свалился с лошади. За ним последовал второй, третий.

Опешившие от неожиданности индейцы сбились в кучу, заметались у входа в «крепость» и помчались в сторону Манкисити. Драгуны

устремилась за ними, а мы, скрываясь за деревьями и кустами, направились к тоннелю с желанием выяснить, какой отважный стрелок сумел так удачно остановить бешено несущуюся лавину краснокожих.

Как только отгремел топот конских копыт, из зарослей ежевики показалась потертая широкополая шляпа и заросшая седой щетиной физиономия с огромным носом и маленькими хитрыми глазками. Через мгновение перед нами стоял Сэм Хокенс в своем кожаном панцире и с Лидди в руках. Из ствола еще вилась струйка порохового дыма.

— Слава Господу! Вы живы, сэр! Но откуда вы здесь взялись? — радостно вопил маленький вестмен, удивленный нашим появлением. — Чтоб мне лопнуть!

— Неужели это вы, Сэм? Но ведь я собственными глазами видел, как вы ускакали!

— Я ускакал? Вы шутите? Премного благодарен, но такие прогулки не в моем вкусе. Мне попала не лошадь, а какая-то упрямая бестия. Сначала она не хотела и шагу ступить, а потом так растрясла мои старые кости, что я ее прогнал, а сам приполз обратно. Не знаю, как оно получилось, но я подумал, что все краснокожие бросятся за вами и оставят «крепость» без присмотра. Так оно и оказалось. То-то они удивились, когда вернулись и увидели, что в доме прежние жильцы! А где вы нашли солдат?

— Мы пока не знаем, что их привело сюда, но они спасли нам жизнь. Чудо это или нет, мне все равно, но успели они вовремя.

— Не знаю, как насчет чудес, но Олд Шеттерхэнд, Виннету и Сэм Хокенс способны сами о себе позаботиться. Конечно, теперь драгуны покажут краснокожим, где раки зимуют, но мы бы и без них не пропали.

Мы въехали в «крепость». Следовало выполнить печальный ритуал и отдать последний долг нашим павшим товарищам. Разыскав их тела на месте ночного сражения, мы перенесли их к скале, где я и Сэм Хокенс начали рыть могилу, чтобы похоронить вестменов по христианским обычаям, хотя при жизни они и не были добрыми верующими. Виннету и Гарри склонились над Олд Файерхэндом, оплакивая гибель друга и отца, как вдруг апач приложил ухо к его груди и воскликнул:

— Уфф! Он еще жив!

Пуля Параноха прошла рядом с сердцем и вышла под лопаткой, Олд Файерхэнд потерял очень много крови, и нам пришлось не менее часа хлопотать над ним, прежде чем он пришел в себя и открыл глаза. Он узнал нас, улыбнулся сыну и снова потерял сознание, но теперь его жизнь, кажется, была вне опасности. К сожалению, остальных наших товарищей было уже не воскресить.

К полудню возвратились драгуны, разгромившие шайку индейцев и не потерявшие при этом ни одного солдата. Их капитан рассказал нам, что, узнав о попытке индейцев понка напасть на поезд, их комендант послал отряд, чтобы наказать дикарей. Застав их стойбища пустыми и поняв, что краснокожие пустились в погоню за нами, драгуны поспешили на помощь и подоспели вовремя.

Под их охраной мы перевезли Олд Файерхэнда в форт Рондэйл и оставили там раненого под наблюдением врача и сына. Сэм Хокенс возвратился в «крепость», поклявшись, что теперь будет убивать всех индейцев понка, встретившихся ему на пути: смерть Дика Стоуна и Билла Паркера потрясла старого, привыкшего ко всему вестмена, но я смотрел на трагедию, разыгравшуюся на берегах Манкисити, по-иному. Я уже давно убедился в том, что именно белые подстрекали индейцев на грабежи и убийства. И в нашем случае главным виновником был не кто иной, как Паранох, он же Тим Финетти.

Глава VII. ТОРГОВЕЦ ПУШНИНОЙ

Прошло три месяца после описываемых событий, прежде чем призрачная надежда на выздоровление Олд Файерхэнда превратилась в действительность. Однако поправлялся он очень медленно и до сих пор из-за слабости не мог подниматься с постели. Рана Гарри оказалась намного легче — он уже вовсю гарцевал на гнедом жеребце, доставшемся ему от Параноха, и упражнялся в стрельбе из своего необычного пистолета, мечтая о встрече с воинственными индейцами понка.

Да и у меня по причине многочисленных и медленно заживающих шрамов от малейшего прикосновения ныло все тело. Но я научился переносить боль так же стойко, как индейцы. Возвращались силы и к Виннету, а Сэм Хокенс, пострадавший в схватке меньше всех, давно уже томился от безделья в форте. В конце концов мы решили снова перебраться в «крепость», тем более что там в тайнике хранились шкурки бобров, добытые охотниками за сезон.

Комендант форта выделил нам для охраны нескольких солдат, и мы благополучно возвратились в обжитые нами места, связанные, увы, с тяжелыми воспоминаниями. Понимая, что долго еще не сможет вернуться к привычному для вестмена образу жизни, Олд Файерхэнд вознамерился было уехать на восток, пожить вместе с Гарри у старшего сына. Но для путешествия требовались деньги, и немалые, а у нас наличных денег не было. Имелись, правда, ценные меха бобра и других пушных зверей, но кто мог бы купить их в прерии? Даже в форте Рондэйл нам не удалось найти покупателя, увезти же такое количество шкурок с собой Олд Файерхэнд просто не смог бы...

Неожиданно нам помог один из солдат, оставленных нам для охраны; он вспомнил, что на Тарки-Крик обосновался торговец, покупающий и продающий в прерии все, что имеет хоть какую-то ценность. Самое же главное было то, что вел этот торговец не меновую торговлю, а платил за товар звонкой монетой. Как раз это нам и было нужно.

На Тарки-Крик, по словам солдата, хозяйничали шайки воинственных сиу-окананда. Торговцев они не трогали, поскольку за меха, не представлявшие в глазах сиу особой ценности, выменивали у торговцев оружие, боеприпасы, одеяла, «огненную воду» и различные безделушки. Но любому другому белому, появившемуся в тех местах, следовало смотреть в оба. Услышав обо всем этом, я вызвался съездить за торговцем и

провести его в «крепость». Краснокожих я не боялся, к стычкам с ними мне было не привыкать, и все же обрадовался, когда вместе со мной стал собираться в дорогу и Виннету. Олд Файерхэнд в нашей помощи уже не нуждался, а кроме того, с ним ведь оставались Гарри и Сэм Хокенс.

Мы тронулись в путь и уже через три дня благодаря тому, что Виннету прекрасно знал те места, добрались до берегов Тарки-Крик, или, как ее называют белые, Тарки-Ривер. Речушек с таким названием здесь было несколько, но та, к которой мы направлялись, славилась среди вестменов тем, что на ней происходили самые кровавые стычки с индейцами племени сиу.

Очень просто найти человека в прерии, если знаешь, где его искать. А если не знаешь? Ехать для расспросов в ближайшее стойбище индейцев было равносильно самоубийству, однако вдоль реки уже появились первые белые поселенцы, распахивавшие плодородные целинные земли, и вот их-то мы и решили расспросить.

Мы пустились вдоль берега, но признаки присутствия поселенцев обнаружили только к вечеру: поле, засеянное рожью, плодовые деревья. У ручья, впадающего в Тарки-Крик, мы увидели небольшой дом из толстых бревен, обнесенный частоколом. Такой же частокол огораживал кораль — загон для скота, в котором стояло несколько лошадей и коров.

Спешившись, мы направились к дому, узкие окна которого больше напоминали бойницы, когда в одном из них показалась двустволка, а грубый голос недвусмысленно приказал нам остановиться:

— Стойте! Мой дом — не голубятня, куда может влететь любая, невесть откуда взявшаяся птица. Кто вы такие и что вам тут понадобилось?

— Я траппер и ищу торговца пушниной, который, как нам говорили, находится где-то поблизости, — ответил я как можно дружелюбнее.

— Ищите его на здоровье, но только не у меня. Я вас не знаю и знать не хочу. Убирайтесь отсюда!

— По крайней мере, ответьте на наш вопрос. Ведь так гонят от ворот только разбойников.

— Именно поэтому я и гоню вас.

— Неужели мы похожи на грабителей?

— Похожи или нет, это неважно, в любом случае вы не траппер.

— Но это правда!

— Никто из трапперов, если он не Олд Файерхэнд, не заходит так далеко в прерию.

— Я как раз иду от него.

— Неужели? А откуда?

— Вы, наверное, слышали, что в трех днях пути отсюда находится его «крепость»?

— Как-то раз проезжал здесь некто Дик Стоун и действительно говорил, что туда три дня пути.

— Дик Стоун был моим другом. Но, к сожалению, он погиб.

— Может быть, и так. Но я не доверяю белым, которые водят компанию с краснокожими. Сейчас не те времена, чтобы впускать в дом индейца.

— Если этот индеец войдет в ваш дом, он окажет вам честь. Это Виннету, вождь апачей.

— Виннету? Тысяча чертей! Неужели? Пусть покажет свое ружье!

Виннету, не говоря ни слова, снял с плеча свою известную на всем Западе двустволку и поднял ее вверх. Действительно, второй такой визитной карточки не было ни у индейца, ни у белого.

— Серебряные гвозди! — воскликнул хозяин дома. — Значит, это правда! А у вас я вижу два ружья, и если не ошибаюсь, то большое — это мастера Генри из Сент-Луиса.

— Верно.

— Неужели вы Олд Шеттерхэнд, который, как говорят, прибыл к нам из Старого Света?

— Вы не ошиблись.

— Заходите, джентльмены, прошу вас! Я всегда с радостью встречаю таких гостей и постараюсь помочь вам, чем смогу.

Двустволка исчезла из окна, дверь через минуту распахнулась, и на пороге появился поселенец, человек уже немолодой, но крепкого телосложения и сильный. С первого взгляда было видно, что он не раз с оружием в руках отстаивал свою жизнь и что судьба ломала его, но он сумел выстоять. После дружеского рукопожатия хозяин провел нас в дом, где сидели его жена и младший сын, рослый юноша лет шестнадцати. Два других сына, как он сказал, валили деревья в лесу. Дом состоял из одной большой комнаты, на стенах висели ружья и охотничьи трофеи, над сложенным из больших камней очагом висел котел, в котором варилась похлебка. Скучная домашняя утварь стояла на полке, а шкафы для одежды и кладовую заменяли большие сундуки у стены. Под потолком на крючьях висели вяленые бизоньи окорока, которых семье из пяти человек хватило бы на несколько месяцев. В углу стоял грубо сколоченный стол с такими же, явно собственного изготовления, стульями.

Поселенец уснул сына заняться нашими лошадьми, а сам тем временем пригласил нас к столу, где уже дымился нехитрый ужин. Вскоре

вернулись из леса старшие сыновья и молча, без расспросов, сели рядом с нами и принялись за еду. Казалось, право говорить в этой семье имеет только отец.

— Простите, джентльмены, — оправдывался он, — за невежливую встречу, но нам приходится опасаться краснокожих, особенно сиу-окананда. Несколько дней назад они сожгли ферму в одном дне пути отсюда. А еще меньше в наших краях стоит доверять белым. Хорошего человека здесь редко встретишь, чаще сюда добираются те, кому стало тесно на востоке. Поэтому мы всегда рады видеть таких джентльменов, как вы. Вы сказали, что ищете торговца. У вас к нему дело?

— Да, — ответил я, в то время как Виннету, по своему обыкновению, сидел молча.

— Какое же? Я ведь не из любопытства спрашиваю, а чтобы помочь вам.

— Мы хотели бы продать шкурки.

— Много?

— Много, — ответил я, не очень-то радуясь подобным расспросам.

— В обмен на товар или желаете получить деньги?

— Лучше деньги.

— Тогда вам повезло: тот, кто вам нужен, действительно находится поблизости. Другие торговцы только меняют, а у этого всегда при себе деньги или, на худой случай, золотой песок. Он настоящий купец, а не нищий коробейник с мешком за спиной.

— Он честный человек?

— Что вы называете честностью? Купить подешевле да продать подороже — это и есть торговля. Вашего купца зовут Бартон, он не дурак и своего не упустит, так что лучше держать с ним ухо остро, но дело свое он знает и ездит всегда с тремя, а то и с четырьмя помощниками.

— А где он сейчас?

— Узнаете сегодня же вечером. Его приказчик, некий Роллинс, заехал вчера ко мне, чтобы взять заказ, а потом отправился вверх по реке к другим поселенцам и сегодня же вернется, чтобы заночевать у меня. Честно говоря, Бартону в последнее время не везло.

— Почему?

— Как-то так случается в последнее время, что к кому он ни приедет с товаром — а там уже и дом сожжен, и все хозяйство растащено индейцами. А для него это пустая трата времени и убытки. Да и краснокожим лишний раз на глаза лучше не попадаться, даже если ты и торговец.

— Где-нибудь поблизости индейцы напали на белых?

— Что такое «поблизости» для наших мест? До моего ближайшего соседа — девять миль.

— Это плохо! В случае нападения они не успеют к вам на помощь.

— Я не боюсь краснокожих и не советую им заходить в гости к старому Корнеру. Уж будьте уверены, мы с ними справимся.

— Но ведь вас всего четыре человека...

— Четыре? Мою жену тоже можете считать человеком, да еще каким! Стреляет она не хуже меня и перед краснокожими не спасует.

— Охотно верю, но если индейцев много, то всякое может случиться и неизвестно, чья возьмет.

— Если уж решился жить здесь — бояться нельзя. Я не такой знаменитый вестмен, как вы, и у меня нет штуцера мастера Генри, но стрелять я тоже умею. Наши ружья бьют далеко, и если мы закроем дверь на засов, в дом не попадет ни один краснокожий. Думаю, мы бы и сотню погнали вон со двора... А вот и Роллинс!

Снаружи донесся цокот копыт, и Корнер вышел за дверь встретить гостя. Через минуту он вернулся в сопровождении мужчины средних лет.

— Мистер Роллинс, помощник торговца Бартона, — представил нам хозяин новоприбывшего. — А вот и приятный сюрприз, о котором я вам говорил, мистер Роллинс. Без преувеличения можно сказать, что перед вами сидят два самых известных человека на Западе: Виннету, вождь апачей, и Олд Шеттерхэнд. Они ищут мистера Бартона, чтобы продать ему бобровые шкурки.

В Роллинсе не было ничего запоминающегося — ни плохого, ни хорошего. Его наружность даже располагала бы к себе, если бы не выражение глаз, равнодушное и по-рыбьи холодное. Если мы действительно были людьми знаменитыми, то Роллинс должен был бы обрадоваться встрече с нами; но он казался недовольным, и это меня насторожило.

Ему предложили ужин, но Роллинс отказался, сославшись на недомогание, и вышел расседлать лошадь и задать ей корму. У меня не было причин не доверять приказчику, но непонятное чувство беспокойства заставило меня встать и последовать за ним. Его конь, уже расседланный, стоял у коновязи, а сам Роллинс исчез. Я обошел двор вдоль частокола, но никого не увидел. Зачем понадобилось ему уходить в прерию ночью?

Через четверть часа Роллинс быстрым шагом вошел в ворота. Заметив меня, он вдруг остановился, но сразу же пришел в себя и с непринужденным видом направился ко мне.

— Вы любите гулять при луне, мистер Роллинс? — словно в шутку

спросил я.

— Я не столь романтичен, — ответил он серьезно и настороженно.

— А мне показалось, что вы питаете слабость к ночным прогулкам, — настаивал я.

— Я не гуляю, — быстро нашелся он. — У меня с утра расстроился желудок, к тому же пришлось отмахать сегодня миль двадцать пять. Надо было немного размять ноги перед сном.

Не желая продолжать неприятный разговор, он занялся своей лошадью, перевел ее в кораль, напоил, задал овса и направился в дом.

И ответ его прозвучал естественно, и доводы казались вполне убедительными, а все же беспокойство не оставляло меня — так что я в конце концов даже рассердился на себя. Какое мне дело до гостей Корнера? Вестмен должен быть осторожен, но ведь нельзя подозревать всех и вся!

Роллинс вел себя непринужденно, а в торговле пушниной показал такое знание дела, что даже обычно молчавший Виннету стал задавать ему вопросы. Сделка представлялась выгодной и нам, и Роллинсу, но, к сожалению, все цены назначал сам Бартон.

— Я не знаю, где сейчас мой хозяин и где он будет завтра или послезавтра, — говорил Роллинс. — Я всего лишь собираю заказы на товары и по определенным дням передаю их Бартону в условленном месте. Сколько времени займет дорога в крепость Олд Файерхэнда?

— Три дня.

— Что же, через шесть дней я должен встретиться с хозяином на Рифли-Фок. Я успею съездить с вами, посмотреть товары и вернуться. Если мы сойдемся в цене, Бартон возьмет у вас всю партию. Были ли у вас другие предложения?

— Пока нет, но продавать меха за полцены мы не собираемся. Товар мы вам охотно покажем, но нам хотелось бы заранее встретиться с мистером Бартоном.

— К сожалению, это невозможно. Даже будь он здесь в эту минуту, неизвестно, смог бы он отправиться с вами в путь завтра же. Мы ведем дела с размахом, и у хозяина нет времени на трехдневные поездки, если он не уверен в том, что сойдется в цене и получит прибыль. Сам он в любом случае не поедет с вами, а пошлет кого-то из приказчиков. Так что решайте — берете меня с собой в вашу «крепость» или нет.

Как ни старался, я не нашел подвоха в его предложении, поэтому мы в конце концов согласились.

— Можете ли вы выехать с нами на рассвете?

— Ну конечно! Мы, торговцы, дорожим каждым часом. Поэтому

сейчас я предлагаю идти на отдых, чтобы завтра тронуться в путь пораньше.

Возразить было нечего: приказчик Бартона был прав. Хозяин предложил нам устроиться в доме на постелях из шкур и одеял, но мы с Виннету наотрез отказались и, как выяснилось позже, были совершенно правы.

— Спасибо, — сказал я, — но в помещении душно и дымно от очага.

— Однако, мистер Шеттерхэнд, — вмешался Роллинс, проявляя неожиданную заботу о нас, — сейчас полнолуние, и яркий свет луны помешает вам заснуть. К тому же ночи прохладные.

— Не беспокойтесь за нас, сэр, мы привыкли и к холоду и к лунному свету. Позвольте нам устроиться на ночлег, как нам хочется.

Однако Роллинс и не думал сдаваться, продолжая нас уговаривать заночевать в доме, чем снова возбудил во мне подозрения. Исчерпав все доводы, он вынужден был отступить, так как чем больше он настаивал, тем больше мы укрепились в мысли, что следует сделать по-своему.

Мы с Виннету уже направились к двери, когда хозяин сказал:

— Обычно я запираю дверь на засов. Может быть, сегодня не делать этого, как вы считаете?

— Но почему?

— Вдруг вам что-нибудь понадобится, а вы не сможете войти?

— Вы очень любезны, мистер Корнер, но дверь лучше все-таки запереть, тем более что места у вас беспокойные. Если же нам что-нибудь понадобится, мы позовем вас в окно.

Покидая дом, мы слышали, как хозяин гремел железными запорами. Луна стояла низко в небе, заливая все молочным, холодным светом. Мы пошли в кораль к тому месту, где лежали на траве Сволоу и жеребец Виннету. Завернувшись в одеяла, я улегся рядом с моим конем и пристроил голову ему на шею.

Внезапно среди ночи я проснулся от того, что Сволоу приподнял голову, с шумом втягивая ноздрями воздух. Мгновенно вскочив на ноги, я бросился к частоколу и выглянул в щель между бревнами. Виннету, проснувшийся от шороха моих шагов, стоял рядом со мной уже мгновение спустя.

По прерии к дому ползком подбирались краснокожие. Двигались они очень осторожно, в руках поблескивало оружие.

— Мой брат видит этих людей? — спросил шепотом я.

— Да, — ответил мне еле слышно Виннету. — Это сиу-окананда.

— Они собирались напасть на дом. Надо помочь белым людям, мы их

гости и не можем бросить их в беде.

— Хорошо, — отозвался Виннету. — Но лучше спрятать коней в доме, чтобы окананда не украли их.

— Скорее, пока краснокожие далеко и не могут видеть нас.

Мы сняли путы с лошадей и, укрываясь за частоколом, повели их к дому поселенца. Виннету хотел было позвать хозяина через окно, но вдруг мы обнаружили, что дверь не заперта, и тихонько вошли внутрь.

— Кто здесь? Почему в доме лошади? — ничего не понимал проснувшийся Корнер.

— Это мы, Виннету и Олд Шеттерхэнд, — ответил я. — Не зажигайте света.

— Но как вы вошли?

— Как и все люди — через дверь.

— Но ведь она была заперта!

— Как видите, нет.

— Тысяча чертей! Неужели я плохо задвинул засов? Но почему вы привели сюда лошадей?

— Чтобы их не украли.

— Кто?

— Индейцы окананда, которые уже окружают дом, чтобы напасть на вас.

Хотя накануне вечером Корнер утверждал, что справится и с сотней краснокожих, узнав, что они приближаются к его дому, не на шутку встревожился. Роллинс тоже, казалось, был охвачен страхом.

— Успокойтесь! — приказал Виннету. — Врага победит не тот, кто громче кричит, а тот, кто сильнее. Пусть лучше бледнолицые подумают, как отразить нападение.

— Тут нечего думать, — ответил Корнер, пытаясь в темноте снять со стены ружье. — Луна светит ясно, это нам на руку. Перестреляем их всех до одного!

— Мы не должны делать этого, — остановил его Виннету.

— Это почему же?

— Потому что нельзя проливать кровь без нужды.

— Мы проучим краснокожих собак, и тогда оставшиеся в живых надолго запомнят нашу науку и закаются нападать на белых.

— Бледнолицый называет индейцев краснокожими собаками и забывает, что у меня тот же цвет кожи и я лучше знаю моих братьев. Они никогда не нападают на вас без причины, а чаще всего именно белые подстрекают их к нападению. У индейцев, напавших на Олд Файерхэнда,

был бледнолицый вождь. И если сиу-окананда пришли сюда, значит, или вы сами в том виноваты, или же их на то толкнули ваши собратья.

— Я не верю тебе!

— Вождь апачей никогда не ошибается, и ему все равно, веришь ты или нет.

— Даже если все так, как говорит Виннету, окананда следует наказать уже за то, что они поддались на уговоры. Я убью любого, кто захочет силой ворваться ко мне в дом. Это мое право, и я непременно воспользуюсь им.

— Ты воспользуешься им, когда останешься один. Там, где присутствуют Виннету и Олд Шеттерхэнд, никто не смеет говорить о правах, не выслушав нашего мнения. У кого ты купил землю, на которой выстроил дом? У кого ты спросил разрешения посеять здесь рожь?

— Купил? Надо быть последним дураком, чтобы покупать здесь землю! Я поселился здесь потому, что мне понравились места, и, если смогу продержаться установленное законом время, земля станет моей собственностью.

— Значит, бледнолицый не спрашивал разрешения у сиу? Значит, он силой вторгся в их владения?

— Не хватало только спрашивать разрешения у краснокожих!

— И после этого ты удивляешься, что они принимают тебя как врага и называют грабителем и вором? Ты не смеешь называть их краснокожими собаками! Ты хотел перестрелять их до одного? Виннету не говорит дважды: как только ты возьмешься за ружье, моя пуля отнимет у тебя жизнь.

— Что же мне делать? — спросил притихший и испуганный поселенец, видя, что я не собираюсь вмешиваться и вставать на его сторону.

— Ты ничего не должен делать, — ответил апач. — Я и мой брат Олд Шеттерхэнд все сделаем сами, и, если ты послушаешься нас, можешь не опасаться за свою жизнь и имущество.

Пока Виннету учил поселенца закону прерии, я наблюдал из окна за окрестностями, но до сих пор ничего не заметил — по-видимому, индейцы окружили Дом и проверяли, все ли спокойно.

— Мой брат уже видит сиу? — спросил Виннету, вставая рядом со мной.

— Еще нет, — ответил я, напряженно вглядываясь в темноту.

— Ты согласен со мной, что мы не должны убивать их?

— Белый украл у них землю, одного этого достаточно, чтобы выйти на тропу войны. Возможно, у них есть другие, не менее веские причины вести

себя по отношению к нему враждебно.

— Мой брат, как всегда, справедлив. Я не хочу проливать кровь краснокожих воинов, поэтому мы поймаем одного из них.

Мы тихонько подошли к двери и, отодвинув засов, приоткрыли ее. В доме было темно и тихо, хозяева затаились, боясь пошевелиться. Так продолжалось довольно долго, пока я не почувствовал, что приближается разведчик. Я не оговорился — не услышал, а именно почувствовал, так как со временем у опытного вестмена появляется особое чутье, подсказывающее ему, что подкрадывается враг. Спустя несколько мгновений я увидел индейца, который подполз к двери и попытался открыть ее. Молниеносно распахнув дверь, я прыгнул на сиу и обеими руками сжал его горло. Краснокожий пытался защищаться, но не мог издать ни звука. Через минуту разведчик притих, и я легко втолкнул его в дом, а Виннету закрыл за нами дверь на засов.

— Посветите сюда, мистер Корнер, — позвал я поселенца. — Посмотрите, кто попал в наши сети.

Старик зажег свечу из оленьего жира и поднес тусклый огонек к лицу индейца, чье горло я, опасаясь, как бы он не задохнулся, отпустил.

— Уфф! Гнедой Конь, вождь окананда! — воскликнул Виннету. — Моему брату Шеттерхэнду охота сегодня удалась на славу.

Полузадушенный краснокожий жадно и глубоко вдохнул воздух и с трудом выдавил:

— Виннету! Вождь апачей!

— Да, — ответил тот. — Ты знаешь меня, но с моим белым братом тебе еще не доводилось встречаться. Ты расслышал имя, которое я только что произнес?

— Олд Шеттерхэнд?

— Да, это он, и ты уже испытал на себе его силу. Ты в наших руках. Как ты думаешь, что тебя ждет?

— Мои прославленные братья отпустят меня на свободу и разрешат уйти.

— Неужели ты действительно надеешься, что мы освободим тебя?

— Воины окананда не воюют с апачами, и между нами нет вражды.

— Окананда принадлежат к племенам сиу и в родстве с понка, нападшими на нас.

— Нам нет дела до понка.

— Гнедой Конь кривит душой. Я уважаю всех краснокожих мужей, но тот, кто поступает несправедливо, — мой враг, независимо от цвета кожи. Индейцы понка и окананда никогда не воевали друг с другом, а теперь еще

и заключили союз. Как я могу тебе верить, если вы пришли сюда, чтобы убить и ограбить белых людей? Но Виннету и Олд Шеттерхэнд не позволяют пролить кровь невинных.

Вождь окананда угрюмо смотрел перед собой, обескураженный неожиданным поворотом дела.

— Великий вождь апачей Виннету прославил свое имя тем, что всегда поступал справедливо, — наконец нашелся Гнедой Конь. — Но сегодня прав не он, а я. Разве это не наша страна? Разве любой, кто захочет здесь поставить свой вигвам, не должен спрашивать нашего разрешения?

— В этом ты прав, — вынужден был признать Виннету.

— Но белые люди не сделали этого, а значит, они виновны. Разве мы не имеем права прогнать их?

— Гнедой Конь говорит правду, но его правда однобока, как плохо пропеченная лепешка. Зачем жечь дом и убивать людей? Разве вы воры и убийцы, чтобы нападать ночью, как это делают белые грабители? Отважный воин не боится показать лицо врагу, он выступает открыто и громко заявляет о своих правах. А ты ведешь с собой сотню воинов, чтобы исподтишка убить пятерых спящих белых. Краснокожим мужам не пристало поступать так, и Виннету всем расскажет, что воины окананда — трусы.

Слова Виннету поразили Гнедого Коня в самое больное место: ни один индеец не может снести обвинения в трусости. Он хотел вскочить на ноги, но апач тяжелым презрительным взглядом удержал его на месте.

— На врага следует нападать ночью, — проворчал смирившийся вождь окананда. — Краснокожие воины всегда так поступали.

— Только в том случае, если они действительно напали на врага.

— Разве я должен упрашивать бледнолицых уйти из моих владений? Разве я должен просить, когда могу приказывать?

— Если Гнедой Конь может приказывать, то пусть приказывает, а не подкрадывается ночью, как вор. Пусть он выступит как хозяин этой страны и скажет, что не потерпит здесь присутствия бледнолицых. Пусть он назначит день, когда они должны будут покинуть его владения, и, если они не подчинятся, тогда он обрушит на них свой гнев. Если бы ты так и поступил, я считал бы тебя вождем, равным мне, но сегодня я вижу перед собой человека, по-воровски проникающего в чужой дом только потому, что он боится, что днем его оттуда прогонят палкой.

Вождь окананда отвел взгляд от Виннету и не ответил ему.

Я уже совершенно отпустил его, и он стоял перед нами, даже не пытаясь бежать, как человек, которого удерживают не путы, а нечто

большее. Виннету, по лицу которого пробежала едва заметная улыбка, обратился ко мне с вопросом:

— Гнедой Конь думал, что мы вернем ему свободу. Что скажет на это мой брат Олд Шеттерхэнд?

— Он ошибся, — ответил я, подыгрывая Виннету. — Гнедой Конь уже мертв. Да поджигатель и не заслуживает иного конца.

— Олд Шеттерхэнд убьет меня? — воскликнул окананда.

— Убийство и наказание — это не одно и то же, — ответил я. — Ты заслужил смерть.

— Неправда! Я нахожусь в моей стране!

— Сейчас ты находишься в вигваме бледнолицего, и неважно, в чьих землях он стоит. По законам прерии любой, кто врывается в чужой вигвам, должен умереть. Мой брат Виннету уже сказал тебе, как следовало поступить, и я с ним согласен. Ни один белый и ни один краснокожий воин не осудят нас, если мы отнимем у тебя жизнь. Но ты знаешь, что мы не любим проливать кровь, поэтому попроси вождя апачей объяснить тебе, чем ты можешь спасти себе жизнь.

Вождь окананда пришел сюда вершить суд и вдруг оказался в роли подсудимого. Он боялся нас, боялся смерти, хотя и пытался скрыть свои чувства. Наверное, он хотел привести еще какие-то доводы в свое оправдание, отстоять право на разбой и насилие, но ничего не мог придумать, и поэтому молчал и глядел на вождя апачей с надеждой и гневом в глазах. Я внимательно следил за его лицом и внезапно заметил, как он скосил глаза на Роллинса. Может быть, это была случайность, а может, нет, — тогда у меня не было времени задумываться над подобными загадками, — однако мне показалось, что в его взоре читалась мольба о помощи. Странно, но Роллинс действительно попытался вступить за него.

— Вождь апачей не жаждет крови. Даже здесь, на Диком Западе, нельзя наказывать за преступление, которое человек еще не совершил.

Виннету пристально и с подозрением посмотрел на Роллинса и оборвал его:

— Откуда бледнолицему знать, чего жаждет вождь апачей? Я и Олд Шеттерхэнд не нуждаемся в чужих советах, поэтому не произноси лишних слов. Мужчина не должен болтать, он должен говорить только тогда, когда другие хотят его выслушать.

Как потом признался мне Виннету, он и сам не знал, почему предостерег Роллинса. Однако позже оказалось, что невероятное чутье апача и на этот раз не подвело его.

— Ты слышал слова Олд Шеттерхэнда, — продолжал Виннету, обращаясь к краснокожему. — Его мысли — мои мысли. Мы не прольем твою кровь, если ты расскажешь нам всю правду. Тебе не удастся провести меня, поэтому скажи честно, зачем вы сюда пришли.

— Уфф! — воскликнул вождь окананда. — Мы не трусы, как ты подумал, и я вовсе не отказываюсь признаться в том, что мы собирались напасть на бледнолицых и сжечь их вигвам.

— А что вы хотели сделать с людьми?

— Они должны были умереть.

— Вы так решили на совете?

Гнедой Конь колебался, по-видимому, не решаясь сказать всей правды, поэтому Виннету продолжал настаивать:

— Вы сами так решили или кто-то подсказал вам, что бледнолицых поселенцев лучше убить?

Краснокожий молчал, тем самым подтверждая наши опасения.

— Гнедой Конь не может найти нужное слово, чтобы ответить на мой вопрос? — не давал ему передышки Виннету. — Пусть мой брат подумает, стоит ли ему молчать. Если он хочет сохранить жизнь, то должен сказать мне, кто посоветовал им напасть на бледнолицых.

— Разве вождь апачей предает союзников?

— Нет, — вынужден был согласиться Виннету.

— Поэтому и я не могу назвать имя.

— Ты прав, предавший сторонника и друга заслуживает смерти.

Однако скажи мне, он из воинов окананда?

— Нет.

— Он из другого племени краснокожих воинов?

— Нет.

— Так, значит, он белый?

— Да.

— Он пришел сюда вместе с тобой?

— Его нет среди моих воинов.

— Я был прав! Уфф! — воскликнул Виннету. — Мой брат Олд Шеттерхэнд тоже догадался, что всему виной бледнолицый. Кроме того, вы еще никого не убили. И мы вернем тебе свободу, если ты согласишься на наши условия.

— Что я должен сделать? — спросил Гнедой Конь.

— Ты прогонишь бледнолицего, который уговорил вас сжечь вигвам белого человека, поселившегося на вашей земле.

Обрадованный надеждой на спасение, вождь окананда согласился

выполнить наше условие, хотя было заметно, что оно ему не по вкусу. Виннету продолжил:

— Завтра днем, при свете солнца, ты придешь сюда как вождь и потребуешь у белого человека по имени Корнер заплатить за землю, на которой стоит его вигвам, за землю, на которой пасется его скот, и за землю, на которой растет его рожь. Если он не захочет платить, то ему придется уйти отсюда, а ты можешь вернуться к нему с воинами и выгнать его силой.

Второе условие пришлось больше по душе Гнедому Коню, однако вызвало взрыв негодования со стороны Корнера. Старик с возмущением перечислял статьи закона, говорил о правах поселенцев, но Виннету не захотел выслушать его.

— Я знаю бледнолицых, — тоном обвинителя сказал он. — Они крадут наши земли, и если они не уважают наши права и обычаи, то и мы не должны уважать их законы. Если ты считаешь, что можешь силой удержаться здесь, оставайся, но на нашу помощь не надейся. Мы сделали для тебя все, что могли. Теперь я и Олд Шеттерхэнд выкурим трубку мира с вождем окананда.

Корнеру не оставалось ничего другого, как замолчать. Апач достал трубку мира, закурил ее и, соблюдая обычай, произнес краткую речь о дружбе. Затем он передал трубку Гнедому Коню, а тот, после ответного слова, — мне. По окончании обряда Виннету отпер дверь, распахнул ее и сказал:

— Пусть мой краснокожий брат возвращается к своим воинам и уводит их домой. Мы верим, что ты исполнишь наш уговор.

Гнедой Конь без слов вышел из дома, а мы встали у окна — хотя нас и охранял «дым мира», следовало все же убедиться, что окананда ушли прочь.

Гнедой Конь был настоящим вождем: он встал на открытом месте, чтобы луна освещала его, и свистом созвал воинов.

— Пусть воины окананда выслушают слова своего вождя! — произнес он так громко, что было слышно даже в доме. — Я привел вас сюда, чтобы отомстить бледнолицему по имени Корнер за то, что он без нашего разрешения поселился на нашей земле. Но сегодня в его вигваме ночуют два самых славных воина гор и прерий: Виннету и Олд Шеттерхэнд, от их чутких глаз и ушей не скрылось, что мы идем сюда. Олд Шеттерхэнд вышел ко мне навстречу, его объятия лишили меня дыхания, и я попал в плен. Но я не испытываю стыда от того, что он меня победил. Я выкурил с ним и с Виннету трубку мира и считаю дружбу с ними честью для себя. Мы

решили, что следует даровать жизнь белым поселенцам, если они купят у нас землю или покинут ее к указанному мною дню. Если они откажутся, то мы придем к ним и поступим с ними как с ворами. Виннету и Олд Шеттерхэнд слышат мои слова; теперь мои братья вернутся вместе со мной в свои вигвамы.

С этими словами Гнедой Конь, не прячась, пошел к воротам усадьбы, остальные краснокожие последовали за ним. Уверенные, что вождь сдержит свое слово, мы вывели на двор лошадей и устроились спать на траве. И только Роллинс, пробормотав под нос, что «проклятым краснокожим нельзя доверять», последовал за сиу, чтобы проверить, действительно ли они убралась прочь. Его поведение и на этот раз вызвало подозрения.

Когда мы проснулись, Роллинс с хозяином дома сидели у крыльца и о чем-то перешептывались. Корнер пожелал нам доброго утра, хотя в его голосе и не слышалось искренности: он явно злился на нас за ночное вмешательство. Он уже забыл, что если бы не мы, то индейцы беспрепятственно проникли бы в его дом и хладнокровно вырезали всю семью. Теперь поселенца заботило другое: он должен был платить или убираться вон. Я не испытывал к нему жалости: он без приглашения вторгся в чужие владения, а когда хозяева попытались указать ему на дверь, схватился за оружие. Как бы повели себя белые в любом из штатов, если бы кто-нибудь из краснокожих облюбовал себе участок в одном из городов, поселился там с семьей и твердил, что поступает по закону? Мы не стали задерживаться, поблагодарили поселенца за гостеприимство и уехали.

Роллинс, как мы и договаривались, отправился в путь вместе с нами. Правда, поначалу нас удивляло, что он отстаёт, все время придерживает коня, чтобы не ехать рядом, но потом перестали обращать на него внимание. В конце концов, это его дело, а нам так было даже удобнее, потому что мы могли беседовать, не беспокоясь о посторонних ушах.

Однако через несколько часов пути он догнал нас, чтобы начать бесконечные расспросы о количестве и качестве мехов. Особенно его интересовало, где Олд Файерхэнд хранит шкурки: в сухой пещере или в тайнике под землей. Я снова насторожился и не стал отвечать, на что Роллинс обиделся и снова отстал от нас на добрую сотню метров.

Мы возвращались знакомым путем, но, как это делает любой вестмен, машинально вглядывались в траву в поисках следов человека и животных. В полдень мы увидели примятую траву, спешили, присмотрелись и поняли, что здесь отдыхали люди, пытавшиеся старательно замести след.

— Это следы бизона? — спросил нас подъехавший Роллинс.

Виннету промолчал, но я счел необходимым ответить, дабы не выглядеть невежливым:

— Мне кажется, вы не так давно в прерии? Иначе сразу бы поняли, что здесь проходили люди.

— Люди? Сомневаюсь! По-моему, люди вытоптали бы траву сильнее.

— Вы полагаете, что человек, попавший в прерию, усердно топчет траву, чтобы его выследили и убили?

— Конечно, нет. Но лошади оставляют более четкие отпечатки.

— Люди, прошедшие здесь, были без лошадей.

— Без лошадей? Странно и даже подозрительно. Насколько я знаю, в прерии невозможно выжить без лошади.

— Я думаю так же, но разве вы не слышали, что иногда человек может попасть в переделку и потерять коня.

— Конечно, слышал. Но странно, что коня потерял не один путник, а сразу несколько...

Роллинс пытался играть роль умного и бывалого человека, хотя было очевидно, что читать следы он не умеет. Не понимая, зачем приказчик ведет никому не нужный спор, я отвернулся от него.

— Что думает мой белый брат об этих следах? — обратился ко мне Виннету.

— Здесь прошли трое белых, у них не было ни лошадей, ни ружей.

— Мой белый брат прав. Бледнолицые шли друг за другом, след в след. Они опирались на палки. Бледнолицые опасаются погони — последний из них заметал следы.

— Очень странно! Трое безоружных бледнолицых вдали от поселений! — несмотря на необычность происходящего, я начинал тревожиться за судьбу братьев. — С ними приключилось несчастье — кто-то напал на них и ограбил.

— Пусть мой белый брат посмотрит сюда, на этот след. У них даже не было ножей, и они просто выломали себе по палке. Они нуждаются в помощи.

— Виннету хочет помочь им?

— Вождь апачей всегда помогает и белым и краснокожим, попавшим в беду. Но сегодня пусть Олд Шеттерхэнд решает, как нам поступить: он лучше знает своих братьев. Я не доверяю людям, прошедшим здесь.

— Почему?

— Потому что бледнолицые заметали следы до того, как сделали привал, и лишь потом перестали. Краснокожий воин поступит так только тогда, когда хочет скрыть, откуда он пришел, и заманить врага в ловушку.

— Может быть, они не хотят терять времени или уже чувствуют себя в безопасности?

— Если это так, то они не вестмены, а гринхорны или люди, случайно попавшие в прерию. Надо помочь им.

— Поможем им! — воскликнул я, внутренне радуясь благородству апача. — Тем более что нам с ними по пути.

Мы снова вскочили на лошадей и хотели было поехать по следу, но Роллинс остановил нас.

— К чему нам связываться с неизвестными людьми в такой глуши? Какая нам в них нужда? — с недовольной миной проворчал он.

— Нам в них нет никакой нужды, но, может быть, они нуждаются в нас, — ответил я. Его поведение снова показалось мне странным и подозрительным.

— Но мы только зря потеряем время из-за каких-то бродяг! — упорствовал он.

— Неужели горсть монет вам дороже чужой жизни? Если так, то вам нечего делать в прерии.

Возможно, я ответил слишком резко, но уж больно мне хотелось осадить Роллинса. Его глаза, как мне показалось, сверкнули, но приказчик сразу же отвернулся и нехотя последовал за нами. Я не доверял ему, хотя многие торговцы, проникающие в прерию в погоне за барышами, вели себя так же, предпочитая не тратить время на помощь ближнему, если она не сулила прибыли.

След вывел нас из леса в долину. Судя по отпечаткам ног, люди прошли здесь не более часа назад; вскоре мы увидели впереди три черные точки. Когда до них осталось полмили и мы уже могли рассмотреть, что это трое мужчин, одетых не как вестмены, один из них оглянулся и замер от страха. Остальные стремглав бросились наутек, словно надеясь опередить наших коней. Мы остановились, чтобы показать беднягам, что не собираемся преследовать их, и я закричал:

— Стойте, джентльмены! Мы не причиним вам зла!

Я уже успел надсадить горло криками, когда они наконец-то поняли, что никто за ними не гонится, и остановились, с опаской поглядывая на нас.

У них не было даже ножей, а те суковатые дубинки, что они выломали в лесу, не могли служить им защитой ни от людей, ни от зверей. У одного из мужчин голова была обмотана платком, у второго рука болталась на перевязи, третий, самый молодой, был цел и невредим. На их лицах застыло выражение страха и надежды на спасение.

— От кого вы так удираете, джентльмены? — спросил я, когда мы подъехали.

— Откуда нам знать, кто вы такие? — ответил старший из них.

— Кем бы мы ни были, мы и так настигли бы вас, поэтому вам нечего было спешить. Но мы честные люди и поехали по вашему следу, чтобы узнать, не нужна ли вам помощь, так как нам показалось, что вы попали в переплет.

— Вы совершенно правы, сэр. У нас, мягко говоря, серьезные неприятности. А если сказать честно, то мы еле унесли ноги. Слава Богу, хоть живы остались.

— Примите мои соболезнования. Но что же все-таки произошло? Из-за кого вы попали в беду?

— Всему виной проклятые сиу-окананда.

— Они напали на вас? Где же и когда?

— Вчера утром, в верховьях Тарки-Ривер.

— Как же это случилось? А может быть, вы еще не оправились от пережитого и вам тяжело рассказывать?

— Мне, конечно, нелегко, но я готов рассказать вам все, если вы действительно честные люди. Хотелось бы услышать ваши имена.

Он уже пришел в себя после первоначального испуга и выглядел более уверенным.

— Извините, мы забыли представиться, — поспешил я исправить мнимую оплошность. — Краснокожий джентльмен — вождь апачей Виннету, мое имя ничего не скажет, но в прерии меня зовут Олд Шеттерхэндом, а наш товарищ — мистер Роллинс. Он торговец и путешествует с нами по делам.

— Тысяча чертей и одна ведьма! Простите, сэр, наше недоверие. Мы не вестмены, только поэтому и не узнали вас. Но мы слышали, кто такие Виннету и Олд Шеттерхэнд, и нам известно, что на них можно положиться. Само провидение привело вас сюда. Мы нуждаемся в вашей помощи, джентльмены.

— Вам стоит только сказать, чем мы можем вам помочь.

— Позвольте сначала представиться и нам. Меня зовут Вартон, это мой сын, а вон тот молодой человек — мой племянник. Мы прибыли в эти края из Нового Ульма, чтобы поселиться на берегах Тарки-Ривер.

— Вы поступили крайне неосмотрительно.

— Увы, мы и не предполагали, насколько это опасно. Нам нарисовали райскую картину: приезжай, бери земли сколько душе угодно, собирай урожай и богатей.

— А индейцы? О них вы не подумали?

— Мы представляли их совсем не такими, каковы они на самом деле. Мы приехали в фургонах, с припасами, чтобы выбрать место получше и обустроиться. Тут-то эти дьяволы и нагрянули к нам.

— Благодарите Бога, что остались живы, и не жалеете о потерях.

— Конечно, конечно! Я понимаю, что мы дешево отделались, так как сначала краснокожие завели речь о столбе пыток. Умирать никому не хотелось, а в страшных мучениях — и подавно. Но потом они просто ограбили нас и отпустили на все четыре стороны. У них были дела поважнее.

— Вы сказали — дела поважнее? — насторожился я. — Может быть, вам известно какие?

— Не очень-то много нам известно. Их варварского языка мы не знаем, но вождь кое-как говорит на ломаном-переломаном английском, и мы поняли, что они хотели в ту же ночь напасть на усадьбу поселенца по имени Корнер.

— Вы прекрасно все поняли. Они действительно собирались напасть на него в ту же ночь, и у них не было времени возиться с вами. Поэтому, и только поэтому, вы остались в живых.

— Лучше бы они убили нас! У нас ничего не осталось!

— У вас осталась жизнь.

— К чему она нам, если мы все равно обречены? У нас нет ни припасов, ни оружия, чтобы охотиться на дичь или защититься от диких зверей. Сначала мы искали в лесу ягоды, но на равнине они не попадают. Питаться кореньями мы не рискуем из боязни отравиться. Не встретить мы вас — через несколько дней нас ждала бы мучительная голодная смерть. Надеюсь, вы христианин и поделитесь с нами куском хлеба.

— Не волнуйтесь, мы не дадим вам погибнуть. А куда вы направляетесь?

— В форт Рондэйл.

— Вы знаете дорогу туда?

— Мы впервые в этих местах, но нам кажется, что мы выбрали верное направление. Или мы ошиблись?

— Вы действительно не ошиблись. Но почему вы направились именно туда?

— Если уж быть честным, то до конца. Наши семьи последовали за нами, и, пока мы пытались счастья у медведя в берлоге, они ждали нас в форте Рондэйл. Они и теперь там.

— Могут сказать одно: вам снова повезло. Мы едем в том же

направлении, в форте нас знают, и, как только нам встретится драгунский разъезд, мы передадим вас ему на руки.

— В самом деле? Вы не бросите нас одних? Ведь краснокожие отняли у нас лошадей, и дорога туда растянется дней на шесть, не меньше.

— Ничего не поделаешь. А пока присядьте и подкрепитесь.

Роллинс, всем своим видом показывая, что такой поворот дела ему явно не по душе, ворчал о потере времени и о никому не нужном милосердии, но мы, не обращая внимания на его возражения, спешили и предложили изголодавшимся беднякам еду. Когда те немного подкрепились и отдохнули, мы двинулись дальше. Наши новые спутники болтали без умолку, но так как я и Виннету отвечали односложно, то они оставили нас в покое и попытались завязать беседу с Роллинсом. Однако торговец резко оборвал их:

— Неужели вы не понимаете, что вы для нас обуза? Если уж вы навязались нам на шею, то хоть увольте от ваших рассказней!

Его откровенная грубость показалась мне подозрительной, и я стал исподтишка наблюдать за ним, что привело к любопытному открытию: когда Роллинс был уверен, что никто не смотрит на него, по его лицу пробегала язвительная улыбка, в которой можно было угадать коварство и чувство превосходства. В такие мгновения он украдкой бросал на меня и на Виннету быстрые, хитрые и пронзительные взгляды. Понимая, что все это неспроста, я удвоил внимание, и мне открылась еще одна странность в его поведении: как только Роллинс и кто-нибудь из горе-поселенцев встречались взглядами, они тут же отводили глаза, словно делали вид, что незнакомы и не хотят иметь ничего общего.

Так ведут себя только люди, желающие сохранить в тайне свой преступный сговор! Но зачем Роллинсу обманывать нас? И зачем белым, терпящим бедствие в прерии, злоумышлять против людей, которые ведут их к спасению?

Однако я уже знал, что человеческое коварство не имеет границ, и продолжал наблюдать за ними в оба.

Пока я думал, что же предпринять, чтобы заставить Роллинса и новых спутников раскрыться, Виннету спешил и обратился к Вартону:

— Мой белый брат устал, пусть он сядет на моего коня и отдохнет. Олд Шеттерхэнд тоже готов уступить свою лошадь более слабому. Мы ходим быстро и не отстанем от вас.

В первое мгновение Вартон притворился, что он очень смущен и не решается принять предложение вождя апачей, но через минуту он уже сидел в седле, а я помогал его сыну влезть на спину Сволоу. Роллинс

должен был последовать нашему примеру и уступить своего коня племяннику Вартона, но намеренно не сделал этого, с ухмылкой отвернувшись от нас.

Теперь мы шли на расстоянии нескольких шагов от всадников, что не вызывало подозрений, и могли разговаривать, не боясь, что нас услышат. И все же, полные подозрений, мы перешли на язык апачей.

— Я вижу, что мой брат уступил свою лошадь не из чувства сострадания, — сказал я.

— Олд Шеттерхэнд умен и видит то, чего не видят другие, — ответил Виннету и умолк, ожидая, когда я выскажу свои соображения.

— Виннету присмотрелся к этим людям? — спросил я его.

— Я заметил, что мой брат не доверяет им, и мои глаза тоже захотели убедиться в их честности, хотя я и раньше видел, что не все, что они говорят, — правда.

— И что же увидел Виннету?

— Пусть мой брат догадается сам.

— Ты говоришь о повязках?

— Да. У одного из них перевязана голова, у другого — рука, но мы переехали через два ручья, и ни один не остановился, чтобы промыть раны проточной водой. Но если раны придуманы, то и все остальное ложь, а встреча с нами была подстроена. А заметил ли Олд Шеттерхэнд, как они ели?

— Они набросились на еду, но съели совсем немного, — ответил я, обрадованный тем, что мои подозрения подтверждаются.

— Человек, питавшийся два дня ягодами, готов съесть целого быка. Бледнолицые только притворялись голодными. Они утверждают, что сиу-окананда напали на них в верховье Тарки-Ривер, но даже Виннету не сумел бы добраться сюда пешком так быстро.

— Но это значит, что у них есть лошади, и они их оставили под присмотром сообщников. Кроме того, мне показалось, что Роллинс знаком с ними и тщательно скрывает это. Может, стоит их спросить откровенно?

— Нет.

— Почему?

— Потому что у них могут быть свои причины для скрытности. Мы не имеем права оскорблять их недоверием или обвинять в нечестности, пока не убедимся, что они того заслуживают. Пусть мой брат Олд Шеттерхэнд подумает, есть ли у торговца причины ненавидеть нас.

— Не думаю. Если с нами по пути приключится несчастье, он никогда не попадет к Олд Файерхэнду. Поэтому если даже он и относится к нам

враждебно, то не покажет этого, пока не доберется до мехов. А те трое, представившиеся поселенцами...

— Они не поселенцы. Но сейчас это не имеет значения. Мы в безопасности, пока до «крепости» далеко.

— Но как только мы доберемся до нее, все может измениться.

— Уфф! — улыбнулся Виннету. — Мой брат думает так же, как я. Мне кажется, что все они торговцы.

— Корнер сказал нам вчера, что купец по имени Бартон работает с четырьмя приказчиками, может быть, старик, выдающий себя за поселенца, и есть на самом деле Бартон? Но на всякий случай назвался вымышленным именем. Он мог прятаться поблизости От дома Корнера, а Роллинс ночью выходил и предупредил хозяина о возможности поживиться. Теперь они хотят проникнуть в «крепость», но не для того, чтобы оценить меха, а чтобы украсть их.

— Я тоже думаю, что они собираются ограбить нас. Мой брат должен быть осторожен. Ночью тот из нас, кто встанет на часах? должен быть готов к нападению в любую минуту...

Итак, мы с Виннету почти обо всем догадались. Почти. Если бы мы узнали все, боюсь, нам не удалось бы сохранить внешнюю невозмутимость.

Мы собрались провести ночь в прерии, на равнине, где легко заметить приближение человека. Но к вечеру пошел дождь, и нам пришлось искать пристанища в ближайшем лесу. На опушке росли высокие деревья с густой листвой, чьи кроны укрыли нас от дождя. Однако за такое удобство надо было платить, и платить собственной безопасностью. Мы удвоили внимание.

После ужина мы хотели было лечь спать, но наши спутники повели оживленную беседу. Даже Роллинс разговорился и сыпал историями о приключениях, которые ему довелось пережить в путешествиях по Дикому Западу. Ни я, ни Виннету не участвовали в беседе, которая показалась мне неслучайной — нас словно пытались втянуть в разговор, чтобы отвлечь наше внимание. Я искоса посмотрел на апача и увидел, что он предельно напряжен, что оружие у него под рукой и что глаза его из-под полуопущенных ресниц зорко вглядываются в темноту. К полуночи, когда дождь прекратился и ветер стих, мы вознамерились перенести лагерь на равнину. Но Роллинс и «поселенцы» воспротивились столь яростно, что еще более усилили наши подозрения, и мы, решив не дразнить гусей, уступили.

Под предлогом, что мы находимся во владениях враждебно

настроенных племен сиу, мы не стали разжигать костер и строго-настрого запретили делать это нашим спутникам. Наши глаза освоились с темнотой, и поскольку разговор заглушил все лесные шорохи, мы с напряженным ожиданием смотрели по сторонам.

Виннету полулежал, прислонившись к стволу дерева, и со стороны можно было подумать, что он спит. Вдруг он шевельнулся и повернулся на бок, его рука, лежавшая на серебряной двустволке, медленно потянула оружие к бедру.

Неужели апач заметил врага и собирается выстрелить в него? Взглянув в том же направлении, куда смотрел и ствол его ружья, я увидел в кустах едва заметный фосфоресцирующий блеск человеческих глаз. Итак, наши опасения подтвердились. За нами следили. Я знал: Виннету не промахнется даже в темноте, а в умении стрелять с бедра ему нет равных. Но вдруг он снял палец с курка и медленно повернул голову ко мне. Блеск глаз среди листвы уже исчез.

— Хитрая Лиса, — шепнул мне Виннету на языке апачей.

— Он опытный человек и опасный противник, — ответил я. — Он заметил, что ты хочешь выстрелить с бедра.

— Это был бледнолицый. Воин сиу никогда не откроет глаз так широко.

— Теперь он убедился, что мы что-то подозреваем.

— К сожалению. Он будет очень осторожен, но я его все равно поймаю.

— Это опасно. Он угадает твои намерения, как только ты встанешь.

— Я притворюсь, что иду к лошадям.

— Виннету, лучше положишься на меня. Я знаю бледнолицых.

— Я не могу подвергать тебя опасности. Виннету первым увидел глаза лазутчика, и ему принадлежит право поймать его. Мой брат поможет мне уйти так, чтобы враг ни о чем не догадался.

Я выдержал паузу, а затем с напускным недовольством обратился к спутникам:

— Пора спать, завтра с рассветом мы уезжаем. Мистер Роллинс, вы уверены, что ваша лошадь не сбежит?

— Да, — ответил тот. — Я ее спутал.

— Мой конь еще на свободе, — вмешался Виннету. — Я отведу его в прерию, там трава гуще.

— Мой краснокожий брат окажет мне услугу и отведет туда же и моего коня? — подыграл я апачу.

Виннету медленно встал, завернулся в одеяло, взял наших лошадей

под уздцы и исчез в темноте.

Прерванный разговор тут же возобновился, но я не стал одергивать спутников, так как болтовня мешала прислушиваться не только мне, но и лазутчику, за которым охотился Виннету. Полузакрыв глаза, я наблюдал за опушкой леса.

Прошло полчаса, и я даже стал беспокоиться за Виннету, хотя знал, как трудно ночью, в кромешной тьме, выследить хитрого и ловкого врага. Наконец послышались шаги, и из лесу вышел Виннету, завернутый в то же одеяло. Я ждал, что он присядет рядом со мной, но он остановился у меня за спиной, и чужой голос произнес:

— А теперь вот этого!

Только теперь я увидел, что тот, кто был завернут в одеяло, — не Виннету, а бородатый белый, который показался мне смутно знакомым. Он замахнулся на меня прикладом, я покатился по земле, пытаюсь уйти от удара, но не успел. Приклад обрушился на меня, но удар пришелся не в голову, а в шею — место еще более уязвимое, чем голова. Меня словно парализовало, а от второго удара я потерял сознание.

Не знаю, сколько времени я оставался без чувств. Когда я с трудом приподнял тяжелые, налившиеся свинцом веки, уже брезжил рассвет. Мгновение спустя помимо моей воли глаза снова закрылись, и я впал в состояние, похожее на кошмарный сон. Я лежал в дурмане, и мне казалось, что я умер, а надо мной кто-то ведет разговор о покойнике. Я не различал отдельных слов, сливавшихся в заунывное бормотание, пока не раздался голос, который, думаю, мог бы пробудить меня от вечного сна.

— Проклятый апач упрям и не произносит ни слова, а этого я убил! Черт меня дернул ударить его в полную силу, но уж больно я боялся, что он снова ускользнет. Как мне хотелось схватить его, чтобы он почувствовал, что он полностью в моих руках, чтобы в его глазах метался страх! Я готов отдать полжизни за то, чтобы он ожил.

От звука этого голоса мои глаза сами открылись, и я увидел над собой мужчину, которого сразу же узнал, несмотря на то, что он успел отрастить бороду. Я смотрел на него смертельно усталым взглядом и от ненависти и бессильной ярости приходил в себя. Читатель поймет, что я испытывал, — передо мною был... Сантэр собственной персоной! Я попытался закрыть глаза, чтобы выиграть время и собраться с мыслями, чтобы он продолжал считать меня мертвецом, но был не в силах отвести от него взгляд. Наконец он заметил, что я гляжу на него, вскочил на ноги и радостно воскликнул:

— Он жив! Мне не придется отдавать полжизни. Ха-ха-ха! Сейчас вы увидите, что я был прав и что он расколется, как пустой орех. Вы узнаете

меня, сэр? — спросил он наигранно-учтиво.

Я молчал, он повторил вопрос, а когда ответа снова не последовало, опустился со мной рядом на колени, ухватил меня за воротник куртки и встряхнул с такой силой, что голова моя ударилась о камни. Защищаться я не мог, но не потому, что был слаб после недавнего, вызванного ударом приклада обморока, — веревки обвивали мое тело так, что я походил на кокон.

— Отвечай, свинья, — кричал Сантэр, продолжая встряхивать меня, словно мешок. — Я вижу, что ты жив! Отвечай, не то я силой открою тебе рот и ножом заставлю тебя шевелить языком.

Моя голова бессильно откинулась назад, и краем глаза я увидел лежащего под деревом Виннету, связанного по рукам и ногам так жестоко и изощренно, что пятки его чуть ли не касались затылка. Даже цирковой акробат, потешающий публику номером под названием «Человек без костей», не в состоянии находиться в таком положении более получаса. Какие же страдания должен был испытывать мой друг и брат! Рядом с ним сидели Вартон с сыном и племянником. Роллинса с ними не было.

— Ты будешь говорить?! — впал в бешенство Сантэр. — Ты узнаешь меня?! Говори, или я прикажу поджарить тебе пятки!

Молчать дальше не имело смысла: неистовствовавший Сантэр, казалось, был готов на все. Но в то мгновение я думал не столько о себе, сколько о Виннету, чье положение было намного хуже. Не будучи еще уверен, что язык повинуется мне, я попытался шевельнуть им, и попытка удалась. Еле слышно, но внятно я произнес:

— Я узнаю вас.

— Узнаешь меня? — язвительно спросил мгновенно успокоившийся Сантэр. — И кто же я такой?

— Вы Сантэр, грабитель и убийца.

— Ты не ошибся, это я, — ничуть не обиделся он. — Наверняка ты не можешь опомниться от счастья, что видишь меня. Какая неожиданная, радостная встреча, не правда ли?

Я не спешил отвечать, и тогда он выхватил нож, приставил его к моей груди и пригрозил:

— Сейчас же громко скажи присутствующим здесь джентльменам, что ты готов рыдать от радости, или я зарежу тебя, как свинью!

Я молчал, и вдруг неожиданно прозвучали слова Виннету, не утратившего, несмотря на страшную боль, мужества и гордости:

— Мой брат Олд Шеттерхэнд знает, что лучше погибнуть от ножа воина, чем подчиниться врагу.

— Молчи, паршивый пес! — рявкнул Сантэр. — Еще слово — и я стану тебя так, что у тебя затрещат кости. Мой любезный друг, — повернулся он снова ко мне, — неужели это правда, что ты рад видеть меня?

— Да, — ответил я без малейших колебаний, не обращая внимания на слова Виннету.

— Вы слышали? — с кривой торжествующей улыбкой обратился Сантэр к сообщникам. — Олд Шеттерхэнд, славный, непобедимый Олд Шеттерхэнд испугался меня! И, как мальчишка в воскресной школе, готов признать что угодно, лишь бы его не выпороли.

Возможно, я уже оправился от удара, а может быть, именно издевательства негодяя привели меня в чувство, но голова перестала болеть, мозг снова работал ясно, и я с уверенным видом и с улыбкой ответил Сантэру:

— Вы ошиблись, я действительно сказал «да», но хочу, чтобы присутствующие здесь джентльмены знали, что я сделал это не из страха.

— Не от страха? Но почему же?

— Потому что это чистейшая правда. Я действительно рад видеть вас спустя столько времени.

Я хотел произнести эти слова с издевкой, но, видимо, у меня не получилось, так как я почувствовал, что мой ответ прозвучал серьезно и правдиво. Сантэр отшатнулся назад, сдвинул брови и несколько минут внимательно рассматривал меня.

— Ты действительно рад? — переспросил он недоверчиво. — По моему, от удара у тебя мозги встали набекрень и ты совсем свихнулся.

— Мои мозги в полном порядке, и я не шучу — действительно рад.

— Да ты наглец! Как ты смеешь?! Я прикажу связать тебя и повесить вниз головой так, чтобы кровь потекла у тебя из носа и ушей.

— Вы не сделаете этого.

— Почему же? У меня нет причины сдувать с тебя пылинки.

— Причина есть, и вы ее прекрасно знаете. Если вы меня повесите, я умру, и вы останетесь с носом.

Его лицо исказила гримаса, из чего я заключил, что попал в самую точку. Он повернулся к сообщникам, покачал головой и произнес:

— Мы думали, что он мертв, а этот негодяй только притворялся и подслушал нас. Теперь он знает, о чем я спрашивал Виннету и что краснокожий пес был нем как рыба.

— Вы снова ошибаетесь, Сантэр. Я достаточно умен, чтобы раскусить вашу игру, хотя действительно был без сознания.

— Неужели? Если ты так умен, скажи, чего же я хочу добиться от вас.

— Не валяйте дурака! Я так долго и безутешно тосковал по вас, что ужасно рад нашей встрече. Наконец-то вы попались к нам в руки.

Сантэр ошалело уставился на меня, затем разразился проклятьями.

— Мерзавец! Твое счастье, что ты умом тронулся, не то я заставил бы тебя позабыть твои шуточки навсегда. Но я понимаю, что ты от страха совсем с ума спятил и сам не знаешь, что говоришь. Поэтому я буду снисходителен к тебе, и, если ты не ответишь на мои вопросы честно и по доброй воле, можешь быть уверен, что смерти тебе не миновать, да такой, что и в страшном сне не приведи Господь увидеть.

Задумавшись, он какое-то время смотрел вдаль.

— Вы замечательная парочка, вы считаете себя самыми большими умниками на Диком Западе, и все же вы дураки, каких свет не видывал. Сам Виннету вышел на охоту за Сантэром! И что? Поймал он меня? Любой другой на его месте сгорел бы от стыда, провалился бы под землю, лишь бы не показываться людям на глаза. Признайся, вчера вечером вы видели мои глаза?

Я утвердительно кивнул головой.

— Виннету хотел выстрелить в меня с бедра?

— Да, — снова признался я.

— Но я заметил это и скрылся, и тогда он пошел искать меня, ха-ха-ха! Нужно быть круглым идиотом, чтобы в темноте пытаться поймать человека, который знает, что за ним охотятся. Дураков надо учить! Вот я и проучил вас: сначала оглушил его, а затем закутался в его одеяло. Признайся же, о чем ты подумал, когда увидел меня в его одеяле.

— Я обрадовался, что Виннету возвращается.

— Удару по голове ты тоже обрадовался? Ха-ха-ха! Вы вели себя как мальчишки, которых и наказывать-то жаль. Я и поступлю с вами как с мальчишками: будьте послушны и расскажите мне все без утайки, иначе я и цента не дам за вашу шкуру. Посмотри на этих трех мужчин — это мои люди, я их послал, чтобы заманить вас в западню. За кого ты нас теперь принимаешь?

— Вы мерзавец, мерзавцем были и останетесь им. Это мое убеждение, и я никогда от него не откажусь.

— Прекрасно. Ты можешь оскорблять меня сколько тебе угодно, но скоро настанет час расплаты. Мне от тебя теперь нечего скрывать, и я признаюсь, что мы жнецы. Не удивляйся, мы не пахари, мы не сеятели, мы только жнецы. Вспахать ниву и засеять ее, а затем еще ждать плодов — дело долгое и трудное, но если где-то можно без хлопот собрать урожай, то

мы тут как тут и, честно скажу, работаем, не ленимся и не спрашивая позволения у хозяев. Мы поступали так до сих пор и будем так же поступать впредь, пока не удовлетворим наши желания.

— И когда же настанет этот возделанный срок?

— Может быть, скоро, а может быть, и нет. Сейчас речь не о том. Мы видим вблизи поле, на котором зреет прекрасный урожай.

— Желаю удачи, — с ехидцей в голосе произнес я.

— Спасибо, — тем же тоном ответил Сантэр. — И если ты действительно желаешь нам удачи, то и поможешь нам найти это поле.

— Так вы собрались жать, а что и где, еще не знаете?

— Знаем что, но не знаем где.

— Как же вам быть?

— А вот ты и расскажешь нам, где это поле.

— Не знаю, смогу ли я вам помочь. В дне пути отсюда я видел у одного поселенца поле, засеянное рожью, но ничего другого припомнить не могу.

— Я освежу твою память. И не притворяйся дурачком — рожь тут ни при чем. Я ищу большой тайник.

— Какой тайник? — притворялся я, хотя и знал, что у меня это получается не совсем удачно. Но таковы были правила игры, которые приняли и я, и Сантэр.

— Тайник с мехами. Ты же не станешь отрицать, что вы побывали у старика Корнера на Тарки-Ривер?

— Да, мы заночевали у него.

— А о чем вы его спрашивали?

— Мы больше болтали о погоде и о видах на урожай.

— Не пытайся провести меня. Я побывал у Корнера после вашего отъезда и узнал, что вы искали торговца пушниной, которого зовут Бартон. И вы хотели продать ему уйму мехов.

— Мы? — деланно удивился я.

— Если не вы, то Олд Файерхэнд, который со своими трапперами заготовил бобровых шкур не на одну тысячу долларов.

— Черт возьми! Вы знаете все не хуже, чем я!

— Не хуже, это уж точно! — засмеялся самодовольно Сантэр, не обращая внимания на мои издевки. — Вы встретили в доме у Корнера приказчика Бартона и пригласили его на увлекательную прогулку к логову Олд Файерхэнда, чтобы показать ему меха. Я даже знаю, что приказчика зовут Роллинсом. Мы хотели схватить и его, но пока мы возились с вами, мерзавец успел сбежать.

Привыкший за время жизни в прерии обращать внимание на самые незначительные мелочи, я заметил, что при этих словах Сантэр непроизвольно скосил глаза в сторону кустов, где прятался ночью. Чтобы не вызывать его подозрений, я преодолел искушение и продолжал смотреть ему в лицо.

— Ну да ладно. К чему нам Роллинс, если в наши сети попали вы, — бахвалился Сантэр. — Вы знакомы с Олд Файерхэндом?

— Конечно, знаком.

— Может быть, вам также известно, где он прячет меха?

— С моей стороны было бы неразумно отрицать и это.

— Ах, я никак не нарадуюсь вашей осведомленности! Как хорошо, что вы не отпираетесь!

— Не понимаю, почему я должен отпираться, если джентльмен во всех случаях должен говорить правду.

— Как приятно иметь дело с джентльменом! Надеюсь, вы мне поможете разрешить мои затруднения.

— Вы действительно надеетесь?

— Да, вы ведь сами понимаете, что вам же будет лучше, если вы расскажете нам все честно и без утайки. Игра стоит свеч.

— Извините, я не понял, чего стоит игра.

— Вашей жизни. Ведь речь идет о вашей судьбе.

— Что вы подразумеваете под нашей судьбой?

— Ну конечно, смерть. Вы знаете меня, я знаю вас. Если бы я попал к вам в руки, у меня не было бы сомнений в том, что меня ждет. Но вышло наоборот. И теперь вы, молясь или не молясь, распрощаетесь с жизнью. Но смерть смерти рознь. Я даже во сне вижу, как медленно, вершок за вершком, я тяну из вас жилы, однако я готов забыть свои кровожадные мечты ради тайников Олд Файерхэнда.

— Чего же вы потребуете от нас в обмен на вашу забывчивость?

— Суций пустяк: вы скажете мне, где Олд Файерхэнд устроил тайник, и опишете, как к нему подобраться.

— А что получим мы от такой сделки?

— Много больше, чем дадите. Пулю в лоб. Поймите же, легкая смерть стоит намного дороже, чем я требую от вас.

— Я восхищен вами, у вас не только чуткое сердце, но и полное отсутствие ума.

— Что ты сказал? — взревел взбешенный Сантэр.

— Сказал, что согласен. Я опишу любое место, пусть даже несуществующее, и умру легкой смертью.

— Не стоит принимать меня за большего дурака, чем я есть на самом деле. Я найду способ разговорить вас и проверить, насколько вы правдивы. Но сначала я должен убедиться, согласны ли вы поделиться со мной своими познаниями.

— Поделиться! Поздравляю вас, вы нашли точное слово, Олд Шеттерхэнд не предаёт друзей и не делится их добром. Как видите, Виннету тоже не хочет ничем поделиться с вами, он даже не произнес ни звука, так как гордость вождя не позволяет ему разговаривать с мерзавцами. Совсем иное дело я: во-первых, я не вождь, а во-вторых, у меня были свои причины побеседовать с вами.

— Причины? Какие?

— Не имеет значения. Вы их узнаете попозже и без меня.

— Ты отказываешься говорить?! — взорвался Сантэр.

— Ну что вы, я готов продолжить беседу на любую тему, кроме Олд Файерхэнда и его тайника. Может быть, поговорим о погоде и видах на урожай?

— Я прикажу связать тебя дугой, как и Виннету.

— Не могу запретить вам сделать этого, потому что не хочу лишать вас удовольствия.

— Ты и не представляешь, в каких мучениях скончаешься!

— Но тогда никто не поможет вам справиться с вашими затруднениями, как вы изволили выразиться.

— Мы найдем тайник и без тебя.

— Разве что вам поможет случай. Но учтите, что если мы не вернемся в условленное время, Олд Файерхэнд заподозрит неладное и перенесет меха в новый тайник, как мы и договорились.

Сантэр умолк, угрюмо глядя вдаль. В задумчивости, словно машинально, он играл ножом, перебрасывая его из руки в руку, пробуя пальцем, как он наточен, но я был спокоен и не поддавался на немые угрозы, так как знал, что негодяй пытается скрыть свою растерянность. Его план трещал по швам.

Конечно, Сантэр ненавидел нас и с удовольствием прикончил бы меня и Виннету, но ему не давали покоя пушные сокровища Олд Файерхэнда, ради которых он готов был поступиться наслаждением мести и отпустить нас на свободу. Пока мы молчали, мы были в безопасности. Поэтому я без волнения ожидал дальнейшего развития событий.

— Значит, ты решил играть в молчанку? — наконец-то удостоил меня взглядом Сантэр.

— Почему? Я ведь сказал, что охотно побеседую с вами.

— А если я тебя убью сейчас же?

— Тем лучше! Я всегда предпочитал быструю езду медленной, так же я отношусь и к смерти. Что толку умирать долго и мучительно, если можно умереть в мгновение ока?

— Ну хорошо! Я заставлю тебя говорить! Сейчас мы проверим, кто из вас двоих лучше переносит боль.

Сантэр решил перейти от слов к делу, подал знак лжепоселенцам, и они оттащили меня под дерево, где лежал Виннету. Пока меня волочили по траве, мне удалось изогнуться и бросить взгляд на куст, где нам вчера удалось заметить глаза Сантэра и куда он сегодня украдкой посматривал. Мои догадки подтвердились: там скрывался человек, который, чтобы лучше рассмотреть происходящее на поляне, выглянул из-за листвы. Мне показалось, что я узнал лицо Роллинса.

Разнообразием нас не баловали: меня, так же как и Виннету, связали дугой и бросили рядом с ним. Мы пролежали так более трех часов, напрягая все силы, чтобы ни единым словом, ни стоном, ни гримасой не выдать своих страданий нашим палачам. Каждую четверть часа Сантэр подходил к нам и спрашивал, не появилось ли у нас желание провести его к тайнику, но мы молчали. Создавалось впечатление, что мы соревнуемся с ним в выдержке и терпении.

Около полудня Сантэр неожиданно подозвал к себе сообщников и принялся шептаться с ними, а через несколько минут произнес нарочито громко, так, чтобы мы могли расслышать его слова:

— Я думаю, он прячется где-то поблизости. Без лошади он не мог далеко уйти. Переройте весь лес, но без него не возвращайтесь. Идите, а я останусь сторожить пленников.

Когда посылают людей на охоту за тем, кто прячется где-то поблизости, вовсе не обязательно объявлять об этом так громко. Сообщники Сантэра взяли оружие и ушли, а Виннету, едва шевеля губами, шепнул мне:

— Догадывается ли мой брат, что сейчас произойдет?

— Да. Они поймают Роллинса и приведут сюда, а потом окажется, что Сантэр обязан ему жизнью.

— И Роллинс станет упрашивать Сантэра отпустить нас на свободу. Все произойдет так же, как и в прекрасных больших домах, которые бледнолицые называют театрами.

— Я уверен, что Сантэр и есть тот торговец пушниной, которого называют Бартоном. Роллинс должен был выведать у нас, где тайник Олд Файерхэнда, но ему это не удалось. Теперь им не останется ничего другого,

как отпустить нас на свободу и последовать за нами, чтобы мы сами привели их к цели. Поэтому Роллинс разыграл побег, чтобы теперь попасться, освободить нас и проникнуть в «крепость».

— Мой брат снова думает так же, как и я. Но почему Сантэр не велел Роллинсу идти с нами до конца, а напал на нас по пути?

— Он очень спешил. Наверняка он был с сиу-окананда, когда они пришли грабить Корнера. Роллинс выходил ночью, но не для того, чтобы позаботиться о лошади, а чтобы сообщить о нас своему главарю. Увидев, что индейцы выкурили с нами трубку мира, Сантэр решил не терять времени и напасть на нас, для чего выслал вперед троих сообщников, а сам поехал сзади с лошадьми. У них не было возможности продумать досконально план, и они понадеялись на легкую работу, рассчитывая, что мы согласимся ценой предательства купить быструю смерть. Но теперь им придется отпустить нас, чтобы тайком последовать за нами.

Пока мы перешептывались, Сантэр сидел на опушке, прислушиваясь к лесным шорохам. Потом вдруг лес огласился криками, раздался выстрел, другой, через несколько минут кусты раздвинулись и перед нами предстали Вартоны, волочившие нелепо брыкающегося и повизгивающего Роллинса.

— Разве я не говорил вам, что он должен быть где-то поблизости? — Сантэр вскочил на ноги и с наигранно-зловещей улыбкой направился к новому пленнику. — Тащите его сюда, сейчас мы посмотрим, что это за птица. Свяжите его так же, как и...

Он неожиданно умолк, словно потрясенный увиденным, а затем стал запинаться от радости:

— Что? Кто это?.. Я не сплю? Ущипните меня! Неужели это вы? Но как? Почему?

Они были неплохими актерами, но уж слишком старательно разыгрывали удивление. Роллинс тоже с изумлением уставился на Сантэра и с радостным криком бросился к нему:

— Мистер Сантэр! Какое счастье! Теперь я в безопасности!

— Так вас зовут Роллинсом? — продолжал лицедействовать Сантэр. — Значит, это вас я вознамерился поймать? Простите меня, ради Бога! Но как вы здесь очутились?

— Работаю приказчиком у Бартона. Вчера отправился по делам с двумя товарищами, но ночью... Стойте, так это вы на нас напали?

Роллинс внезапно, словно пораженный неожиданно пришедшей в голову догадкой, отстранился от Сантэра, которого минуту назад обнимал как друга, с которым не виделся много лет, и переспросил:

— Так это вы напали на нас вчера ночью?

— Но я же не знал, что вы путешествуете с ними! — принялся горячо оправдываться Сантэр.

— Тысяча чертей! Я столько раз спасал вам жизнь, а вы устраиваете на меня охоту, как на зверя!

— Я не узнал вас в темноте. А потом вы сразу же убежали, — развел руками вошедший в роль разбойник.

— Да, убежал, но для того, чтобы затем вернуться и помочь моим друзьям, с которыми я путешествовал. Поэтому я скрывался поблизости в надежде, что улучу удобный момент и... Но что я вижу? Вы их связали! Я немедленно освобожу их!

Он с решительным видом направился к нам, но Сантэр удержал его.

— Стойте, мистер Роллинс! Эти люди — мои смертельные враги! На них-то я и охотился!

— Эти люди — мои друзья! Вы обязаны освободить их!

— Меня не касаются ваши с ними отношения. Они нанесли мне обиду, смыть которую может только кровь. Я долго, выслеживал их, и теперь они в моих руках!

— Да знаете ли вы, кто они такие? Это же Виннету и Олд Шеттерхэнд!

— Именно поэтому они не могут рассчитывать на пощаду!

— Я прошу вас отпустить их на свободу! вспомните, чем вы мне обязаны!

— Я помню это и готов ради вас на все, но только не на это, — упорствовал Сантэр.

— Во время нашей последней встречи вы обещали мне выполнить любую мою просьбу. Отпустите их, и мы квиты!

— Не требуйте от меня невозможного, мистер Роллинс! Попросите о чем-нибудь другом, и я почту за счастье...

— Мистер Сантэр, я хотел бы поговорить с вами наедине, — произнес примирительно Роллинс, взял разбойника под руку и увел в сторону.

Остановившись поодаль, они принялись яростно жестикулировать. Все выглядело вполне достоверно, и, не зная мы истинного положения дел, могли бы попасться на удочку. Так прошло четверть часа. Наконец-то им показалось, что пора переходить к заключительной части представления; негодяи вдвоем приблизились к нам. Лицо Роллинса сияло, Сантэр глядел исподлобья.

— Сам черт оберегает вас, — произнес он тоном человека, совершающего насилие над собой. — Когда-то я поклялся этому джентльмену, что выполню любую его просьбу. Вам повезло как никогда — вы сорвали банк. Он попросил меня освободить вас, и я не могу ему

отказать, не нарушив мое слово. Поэтому я отпускаю вас обоих на все четыре стороны, хотя и знаю, что совершаю самую большую свою глупость. Но отпускаю вас без лошадей и без оружия!

Виннету молчал, я тоже.

— Вы что, проглотили язык? Почему вы не благодарите мистера Роллинса?

Когда и на эти слова не последовало ответа, Роллинс почел своим долгом вмешаться:

— Не знаю, как вы, мистер Сантэр, но если бы я был приговорен к смерти, а затем неожиданно помилован, наверняка потерял бы дар речи. Позвольте, я сам их освобожу, — сказал он, вынимая нож и наклоняясь ко мне, чтобы разрезать путы.

— Оставьте нас, — остановил я его.

— Почему? Разве вы не поняли, что мистер Сантэр отпускает вас на свободу?

— Мы все поняли, но не примем свободы без оружия и лошадей. Все или ничего!

— Неужели вы не понимаете, что подвергаете себя опасности своим упрямством?

— Виннету и я не уйдем без оружия.

— Но вы должны радоваться...

— Не спорьте, мистер Роллинс, — перебил его я. — Вы слышали, что я сказал. Никто не сможет меня переубедить.

— Черт возьми! Я не жалею сил, чтобы освободить вас, а получаю нагоняй, как мальчишка!

Он снова отвел Сантэра в сторону, затем к ним присоединились и Вартоны.

— Мой брат сказал хорошо, — шепнул Виннету. — Они согласятся на наши требования, так как уверены, что сумели провести нас.

Я был согласен с Виннету. Конечно, грабителям пришлось поиграть свои роли еще четверть часа, изображая сомнения, тревоги и даже яростный спор, но в конце концов все они подошли к нам, и Сантэр заявил:

— Сегодня судьба улыбнулась вам. Я знаю, что вы будете смеяться надо мной, но уверяю вас, что последним посмеюсь все-таки я. А теперь послушайте, что мы решили.

Он умолк, выдержал паузу, чтобы придать весомость своим словам, и продолжил:

— На этот раз я отпускаю вас на все четыре стороны и возвращаю все, что вам принадлежит. Но мы оставим вас привязанными к деревьям, чтобы

вы не имели возможности пуститься за нами в погоню. Мы уезжаем туда, откуда прибыли, и берем с собой мистера Роллинса, а к вечеру мы его отпустим, он вернется сюда и освободит вас. Запомните, что вы обязаны жизнью мистеру Роллинсу. Постарайтесь отблагодарить его!

Нас действительно привязали к деревьям, рядом же стреножили наших лошадей, положили к нашим ногам провизию и уехали.

Мы очень долго молчали, прислушиваясь к каждому шороху, из опасения, что Сантэр укрылся рядом и подслушивает нас. Наконец апач заговорил:

— Они прячутся где-то рядом, чтобы пойти по следу за нами. Виннету должен поймать Сантэра. Что мог бы предложить мой брат?

— Сантэр дьявольски хитер, и ему нельзя показывать дорогу к «крепости». Роллинс поедет с нами и по пути будет оставлять знаки для своего главаря. Но мы схватим Роллинса и по его же знакам поедем навстречу Сантэру. Согласен ли мой краснокожий брат с таким планом?

— Хуг! Мой брат стал мудрым воином.

Тот день показался нам вечностью. Наконец, когда уже стемнело, вдаль показался Роллинс. Подъехав к нам на подозрительно свежей лошади, он спрыгнул с седла, разрезал веревки, которыми мы были привязаны к дереву, и принялся жаловаться на Сантэра, который якобы заставил его проделать с ним добрых два десятка миль. Мы сделали вид, что верим каждому его слову, что он действительно наш спаситель, и рассыпались в изъявлениях благодарности.

Мы торопились, поэтому ехали всю ночь. Роллинс тянулся за нами, но, несмотря на темноту, мы видели, как он заставляет лошадь гарцевать, чтобы оставить в траве следы, а на кустах оставляет сломанные ветки. Утром мы остановились у ручья, чтобы напоить лошадей и дать им отдохнуть, а в полдень сделали привал и не торопились в путь, чтобы дать Сантэру возможность подъехать к нам как можно ближе. Рассчитав, что нас разделяет два часа пути, мы решили, что настало время расплатиться с Роллинсом за «услугу».

— Почему мы не трогаемся в путь, джентльмены? Наверное, до «крепости» Олд Файерхэнда не так уж далеко, и мы могли бы сегодня же быть на месте? — нетерпеливо спросил Роллинс.

Ему ответил обычно молчавший Виннету:

— Мерзавцам не позволено входить в вигвам Олд Файерхэнда.

— Мерзавцам? Что хочет сказать вождь апачей?

— Вождь апачей хочет сказать, что ты лжец и негодяй.

— Почему вы так несправедливы ко мне? Ведь я спас вас от

смерти! — воскликнул с возмущением Роллинс. Глазки его сузились и превратились в щелки.

— Спас нас от смерти? Неужели ты надеялся провести меня и Олд Шеттерхэнда? Мы знаем, что Сантэр и есть торговец Бартон и что ты — его сообщник. По пути ты оставлял знаки для шайки, чтобы она могла найти тайник Олд Файерхэнда. Сантэр просил нас отблагодарить тебя. Сейчас ты узнаешь, что вождь апачей умеет воздать по справедливости.

Роллинс не был простаком. Пока Виннету говорил, он медленно отступал назад и вдруг молниеносно вскочил в седло, но в тот же миг я схватил его коня под уздцы, а Виннету уже сидел позади него и держал негодя за шиворот. Считая меня более опасным противником, Роллинс выхватил револьвер и выстрелил в меня, но Виннету не дал ему прицелиться, и пуля пролетела мимо, а в следующее мгновение обезоруженный Роллинс уже лежал на земле. Мы привязали его к дереву теми же ремнями, которыми разбойники стягивали нас накануне, сунули ему в рот кляп и пустились в обратный путь навстречу шайке. Укрывшись в густых зарослях неподалеку от нашего следа, мы приготовились к нападению на тех, кто собирался напасть на нас.

К западу от нас расстилалась равнина, по которой и должна была проехать шайка. Развернув наши лассо, сплетенные из конских волос, и положив рядом взведенное оружие, мы ждали. Нам не о чем было говорить, мы понимали друг друга и без слов, уверенные, что сумеем справиться с Сантэром и его сообщниками.

Так в ожидании прошло не менее часа. Вдруг я заметил на горизонте всадника, мчавшегося бешеным аллюром. Виннету тоже увидел его и вскочил на ноги.

— Уфф! — вскричал он. — Всадник! Он скачет навстречу Сантэру! Мой брат различает масть его лошади?

— Да, это конь Роллинса.

— Роллинса? Как ему удалось освободиться?

Глаза Виннету сверкнули, лицо потемнело от гнева. Но он взял себя в руки и уже спокойно произнес:

— Это невозможно. Подождем еще.

Но прошло еще полчаса, всадник давно исчез из виду, а Сантэр с шайкой все не появлялся. Тогда апач обратился ко мне с просьбой:

— Пусть мой брат сядет на коня и проверит, остался ли на месте Роллинс. Может быть, какой-нибудь индеец сиу украл его лошадь и ускакал.

— А если Сантэр появится, когда меня здесь не будет?

— Виннету сам справится с разбойниками.

Я вывел Сволоу из кустарника, вскочил в седло и помчался туда, где мы оставили Роллинса. Я был там через десять минут, но не нашел ни Роллинса, ни его коня. Еще пять минут ушло у меня на поиски следов. Вернувшись назад, я рассказал обо всем апачу, который уже понял, что Сантэр не появится.

— Куда поехал Роллинс?

— Следы ведут на запад, навстречу Сантэру. Именно его мы и видели на горизонте.

— Но как ему удалось освободиться? Ты видел другие следы?

— Да, видел. С востока приехал всадник и разрезал веревки.

— Может быть, солдат из форта Рондэйл?

— Нет. Следы от огромных мокасин мог оставить только один человек в мире. Это был Сэм Хокенс.

— Уфф! Может быть, мы еще успеем поймать Сантэра, хотя его и предупредили. Пусть мой брат Олд Шеттерхэнд поторопится.

Мы скакали по нашему следу на запад. Виннету молчал, но я чувствовал, что в нем закипает дикая, необузданная злоба. Попадись ему в это время в руки Сантэр, он разорвал бы его на куски.

Солнце уже скрывалось за горизонтом, когда мы напали на след Роллинса, а вскоре добрались до того места, где он встретился с Сантэром и остальными членами шайки. Судя по следам, они стояли там совсем недолго, выслушали Роллинса и тут же повернули коней назад. Уже темнело, и продолжать погоню не имело смысла. Все так же молча Виннету вздыбил своего скакуна и помчался к «крепости». Сантэру снова удалось сбежать, может быть, даже навсегда. Я знал, что Виннету на следующий же день утром пойдет по следу и с упорством охотничьей собаки будет гнать Сантэра, пока один из них не погибнет, но эта погоня могла растянуться надолго.

Уже взошла луна, когда мы въехали в знакомый овраг, и скрытый в зарослях ежевики часовой остановил нас.

— Не обижайтесь, джентльмены, но я вынужден спросить у вас пароль, сегодня мы должны быть внимательнее, чем обычно. Похоже, в окрестностях разбойничают индейцы.

— Что-то случилось? — спросил я.

— Не могу сказать в точности, что именно, но Сэм Хокенс вернулся с охоты озабоченный и собрал всех обитателей крепости.

У костра, в долине, окруженной скалами, сидели Сэм Хокенс, Гарри, Олд Файерхэнд и офицер из форта Рондэйл. Мы направились прямо к ним.

— Слава Богу! Наконец-то вы вернулись, — приветствовал нас Олд Файерхэнд хриплым, дребезжащим голосом. Он сидел у огня и зябко кутался в одеяло, по-видимому, ему нездоровилось после ранения. — Вы нашли торговца пушниной?

— Нашли и потеряли, — ответил Виннету. — Мой брат Хокенс выходил сегодня из крепости?

— Да, — ответил Сэм, ни о чем не догадываясь.

— Знает ли мой белый брат, кто он такой?

— Мне кажется, я вестмен, — недоуменно посмотрел Сэм Хокенс на Виннету.

— Мой брат не вестмен, он старый, выживший из ума бизон! Виннету никогда не доводилось встречать поседевшего воина с такой пустой головой.

Он повернулся к Сэму спиной и ушел, оставив всех присутствующих в изумлении. Они никогда не слышали ни единого резкого слова из уст всегда спокойного, сдержанного апача. Пришлось мне рассказать им о наших приключениях, о старике Корнере и о Сантэре.

Сэм Хокенс рвал себя за седую бороду, ругал обидными словами и никак не мог успокоиться, хотя, если говорить честно, никто и не пытался его успокаивать. Он сорвал с головы парик, принялся топтать его, а под конец бросился на землю и в отчаянии воскликнул:

— Виннету прав, я старый, безмозглый бизон, я не вестмен, я гринхорн и останусь гринхорном до конца моих дней!

— Как могло случиться, что вы освободили Роллинса? — спросил я его.

— Вы лучше спросите, как могло случиться, что я попал впросак. Я услышал выстрел и решил разузнать, кто это шумит в наших лесах. И вдруг увидел человека, привязанного к дереву, а рядом с ним лошадь, чтоб мне лопнуть! Я сначала вынул у него изо рта кляп и спросил, кто он такой и как его угораздило оказаться в столь незавидном положении. Человек сказал мне, что он торговец пушниной и ехал к Олд Файерхэнду, но по пути на него напали индейцы и привязали к дереву.

— Сэм, где были ваши глаза и мозги? — спросил я его. — Неужели индейцы оставили бы ему лошадь? Почему вы не посмотрели на следы возле дерева? Достаточно было одного взгляда на отпечатки копыт Сволоу, чтобы уличить негодяя во лжи.

— Вы совершенно правы, сэр! Старый Сэм совсем ослеп, а мозги его высохли. У меня сегодня неудачный день, самый черный день в моей жизни! Я освободил негодяя и хотел привести его сюда, но он вскочил в

седло и был таков. Я подумал об индейцах и поскорее вернулся домой, даже предупредил часового об опасности, чтоб мне лопнуть! Будь у меня волосы на голове, я бы вырвал их с корнем, клочок за клочком, но у меня их нет. А если испорчу парик, все равно ничего не изменится. Но завтра я пойду по следу мерзавцев и не успокоюсь, пока не прихлопну их по одному. Это говорю я, Сэм Хокенс!

— Мой брат Сэм не сделает этого, — произнес Виннету, тем временем вернувшийся к костру. — Вождь апачей сам пойдет по следу убийцы Ншо-Чи и Инчу-Чуны. Белые братья останутся здесь, чтобы защитить «крепость» и Олд Файерхэнда.

Потом, когда все уже улеглись спать, я пошел искать Виннету. Его конь щипал траву на берегу ручья, а апач лежал рядом, завернувшись в одеяло и глядя в звездное небо. Увидев меня, он встал, взял меня за руку и сказал:

— Виннету знает, почему к нему пришел его любимый брат. Он хочет ехать со мной?

— Да.

— Я благодарен моему брату, но ему придется остаться здесь. Олд Файерхэнд слаб, его сын еще ребенок. Сэм Хокенс постарел, ты сам убедился в этом, а солдаты из форта — чужие нам люди, на них можно положиться только при защите от краснокожих. А если Сантэр ускользнет от меня и появится здесь, они — с них станется — могут взять его сторону. Мне дорог Олд Файерхэнд, защити его ради меня. Ты исполнишь просьбу Виннету?

Мне нелегко было согласиться. Я не хотел расставаться с вождем, но пришлось уступить его настойчивым просьбам. Олд Файерхэнд действительно нуждался в моей помощи больше, чем Виннету. Но все же на душе было тревожно: Виннету один шел в погоню за пятью опасными и безжалостными негодьями.

Утренняя звезда еще ярко горела на небе, когда мы вдвоем покинули «крепость», а к рассвету мы уже добрались до того места, где накануне Роллинс встретил Сантэра и они пустились в бегство. Зоркие глаза Виннету все еще различали их следы.

— Здесь мы простимся, — сказал он, обнимая меня. — Великий Дух опять приказал нам расстаться, но он позволит нам встретиться снова, потому что Виннету и Олд Шеттерхэнд не могут жить вдали друг от друга. Меня гонит вперед вражда, тебя удерживает здесь дружба, но наше кровное братство опять соединит нас. Хуг!

Он выпрямился в седле, громко крикнул, понукая лошадь, и помчался вперед. Его длинные воронова крыла волосы развевались на ветру под

стать конской гриве. Я стоял, глядя ему вслед, пока он не исчез из виду.

Догонишь ли ты врага? Когда мне доведется снова увидеть тебя, мой любимый брат Виннету?..

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)